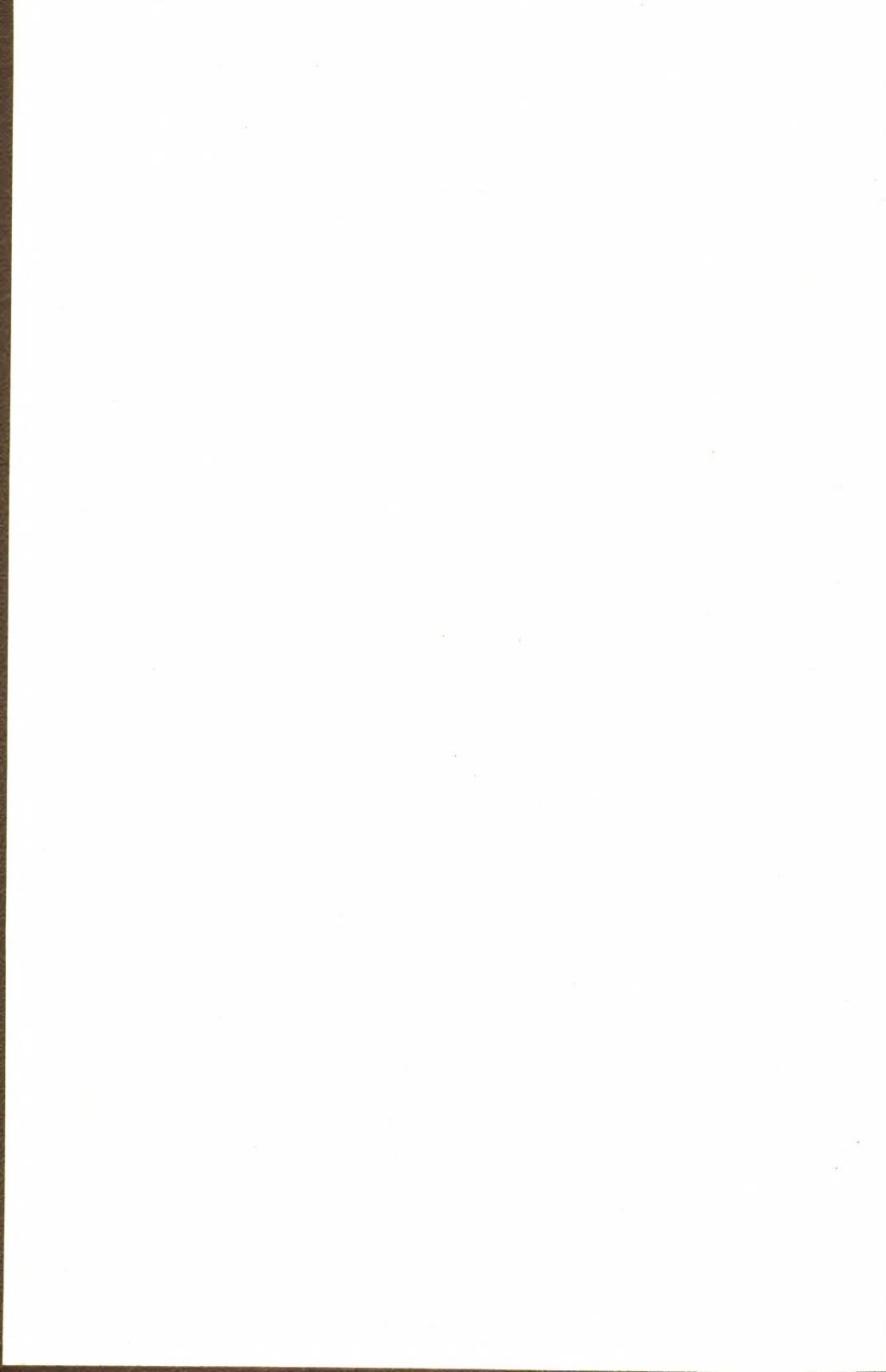
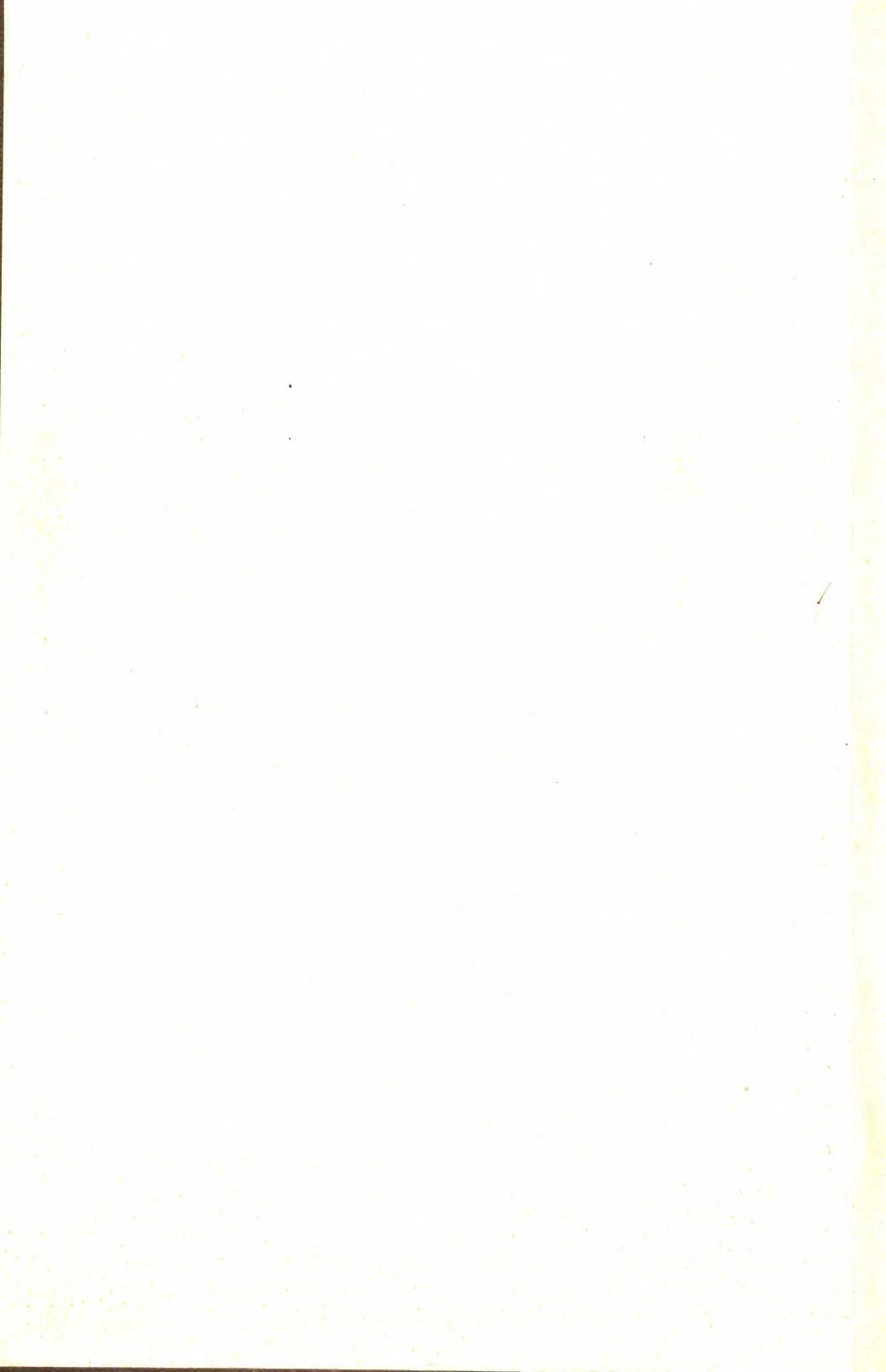

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Советская
историография
Киевской
Руси

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
Ленинградское отделение
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. А. Жданова

Советская историография Киевской Руси

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

В коллективной монографии рассмотрен широкий комплекс исследований по этнической, социально-экономической, политической истории Древнерусского государства, а также работ по истории древнерусского фольклора, литературы и письменности, осуществленных советскими учеными. Показан процесс становления и развития марксистско-ленинского метода в изучении проблем истории Киевской Руси.

Издание рассчитано на историков, археологов, этнографов, фольклористов, литературоведов.

Редакционная коллегия:

В. В. МАВРОДИН (*ответственный редактор*),
Н. Е. НОСОВ, М. Б. СВЕРДЛОВ, И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

С $\frac{10601-594}{042(02)-78}$ 50-78

© Издательство «Наука», 1978

В В Е Д Е Н И Е

Изучение истории Киевской Руси насчитывает не менее одиннадцати веков. Советская историческая наука использовала все то ценное, что было накоплено исследователями до Великой Октябрьской социалистической революции. Но принципиальное ее отличие от дореволюционной дворянской и буржуазной исторической науки заключается в том, что она основана на марксистско-ленинской философии истории — историческом материализме, на трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Исторический материализм рассматривает историю человечества как закономерный процесс смены одной общественно-экономической формации другой.

В отношении восточных славян времена Киевской Руси являлись эпохой смены первобытнообщинных отношений отношениями феодальными.

Употребление термина «феодализм» по отношению к Киевской Руси можно встретить в работах, вышедших задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Применительно к России этот термин встречается в трудах С. Е. Десницкого, В. В. Крестинина, Больтера. О «чудовищном феодализме» в крепостной России, имея в виду господство феодальной знати, писал А. С. Пушкин.¹

Но понятие «феодализм» в дворянской и буржуазной историографии ассоциировалось либо с государственным строем эпохи феодальной раздробленности, с удельной системой, либо с феодальной олигархией, либо, как это имело место в работах Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» (1907 г.) и «Феодализм в удельной Руси» (1910 г.), речь шла главным образом о феодальных юридических институтах. Понятие феодализма как общественно-экономической формации русская дореволюционная историческая наука не знала.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин принципиально по-новому подошли к вопросу о социально-экономическом и государственном строе Киевской Руси.

¹ Пушкин А. С. Записки по русской истории XVIII века. — Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VIII. М., 1958, с. 126.

Анализируя историческое развитие Древней Руси, основоположники марксистско-ленинской теории подходили к нему с точки зрения смены одного общественного способа производства другим. Их прежде всего интересовал вопрос о том, какие общественные отношения господствовали в Киевской Руси, каково было положение непосредственных производителей материальных благ, какова была социальная природа Древнерусского государства.

Для К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина не было сомнений в том, что на заре письменной истории русского народа на обширных просторах заселенной им Восточной Европы возникали, развивались и побеждали феодальные отношения, утверждалась феодальная собственность и феодальные формы господства и подчинения, создавалось феодальное государство.

С конца 40—начала 50-х годов XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс серьезно заинтересовались Россией. 29 июля 1853 г. К. Маркс опубликовал статью «Русский вопрос». В августе 1856 г. в лондонской газете «Free Press» начала печататься и в 1899 г. была издана в Лондоне отдельной книгой работа К. Маркса «Secret diplomatic history of the eighteenth century». К. Маркс конспектировал (после 1870 г.) труды по истории, главным образом «Всемирную историю» Шлоссера и «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (русское издание 1833—1835 гг.). Эти конспекты Ф. Энгельс озаглавил «Хронологические выписки». Если статьи о дипломатии XVIII в. К. Маркс отнюдь не рассматривал как исторический труд и публиковал их в виде памфлета, то свои конспекты он предназначал только для себя, а не для печати. К 1856 г. относится переписка К. Маркса и Ф. Энгельса по поводу «Слова о полку Игореве». В работе «К критике политической экономии» (1859 г.) К. Маркс пишет о кожаных деньгах в Древней Руси. В этих трудах К. Маркса содержится ряд наблюдений и характеристик, относящихся к истории Киевской Руси. Не отрицая пребывания норманнов в Восточной Европе, К. Маркс подчеркивает наличие каких-то договорных отношений между славянской племенной знатью и норманнами, быстрое обрушение последних и стремление киевских князей избавиться от новых отрядов пришельцев — скандинавов. К. Маркс отмечает, что «империя Рюриковичей» в истории Восточной Европы являлась аналогом империи Карла Великого на Западе. Киевскую Русь он определяет как «готическую», т. е. раннесредневековую, указывая, что Владимир являет ее «вершину», а со смертью Ярослава Мудрого начинается «закат готической России», время «многовластия» (после 1054 г.), т. е. период феодальной раздробленности. Специфика раннефеодальной «готической» Руси, по мнению К. Маркса, заключается в том, что сами возникающие феодальные отношения носили примитивный характер и определялись «вассалитетом без ленов (fiefs) или ленами, состоявшими исключительно из дани». К. Маркс подчеркивает роль

Византии в истории Руси, русско-византийские связи и стремление России к Царьграду, длительную борьбу Руси с кочевниками, начало освоения русскими севера Восточной Европы. Внимание К. Маркса привлекли вечевой строй Новгорода и походы русских на Константинополь.²

Мысли, высказанные К. Марксом по поводу Киевской Руси, охватывают различные стороны ее истории и свидетельствуют о живом интересе, проявленном К. Марксом к начальному этапу русской истории.

Ф. Энгельс также уделял внимание социально-экономическим отношениям в Киевской Руси. Он считал «верью» Русской Правды семейной общиной и проследил эволюцию общины в России.³

Большой интерес к вопросам истории Киевской Руси проявлял В. И. Ленин. И это вполне естественно. В. И. Ленин подчеркивал, что с момента своего появления в России марксизм основывается на конкретном анализе истории и действительности.⁴ Борьба с пережитками крепостничества в России является одной из сторон политической деятельности марксистской рабочей партии в России, основанной В. И. Лениным. Этим и объясняется его внимание к крепостничеству как общественно-экономической формации, к истории крепостной России ab ovo.

Этот интерес проявился очень рано, еще в период подготовки к экзаменам за университет. В 1891 г. на экзамене по истории русского права, который производился экзаменационной комиссией под председательством известного знатока истории русского права, автора «Русских юридических древностей» В. И. Сергеевича, В. И. Ленин отвечал на вопрос о «несвободных». При ответе следовало остановиться на обельных холопах Русской Правды и полных, докладных и кабальных холопах XVI—XVII вв. За свой ответ В. И. Ленин получил высшую оценку.⁵

Начиная с работы «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов», вышедшей в 1894 г., и кончая лекцией «О государстве», опубликованной в 1919 г. В. И. Ленин в ряде своих трудов обращался к вопросам истории Киевской Руси. Древней Русью В. И. Ленин считал Русь до эпохи Московского царства. Причем сама эпоха Древней Руси может быть разделена на два периода: 1) Киевская Русь, начало русской государственности, времена Русской Правды и 2) период «средневековой раздробленности», когда на Руси существовали отдельные княжества и земли, «живые следы прежней автономии» которых

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 238; т. 13, с. 99; т. 29, с. 46; Архив Маркса и Энгельса, т. V. M., 1938, с. 41—43, 77—81, 189, 199; Маркс К. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 75—77, 86.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 61—62, 140.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 411.

⁵ Сладкович Н. Г. В. И. Ленин и Петербургский университет. — Вестник ЛГУ, 1960, № 8.

сохранились еще в «эпоху московского царства».⁶ Под «родовым бытом», «родовыми семьями» В. И. Ленин подразумевал отнюдь не те представления, которые господствовали во второй половине XIX в. в исторической и юридической литературе. В. И. Ленин имел в виду родовой строй или кланы, как называл он позднее родовой строй, родовое общество в своей работе «Государство и революция» (1917 г.).⁷

В. И. Ленин подчеркивал, «если можно было говорить о родовом быте», то это относится лишь к эпохе «Древней Руси», к киевскому периоду истории России. При этом он не считал возможным говорить о господстве в те времена родового строя, так как эпоха родового строя имела место лишь в доисторические времена, когда совершенно отсутствовали мелкие, раздробленные семьи.⁸

В. И. Ленин указывал, что государство «возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы».⁹ Временем начала деления общества восточных славян на классы он считал IX в.: «...крепостничество может удержать и веками держит миллионы крестьян в забитости (например, в России с IX по XIX век...)».¹⁰ В. И. Ленин ставил знак равенства между понятиями «феодализм» и «крепостничество».¹¹ При этом в отличие от Н. П. Павлова-Сильванского он считал, что при характеристике господствующих социальных отношений следует прежде всего иметь в виду «основные экономические черты порядка, а не юридические формы», «политические, юридические и др. порядки».¹²

Раскрывая сущность социальных отношений в Киевской Руси, в работе «Развитие капитализма в России» (1899 г.) и в статье «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе» (1907 г.) В. И. Ленин говорил об отработочной ренте, о смердах и их закабалении.

Именно XI век, времена Русской Правды, В. И. Ленин считал периодом утверждения на Руси феодальных отношений.¹³ Он решительно отверг попытки «легального марксиста» П. Н. Скворцова подвергнуть критике его утверждения относительно феодальной природы Руси времен Русской Правды.¹⁴

Работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, в которых подвергаются анализу социальные явления и исторические события эпохи Киевской Руси, имеют большое значение для советских историков.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153; т. 24, с. 144.

⁷ Там же, т. 33, с. 12.

⁸ Там же, т. 1, с. 153.

⁹ Там же, т. 39, с. 69.

¹⁰ Там же, т. 25, с. 237.

¹¹ Там же, т. 1, с. 247, 446; т. 6, с. 314—315; т. 22, с. 155.

¹² Там же, т. 1, с. 342, 522.

¹³ Там же, т. 3, с. 199, 314; т. 15, с. 131.

¹⁴ Там же, т. 3, с. 628.

Конечно, достижения марксистско-ленинского анализа истории Киевской Руси не были использованы в исторической науке Советской России сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Борьба за утверждение исторического материализма в качестве философской, методологической основы исторической науки была упорной, напряженной и длительной. В первые годы Советской власти университетская и академическая историческая наука, особенно в той ее части, которая касалась проблем древнерусской истории, в значительной степени еще стояла на старых позициях, далеких от марксизма-ленинизма. Историки-марксисты в 20-е годы занимались в первую очередь изучением истории России XIX—XX вв., эпохи капитализма и империализма, революционного движения, революции 1905—1907 г., Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. и Великой Октябрьской социалистической революции. В 20-е годы исследование вопросов истории Киевской Руси советские историки лишь начинали. Поиски решения ряда важнейших проблем начальной истории русского народа и государства велись еще на ощупь, нередко со старых методологических позиций, и разработка этих проблем находилась в руках исследователей, чьи взгляды сформировались до Октябрьской революции.¹⁵ Далеко не все историки пользовались методологией исторического материализма, нередко путая его с экономическим материализмом. Не все работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, в которых затрагивались вопросы истории Киевской Руси, стали известны исследователям в первые годы Советской власти. Так, например, работа В. И. Ленина «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе», написанная в марте 1907 г., была напечатана только в 1925 г.

Д. Б. Рязанов в 1918 г. в книге «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса (Историко-критический этюд)» использовал отрывки из труда К. Маркса «Secret diplomatic history of the eighteenth century», но лондонским изданием 1899 г. Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. А. Пархоменко и др. стали пользоваться лишь во второй половине 30-х годов.

«Хронологические выписки» К. Маркса частично опубликовал в 1936 г. журнал «Большевик» (№ 24), но полностью они вышли лишь в 1938 и 1946 гг. в V и VIII томах «Архива Маркса и Энгельса».

Общий подъем науки в СССР, распространение марксистской философии истории, выход в свет и изучение произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, принятие представителями старшего поколения историков основных положений исторического материализма, подготовка историков-марксистов в Ком-

¹⁵ Общую характеристику советской историографии 20-х—первой половины 30-х годов см.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV. М., 1966.

мунистической академии, Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), университетах и в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) сыграли решающую роль в развитии советской исторической науки. Представители старшего поколения историков все больше и больше внимания стали уделять социальным категориям населения Киевской Руси, торговле, классовой борьбе.

Это отметил виднейший историк-коммунист М. Н. Покровский, считавший научную деятельность А. Е. Преснякова, Б. Д. Грекова «показателем стихийной тяги к марксизму русских историков буржуазного происхождения».¹⁶ Так, например, в неопубликованной статье «Феодализм в России» А. Е. Пресняков писал: «Ранний период феодализации общественных отношений, сущность которого в переходе отношений дружинных в феодальные, выступает на русской почве даже отчетливее, чем на Западе».¹⁷

В 1926 г. выходит статья А. Е. Преснякова «Задачи синтезаprotoисторических судеб Восточной Европы»,¹⁸ а в 1929 г. — работа Б. Д. Грекова «Революция в Новгороде Великом в XII веке».¹⁹

Уже в 1925 г. С. В. Юшков опубликовал статью с весьма выразительным названием «Феодальные отношения в Киевской Руси».²⁰

Постепенно овладение марксистско-ленинской теорией обусловило значительные успехи в изучении Киевской Руси, что нашло отражение в трудах советских историков 30-х годов.

Большое значение имели работы Б. Д. Грекова, посвященные истории Киевской Руси: его доклад «Рабство и феодализм в Киевской Руси» (1932 г.), «Начальный период в истории феодализма» (1933 г.), «Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне» (1933—1934 гг.).²¹ Эти труды утвердили в советской исторической науке взгляд на Киевскую Русь как на феодальное общество и государство на ранней стадии своего развития.

Огромное значение в развитии науки отечественной истории имели Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. об историческом образовании, а также публикация в «Правде» от 27 января 1936 г. «Замечаний по поводу конспекта учебника по истории СССР» И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова, в которых отмечалось, что «в конспекте свалены

¹⁶ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов, т. II. М.—Л., 1933, с. 307—308.

¹⁷ Архив ЛОИИ АН СССР, А. Е. Пресняков (ф. 193), № 8, л. 1.

¹⁸ Яфетический сборник, т. V, 1926.

¹⁹ Учен. зап. РАНИОН, 1929, т. 4.

²⁰ Учен. зап. Саратовского ун-та, 1925, т. 3, вып. 4.

²¹ ВАН СССР, 1933, № 7; ИГАИМК, 1934, вып. 72, вып. 86.

в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьянство еще не было закрепощено».²²

Проблема сущности и хронологических рамок дофеодального периода породила обширную литературу. Почти одновременно было принято постановление Комитета по делам искусств при СНК СССР по поводу пьесы Демьяна Бедного «Богатыри», опубликованное в «Правде» от 14 ноября 1936 г.²³ Постановление указывало на огромное значение русского устного народного творчества, в частности былин Киевского цикла, в истории русской культуры и осуждало нигилистически-пренебрежительное отношение к фольклору, к киевскому периоду русской истории. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г., публикация связанных с ним материалов явились стимулом для дальнейшего развития исторической науки и освобождения ее от абстрактных социологических схем. На необходимость изучения конкретных исторических явлений и событий В. И. Ленин обращал внимание еще в своем письме М. Н. Покровскому, датированном 5 декабря 1920 г., в котором он рекомендовал снабдить «Русскую историю в самом сжатом очерке» «хронологическим указателем», «чтобы не было *верхоглядства*, чтобы знали факты».²⁴

Советские историки развернули свои исследования, положив в основу деятельности принцип историзма, — «...смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило».²⁵ Мы не рассматриваем эти исследования во введении, так как им посвящена вся работа.

В годы Великой Отечественной войны труды советских историков, в которых освещалось наше героическое прошлое, служили делу воспитания чувства советского патриотизма.

Начальная история славян вообще и восточных славян в частности не может быть оторвана от проблемы этногенеза, от языкоznания. Проведенная «Правдой» в 1950 г. дискуссия по вопросам языкоznания помогла преодолеть господство «нового учения» о языке Н. Я. Марра, тормозившего исследования начального периода славянского этногенеза и образования древнерусской народности.

К концу 40-х—началу 50-х годов относится издание обобщающих трудов «История культуры Древней Руси», «Очерки истории СССР», выход в свет фундаментальных исследований Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, С. В. Юшкова, М. К. Каргера, М. Н. Тихомирова, И. И. Смирнова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, Б. А. Романова и др.

²² К изучению истории. М., 1946, с. 21—23.

²³ Против фальсификации народного прошлого. М.—Л., 1937, с. 3—4.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 24. — Письмо В. И. Ленина М. Н. Покровскому впервые опубликовано в журнале «Архивное дело» (1928, № 4).

²⁵ Там же, т. 39, с. 67.

Новый этап в изучении истории Киевской Руси начинается со второй половины 50-х годов, после исторических решений XX съезда партии, когда во всех областях исследования истории Древнерусского государства определился непрерывный количественный и качественный рост.

Нетрудно заметить, что периоды развития историографии Киевской Руси совпадают с периодизацией советской исторической науки: 1917 г.—первая половина 30-х годов; вторая половина 30-х годов—первая половина 50-х годов; вторая половина 50-х годов — по настоящее время.

Это является следствием того факта, что историография Киевской Руси — часть советской исторической литературы и на ее развитие влияли одинаковые причины. Вместе с тем на современном этапе изучение истории Древней Руси возможно лишь в комплексе. Комплексное исследование является результатом совместной работы историков и археологов, языковедов и этнографов, антропологов и искусствоведов, фольклористов и литературоведов. В каждой из указанных областей знания в результате внутренних закономерностей развития историографии и влияния на нее марксистско-ленинской методологии периодизация может отклоняться от установленных основных периодов развития советской исторической науки вообще и Киевской Руси в частности. Поэтому авторы разделов, посвященных отдельным темам исторического и источниковедческого анализа, имели возможность определить внутреннюю периодизацию различных отраслей знания для лучшей систематизации историографических фактов и истории идей. В главах, посвященных отдельным областям исторической науки, также возможны отклонения от общей периодизации, что вызвано спецификой материала и проблематики.

Предлагаемое читателям исследование является, с одной стороны, анализом советской исторической литературы, посвященной одному из периодов истории СССР, и в этом смысле оно исследует общие закономерности развития историографии. С другой стороны, ограничение темы литературой, посвященной лишь одному из периодов истории СССР, позволяет, во-первых, определить круг научных дисциплин, способствующих комплексному изучению избранного исторического периода, во-вторых, выявить всю совокупность историографических фактов и установить их связь в научных направлениях и школах. Данная работа — историографическое исследование, и поэтому она посвящена изучению методологии историко-философских концепций, анализу конкретной исследовательской методики научных направлений, наконец, установлению историографических фактов — отдельных монографий или серий исследований и определению их значения в решении исторических проблем.

Авторский коллектив не стремился указать всю существующую литературу — это свело бы исследование к аннотированной библиографии. Вместе с тем авторы широко приводят многочис-

ленные исследования советских авторов, особенно в тех случаях, когда отсутствуют обстоятельный историографические обзоры и специальные библиографии. Это позволяет показать все богатство, разнообразие советской исторической литературы, посвященной истории Киевской Руси.

Решение двуединой задачи, указанной выше, позволяет надеяться, что данная работа будет способствовать дальнейшему изучению советской исторической литературы и одновременно представит интерес для специалистов в историографическом жанре как первый опыт анализа литературы, различной по конкретному изучаемому материалу и значительно отличающейся по методике исследования, но содержащей позитивные знания о Киевской Руси, ее генезисе, экономических, социальных, политических отношениях в Древнерусском государстве. Книга может быть руководством для всех интересующихся древнерусской историей или одной из ее областей.

Целью данной работы является анализ путей развития советской исторической науки в области изучения истории Киевской Руси в целом. Термин «Киевская Русь» взят как условное обозначение Древнерусского государства вначале с реальной столицей Киевом, а в период феодальной раздробленности — с Киевом как символом исторического и общерусского единства. Этот термин рассматривается авторским коллективом как эквивалент понятий «Древняя Русь», «Древнерусское государство», он сохранен как дань уважения к высшим достижениям предшествующей советской историографии в работах Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова и других исследователей и до настоящего времени широко используется в советской историографии.²⁶ Тематически изучаемая литература рассматривает историю Киевской Руси начиная с этногенеза восточных славян и начальных экономических, социальных, политических и этнических процессов, в результате которых сложилось Древнерусское государство. Поэтому труды по этногенезу восточных славян должны были быть включены в историографическое исследование. Верхней хронологической границей данного периода является канун татаро-монгольского нашествия. Этот рубеж принят при отборе литературы и в данном сочинении. Лишь в силу длительности и непрерывности социальных процессов, развития эпоса и литературного творчества, а также длительных исторических тенденций, которые невозможно искусственно ограничить 1240 г., авторы данной книги рассматривали исследования, посвященные проблемам, выходящим за условно обозначенные хронологические границы.

Важнейшим достижением советской историографии является утверждение и развитие тезиса, согласно которому Киевская Русь была колыбелью всех трех братских восточнославянских нар-

²⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь. — В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, М., 1966, и др.

дов — русского, украинского и белорусского. «Русский, украинский и белорусский народы ведут свое происхождение из единого корня — древнерусской народности, создавшей Древнерусское государство — Киевскую Русь, — подчеркивается в «Тезисах к 300-летию воссоединения Украины с Россией». — Постепенно из единой древнерусской народности образовались три братские народности — русская, украинская и белорусская с присущими им особенностями языка, культуры и быта. Несмотря на все исторические превратности и великие испытания, русский, украинский и белорусский народы сохранили и пронесли через века сознание единства происхождения, близости языка и культуры, сознание общности своей судьбы».²⁷

Для изучения поставленных в исследовании проблем рассмотрена советская литература, вышедшая с 1917 г. до начала 70-х годов. Авторский коллектив надеется, что данная книга позволяет подвести итоги большого пути советской историографии важного периода истории СССР и наметить пути ее дальнейшего развития. В историографических работах большое значение имеет анализ публикаций источников и литературы, посвященной источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам и сопредельным наукам, позволяющим глубже изучить проблемы восточнославянского этногенеза, политического становления и социально-экономического развития Древнерусского государства, а также исследований по культуре и искусству в Киевской Руси. В соответствии с планом работы в области советской историографии Киевской Руси авторский коллектив подготовил особое исследование, посвященное историографии источниковедения, изучению и публикациям Русской Правды, актов и берестяных грамот, которые тесно связаны с анализом работ по истории социально-экономических отношений в Киевской Руси, а также исследования и издания западноевропейских, восточных и византийских источников, содержащих информацию прежде всего об истории политических, торговых и культурных контактов Руси с Византией, европейскими и восточными государствами IX—XIII вв.

В связи с публикацией специальных библиографий и развернутых историографических обзоров по темам, затронутым в монографии, авторский коллектив в некоторых случаях указывает лишь фамилии исследователей, разработавших данные вопросы, не приводя библиографию их работ.

---

²⁷ Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). М., 1954, с. 5.

Формирование древнерусской народности

ЭТНОГЕНЕЗ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Одной из важнейших проблем истории Древнерусского государства является проблема формирования того этнического массива, из которого выросла и развились древнерусская народность — создатель экономики, социально-политических институтов и культуры Киевской Руси. Важность этой проблемы стихийно осознавалась уже первыми русскими историками — летописцами XI—XII вв. Именно ими была разработана первая этническая концепция возникновения древнерусской народности, содержавшая два коренных положения, которые не утратили своего значения до наших дней: первое — о родстве и единстве всего славянского мира и второе — об исходной миграции с запада славянских племен, составивших активное ядро Древнерусского государства.

В старой русской исторической науке наиболее разработанная схема ранних этапов сложения древнерусской народности была создана крупнейшим историком и лингвистом буржуазного периода А. А. Шахматовым. Работа А. А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени», заключавшая в себе наиболее концентрированное изложение его взглядов по данной проблеме, была издана в 1919 г. Не только по своему содержанию, но и по времени выхода в свет она явилась итоговой; в ней был изложен комплекс представлений о древнейшем этапе формирования славяно-русской народности, сложившийся в отечественной науке к началу XX в.

Сущность этногенетической схемы А. А. Шахматова сводилась к следующему. Восточнославянская, или русская, «ветвь» выделилась из общеславянской племенной группы, которая в свою очередь выделилась из индоевропейской общности. Летописные восточнославянские племена образовались в результате раздробления единой общерусской «ветви», «одного общего этнического ствола». Последний был, по мысли А. А. Шахматова, известен византийцам под названием «анты». Территорию общеславянской прародины А. А. Шахматов определял в бассейне Вислы, откуда во второй половине IV в. в связи с нашествием гуннов часть славян мигрировала в Припять, а затем к Дунаю, где «расщепилась» на словен и антов. Анты заняли лесостепь между Днестром и Донецким бассейном, где они и оставались до аварского на-

шествия в середине VI в. и даже позднее — до VIII—начала IX в. Удар, нанесенный аварам Карлом Великим в Паннонии, привел к их перемещению в области, занятые антами, следствием чего явилась новая миграция славян-антов, выразившаяся в виде расселения по Восточной Европе летописных племен, из которых образовались «три русские народности».¹

Таким образом, «древнейшие судьбы русского племени» представлялись А. А. Шахматову в виде ряда миграций скрепленной лишь относительным языковым единством аморфной этнической массы, которая рассматривалась им вне зависимости от условий материального производства и социального развития. Это идеалистическое по своей сущности толкование этногенеза восточных славян вызвало в 20—30-е годы в молодой советской науке резко отрицательное отношение. Наиболее четко оно было сформулировано А. Е. Пресняковым.

Разделявший до середины 20-х годов взгляды А. А. Шахматова на историю восточнославянского этногенеза А. Е. Пресняков в дальнейшем под влиянием историко-лингвистических изысканий Н. Я. Марра и построенных на основе данных археологии трудов М. И. Ростовцева и Ю. В. Готье дал исчерпывающее определение недостатков индоевропеистской лингвистической позиции А. А. Шахматова и сформулировал новый метод комплексного историко-археолого-лингвистического подхода к проблеме восточнославянского этногенеза.² Небольшая статья А. Е. Преснякова не получила широкой известности и по существу потонула в потоке этноглottогонических работ Н. Я. Марра и его последователей. Тем не менее именно в его статье нашли наиболее яркое отражение стремления передовой русской исторической мысли 20-х годов разрушить «барьер IX столетия», слить «исторический» и «доисторический» периоды в жизни Восточной Европы, представить ее историю в виде единого целостного процесса и, главное, обнаружить источники прогрессивного развития культуры ее древних обитателей.

В 20-е годы зародилась и почти на три десятилетия заняла господствующее положение в области изучения этногенеза народов Восточной Европы этнолингвистическая концепция Н. Я. Марра. Ни сам Н. Я. Марр, ни его ближайшие ученики не создали монографического изложения процесса славянской этногонии. Концепция школы Н. Я. Марра в области восточнославянского этногенеза представлена в серии работ, посвященныхprotoисторическим судьбам Восточной Европы. Работы Н. Я. Марра, непосредственно затрагивающие проблему восточнославянского этногенеза, были созданы в основном в первой половине — середине 20-х годов.

¹ Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

² Пресняков А. Е. 1) Задачи синтеза protoисторических судеб Восточной Европы. — ЯС, Л., 1926, V; 2) Ср.: Взгляд А. А. Шахматова на древнейшие судьбы русского племени. — РИЖ, Л., 1925, кн. VII.

Н. Я. Марр выступает как активный противник индоевропеизма в языкоznании с формальной, по его мнению, генеалогической систематизацией языков. Он противник «миража славянского „братства“ и славянского „праязыка“»,³ даже близость русского и украинского языков ставилась им под сомнение.⁴ Он критикует попытку возводить «вопрос о племенном составе русского народа... к славянскому единству».⁵ В отличие от индоевропеистов Н. Я. Марр категорически отрицает ведущую роль миграций в народотворческом процессе. Он признает миграцию классов, но не народа в целом.⁶

В отношении русского языка (и соответственно этноса, — А. Г.) Н. Я. Марр утверждает, что «он... образовался... на той территории, где он впервые выступает исторически; он... образовался из доисторического населения Европы, повсеместно яфетического».⁷ Русский язык трактуется Н. Я. Марром как индоевропеизированный славянский язык, а славянский язык — как «сколотский», т. е. скифский и сарматский, которые, по мнению Н. Я. Марра, были яфетическими языками.

Среди работ современников и последователей Н. Я. Марра следует особо выделить статьи В. А. Бrima, И. И. Мещанинова и С. Н. Быковского,⁸ сконцентрировавших в значительной степени разбросанные в разных работах Н. Я. Марра его идеи по поводу этногенеза восточных славян. Так, развивая мысли Н. Я. Марра о существовании в Восточной Европе яфетического пласта, В. А. Brim возводил к этому пласту этнонимы «анты» и «русь», полагая, что сохранение этих этнонимов у исторических славян свидетельствует о включении древнейших яфетических групп Восточной Европы в состав индоевропейского русского этноса. С. Н. Быковский пришел к выводу о том, что предки восточных славян — «протославяне» могут быть обнаружены в недрах скифского мира, и высказывал предположение, что «одним из предков позднейших славян» были тавры. В другой своей работе он обосновывал мысль Н. Я. Марра о доскифском этапе славянской истории в Восточной Европе. Эта работа называлась очень ярко — «Яфетический предок восточных славян — киммерийцы».⁹

³ Марр Н. Я. Яфетические зори на украинском хуторе. — Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, с. 248.

⁴ Там же, с. 266.

⁵ Марр Н. Я. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. — Избранные работы, т. V, с. 47.

⁶ Марр Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы... — Избранные работы, т. V, с. 315.

⁷ Марр Н. Я. Чуваш-яфетиды на Волге. — Избранные работы, т. V, с. 333.

⁸ Brim В. А. 1) Племенное название «анты». — ЯС, 1927, V; 2) Происхождение термина «русь». — В кн.: Россия и запад. I. Пгр., 1923; Мешанинов И. И. Кромлехи у славян. — СГАИМК, 1931, № 7; Быковский С. Н. К вопросу о трех древнейших центрах Руси. Вятка, 1928.

⁹ Быковский С. Н. Яфетический предок восточных славян — киммерийцы. — ИГАИМК, 1931, т. VIII, вып. 8—10.

Таким образом, в течение 20-х годов в молодой советской науке созрела концепция восточнославянского этногенеза, представлявшая антитезис концепции А. А. Шахматова. Обе концепции базировались главным образом на данных лингвистики. Однако, несмотря на то что сам Н. Я. Марр ограничивался в основном лингвистическим материалом, его работы открывали путь к синтезу археологии, истории, этнографии и лингвистики с целью реконструкции хозяйствственно-социальных и социально-идеологических реальностей там, где его предшественники видели лишь абстрактные этнографические категории. Новым в концепции Н. Я. Марра было отражавшее дух времени стремление применить марксистский диалектический метод анализа исторического процесса к исследованию вопросов этногенеза. Но Н. Я. Марр, как это вскрыла дискуссия по вопросам языкоznания, проведенная в 1950-е годы, не усвоил диалектическую сущность марксистской философии и попытался законы общественного развития распространить на явления глottогонии, понимая язык как надстроичное явление. И тем не менее после работ Н. Я. Марра трактовка процессов этногенеза как суммы перемещений «этнически чистых» племен и народностей, скрепленных только языковым единством без учета их конкретного социально-экономического и культурного развития, стала невозможной.

При характеристике взглядов на древнейший период истории восточных славян, которые бытовали в 20-е годы, было бы неверным ограничиваться только взглядами А. А. Шахматова и Н. Я. Марра. Правда, в обобщающих исторических трудах М. Н. Покровского, В. И. Пичеты, Н. А. Рожкова, которые появились в эти годы, начальный этап русской истории — этногенез восточных славян сводился по существу к миграции славян из Прикарпатья и расселению их по Восточно-Европейской равнине, т. е. повторялась в основном схема А. А. Шахматова. Вместе с тем в эти годы появился ряд работ, значение которых в историографии проблемы восточнославянского этногенеза не может быть не отмечено. Среди них прежде всего следует назвать серию лингвистических очерков А. И. Соболевского,¹⁰ в которых была развита гипотеза славянского этногенеза, синтезированная в себе элементы автохтонизма и миграционизма. Прародина современных славян, по его мнению, — берега Балтики, где произошли столкновение и ассимиляция древнего славяно-балтского языка и одного из наречий скифского языка (по А. И. Соболевскому, скифы-иранцы заселяли не только степи, но и лесные районы Восточной Европы). В области образования славянского праязыка лесные скифы были автохтонами по отношению к балто-славянам. А. И. Соболевский был склонен их рассматривать как потомков

¹⁰ Соболевский А. И. 1) Русско-скифские этюды. — ИОРЯС за 1921 г., 1923, т. XXVI; там же, за 1922 г., 1924, т. XXVII; 2) Третье русское племя. — ДАН, серия В, Л., 1929, № 4.

киммерийцев (по его мнению, тоже народ иранской языковой ветви). Концепция А. И. Соболевского в историографическом плане представляет безусловно интерес как аналог поискам и исследованиям Н. Я. Марра.

В решении проблем восточнославянского этногенеза археология в 20-х годах по существу не принимала участия, несмотря на то что старой русской археологией был накоплен значительный вещественный материал. Обзор этого материала и программа дальнейших археологических исследований, призванных решить спорные вопросы этнической истории Восточной Европы, были намечены А. А. Спицыным в статье «Археология в темах начальной русской истории».¹¹

Статья А. А. Спицына содержала краткий перечень основных фактов, добытых археологией, и давала определение проблем, поднятых этими фактами. В отношении древней истории славян А. А. Спицын оказался на позиции миграционистов. Время славянской миграции А. А. Спицын определял VIII—IX вв., причину миграции видел в нападке германцев, норманнов, аваров. Он не разделял точки зрения А. А. Шахматова о тождестве восточных славян и алан.

А. А. Спицын в 20-е годы, как и в ряде своих дореволюционных работ, пытался проложить путь от археологии к истории с целью сделать археологические материалы полноправными источниками по истории бесписьменных эпох в Восточной Европе. Путь к археологии искали в то же время лингвисты и историки. Широко, но не очень удачно использовал археологические источники А. И. Соболевский. Значительно удачнее это сделал Ю. В. Готье.¹² Труд Ю. В. Готье явился первой попыткой написать историю Восточной Европы, используя не только данные письменных источников, но и данные археологии. При этом Ю. В. Готье оказался в значительной зависимости от используемой им археологической информации и ее интерпретации, порой весьма противоречивой. В трактовке проблемы восточнославянского этногенеза Ю. В. Готье оказался между индоевропеистской миграционистской концепцией А. А. Шахматова и автохтонистской позицией украинского археолога В. В. Хвойки, труда которого «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура с доисторических времен»,¹³ впоследствии оказавший заметное влияние на ряд советских исследователей истории древнейшего славянства, был впервые широко использован при создании общей концепции восточнославянского этногенеза.

¹¹ Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922.

¹² Готье Ю. В. 1) Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Л., 1925; 2) Железный век в Восточной Европе. Л., 1930.

¹³ Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура с доисторических времен. Киев, 1913.

Общая схема славянской ранней истории у Ю. В. Готье почти не отличается от схемы А. А. Шахматова. Историко-лингвистические изыскания Н. Я. Марра никоим образом не затронули исторических представлений Ю. В. Готье. Восточные славяне — это, по Ю. В. Готье, «несомненно» потомки антов, которые начиная с VII в. распространяются с той территории, которую они заселили после раскола славянского единства. Территория, откуда в VII в. начали расселяться анты, — это область, с севера ограниченная Западной Двиной, а с востока Днепром. На западе их земли упирались в Карпаты. На этой территории славяне жили «с незапамятных времен». Вслед за В. В. Хвойкой Ю. В. Готье связывал поля погребений с антами, но вместе с тем он отмечал (и это следует подчеркнуть), что «предположение о едином племени, олицетворяющем культуру погребальных полей, встречает непреодолимые трудности на пути к своему признанию... Вопрос открыт, в нем много загадочного, и при теперешнем состоянии наших знаний он не может быть решен в утвердительном смысле».¹⁴

Значение труда Ю. В. Готье в исследовании ранних этапов этнической истории Восточной Европы переоценить трудно. Ему принадлежит осуществление синтеза истории и археологии, построение единой схемы исторического развития страны и населяющих ее народов с глубокой древности до времени Киевской Руси.

30-е годы ознаменовались дальнейшим сближением археологии и истории. Постепенно к концу 30-х—началу 40-х годов «монополия» на разработку проблемы восточнославянского этногенеза и ранней этнической истории славян полностью перешла к археологам. Ведущим археологическим учреждением страны в то время являлась ГАИМК, возглавлявшаяся с момента ее основания Н. Я. Марром и сохранявшая влияние Н. Я. Марра и его яфетической теории до конца 40-х годов. Вполне естественно, что та многообразная археологическая информация, которая стекалась в течение 20—30-х годов в ГАИМК, интерпретировалась в ее стенах чаще всего в соответствии с основными положениями так называемого «учения Н. Я. Марра».

В стенах ГАИМК в начале 30-х годов произошло окончательное оформление яфетической теории Н. Я. Марра как теории стадиальности этносоциального процесса в Восточной Европе в отличие от лингвистической яфетической теории. Наиболее рельефно эта теория была изложена в работах В. И. Равдоникаса.¹⁵ Сущность этой теории заключалась в утверждении синхронности этапов этнического (языкового) и социального развития.

¹⁴ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе, с. 16.

¹⁵ Равдоникас В. И. 1) Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. — ИГАИМК, 1932, вып. XII; 2) О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. — Там же, 1934, вып. 103.

В связи с началом подготовки первого советского издания «Истории СССР» ГАИМК (преобразованная в 1936 г. в ИИМК) во второй половине 30-х годов интенсифицировала работу по изучению восточнославянской этнической истории.¹⁶ К 1940 г. коллектив сотрудников ИИМК подготовил под редакцией М. А. Артамонова изданный в 1941 г. сборник работ по этногенезу восточных славян, которым должна была открываться серия публикаций материалов по этой проблеме, накопленных в предшествующие годы.¹⁷

В сборнике проблемам восточнославянского этногенеза в широком плане были посвящены три статьи — И. И. Ляпушкина, М. А. Тихановой и П. Н. Третьякова. Подготовительный этап работы над сборником нашел отражение в ряде статей, написанных его авторами в предшествующие годы.

И. И. Ляпушкин посвятил свою работу проблеме движения славян на юго-восток, к Дону и Тамани.¹⁸ Постановка этой проблемы после многочисленных статей В. А. Пархоменко, утверждавшего существование особой юго-восточной антской Руси (20-е годы), и работы В. В. Мавродина, стремившегося с позиций яфетической теории поддержать тезис о раннем заселении юго-востока славянами и русью (30-е годы) (см. с. 189—190 настоящего издания), была весьма актуальной. И. И. Ляпушкин пришел к выводу, что граница славянских поселений до конца IX—X столетий не выходила за пределы лесостепи и лишь после крушения Хазарского каганата славяне утвердились в пунктах, которые в предшествующий период являлись крупными торговыми и военно-стратегическими поселениями на юго-востоке.

Работа М. А. Тихановой была посвящена проблеме выявления раннеславянской археологической культуры на юго-западе восточнославянской ойкумены — в западных областях Украины.¹⁹ М. А. Тиханова пришла к выводу, что на территории западных областей Украины в первые века нашей эры не происходило резкой смены населения. Культура первых столетий (липицкая) сменилась здесь культурой IV—V вв., которая, по мнению М. А. Тихановой, может быть сопоставлена с культурой поздних полей погребений Среднего Поднепровья (т. е. черняховской культурой, — А. Г.), причем в принадлежности последней местному славянскому населению М. А. Тиханова не сомневалась.

Данная работа М. А. Тихановой, явившаяся по существу первым в советской литературе детальным разбором археологических источников первых веков нашей эры, происходящих из тех областей, которые на основании письменной традиции определялись

¹⁶ История СССР (макет). М.—Л., 1939.

¹⁷ МИА, 1941, № 6.

¹⁸ Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, 1941, № 6.

¹⁹ Тиханова М. А. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. — МИА, 1941, № 6.

как вероятные земли славянской прародины (в широком понимании), имела большое значение для дальнейшего развития представлений о начальном этапе славянской истории. Положения о принадлежности славянам памятников черняховской культуры, ее поздней датировке, дающей основание для вывода о непосредственном перерастании этой культуры в культуру Киевской Руси, мысль о принадлежности поздних форм этой культуры антам и об ее автохтонности и т. п. в послевоенные годы были широко восприняты молодой тогда еще украинской археологией и активно отстаивались вплоть до начала 70-х годов.

Столь же значительные последствия для дальнейшего развития этногенетических взглядов советских археологов имела работа П. Н. Третьякова.²⁰ По объему затронутых в ней материалов и характеру их изложения она далеко выходила за пределы поставленной в заглавии темы «Северные восточно-славянские племена». По существу это была программа большого исследования, которое в дальнейшем и было осуществлено П. Н. Третьяковым. Сущность концепции П. Н. Третьякова заключалась в следующем.

В Восточной Европе исторически сложились три культурно-хозяйственных комплекса: лесной — северный, лесостепной — юго-западный (включая Поднепровье и территории на запад до Карпат), степной — юго-восточный, охватывающий земли в Приазовье. На севере сложились племенные группы, которые «являлись предками северных славянских, финских и лято-литовских племен». Северные славянские племена возникли на неоднородной основе, но к середине — концу I тыс. н. э. «на всем пространстве от Волхова до Среднего Поднепровья, включая сюда верховья Волги и Оки, установился весьма однородный характер культуры во всех ее материальных проявлениях, доступных изучению по археологическим памятникам».²¹ Характеризуя процесс этногенеза в юго-западной зоне, П. Н. Третьяков по существу принял позицию В. В. Хвойки о непосредственной генетической связи средневековых славян Поднепровья с культурой полей погребений, а последней — с культурой скифов-земледельцев.²² Вместе с тем в южных областях славянской культуры П. Н. Третьяков обнаружил следы, принесенные с севера, на основании чего сделал вывод о продвижении славян по Левобережью и Правобережью в Среднее Поднепровье во второй половине I тыс. н. э. П. Н. Третьяков писал, что его концепция противоречит «утверждениям индоевропейской славистики, согласно которым история восточного славянства связывается преимущественно с движением на север, вверх по Днепру и далее на Волгу и в Приильменье».²³ Он говорит о миграции славян к югу и приводит два фактора, объясняющих эту

²⁰ Третьяков П. Н. Северные восточно-славянские племена. — МИА, 1941, № 6.

²¹ Там же, с. 21—22.

²² Там же, с. 11.

²³ Там же, с. 34.

миграцию: во-первых, рост земледельческой техники северных племен и как следствие поиск плодородных земель и, во-вторых, стремление принять участие в разгроме Римской империи, жажда грабежа и обогащения. Аналог такой миграции П. Н. Третьяков обнаруживает на западе в истории древних германцев.

Что касается собственно восточнославянских племен, названных в «Повести временных лет», то П. Н. Третьяков полагал, что это были племенные союзы, многие из которых представляли этнически обособленные группы, связанные своими корнями с эпохой рода-племенных отношений.

Концепция П. Н. Третьякова зависела от теории стадиальности, господствовавшей в ГАИМК—ИИМК в 30-е годы. Вместе с тем работа П. Н. Третьякова, как, впрочем, и другие статьи сборника, свидетельствовала о некотором отходе археологов ИИМК в конце 30-х годов от чисто лингвистической позиции самого Н. Я. Марра.

В конце 30-х годов были закончены «Киевская Русь» Б. Д. Грекова, «История СССР» (макет), подготовленный ИИМК, «Очерки истории Левобережной Украины» В. В. Мавродина, появились посвященные этнической истории восточных славян работы Н. С. Державина, Б. А. Рыбакова, А. В. Мишулина. Самым значительным трудом, оказавшим наибольшее влияние на сложение представлений о начальном периоде восточнославянской истории в 40—50-е годы, явилась монография Б. Д. Грекова, где впервые проблема славянского этногенеза выступила в тесной органической связи с проблемами экономического и социального развития Киевского государства. Б. Д. Греков широко использовал фактические данные и этногенетические построения археологов. Каждая новая редакция книги дополнялась новыми фактами, почерпнутыми из археологического арсенала.

Этногенетическая позиция Б. Д. Грекова была в основе своей ярко автохтонистской. В ней наиболее полно проявился синтез трех направлений в исследовании восточнославянского этногенеза — направления, ведшего свое происхождение от старой русской антиформалистской школы Д. И. Иловайского—И. Е. Забелина, направления, основанного на археологическом материале Среднего Поднепровья, восходящего к работам В. В. Хвойки, и направления, возникшего на основании яфетической теории Н. Я. Марра. Общей платформой для всех трех направлений являлось признание автохтонности славян в Восточной Европе в максимально широких формах начиная с неолита.

Касаясь проблемы восточнославянского этногенеза и ранних этапов этнической истории восточных славян, Б. Д. Греков на первый план постоянно выдвигает вопрос о культурной, а не чисто этнической преемственности.²⁴ Он стремится подчеркнуть столь важную для раскрытия общей цели его исследования мысль

²⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 35—37, 376—383.

о том, «что вся предшествующая Древнерусскому государству общественная и политическая жизнь народов юга нашей страны связана с последующими событиями, развернувшимися на той же территории».²⁵

Представления Б. Д. Грекова о процессе восточнославянского этногенеза были исключительно близки взглядам Б. А. Рыбакова, ранние работы которого в значительной степени способствовали окончательному оформлению этногенетической позиции Б. Д. Грекова.

Уже в своей первой крупной работе, посвященной, казалось бы, частному вопросу, истории племени радимичей,²⁶ Б. А. Рыбаков определенно выступил против миграционистских концепций А. А. Шахматова. Он переносит центр тяжести в этногенетическом исследовании с летописного материала на археологический. Племя радимичей, подобно близким по культуре племенам вятичей и северян, возникло, полагает Б. А. Рыбаков, вследствие распадения этнографического единства, существовавшего до IX в. на тех же местах, где летописец фиксирует эти племена. Причину распадения этого единства Б. А. Рыбаков видит в развитии экономических и социальных отношений, которые привели к началу формирования обособленных племен. Здесь же Б. А. Рыбаков высказывает мысль о том, что период существования единого этнического массива, включавшего будущие летописные племена, совпадает с периодом распространения археологических памятников, отнесенных А. А. Спицыным к древностям антов.²⁷

В большой серии последующих работ Б. А. Рыбаков развивает и детализирует многие из этих положений. Метод картографирования, широко примененный Б. А. Рыбаковым при исследовании этногенетической проблемы, привел его к заключению, что «почти во все исторические эпохи в пределах исторических границ восточного славянства постоянно выделяется один и тот же район в качестве устойчивого географического целого», и таким районом является Среднее Приднепровье.²⁸

Среднеднепровскую культуру III—VII вв., характеризующуюся высоким уровнем специализированного ремесла, экономического и социального развития населения Б. А. Рыбаков определяет как культуру племени полян. Они являлись ядром антского племенного союза, который особенно усилился в VI в., в период интенсивного движения приднепровских антов на юг, в Византию. Анты, полагает Б. А. Рыбаков, — это те восточнославянские племена, которые занимали «широкую лесостепную полосу от правого берега Днепра до Дона, объединенную не только однородностью природных условий, но и общностью материальной куль-

²⁵ Там же, с. 429.

²⁶ Рыбаков Б. А. Радзімічы. — Працы сэктii археолёгii, т. 3, Менск, 1932.

²⁷ Там же, с. 127—137.

²⁸ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне. — СЭ, 1947, № 6—7, с. 98.

туры в VI—VIII вв.²⁹ Антскому периоду предшествует период IV—V вв., который характеризуется культурой полей погребальных урн (черняховская культура), представляющей вещественные остатки венедов. Б. А. Рыбаков стремится, используя памятники материальной культуры «венедского» и «антского» периодов, связать историю Среднего Приднепровья, Киевщины и Поросья «в один непрерывный процесс от первых веков нашей эры до расцвета Киевской Руси». Б. А. Рыбаков отмечает «точки соприкосновения культуры Киевской Руси со скифским миром» и подчеркивает, что «историю русских приднепровских областей следует начинать с глубокой древности».³⁰

В 50-е годы работа Б. А. Рыбакова, направленная на изучение долетописного периода истории восточных славян, интенсивно продолжалась.³¹ Итог этим исследованиям был подведен в написанном Б. А. Рыбаковым для «Очерков истории СССР (III—IX вв.)» разделе «Предпосылки образования Древнерусского государства».³²

На новом этапе работы над проблемой ранней этнической истории восточных славян Б. А. Рыбаков широко включает в исследование критический анализ и реконструкции летописных текстов, восточных источников, анализ топонимики, этнографии и ономастики. В центре его внимания теперь ядро антского союза — племя русь. Открытие восточнославянского племени русов, воссоздание его политической и социальной истории и составляет содержание нового этапа этногенетических исследований Б. А. Рыбакова. Б. А. Рыбаков полагает, что племя русь возглавило среднеднепровский союз славянских племен и дало этому союзу свое имя, которое постепенно по мере расширения гегемонии русов распространялось на остальные славянские группы Восточной Европы.

Б. А. Рыбаков намечает три исторических этапа этнического развития восточного славянства: первый — сложение русского племенного союза, охватившего племена Приднепровья и лесостепную полосу (VI—VII вв.), второй — расширение племенного союза и образование государства (VIII—IX вв.) и третий — объединение восточнославянских племен в одну народность (X—XII вв.).

Цикл работ, публикация которых началась в конце 30-х годов и завершилась в 60-е годы, привел Б. А. Рыбакова к созданию целостной и стройной концепции ранних этапов этнической истории восточного славянства. Б. А. Рыбакову удалось пробить

²⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 79.

³⁰ Там же, с. 117.

³¹ Рыбаков Б. А. 1) Древние русы. — СА, 1953, т. XVII; 2) Начало русского государства. — Вестник МГУ, 1955, № 4—5; ВИ, 1952, № 9.

³² Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958, с. 738—878. — См. также: Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964.

брешь в «барьере IX в.», разделявшем письменный и бесписьменный периоды русской истории, и, связав воедино вещественные и письменные памятники, нарисовать впечатляющую картину этнической истории восточного славянства в течение I тыс. н. э.

Одна из первых попыток построить на базе разнородных источников целостную концепцию этногенеза и ранних этапов этнической истории восточных славян принадлежит также В. В. Мавродину.³³

Концепция В. В. Мавродина, в целом представлявшая последовательное воплощение в области славянской этнической истории этногенетических взглядов Н. Я. Марра, подобно развивавшимся одновременно концепциям М. И. Артамонова и П. Н. Третьякова, была в основных ее чертах автохтонистской, хотя В. В. Мавродин не отрицал роли переселений и миграций в процессе формирования этносов. Этногенетическая позиция В. В. Мавродина заключалась в положении, что «каждое современное этническое образование является продуктом чрезвычайно сложного процесса схождения и слияния, дробления и распада, перерождений и переселений, скрещений и трансформаций разнообразных этнических, т. е. языковых, расовых и культурных элементов».³⁴

Проследив начиная с III тыс. до н. э. процесс формирования славянского этноса, В. В. Мавродин приходит к весьма существенному выводу, что этногенез славянства распадается на ряд этапов, отличающихся между собой тем, что каждый последующий этап имел место во времена более высокого развития производительных сил, производственных отношений, быта и культуры, что и определяло более совершенную стадию этнического объединения. В. В. Мавродин, характеризуя главную линию славянской этнокультурной традиции, которую он начинает в среде неолитических племен Европы, на каждом последующем этапе стремится вскрыть процесс «превращения различных племен, родственных друг другу или неродственных, протославянских или ставших славянами лишь с течением времени, в славянские».³⁵

Говоря о концепции В. В. Мавродина 30—40-х годов, следует отметить, что в его работах середины 40-х годов уже ощущается отход от сковывающего влияния яфетического учения Н. Я. Марра. Многие положения этногенетической позиции В. В. Мавродина близки к домарровским концепциям старой русской исторической школы. Соединение с ними новейших археологических данных, представленных в трактовке М. И. Артамонова и П. Н. Третьякова, находившихся под сильным влиянием марров-

³³ Мавродин В. В. 1) Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. — Учен. зап. ЛГПИ, 1938, т. XI; 2) Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940; 3) Образование Древнерусского государства. Л., 1945; 4) Древняя Русь. Л., 1946.

³⁴ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства, с. 10.

³⁵ Там же, с. 34.

ского «учения», придавало в целом стройной концепции В. В. Мавродина некоторую эклектичность. Главным стержнем этногенетической концепции В. В. Мавродина являлось столь отличное от старого идеалистического понимания проблемы этногенеза представление о взаимосвязи этнического развития общества и его экономического и социального прогресса. Такое понимание проблемы представляло наиболее ценное завоевание советской исторической школы в области этнической истории.

Разработке теории этногенетического процесса и конкретно разработке проблемы восточнославянского этногенеза в 40-е годы большое внимание уделял А. Д. Уdal'цов.³⁶

Основным источником этногенетических изысканий А. Д. Уdal'цова являлись произведения греко- и латиноязычных писателей, богато насыщенные данными по этнонимике, топонимике и ономастике окружающих античное Средиземноморье варварских народов и племен. При анализе этих данных А. Д. Уdal'цов всецело руководствовался основными идеями Н. Я. Марра, его этногенетическая позиция представляла позицию сторонника крайнего автохтонизма. У истоков этногенеза индоевропейцев, равно как и семито-хамитов и урало-алтайцев, А. Д. Уdal'цов вслед за Н. Я. Марром помещал «яфетические племена с древней языковой общностью», которые «трансформировались» в индоевропейцев в ходе многочисленных «языковых скрещений», «взрывов», смены «стадий».

Областью славянского этногенеза А. Д. Уdal'цов считал обширную территорию от Среднего Дуная и Одера до верховьев Волги и Оки, на которой в древнейшие исторические времена обитали «наполовину еще яфетиды, наполовину индоевропейцы», иллирийцы, фракийцы, венеты, сколоты (скифы) и другие племена. Эти племена, скрещиваясь друг с другом в процессе общественно-исторического развития, «мало-помалу давали начало единой славянской народности с местными особенностями». «Раньше всего ядро протославянской народности складывается на территории Украины и Белоруссии, в бассейне Среднего Днепра и Припяти».³⁷ В создателях трипольской культуры, в скифах (сколотах и паралатах), алазонах, неврах и других известных античным авторам племенах он усматривает протославян. Этническое сближение южной антской ветви восточного славянства с северной (словено-кривичской) и средней (венетской) привело, по его мнению, к сложению восточнославянской народности.³⁸ Взгляды

³⁶ Уdal'цов А. Д. 1) Начальный период восточнославянского этногенеза. — ИЖ, 1943, № 11—12; 2) Теоретические основы этногенетических исследований. — ИАН СССР, серия истории и философии, 1944, т. I, № 6; 3) К вопросу о происхождении индоевропейцев. — КСИЭ, 1946, т. I; 4) Племена Европейской Сарматии. — СЭ, 1946, 2; 5) Основные вопросы этногенеза славян. — Там же, 1947, VI—VII, и др.

³⁷ Уdal'цов А. Д. Основные вопросы этногенеза славян, с. 5—7.

³⁸ Там же, с. 7—8, 12—13.

А. Д. Уdal'цова оказывали в 40-е годы заметное влияние на работы многих исследователей, в том числе Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродина, П. Н. Третьякова, М. И. Артамонова.

Одним из наиболее последовательных продолжателей этногенетических взглядов Н. Я. Марра в 40-е годы являлся Н. С. Державин.³⁹ В целом Н. С. Державин развел взгляды, чрезвычайно близкие к изложенным выше взглядам А. Д. Уdal'цова. Так, в книге «Происхождение русского народа» он прямо утверждает преемственность земледельческих племен Скифии от протославян — носителей трипольской культуры. В Среднем Поднепровье, по его мнению, «начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века... жил один и тот же в основном народ».⁴⁰

Влияние лингвистической концепции Н. Я. Марра на разработку проблемы восточнославянского этногенеза, как следует из вышеприведенного материала, до конца 40-х—начала 50-х годов еще сильно сказывалось на этногенетических построениях ряда советских историков. Не всегда это влияние проявлялось в последовательно мариристской схеме восточнославянского этногенеза, как в работах А. Д. Уdal'цова и Н. С. Державина, чаще исследователи включали в схему исторического развития раннего славянства только те или иные отдельные положения, заимствованные в ортодоксально мариристских сочинениях.

Пересмотр теоретических основ трактовки процесса этногенеза произошел в советской науке после организованной в 1950 г. газетой «Правда» дискуссии по вопросам языкоznания. Стихийно проявлявшееся до этого недоверие к яфетической теории, выражавшееся, в частности, в весьма сдержанном отношении к ее положениям таких исследователей, как Ю. В. Готье, А. А. Спицын, Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков и др., в ходе диспутов, прошедших в основных научно-исследовательских центрах страны в течение 1950—1951 гг., переросло в твердую убежденность в ее идейной несостоятельности. Выявление немарксистской метафизической сущности «учения Н. Я. Марра» поставило под сомнение истинность тех этногенетических построений и схем, которые возникли на теоретической основе этого «учения». Стремление разобраться в ошибочных положениях этногенетической позиции Н. Я. Марра выразилось в начале 50-х годов в ряде сборников и статей, посвященных анализу и критике старых концепций.⁴¹ Особое значение для развития дальнейших исследований в области славянского этногенеза имели решения XX съезда КПСС, стимулировавшего

³⁹ Державин Н. С. 1) Об этногенезе древних народов Днепровско-Дунайского бассейна. — ВДИ, 1939, I; 2) История Болгарии, т. I. М.—Л., 1945; 3) Славяне в древности. М.—Л., 1945; 4) Происхождение русского народа. М., 1944, и др.

⁴⁰ Державин Н. С. Происхождение русского народа, с. 16.

⁴¹ Против вульгаризации и извращения марксизма в языкоznании. Сб. статей. М., 1951, т. I; Против вульгаризации марксизма в археологии. Сб. статей. М., 1953.

развитие творческой энергии и научного поиска во всех областях знаний.

На рубеже 40—50-х годов на территории исторического Древнерусского государства широко развернулись археологические исследования, тематическая направленность которых определилась под непосредственным влиянием этногенетической концепции Б. А. Рыбакова, поддержанной Б. Д. Грековым. Наряду с изучением древнерусской культуры киевского периода большое внимание в эти годы было уделено изучению двух культурно-хронологических комплексов — зарубинецкой и черняховской культур, которые, по представлениям большинства исследователей тех лет, должны были дать характеристику раннего этапа формирования восточнославянской этнической общности. Поиски новых археологических источников, их исследование и первая научная интерпретация составили содержание нового периода в исследовании проблемы восточнославянского этногенеза, начавшегося на рубеже 40—50-х годов.

В течение десятилетия был накоплен значительный материал, получивший отражение в многочисленных сообщениях, публикациях и статьях. Новый материал и переосмысление старых данных в свете этого материала привели к разрушению, казалось бы, полностью утверждавшегося в 40-е годы представления о славянстве зарубинецкой и черняховской культур и об их преемственности. С открытием новых памятников черняховской культуры все больше ощущался хронологический разрыв между нею и подлинно славянскими памятниками периода образования Древнерусского государства, все более выявлялось формально-типологическое различие между черняховскими и подлинно славянскими древностями. Вместе с тем по мере изучения поднепровских культур скифского времени и памятников зарубинецкой культуры все меньше оказывалось сторонников их генетической взаимосвязи. Освященная марковской этногенетической схемой, концепция длительного автохтонного развития восточного славянства на территории Восточной Европы стала постепенно терять своих сторонников.

Конец 50-х—начало 60-х годов ознаменовались новыми археологическими открытиями. Важнейшими из них, с точки зрения славянской этнической истории, бесспорно следует признать открытие славянских памятников VI—VII вв., к которым типологически восходят подлинно славянские памятники киевского периода. Вторым важнейшим достижением нового периода было отчетливо проявившееся стремление археологии и лингвистики к новому сближению, которое наметилось после выхода в свет монографий Ф. П. Филина,⁴² В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева⁴³ и Б. В. Гор-

⁴² Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962.

⁴³ Топоров В. Н. и Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

нунга.⁴⁴ Очищенные от наносов марризма, археология и лингвистика впервые пошли в ногу, равно помогая друг другу и дополняя друг друга в общем деле реконструкции древнейшей истории славян.

Насколько сложен был отход от концепции типеравтохтонности конца 30—40-х годов, прекрасно иллюстрирует развитие этногенетических взглядов П. Н. Третьякова, одного из крупнейших советских исследователей проблемы восточнославянской этнической истории, начальный этап работы которого освещен выше.

Разработка этногенетической позиции П. Н. Третьякова продолжалась в течение 40-х годов. Ее раскрытию была посвящена вышедшая в 1948 г. научно-популярная книга П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена». Эта книга несла в себе значительные пережитки марристских этногенетических построений, которые вызвали резкую критику в период дискуссии по проблемам языкоизнания.⁴⁵ Во втором, значительно расширенном, издании книги, вышедшем в 1953 г., П. Н. Третьяков попытался пересмотреть некоторые положения, но в целом его позиция осталась почти неизменной.

В конце 40-х—начале 50-х годов, привлекая материалы польских и чешских археологов (что свидетельствовало об установлении творческого содружества между учеными славянских социалистических стран), П. Н. Третьяков продолжает вести полемику со сторонниками прикарпатской прародины славян и миграции в Восточную Европу. Он подчеркивает, что формирование протославян шло на обширной территории от Вислы до Среднего Днепра и процесс этот восходил к культуре «шнуровой керамики» и даже земледельческо-скотоводческим племенам энеолита. В I тыс. до н. э., по мнению П. Н. Третьякова, уже складывался раннеславянский этнический массив, делившийся на три части: западную (Висла и Одер), северную (верховья Днепра) и юго-восточную (Средний Днепр, Побужье, Поднестровье). Потомки славян северной и юго-восточной частей области раннего славянства в будущем составили ядро древнерусской народности. Предков восточных славян П. Н. Третьяков был склонен искать среди некоторых племен Скифии (скифы-пахари, скифы-земледельцы, невры, меланхлены и др.). Непосредственными потомками их явились создатели культуры полей погребений, в славянской принадлежности которой он тогда не сомневался и которая, по его мнению, непосредственно смыкалась со средневековым славянством. Зарубинецкая и черняховская культуры являлись двумя этапами развития культуры славян, причем с III по VII в. н. э. шел процесс классового расслоения и возникали «первые побеги славян-

⁴⁴ Горнунг Б. В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.

⁴⁵ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953; Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953; Мавродин В. В. [Рецензия]. — СЭ, 1954, № 3.

ской государственности» склавинов и антов. П. Н. Третьяков отрицает расселение восточных славян на север и указывает на обратный процесс — продвижение с севера на юг.

В период Балканских войн восточные славяне — анты заселили восточную часть Балканского полуострова. П. Н. Третьяков считает, что росы «в это время оставались в тени», пребывая на Днепре и к востоку от него. Они составляли вторую (первая — анты, — А. Г.) волну «вступающего в политическую историю восточного славянства». П. Н. Третьяков полагает, что восточные славяне «Повести временных лет» являлись обширными племенными объединениями, конфедерациями племен, «примитивными народностями или народцами».⁴⁶

В основу периодизации этногенеза славян П. Н. Третьяков ставит принцип социально-экономической обусловленности этногенного процесса, что соответствует материалистическому пониманию исторического процесса в целом. Книга П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» содержала целостную концепцию славянского этногенеза. Вместе с предшествовавшими ей статьями⁴⁷ она оказала большое влияние на развитие археологической науки и на тематическую направленность археологических исследований в РСФСР, на Украине, в Белоруссии и Молдавии.

Дальнейшее развитие концепции П. Н. Третьякова нашло отражение в наиболее концентрированной форме в монографиях «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» и «У истоков древнерусской народности». За период, прошедший с начала 50-х годов, взгляды П. Н. Третьякова претерпели заметную эволюцию, отражающую те изменения, которые за этот срок произошли в целом в отрасли славистики, изучающей ранние этапы этнической истории. Новый этап ознаменовался увеличением и качественным изменением археологического материала, совершенствованием методики исследования, возвращением к широкому использованию данных лингвистики. Все это означало начало этапа комплексного решения проблемы и в определенной мере свидетельствовало об утрате веры во всемогущество археологического метода.⁴⁸

На новом этапе П. Н. Третьяков признал основные положения сравнительного языкоznания о существовании «индоевропейской общности» и миграцию индоевропейских племен в III—II тысячелетиях до н. э. из Юго-Восточной Европы. Корни славянского

⁴⁶ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 14, 65—67, 109—110, 128, 142, 150—151, 156—158, 215, 227—228, 258—260.

⁴⁷ Третьяков П. Н. 1) Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. — ИАН СССР, серия истории и философии, 1945, т. II, № 3; 2) Восточнославянские племена в свете археологических исследований последних лет. — КСИИМК, 1946, вып. 13; 3) Археологические памятники древнерусских племен. — Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1949, № 13.

⁴⁸ Третьяков П. Н. 1) Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 190—191; 2) У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 20—21.

этногенеза восходят к пастушеским племенам, носителям культуры шнуровой керамики, выделившимся из «индоевропейской общности», — таков теперь его взгляд на начальный период славянской истории.

Территория древнейшего славянского языкового единства (I тыс. н. э.) очерчивается им теперь на основании лингвистических материалов в виде широкой полосы, идущей от Среднего Днепра по Северному Прикарпатью через бассейн Верхней Вислы до верховьев Одера. П. Н. Третьяков отказался от признания черняховской культуры славянской. Древнейшей археологической культурой, представлявшей ранних славян на территории Восточной Европы, он считает только зарубинецкую культуру.⁴⁹ Зарубинецкие племена вначале (II в. до н. э.) продвигались от Верхнего Днестра и Среднего Днепра на север и северо-восток, в Заднепровье, на Двину и Сож, а затем, после гибели черняховской культуры, разгромленной гуннами, начали движение на юг, в область Южного Буга, Нижнего Дуная и в районы Днепровского лесостепного левобережья. Их культура и является культурой антов, представленной памятниками типа Корчак—Пеньковка.

Археологические материалы третьей четверти I тыс. н. э., по мнению П. Н. Третьякова, свидетельствуют не только о проникновении ранних славян на юг, но также и о продвижении отдельных славянских групп в области, заселенные их северо-западными и восточными соседями: балтами и финно-уграми, которые по мере притока славянского населения подвергались ассимиляции.

П. Н. Третьяков особое внимание уделяет доказательству положения о том, что на всех доступных современному исследованию этапах формирования древнерусской народности шел активный процесс ассимиляции славянами неславянских этнических групп в Восточной Европе.⁵⁰ Ядром древнерусской народности П. Н. Третьяков считает продвинувшиеся в Среднее Поднепровье из южных областей позднезарубинецкой культуры «группировки» полян, северян и уличей, которые образовали союз, охвативший территорию, названную впоследствии Русской землей. Кто были древние русы, этот вопрос П. Н. Третьяков считает открытым.

Этногенетическая концепция П. Н. Третьякова и изложенная выше концепция Б. А. Рыбакова, несмотря на то что многие их положения были гипотетичны и спорны и неоднократно подвергались коррекции со стороны самих авторов, имели важное значение для развития этногенетических исследований в советской славистике. Они определили основные темы, через разработку которых можно было прийти к решению проблемы восточнославянской этногенезии: «славяне и ираноязычный скифо-сарматский

⁴⁹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне..., с. 219.

⁵⁰ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 153.

мир», «славяне и зарубинецкая культура», «славяне и черняховская культура», «анты и их культура», «анты и русы» «русы и летописные племена» и др.

Разрушение представлений об автохтонности восточного славянства, господствовавших в 30—40-е годы, которое началось во второй половине 50-х годов, шло по двум направлениям. С одной стороны, интенсивно размывались представления о славянстве зарубинецкой и черняховской культур, с другой стороны, шло накопление информации о достоверно славянских древностях. Высказывалось мнение об отличии зарубинецкой и пшеворской культур. Славянская принадлежность последней также была поставлена под сомнение. Были выявлены локальные группы зарубинецкой культуры и ее связь с культурой поморской.⁵¹

Представление о славянстве черняховской культуры, разделявшееся до середины 50-х годов абсолютным большинством исследователей, было основательно поколеблено в последующее десятилетие. В 1955 г. против славянской этнической принадлежности «черняховцев» выступил М. И. Артамонов, до того считавший черняховскую культуру славянской.⁵² В 1957 г. была опубликована работа М. А. Тихановой, которая обратила внимание исследователей на неоднородность палеоэтнографических признаков в рамках черняховской культуры и выделила в ней несколько этнокультурных групп.⁵³ Постепенно возникло представление о том, что черняховская культура покрывает разноэтничный массив, состоящий в основном из племенных групп, не имеющих генетической связи с культурой средневекового славянства. Вместе с тем следует отметить, что в течение 60-х годов на позициях славянства черняховской культуры оставался Б. А. Рыбаков.⁵⁴ Славянство черняховской культуры и ее непосредственную генетическую связь с культурой славянских памятников VI—

⁵¹ Кухаренко Ю. В. 1) К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — СА, 1960, № 1; 2) Памятники железного века на территории Полесья. — САИ, Д1—29, 1962; 3) Зарубинецкая культура. — Там же, Д1—19, 1964; Мачинский Д. А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — КСИА, 1966, вып. 107; см. также: МИА, 1959, № 70; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвилья. — МИА, 1970, № 163. — Некоторые исследователи продолжали настаивать на генетической связи зарубинецкой культуры с культурой населения лесостепи скифского времени. См.: Тереножкин А. И. 1) К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. — СА, 1955, вып. XXIV; 2) Предскифский период в Днепровском правобережье. Киев, 1961.

⁵² Артамонов М. И. 1) Происхождение славян. Стенограмма публичной лекции. Л., 1950; 2) Славяне и Русь. — Тезисы докладов по секции ист. наук. Научная сессия 1955—1956 гг. Л., 1956.

⁵³ Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры. — СА, 1957, № 4.

⁵⁴ Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян. — СА, 1962, № 4.

VII вв. продолжали активно отстаивать Э. А. Сымонович, Е. В. Махно, В. Д. Баран, А. Т. Смиленко и ряд других авторов.⁵⁵

В конце 50-х годов были обнаружены поселения и могильники VI—VIII вв., которые перекрыли хронологическую пропасть между «черняховцами» и славянами VIII—X вв., так как связать типологически черняховскую культуру с культурой VIII—X вв., по мнению большинства исследователей, оказалось невозможно. Это так называемые памятники типа Корчак, аналогичные памятникам с керамикой, условно названной керамикой пражского типа. На территории Восточной Европы эти памятники были открыты в Днепровском правобережье, на Южном Буге, на Днестре, на южных притоках Припяти и по Десне. Славянская принадлежность восточноевропейских памятников типа Корчак ни у кого не вызывает сомнений, поскольку эти памятники исторически и типологически смыкаются с подлинно славянской древнерусской культурой IX—X вв. Типологическая близость памятников типа Корчак на огромной территории, охватывающей Балканы, Центральную и Восточную Европу, естественно, опять поставила перед исследователями вопрос: где находилась та область, которая была местом формирования столь однородной и мощной культуры? Единство культуры (хотя оно признано и не всеми археологами) вновь возвратило науку к проблеме общей славянской прадориды.⁵⁶

Накопление новых археологических источников и дискуссии по вопросу об их интерпретации, проходившие во второй половине 50-х—первой половине 60-х годов, подготовили почву для новых обобщений. Наметились три формы отношения к новому положению вещей и три направления в решении проблем ранней этнической истории восточного славянства. Ряд исследователей попытались сохранить старые, ставшие традиционными взгляды и оценки, используя для этого новые данные и новое соотношение отдельных групп материала. Они сохранили в неприкословенности убежденность в том, что носителями черняховской культуры были славяне-анты, поступательное этносоциальное развитие которых в Среднем Поднепровье привело в итоге к возникнове-

⁵⁵ МИА, 1962, № 82; 1964, № 116.— В обоих сборниках широко приведена литература по этому вопросу. См. также: КСИА, 1970, вып. 121.

⁵⁶ Славяне накануне образования Киевской Руси. Сборник статей.—МИА, 1963, № 108.— Здесь приведена основная литература вопроса и изложена история открытия памятников. См. также: Славяно-русські старожитності. Київ, 1969; Русанова И. П. 1) Работы в зоне затопления Житомирской ГЭС.—КСИА, 1965, вып. 104; 2) Славянские памятники второй половины I тыс. н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии.—В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966; 3) Карта распространения памятников типа Корчак.—МИА, 1970, № 176; 4) Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.—САИ, 1973, вып. ЕI—25; Кухаренко Ю. В. Памятники пражского типа на территории Приднепровья.—SA, 1960, т. VII; Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян. Київ, 1965; Седов В. В. Из истории восточнославянского расселения.—КСИА, 1965, вып. 104.

нию Древнерусского государства с центром в Киеве. Исследователей этого направления представляет, в частности, монография В. П. Петрова, в которой, синтезируя многообразные письменные, лингвистические и археологические данные, автор стремился на современном научном уровне воскресить автохтонистскую концепцию В. В. Хвойки.⁵⁷

Вторая группа исследователей частично пересмотрела свои старые положения и перестроила свою концепцию этногенеза славян. Обобщения этого рода представляют названные выше книги П. Н. Третьякова (см. с. 29, прим. 48).

Наконец, третья группа произвела коренную ревизию взглядов, господствовавших в науке до середины 50-х годов, и, отказавшись от всех выводов, которые не соответствовали современному уровню информации, и всех гипотез, не подкрепленных доброкачественным фактическим материалом, наметила новую схему ранних этапов восточнославянской этнической истории. К обобщениям такого рода принадлежали исследования М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина.⁵⁸ По этому же пути пошел и В. В. Мавродин, построивший свои новые работы, посвященные так называемому вопросу «происхождения славян», главным образом на материалах лингвистики (язык, топонимики, лингво-география).⁵⁹

Развитие этногенетических взглядов М. И. Артамонова отразило в значительной степени тот теоретический рост, который пережила славистика, изучающая ранние этапы этнической истории в целом. Начав свою деятельность в стенах марровской ГАИМК, М. И. Артамонов вобрал в себя основные теоретические положения этногенетической схемы Н. Я. Марра и до начала 50-х годов являлся одним из виднейших представителей марровской школы в археологии. С середины 50-х годов взгляды М. И. Артамонова стали меняться, и постепенно он перешел на позиции миграционизма. Критический анализ археологических данных и сопоставление их с данными письменных источников привели М. И. Артамонова к выводу о том, что наиболее ранними, бесспорно славянскими памятниками на территории Поднепровья и Прикарпатья являются памятники VI—VII вв., содержащие керамику пражского типа. Что же касается ранних археологических культур, то М. И. Артамонов в конце 60-х годов

⁵⁷ Петров В. П. Етногенез слов'ян. Київ, 1972.

⁵⁸ Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967; Ляпушкин И. И. 1) К вопросу о культурном единстве славян. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961; 2) Некоторые вопросы из предыстории восточных славян. — КСИА, 1965, вып. 100; 3) Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, 1968, № 152.

⁵⁹ Мавродин В. В. 1) Древнерусское государство. М., 1957; 2) Древнейшие сведения о славянах (к вопросу о происхождении славян). — Вестник ЛГУ, 1956, № 20; 3) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

вынужден был отметить, что «несмотря на большие успехи в деле методологического перевооружения и изучения прошлого своей страны, советская археология не добилась решения вопроса о происхождении раннеславянской культуры и не выяснила этапов заселения славянами Восточной Европы».⁶⁰

Монография И. И. Ляпушкина, изданная в конце 60-х годов, представляет собой естественное завершение его многолетней работы по изучению археологических источников периода образования Древнерусского государства. Исходной позицией всей этногенетической концепции И. И. Ляпушкина стало признание восточных славян «ветвью одной большой семьи славянских народов, связанной общностью происхождения и языка». Попытку рассматривать восточных славян как особую этническую группу, определившуюся задолго до образования Древнерусского государства, И. И. Ляпушкин считает ошибочной. Выделение восточных славян из общеславянской общности он вслед за лингвистами относит только к концу I тыс. н. э., когда, по его мнению, началось сложение древнерусской (восточнославянской) народности. В отношении истории формирования древнейшей славянской этнической общности И. И. Ляпушкин оказался на еще более пессимистических позициях, чем М. И. Артамонов. «Почти нечего сказать о формировании славянской этнической группы в целом, — писал он, — неясной остается территория, на которой протекала их древнейшая история».⁶¹ Процесс славянского расселения И. И. Ляпушкин предпочитает реконструировать на основе письменных источников. При этом он возвращается к летописному сообщению о заселении Поднепровья славянскими переселенцами, вышедшиими из Подунавья.⁶² Подлинно славянскими И. И. Ляпушкин считал памятники типа Корчак и полагал, что они заполнили необитаемые с конца IV в. территории к югу от Припяти и далее на запад до Карпат и Дуная. Колонизация Восточной Европы, шедшая с юго-запада, сочеталась, как полагал И. И. Ляпушкин, с колонизационной волной, шедшей с запада (радимичи и вятичи). Этническая консолидация славянских племен на территории Восточной Европы, образование восточнославянской ветви славянского этнического массива происходит в VIII—первой половине IX в., в период вызревания древнерусской государственности. К этому периоду на всей территории Восточной Европы складывается выявляемая археологией культурно-этническая общность, представленная памятниками типа роменско-боршевских. Оказавшись на территории Восточной Европы, славяне попали в разноэтническую среду, «и их общественная жизнь, как это можно заключить по данным письменных и археологических ис-

⁶⁰ Артамонов М. И. Вопросы расселения..., с. 62.

⁶¹ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы..., с. 5.

⁶² Там же, с. 175. — Близкая точка зрения на проблему славянской прародины нашла отражение в научно-популярной книге В. П. Кобычева «В поисках прародины славян» (М., 1973).

точников, тесно переплеталась с жизнью окружающих их народов».⁶³

Как показывает приведенный выше обзор, в советской науке проблема восточнославянского этногенеза вышла из круга тем, решаемых исключительно на материале скудных письменных источников и лингвистических данных. С конца 30-х годов она стала одной из ведущих тем советской археологии. Бурное развитие археологических изысканий, особенно в послевоенные годы, привело впервые к созданию прочной источниковедческой базы. При этом, естественно, рождались взгляды и концепции, которые в дальнейшем вынуждены были отступать под давлением нового фактического материала.

Безусловно тормозящую роль в развитии представлений о ранних этапах восточнославянской этнической истории сыграла яфетическая теория Н. Я. Марра. Преодоление марристского схематизма в начале 50-х годов интенсифицировало разработку проблем восточнославянского этногенеза, повлекло за собой расширение археологических работ и завершилось открытием подлинно славянских памятников, на целых четыре столетия отодвинувших границу незнанного в глубь веков по сравнению с тем состоянием науки, в котором она находилась в начале XX в.⁶⁴

Проблема этногенеза и древнейшая догосударственная история славян только в советской науке начали рассматриваться в тесной связи с изучением экономики и социальной структуры славянского общества. В советской исторической науке они стали неразрывной частью проблемы формирования восточнославянской, древнерусской народности и древнерусской государственности, дальнейшее развитие которых привело к образованию трех восточнославянских наций: русских, украинцев и белорусов.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Считаем необходимым отметить, что за последнее десятилетие на базе того, что было накоплено в предшествующий период, советская наука значительно продвинулась вперед в разработке проблем славянского этногенеза. Несомненным свидетельством дальнейшего методологического и методического роста советской славистики, ее успехов в рассматриваемой области являются монография И. П. Русановой «Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа» (М., 1976) и сборник статей «Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография» (М., 1976), подготовленный Институтом славяноведения и балканстики АН СССР. Отметим также близость оценок отдельных этапов развития советской историографии проблемы восточнославянского этногенеза, данных в указанном сборнике (см.: Король В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. — Там же, с. 6—29) и в настоящем издании. Историография проблемы славянского этногенеза в целом и ее современное понимание предложены в помещенной в том же сборнике статье В. Б. Седова (Седов В. В. Ранний период славянского этногенеза. — Там же, с. 68—108).

ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ

В первые годы развития советской историографии научное понимание термина «народность» отсутствовало. Теория К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина об этапах этнической эволюции общества не сразу стала применяться в нашей науке. Данное положение хорошо прослеживается на трудах, посвященных восточным славянам.

Несмотря на то что историки использовали термин «народность»,¹ они не вкладывали в него тот научный смысл, который принят сейчас. Поэтому для обозначения этнического образования восточных славян в период Киевской Руси существовали самые различные наименования: «русский народ», «русские», «русские славяне», «славяне», «восточные славяне». А. А. Шахматов считал возможным говорить о «русском племени».² Насколько далеко стояли исследователи от проблемы образования древнерусской народности, свидетельствует тот факт, что древнерусское общество X в. изображалось некоторыми авторами не как консолидирующееся в этническом отношении общество, а как распадающееся на многочисленные племена, упоминаемые «Повестью временных лет».³

В 30-е годы, в период господства теории Н. Я. Марра вопрос о характере этнического образования восточных славян эпохи Киевской Руси оставался не только не решенным, но даже не был ясно сформулирован. Только в работах Б. Д. Грекова и Н. С. Державина по отношению к восточному славянству киевского периода постоянно применялся термин «русский народ».⁴

¹ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. Пгр., 1919, с. 95; Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Л., 1924, с. 9.

² Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919.

³ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности, с. 26, 42.

⁴ Греков Б. Д. 1) Киевская Русь. М.—Л., 1939, с. 9; 2) Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1942, с. 20—25; 3) Культура Киевской Руси. М.—Л., 1944, с. 38, 39, 72; 4) Киевская Русь. М., 1949, с. 7, 9, 23, 401, 475; Державин Н. С. 1) Происхождение русского народа. М., 1944, с. 48, 57, 77; 2) Славяне в древности. М.—Л., 1945, с. 25, и др.

Впервые вопрос о древнерусской народности был поставлен в работах В. В. Мавродина. Он рассматривает этот вопрос прежде всего в теоретическом плане и полагает, что общественное развитие, результатом которого было создание Древнерусского государства, имело огромное значение в формировании древнерусской народности.

Древнерусское государство политически объединило восточнославянские племена, связало их общностью политической жизни, культуры, религии, общей борьбой с врагами и общими интересами на международной арене, историческими традициями, способствовало появлению и укреплению понятия единства Руси. Все эти явления в совокупности обусловили складывание древнерусской народности. Поэтому о восточных славянах IX—XI вв. автор говорит не как о конгломерате племен, а как о единой народности, этнической общности (следующей за племенами и союзами племен), которую он называет древнерусской народностью.⁵

Вместе с тем В. В. Мавродин обращает внимание на то, что в рассматриваемое время процесс складывания единой древнерусской народности не завершился. Наступившая феодальная раздробленность расчленила и древнерусскую народность, предопределила появление новых этнических образований.

В данном случае имело место смешение автором двух явлений, а именно складывания древнерусской народности и ее дальнейших судеб. Впоследствии В. В. Мавродин подчеркивал, что распад древнерусской народности был не столько следствием незаконченности процесса ее формирования, сколько результатом тех исторических условий, которые сложились на Руси в результате Батыева нашествия и захвата ее земель Литвой, Польшей, Венгрией, Золотой Ордой, Орденом и Молдавией.⁶

Развивая мысли Б. Д. Грекова, содержащиеся в указанных работах, В. В. Мавродин придает большое значение национальному сознанию и самопознанию русских людей киевского периода, сознанию единства Руси и русского народа. Позднее под влиянием трудов Б. Д. Грекова и Н. С. Державина В. В. Мавродин по отношению к восточным славянам времен Древнерусского государства предпочитает пользоваться термином «русский народ». При этом он указывает, что понятие «народ» следует применять не в социальном смысле («трудящиеся массы»), а в качестве этнической категории.⁷ В. В. Мавродин считает, что

⁵ Мавродин В. В. 1) Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 380, 392, 395—402; 2) Древняя Русь. Л., 1946, с. 304—310; 3) Образование единого русского государства. Л., 1951, с. 209—219.

⁶ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

⁷ Чаще всего в специальной литературе термин «народ» толкуется именно как понятие социальное (Бутенко А. П. О содержании понятия «народ». — ВИ, 1955, № 4, с. 131—134).

народностями являлись великороссы, украинцы и белорусы XIV—XVI вв., но они были этническими образованиями, не идентичными народности времени Киевской Руси. Поэтому за этнической общностью Киевской Руси следует закрепить термин «русский народ».

Однако в 1950 г. В. В. Мавродин выступил со статьей «Основные этапы этнического развития русского народа».⁸ В ней он ставит ряд принципиальных теоретических проблем. Автор не сомневается в том, что в IX—XI вв. «сложился русский народ», но тут же поднимает вопрос о научном понимании термина «народ». Полемизируя с А. Д. Уdalцовым, В. В. Мавродин подчеркивает, что народ не является какой-то этнической категорией, возникшей вслед за союзом племен, и считает, что во времена Древнерусского государства восточное славянство консолидировалось в единую русскую народность. Для того чтобы устраниТЬ возможность смешения понятий «народность» по отношению к великорусской, украинской и белорусской народностям XIV—XVI вв. и «народности» русской IX—XI вв., он предлагает «признать правомерным вслед терминам „древнерусский язык“, „древнерусская литература“, „древнерусское искусство“ и термин „древнерусская народность“».

Иначе теперь автором поставлен вопрос об эволюции восточнославянского этноса в период, последовавший за распадом Древнерусского государства. Он не считает феодальную раздробленность основной причиной расчленения древнерусской народности на три более поздние народности восточных славян. В. В. Мавродин повторяет выдвинутую ранее мысль, что процесс дальнейшей консолидации и развития единой народности восточных славян был прерван «главным образом Батыевым нашествием, отторжением русских земель, захватом многих русских земель соседними государствами».⁹

В начале 50-х годов внимание последователей к проблемам древнерусской народности значительно возросло. В первую очередь необходимо здесь назвать работы Б. А. Рыбакова. В самой ранней из них «К вопросу об образовании древнерусской народности» Б. А. Рыбаков определяет народность как этническую общность эпохи формирования рабовладельческого или феодального общества, возникшую на основе давнего языкового родства. Признаками народности он считает общность языка (при нали-

⁸ ВИ, 1950, № 4.

⁹ Там же, с. 62—63.— В последующих работах В. В. Мавродин разывал взгляды относительно древнерусской народности, высказанные в упомянутых его исследованиях (1) Историческая общность русского и украинского народов. — Славяне, 1954, № 3; 2) Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, с. 258—263; 3) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 157—190).

ции диалектов), территории, культуры, хозяйственной жизни и наличие экономических связей. Древнерусской народности предшествовала единая славянская народность II—IV вв. н. э., к которой относилась черняховская культура. Русская (древнерусская) народность начала обособляться и формироваться на востоке Среднего Приднепровья в V—VII вв. В IX—X вв. «завершился ранний период формирования древнерусской народности», который был закреплен образованием Древнерусского государства.¹⁰

Позднее Б. А. Рыбаков уточнил свое определение древнерусской народности, дополнив его характеристикой экономических связей, изображаемых в форме, присущей феодальному хозяйству. Он пишет, что древнерусская народность X—XI вв. сформировалась лишь после того, как окончательно исчезли летописные племена. Б. А. Рыбаков уточнил терминологию, рекомендуя «во избежание путаницы» называть народность не «русской», а «древнерусской».¹¹ Он высказывал предположение, согласно которому ядром древнерусской народности IX—X вв. явился союз восточнославянских племен «Руси» VI—VII вв. Эта мысль была развита Б. А. Рыбаковым в последующих работах. Он подчеркивал роль Древнерусского государства в укреплении единства древнерусской народности. По мнению Б. А. Рыбакова, началом складывания древнерусской народности следует считать VI—VII вв., а периодом оформления ее — IX—X вв. Зачатки этого процесса отложились в так называемых «древностях русов» на востоке Среднего Приднепровья.¹²

Процесс образования древнерусской народности был рассмотрен также А. Н. Насоновым, который подчеркивал огромную роль в формировании восточнославянской древнерусской народности политического фактора — возникновения Древнерусского государства. По мнению автора, оно слило воедино северную и южную группы восточнославянских племен.¹³

В связи с празднованием в 1954 г. трехсотлетия воссоединения Украины с Россией были выпущены одобренные ЦК КПСС «Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией». В них подчеркивалось: «Русский, украинский и белорусский народы ведут свое происхождение из единого корня — древнерусской народности, создавшей древнерусское государство — Киевскую

¹⁰ Рыбаков Б. А. К вопросу об образовании древнерусской народности. — Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951, с. 15—20.

¹¹ ВИ, 1952, № 9, с. 42—51.

¹² Рыбаков Б. А. Древние русы. — СА, 1953, XVII, с. 23—24, 99, 103—104; Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв., М., 1958, с. 798.

¹³ Насонов А. Н. К вопросу об образовании древнерусской народности. — ВАН СССР, 1951, № 1, с. 69—70.

Русь».¹⁴ Под влиянием юбилея в значительной степени активизировался интерес исследователей к проблеме древнерусской народности.¹⁵

С большим вниманием относился к данному вопросу Л. В. Черепнин. В разделе «Возникновение древнерусской народности», написанном для академических «Очерков истории СССР», он отмечал, что древнерусская народность сложилась из отдельных славянских племен в эпоху разложения первобытнообщинного строя и складывания классового общества на основе известной общности территории, языка, психического склада. При этом все названные формы общности могли иметь место «лишь на основе известной (хотя и очень относительной в эпоху раннего феодализма) экономической общности».¹⁶ Л. В. Черепнин придает большое значение языковой общности древнерусской народности и особенно чувству единства всех русских людей и Руси, национальному сознанию, патриотическому чувству, которым проникнуты фольклор, литературные произведения и летописи Киевской Руси.

Позднее Л. В. Черепнин рассматривал древнерусскую народность как этап развития русской народности. Он установил такую периодизацию: 1) VI—IX вв. — генезис феодализма, время складывания предпосылок древнерусской народности; 2) IX—XII вв. — раннефеодальный период, время дальнейшего развития древнерусской народности; 3) XII—XIII вв. — период феодальной раздробленности, когда создаются предпосылки формирования на основе древнерусской народности великорусской, украинской и белорусской народностей.¹⁷ Л. В. Черепнин также считал, что в формировании древнерусской народности решающую роль сыграли общность языка, территории, культуры и хозяйственной жизни, борьба с внешними врагами (главным образом с кочевниками), развитие военного дела, стирание племенных границ и особенностей, образование Древнерусского государства, единство интересов на международной арене, единство законов, суда, религии, наконец, чувство патриотизма и сознание единства Руси.

Л. В. Черепнин указывает на то, что во времена образования Древнерусского государства «происходит слияние восточнославянской

¹⁴ См.: Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). М., 1954, с. 5.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов. — ВИ, 1954, № 6; Довженок В. И. 1) К вопросу о сложении древнерусской народности. — Доклады VI научной конференции Института археологии АН СССР. Киев, 1953; 2) Древньоруська народність і спільність походження російського, українського і білоруського народів. — ВАН УССР, 1954, № 5; Козаченко А. И. Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского и белорусского народов. — СЭ, 1954, № 2.

¹⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. I. М.—Л., 1953, с. 258.

¹⁷ Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958, с. 10—11, 14—24, 25, 54.

вянских племен в единый русский народ».¹⁸ Надо полагать, что под термином «русский народ» в данном случае Л. В. Черепнин подразумевает древнерусскую народность.

Последней большой работой о древнерусской народности является вышедшая в свет в 1970 г. книга П. Н. Третьякова «У истоков древнерусской народности». Автор указывает на то, что термин «древнерусская народность» дает возможность не путать этническое объединение восточных славян времен Киевской Руси с русской народностью XIV—XVI вв. Отмечая, что формирование народности есть закономерное явление, свойственное периоду раннефеодального общества, П. Н. Третьяков определяет народность как предшественницу нации, историческую общность, сложившуюся из различных племенных групп на основе экономических связей в эпоху разложения первобытнообщинных отношений и распада родо-племенного строя, возникновения классового общества и государства. П. Н. Третьяков, как и другие исследователи, также считает, что в формировании древнерусской народности заметную роль сыграло образование и развитие Древнерусского государства.¹⁹ Говоря об этапах складывания древнерусской народности, П. Н. Третьяков относит этот процесс к рубежу I и II тыс. н. э., но начало его, по мнению автора, восходит к более раннему времени.²⁰ Зачинателями древнерусской народности он считает создателей и носителей зарубинецкой культуры, которые господствовали в лесостепном Приднепровье и в Полесье, на Нижней Десне и Сейме со II в. до н. э. по II в. н. э. Отсюда они продвинулись в Верхнее Поднепровье. Ассимилировав восточных балтов, из Верхнего Поднепровья они устремились на север, северо-восток и юг, в Среднее Приднепровье. Это были предки летописных племен — полян, словен, кривичей, вятичей, северян, в формировании которых заметную роль сыграли балты. Иного, западного, происхождения дреговичи, древляне, волыняне. Говоря о племенах «Повести временных лет», П. Н. Третьяков определяет их как «территориально-политические союзы», а не племена в собственном смысле слова. Они являлись «примитивными народностями, или „народцами“, находящимися на разных уровнях консолидации и мало-помалу поглощаемыми склоняющейся древнерусской народностью».²¹ Как уже указывалось выше, ядром ее стало Среднее Приднепровье, куда славянские племена, ассимилировавшие балтов, проникли с севера, из Верхнего Приднепровья.²²

¹⁸ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 146.

¹⁹ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 3—9, 154.

²⁰ Там же, с. 7.

²¹ Там же, с. 70, 152—154.

²² Там же, с. 154; Третьяков П. Н. Что такое культура? — СА, 1971, № 4, с. 102.

В советской науке существенное внимание уделялось вопросу об этнических компонентах древнерусской народности. Некоторые исследователи в формировании древнерусской народности, русских времен Киевской Руси придавали очень большое значение неславянским этническим элементам, в частности (и в первую очередь) финно-уграм, другие, напротив, отрицали иноязычное население как составной элемент восточных славян.²³

В работах советских исследователей, посвященных этногенезу восточных славян и древнерусской народности, можно найти высказывания об активной роли в этих этнических процессах финно-угров, балтов, иранских и тюркских племен (см. с. 43—60 настоящего издания).

Таким образом, в результате проведенных советскими историками исследований создалась определенная концепция древнерусской народности.

Для обозначения этнического образования восточных славян времен Киевской Руси в науке утвердился термин «древнерусская народность».

Достижением советских ученых является созданная ими периодизация процесса складывания и развития древнерусской народности, характеристика летописных племен как сложных политических и территориальных образований.

Выяснена роль неславянских этнических элементов в формировании древнерусской народности.

Сложился определенный взгляд на древнерусскую народность, основополагающим критерием которого является прежде всего общность языка, хотя и сохранявшего местные диалекты. В процессе формирования и развития древнерусского языка большое значение имел литературный язык, язык древнерусской письменности. Для древнерусской народности характерна общность территории, совпадающая с политической общностью в форме Древнерусского государства, объединившего весь восточнославянский мир. Налицо известная экономическая общность, а также общность материальной и духовной культуры, религии, которая в те времена являлась единственной формой идеологии. Одноковые традиции, обычаи и нравы, обычное право и закон, суд и военное устройство способствовали консолидации восточных славян в единую народность. Общность интересов в борьбе за независимость Руси также играла большую роль. Все советские исследователи придают весьма существенное значение национальному сознанию единства Руси, самопознанию и чувству патриотизма.

²³ См.: Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. I. М.—Л., 1933, с. 284; Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в формировании великорусской народности? — Тр. Ленингр. об-ва исследователей культуры финно-угорских народностей, 1929, вып. I; Толстов С. П. К проблеме аккультурации. — Этнография, 1930, № 1—2; Маркелов М. П. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских. — Там же.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ, РУСЬ И НЕСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Взаимоотношения восточнославянских племен и возникшего на их этнической основе Древнерусского государства с неславянскими этническими общностями Восточной Европы и включавшими их политическими образованиями — одна из основных проблем историографии начального периода отечественной истории. Разработка этой проблемы имеет два основных аспекта: социально-политический и этнокультурный. Первый затрагивает главным образом вопросы взаимоотношения социальных структур славянского и неславянских этносов, историю их политической интеграции (см. с. 144—145 настоящего издания), второй — взаимоотношения в области языка, материальной и духовной культуры, ассимиляционные процессы.

Первый толчок к разработке этой проблемы был дан составителем «Повести временных лет», который в своем этногеографическом обзоре Восточной Европы отделил славянские племена Руси от «иных языцей», указав при этом внешнюю форму их этнополитических связей — дань Руси. В представлении древнерусского летописца неславянские этнические группы являлись не только объектом внешнеполитических акций восточнославянской Руси, но и действенной силой, чьи интересы сливались с интересами Русского государства. Как следует из данных летописца, Русь XI в. по существу уже не являлась одноэтничным государственным образованием.

Дискуссия конца 20-х—начала 30-х годов о взаимоотношении славянского (точнее славяно-русского) и финно-язычного этносов на территории Восточной Европы стимулировала интерес к этой проблеме в советской науке, выявив ее политическую значимость в период широкого национально-культурного строительства в Поволжье и в Северных областях РСФСР.¹ В ходе дискус-

¹ Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? — Тр. Ленингр. об-ва исследователей культуры финно-угорских народностей, т. I, Л., 1929; Толстов С. П. К проблеме аккультурации. — Этнография, 1930, № 1—2; Маркелов М. Т. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских. — Там же; Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность». — ИМ, 1930, № 18—19; Косвен М. О. Ошибки М. Н. Покров-

ции была отмечена необходимость марксистской переоценки письменных источников, углубленного изучения лингвистических и этнографических материалов, расширения археологических исследований.

Рост марксистских исследований в середине 30-х годов определил необходимость создания сводного труда по истории СССР и истории отдельных республик и вошедших в их состав больших и малых народов. Эта задача была решена в 50-е годы. К этому времени был собран и систематизирован основной фонд источников по ранним этапам истории неславянских народов европейской части страны. Проблема взаимоотношений славянской Руси и неславянских народов, населявших ее пограничные земли, теперь могла рассматриваться не только с позиции развития славяно-русского этноса, что было характерно для дореволюционной историографии, но и с позиций хозяйственного и социального развития других взаимодействующих со славянами этнических общностей. Впервые возникли условия для объективной характеристики процесса их этнополитического взаимодействия.

В советской историографии взаимоотношениям славяно-русов и народов, населявших лесные области Восточной Европы до начала массового расселения славян, посвящена обширная литература, рассмотрение которой рациональнее начать с обзора работ, посвященных связям Руси и народов Прибалтики, которые вошли в контакт с племенами славян на самом раннем этапе их продвижения в глубинные области Восточной Европы.

Советская историография проблемы славяно-балтских этнических и политических контактов во второй половине I—начале II тыс. н. э. стала создаваться в 40—50-е годы. В основу изучения балтских племен и их взаимоотношений с соседями в советской науке была положена прежде всего разработка вопросов хозяйственного и социального развития самих балтских племен.²

ского в вопросах первобытной истории и древнейшей истории восточных славян. — Там же, 1938, № 5.

² Пашуто В. Т. 1) Хозяйство и техника средневековой Литвы. — ВИ, 1947, № 8; 2) Образование Литовского государства. М., 1959; 3) Народы Прибалтики в IX—первой четверти XIII в. — В кн.: Очерки истории СССР. IX—XIII вв. Ч. I. М., 1953; Гуревич Ф. Д., Моора Х. А. Племена Прибалтики. — В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958; Дундуле П. В. 1) Земледелие в Литве в эпоху феодализма. — Балтийский этнографический сборник. М., 1956; 2) Земледелие в дофеодальной Литве. — КСИЭ, 1953, XII; D undu lie n ē P. Žemdirbystė Lietuvoje. Vilnius, 1963; Zutis J. Agric viduslaiki Latvijā. № IX—XII gs. — In: Арсегёйті par Latvijas PSR vēsturi, II. Riga, 1948; Дорошенко В. В. Латышские племена в I тысячелетии н. э. — ВИ, 1952, № 9; Моора Х. А. 1) Возникновение классового общества в Прибалтике (по археологическим данным). — СА, 1953, XVII; 2) Вопросы сложения эстонского и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956; Мога Н. Pirmatnējā kopienas iekārtā un agrā feodalā sabiedriba Latvijas PSR teritorijā. Riga, 1952; Моора Х. А., Моора А. Х. К вопросу об историко-культурных подобластях и районах

Со второй половины 50-х годов на территории Советской Прибалтики развернулись работы Прибалтийской комплексной экспедиции, объединившей усилия археологов, антропологов, историков и этнографов Москвы, Ленинграда, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, направленные на изучение этнической истории народов Прибалтики и населения смежных территорий РСФСР и БССР. Эти работы дали новый огромный материал, значительно расширив возможности общей исторической реконструкции, и главным образом создали базу для новых работ в сфере изучения этнокультурных контактов славян, балтов и прибалтийских финнов в областях Северо-Восточной Прибалтики.³

Эти исследования позволили выявить роль Киевской Руси в развитии культуры народов Прибалтики. Именно восточнобалтские земли, оказавшиеся в сфере постоянных экономических, политических и культурных контактов с Русью, как показали эти исследования, стали центрами формирования литовской и латышской народностей, их наиболее ранних государственных образований. Этот вопрос нашел отражение в целом ряде работ, посвященных истории сложения прочных традиций культурного, экономического и политического братства народов Прибалтики и русского народа.⁴

В 60-е годы предметом оживленной дискуссии стали взаимоотношения славян и балтов в период расселения славянских родоплеменных групп по Восточно-Европейской равнине. Толчком к дискуссии послужили исследования лингвистов, отведших балтскому этносу на территории Восточной Европы значительно боль-

---

Прибалтики. — СЭ, 1960, № 3; Монгайт А. Л. Вопросы истории Прибалтики периода феодализма. — ВАН СССР, 1952, № 1, и др.

³ Вопросы этнической истории народов Прибалтики (по данным археологии, этнографии и антропологии). Под ред. С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой. М., 1959.

⁴ Zutis J. Krievu un Baltijas tautu cīnas pret vācu agresiju. Riga, 1948; Reļše R. A. Latviešu un krievu kulturas sakari. Riga, 1951; Дорошенко В. В. Киевская Русь и возникновение феодализма на территории Латвии (IX—начало XI в.). — В кн.: История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952; Калнынь В. Е. Древнерусская государственность и право на территории Латвии в XI—XIII веках. — Учен. зап. Латвийского гос. ун-та, 1964, вып. 64; Савченко В. И. Исторические связи латышского и русского народов. — В кн.: Советская Прибалтика в братской семье народов СССР. Рига, 1960; Антицис К. Я. и Янсон А. Я. Некоторые вопросы этнической истории древних селов. — СЭ, 1962, № 6; Чебоксаров Н. Н. О древних хозяйствственно-культурных связях народов Прибалтики. — Там же, 1960, № 3; Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. (Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения). Рига, 1965; Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Полесья. М., 1962; Slaavi-läänenmeresooome suhete ajaloost. Artiklite kogumik. Toimetanud H. Moora ja L. Janits. Tallinn, 1965; Latviešu-kultūrvešturiskie sakari ar slāvu tātūm (pēc archeologijas, etnografijas un antropologijas materiāliem). — Archeologija un etnografija, Riga, 1968, VIII; Седов В. В., Терентьева Л. Н. Ценные исследования о прибалтийско-славянских культурных связях. — СЭ, 1969, № 5, и др.

шую начальную этническую область, чем это предполагалось ранее.⁵ Вслед за лингвистами археологи подтвердили наличие «по всей средней и северной частям восточнославянского ареала в раннесредневековой культуре» отчетливо представленных балтских элементов, которые были восприняты как наследие балтского субстрата.⁶

Изучение балтского наследия привело В. В. Седова к мысли о значительной доли балтского этнического компонента в составе белорусского этноса. В. В. Седов выступил против утверждавшихся в науке взглядов на причину выделения белорусской общности из древнерусского этнического единства, что объяснялось либо включением части западных восточнославянских земель в состав Литовского государства,⁷ либо изначальной спецификой языка и культуры ряда восточнославянских племен (дреговичи, смоленско-пороцкие кривичи, радимичи).⁸ В. В. Седов определил процесс славянизации балтской территории как процесс медленной ассимиляции, который продолжался с VII—VIII по XIII—XIV вв. и выражался в постепенном смешении аборигенов — балтов и пришельцев — славян при взаимной диффузии этнических групп.

П. Н. Третьяков не принял гипотезу В. В. Седова и обратил внимание на спорность вопроса о времени проникновения славян в область Верхнего Поднепровья и сроках ассимиляции славянами местного балтского субстрата. П. Н. Третьяков полагал, что древние балты Днепровского района «послужили субстратом не белорусской средневековой народности, как думает В. В. Се-

⁵ Топоров В. Н. и Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

⁶ Третьяков П. Н. Восточные славяне и балтский субстрат. — СЭ, 1967, № 4; Соловьева Г. Ф. О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья. — СА, 1971, № 2; Седов В. В. 1) Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья. — СЭ, 1954, № 3; 2) Кривичи. — СА, 1960, № 1; 3) Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. — Там же, 1961, № 2; 4) О юго-западной группе восточнославянских племен. — Историко-археологический сборник. М., 1962; 5) Из гидронимии Волго-Окского междуречья. Питания ономастики. Київ, 1965; 6) Из истории восточнославянского расселения. — КСИА, 1965, вып. 104; 7) Рязанско-окские могильники. — СА, 1966, № 4; 8) К происхождению белорусов. Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов. — СЭ, 1967, № 2; 9) Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. — СА, 1972, № 4; 10) Еще раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (о статье Г. Ф. Соловьевой «О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья»). — Там же, 1973, № 3; Этногенез белорусов. (Тезисы докладов на научной конференции по проблеме «Этногенез белорусов», 3—6 декабря 1973 г.). Минск, 1973.

⁷ Карский Е. Ф. Белорусы, т. I. Варшава, 1903, с. 82—109; Пицета В. И. Образование белорусского народа. — ВИ, 1946, № 5—6; П'янкоў А. П. Паходжанне беларускага народа. Менск, 1948.

⁸ Гринблат М. Я. 1) Некоторые результаты изучения проблемы происхождения белорусской народности. — КСИЭ, 1958, XXVIII; 2) Основные этапы происхождения и этнической истории белорусской народности. Минск, 1964; 3) К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. — В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.

дов, а ее предшественницы — древнерусской народности».⁹ С возражениями В. В. Седову выступили также топонимист В. А. Жучкович и этнограф М. Я. Гринблат. В. А. Жучкович полагал, что следует говорить лишь об участии балтских народов в этногенезе белорусов. По мнению М. Я. Гринблата, в культуре белорусской народности балты вообще не оставили следов.¹⁰

Дискуссия о роли балтского субстрата в этногенезе белорусов завершилась выходом в свет монографии В. В. Седова «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвилья»,¹¹ в которой концепция В. В. Седова была изложена наиболее последовательно и концентрированно. Несмотря на отсутствие единогласия в решении проблемы балтского субстрата, дискуссия в значительной степени стимулировала исследования в области славяно-балтских и славяно-финских этнических, культурно-этнографических и политических взаимоотношений в эпоху, предшествующую образованию Древнерусского государства и в эпоху его политического могущества. Дискуссия с полной очевидностью продемонстрировала важность анализа источников по истории и культуре неславянских народов Восточной Европы при разработке проблем, связанных с темой Древнерусского государства и древнерусской народности.¹²

Изучение истории отношений Руси с самой западной группой финноязычных племен, ливскими и чудскими племенами, на основе которых сформировалась современная эстонская нация, с позиций марксистско-ленинской методологии началось только в 40-е годы, когда эстонский народ вошел в семью братских народов Советского Союза. Впервые этот вопрос был поднят в вышедшей в 1940 г. статье Я. Я. Зутиса «Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв.»,¹³ где автор в противовес буржуазной эстонской националистической традиции показал на основании анализа письменных источников положительное значение древних контактов Руси и Чуди, оказавших влияние на развитие экономи-

⁹ Третьяков П. Н. Восточные славяне..., с. 115.

¹⁰ Жучкович В. А. К вопросу о балтском субстрате в этногенезе белорусов. — СЭ, 1968, № 1; Гринблат М. Я. К происхождению белорусской народности (по поводу теории субстрата). — Там же, № 5.

¹¹ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвилья. — МИА, 1970, № 163; — См. также: Седов В. В. Еще раз о происхождении белорусов. — СЭ, 1969, № 1.

¹² В ходе дискуссии неоднократно вставал вопрос о небольших этнических группах балтов, с которыми славяне вступали в контакт в период X—XIII вв. Это племена ятвягов и голяди. Определению их этнической территории и специфических племенных отличий посвящен ряд исследований. См.: Гуревич Ф. Д. 1) К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов. — КСИИМК, 1950, XXXIII; 2) Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961; Седов В. В. Курганы ятвягов. — СА, 1964, № 4; Вилинбахов В. Б., Энголоватов Н. В. Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди. — Slavia Occidentalis, Poznań, 1963, t. 23.

¹³ Зутик Я. Я. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. — ИМ, 1940, № 3.

ческих, социальных и политических отношений у населения Восточной Прибалтики. Тогда же на существование глубоких связей в области художественной культуры северо-западных земель Руси и Прибалтики обратил внимание Л. А. Мацулевич.¹⁴

В послевоенные годы процессы классообразования у древних эстов и летто-литовских племен Восточной Прибалтики были глубоко проанализированы Х. А. Моора и В. Т. Пашуто. Касаясь социально-экономического развития чудских племен в начальный период формирования древнеэстонской народности (IX—XI вв.), Х. А. Моора отмечал большое значение тесных культурных и торговых связей с Древней Русью.¹⁵ Не затушевывая раннефеодальный классовый характер подчинения прибалтийских племен Русскому государству, В. Т. Пашуто подчеркнул в своей работе специфику политического господства Руси: принципальное отличие форм феодальной эксплуатации прибалтийских племен Русью от форм феодальной эксплуатации, принесенных в Прибалтику немецкой рыцарской экспанссией.¹⁶ Связи с Русью ускоряли процесс разложения общинных отношений, объективно способствовали ускорению классообразования, сложению раннефеодальных народностей и не вели к социально-экономическому застою и денационализации.

Вопросы русско-прибалтийских, в том числе русско-чудских, связей были прежде всего рассмотрены на археологических материалах. Работы археологов выявили обширный круг свидетельств об интенсивных контактах Северо-Западной Руси и Прибалтики, приводивших к взаимному обогащению культур.¹⁷

Этническому изучению древней контактной территории на юго-востоке Эстонии и, в частности, выявлению в современном этнографическом комплексе реликтовых черт культуры средне-

¹⁴ Мацулевич Л. А. Новгород и Таллин (к вопросу о генезисе архитектурных форм). — КСИИМК, 1941, вып. X.

¹⁵ М о о р а Х. А. 1) Возникновение классового общества в Прибалтике (по археологическим данным). — СА, 1953, XVII; 2) Вопросы сложения эстонского и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956; 3) Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. — КСИЭ, 1950, XII; 4) Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. — СА, 1954, XXI; 5) О результатах исследования городищ в Эстонской ССР. Древние поселения и городища. Таллин, 1955.

¹⁶ П а ш у т о В. Т. Народы Прибалтики в IX—первой половине XIII в., с. 681—695.

¹⁷ М онгайт А. Л. К вопросу о русско-прибалтийских связях в IX—XIII вв. — ВИ, 1958, № 6; Т r u m m a l V. Slaavivene elemendid kagueestis materiaalses kultuuris (kunu XIII sajandi alguseni). — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 87. Вопросы истории Эстонской ССР, I. Тарту, 1960; Т р у м а л В. К. Русско-эстонские отношения от IX до начала XII века. Автореф. канд. дис. Тарту, 1955; Ш м и д е х е ль м М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.

вековых славян и эстов (чуди) посвящены исследования А. Х. Моора и Е. В. Рихтер.¹⁸

В ряде работ были рассмотрены этнические процессы на землях, лежавших к северо-востоку от Чудского озера до бассейна Невы.¹⁹ Исследователи наметили основные этапы славянского продвижения в земли води и ижоры и последующей ассимиляции води славянами. Этническая чересполосица сменилась здесь сло-вено-водской этнокультурной общностью.

Судя по данным топонимики, территория древнего расселения води на востоке доходила до Волхова,²⁰ откуда начинались земли другой финноязычной группы племен, известных в летописи под названием «веси». Проблеме связи летописной веси и современных вепсов посвящена значительная литература. Интерес к проблеме тождества веси и вепсов определялся той значительной ролью, которую эта народность сыграла в этнической истории северных великорусов, карел, коми, саамов. Советские ученые определили географические пределы расселения веси, наметили локальные группы внутри венского этнокультурного единства.²¹

Материал, включенный в научный оборот благодаря работам археологов А. А. Спицына, В. И. Равдоникаса, Г. П. Гроздилова, Я. В. Станкевич, А. М. Линевского, Л. А. Голубевой, С. И. Кочкуркиной, А. В. Никитина, Н. В. Тухтиной и других, дал возможность приступить к реконструкции экономики и социальной структуры венского этноса. Хозяйство веси представляло, как выявлено исследователями, развитой комплекс, сочетающий оседлое земледелие и животноводство с разносторонним, вполне выраженным ремеслом и не утратившими существенную экономическую роль подсобными промыслами: охотой, рыболовством, собирательством. В структуре древневенского общества (IX—X вв.)

¹⁸ М о о р а А. Peipsimaa etniliset ajaloost. Ajaloolis-etnograafiline uuringus eesti-vene suhetest. Tallinn, 1964; М о о р а А. Х. Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). — ТИЭ, новая серия, М., 1954, т. XXIII; Р и х т е р Е. В. 1) Женская народная одежда сету. — ИАН Эстонской ССР, 1954, № 1; 2) К вопросу об этнической истории сету. — Там же, серия обществ. наук, 1959, № 4.

¹⁹ С е д о в В. В. 1) Антропологический тип населения северо-западных земель Великого Новгорода. — КСИЭ, 1952, XV; 2) Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). — СА, 1953, XVIII; Т а р а к а н о в а С. А. Археологические памятники води. — Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955; М о о р а Х. А., М о о р а А. Х. Из этнической истории води и ижоры. — In: Slaavi-lääne-meresooome suhete ajaloost. Tallinn, 1965.

²⁰ С е д о в В. В. Этнический состав населения..., с. 209. — Там же см. литературу вопроса.

²¹ Обширная литература, посвященная веси и вепсам приведена в но-вейших монографических исследованиях В. В. Пименова и Л. А. Голубевой, к которым мы и отсылаем читателя (Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973).

отмечается при наличии черт патриархально-родового и рабовладельческого уклада «явственная тенденция развития в сторону формирования и укрепления феодальных отношений».²² «В X—XI вв., — пишет В. В. Пименов, — весь выступает уже как заметное этническое целое — раннефеодальная народность, а не племя или союз племен».²³ Л. А. Голубева ввела в науку материал, раскрывающий процесс возникновения городского поселения в земле веси. Она рассмотрела также процессы славянской колонизации в землях восточной веси и славяно-весской ассимиляции. Как отметил В. В. Пименов, развитие древневесской народности и культуры с самого раннего этапа русской государственности проходило в ее политических рамках. Это подготовило начавшийся с XI в. процесс славянской (словенской и кривичской) культурной ориентации веси, завершившийся, видимо, в последующие столетия частичной ассимиляцией ее славянами.

К северо-западу, за пределами этнической территории веси, на землях, лежащих в Западном и Северо-Западном Приладожье, в X—XII вв. проходило формирование еще одной финноязычной этнической общности — карел, исторические судьбы которых оказались тесно сплетенными с историческими судьбами славян и Древней Руси. Отсюда волны карельской миграции двигались в юго-западном (ижора), юго-восточном (ливвики, людики) и северо-восточном (собственно карелы) направлениях.

Выявлению памятников карельской археологической культуры эпохи раннего средневековья большое внимание в 20—30-е годы уделил В. И. Равдоникас.²⁴ Ему принадлежит также постановка вопроса о социально-экономической характеристике карельского этноса IX—XIV вв., в недрах которого, по его мнению, шел активный процесс вызревания феодальных отношений.²⁵ В начале 40-х годов был подготовлен ряд обобщающих очерков, посвященных культуре карел, их социальной структуре, экономике, взаимоотношениям карел и их юго-западного ответвления — ижоры с Новгородом, немцами и шведами.²⁶ Был издан свод источников по истории Карелии XII—XVI вв.²⁷ Тогда же И. П. Шасколь-

²² Пименов В. В. Весы..., с. 65.

²³ Там же, с. 115.

²⁴ Равдоникас В. И. 1) Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии. — В кн.: Карелия. Ежегодник Карельского гос. музея за 1928 г. Петрозаводск, 1930; 2) О возникновении феодализма в Карелии. — Карело-Мурманский край, 1931, № 3—4; 3) Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Западном Приладожье. — ИГАИМК, 1939, вып. 94; 4) Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР. — КСИИМК, 1940, VII; Raudonikas W. I. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.

²⁵ Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в Карелии..., и др.

²⁶ Гадзяцкий С. С. 1) Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941; 2) Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. — ИЗ, 1940, т. VI; Липенский А. М. Карелы. — СЭ, 1941, № 5.

²⁷ Материалы по истории Карелии. XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941.

ский детально охарактеризовал те факторы внутренней и внешнеполитической обстановки в Северо-Западном Приладожье, которые привели корелу в состав Новгородского государства и послужили основой для проникновения славяно-русского культурного влияния далеко на север от районов массовой славянской колонизации (см. с. 179—180 настоящего издания).

В послевоенные годы вопросы этнической истории карел получили освещение в работе Д. В. Бубриха, оказавшей значительное влияние на исследователей этнической истории западных финнов в 50—60-е годы.²⁸ Д. В. Бубрих создал стройную концепцию карельского этногенеза, в котором он отвел значительное место древней веси. Весь, по его мнению, была одним из важнейших этнических компонентов при формировании карельской этнической общности. Дальнейшая работа по изучению социально-экономической структуры карел нашла отражение в исследованиях А. М. Линевского и С. С. Гадзяцкого.²⁹

60-е годы отмечены выходом ряда работ по этнографии карел, в которых рассмотрены вопросы карельского этногенеза, карело-вепских и карело-русских исторических связей.³⁰ Как установлено исследователями, в рамках карельской этнической общности в IX—XII вв. протекал тот же социальный процесс формирования раннефеодальных отношений, который в это время охватил расселившиеся южнее финноязычные этнические группы: эстов, водь, весы. Однако у карел неравномерность этого процесса была особенно ощутима. Более интенсивно развивались южные группы карел, соседившие с важными торговыми путями и непосредственно втянутые в сферу новгородской экономической и политической жизни. В отличие от Весской и Водской земель Карелия не стала в X—XIII вв. областью массовой славянской миграции. Раннефеодальная карельская народность складывается в течение XII—XV вв. Важнейшим фактором, ускорившим интеграцию карел, явилась совместная борьба северо-западных русских земель и корелы со шведской феодальной агрессией в XII—XIII вв., в ходе которой закрепилось наметившееся в предшествующее столетие русско-карельское сближение.

---

²⁸ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

²⁹ Линевский А. М. 1) Возникновение и развитие феодальных отношений в Карелии в XII—XV вв. — В кн.: Очерки истории Карелии, т. I. Петрозаводск, 1957; 2) Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. — Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР, 1949, № 1; Гадзяцкий С. С. Карелия в IX—первой четверти XIII в. — В кн.: Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, и др.

³⁰ Пименов В. В. 1) К вопросу о карельско-вепских связях. — СЭ, 1960, № 5; 2) К истории сложения типов поселений в Карелии. — Там же, 1964, № 2; 3) Вепсы... М.—Л., 1965; Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962; Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М., 1965.

Изучению истории славяно-финских контактов в Волго-Окском районе и выявлению археологических памятников восточнофинских племен, прежде всего мери, дореволюционная наука уделяла значительно большее внимание, чем изучению западных финнов и их связей со славянами. Интерес к истории мери стимулировался данными летописи о той роли, которую играло это племя наряду с весью и чудью в первый период древнерусской государственности. Большой конкретный материал, характеризующий культуру мери, был получен во время археологических работ, проведенных на мерянской территории в 20—50-е годы. Наиболее крупным исследованием, затрагивающим проблему мери, из работ, созданных в советской науке, является монография Е. И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья».³¹ Е. И. Горюнова на основе всестороннего анализа археологических источников стремилась вскрыть сущность социально-экономической структуры мери. Она полагает, что этоним «меря» включал в себя группу родственных племен, культура которых была тесно связана с культурой угорских этнических групп Северного Урала и Прикамья. Ведущее место в хозяйстве мери, по предположению Е. И. Горюновой, занимало скотоводство с преимущественным развитием коневодства и свиноводства. Археологические данные позволяют установить высокий уровень развития у мери домашних ремесел: прядения, ткачества, обработки дерева и кости, производства керамики.

В монографии Е. И. Горюновой значительное место было также уделено характеристике другого древнего этнополитического объединения в области Волго-Окского междуречья — муроме. В советской науке вопрос о муроме рассматривался в работах Д. К. Зеленина, А. А. Гераклитова, А. Е. Алиховой, А. Ф. Дубынина, А. П. Смирнова, П. Д. Степанова. Итогом дискуссии явилось признание муромы этнической общностью, которая подобно мере была полностью ассимилирована славянами. Опираясь на материалы, полученные при исследовании муромских селищ, Е. И. Горюнова не только привела данные, говорящие о высоком уровне хозяйственной жизни древней муромы, но и наметила особенности, отличающие культуру муромы от культуры соседних племен.³² Как показало изучение муромских селищ, к рубежу X и XI вв. мурома вступила в период распада первобытнообщинных отношений. Таким образом, анализ археологических материалов не только позволил опровергнуть бытовавшее до начала XX в. представление о примитивности культурно-хозяйственного типа финноязычных племен Поволжья, но и послужил основой реконструкции культуры этих племен.

³¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94. — В данной работе приведена обширная литература о древней мере.

³² Литературу, посвященную муроме, см. в указанной монографии Е. И. Горюновой.

Значительная часть монографии Е. И. Горюновой посвящена истории славянской миграции в области Волго-Окского междуречья. Ею намечены три этапа продвижения славян на земли мери и муромы. Первый этап — этап «каспиллярного проникновения» в X в. отдельных славянских поселенцев (словен и кривичей). Второй этап (вторая половина X—первая половина XI в.) характеризуется приливом в этот район «первой крупной волны славянской колонизации». Важнейшей чертой этого периода явилось возникновение на месте старых мерянских и муромских поселений русских городов — Ростова, Суздаля, Мурома, Ярославля, ознаменовавших своим появлением продвижение в Волго-Окское междуречье по следам славянской земледельческой колонизации феодального государства и ускоривших процесс ассимиляции аборигенных этнических групп. Третий этап начинается, по мнению Е. И. Горюновой, в самом конце XI в., когда массовая земледельческая и княжеская колонизация слились с потоком переселенцев из степных окраин.³³

Представление о славяно-финских взаимоотношениях в районе мерянского Поволжья в начале 60-х годов было существенно дополнено благодаря публикации материалов крупнейших курганных могильников этого района.³⁴ Анализ всего комплекса данных, полученных при исследовании этих могильников, показал, что проникновение славян в район Ярославского Поволжья происходил не позднее второй половины X в. Колонизация края шла не всегда мирным путем, ее следствием была интенсивная ассимиляция местного населения в течение последующего столетия, не приведшая, однако, к исчезновению его этнической специфики. Она влекла за собой ускорение социального расслоения в местной финноязычной среде.

Исторические судьбы мери и муромы, влившихся в период образования Московского государства в состав великорусской народности, разделило также и третье племенное объединение Волго-Окского района — мещера. Относительно слабая изученность мещерских археологических памятников, ограниченное количество данных других источников, главным образом топонимики, актового материала, диалектологии, этнографии, вынуждали некоторых исследователей сомневаться в реальности существования обособленной мещерской этнической группы. Литература, затрагивающая проблему мещеры, в большинстве своем посвящена истории Московского государства и возможным этническим связям древней мещеры с современными этнографическими группами русских-мещеряков и татар-мишарей.³⁵ Попытки

³³ Горюнова Е. И. Этническая история..., с. 183.

³⁴ Ярославское Поволжье X—XI вв. (по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников). Под ред. А. П. Смирнова. М., 1963.

³⁵ Кутин Б. А. Материальная культура русской мещеры, ч. I. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан. — Труды Гос. музея Централь-

выделить специфически мещерские памятники предпринимались П. П. Ефименко.³⁶ Ряд памятников периода начавшейся ассимиляции этого племени славянами (Х—XI вв.) определил как мещерские А. Л. Монгайт.³⁷

Наиболее крупным этническим массивом, с которым столкнулись славяне при их продвижении в Среднее Поволжье, явились мордовские племена, заселявшие лесные области в междуречье Оки, Волги и Суры. Попытки определения на основе археологического материала экономики мордовских племен, уровня развития их социальной организации, культурных и этнических связей были предприняты уже в исследованиях 20—30-х годов.³⁸ В них мордовские племена предстали как обладатели сложного культурно-хозяйственного комплекса, в котором сочетались земледелие, разведение крупного рогатого скота и овец, охота, пчеловодство. Культура морды характеризовалась развитыми и специализированными домашними ремеслами.

Вопросы этнической истории морды и, в частности, вопросы соотношения древнемордовского этнокультурного единства и эрзи, мокши, мещеры, муромы, взаимоотношения древнемордовских племен со славянами и Древнерусским государством неоднократно рассматривались в работах А. П. Смирнова, А. Е. Алиховой, П. Д. Степанова, М. Ф. Жиганова, А. Ф. Дубынина, А. В. Циркина, А. Л. Монгайта и др.³⁹

ной промышленной области, вып. 3, М., 1928; Малинина М. Д. Очерки рязанской Мещеры. — Вестник рязанских краеведов, 1925, № 3; Лебедева И. И. Одежда Рязанской губернии. Рязань, 1929; Алексеева Т. И. Антропологический состав мещеры. (К проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье). Автореф. канд. дис. М., 1954; Алексеева Т. И., Васильев Б. А. К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар-мишарей. — КСИЭ, 1959, вып. XXXI.

³⁶ Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. — Материалы по этнографии, Л., 1926, т. III; см. также: Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, № 28, с. 143—144.

³⁷ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 117—121.

³⁸ Ефименко П. П. 1) Рязанские могильники...; 2) К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. по археологическим источникам. — СА, 1937, II; Рыков П. С. Очерк истории морды по археологическим материалам. М., 1933.

³⁹ Смирнов А. П. 1) Очерки древней и средневековой истории...; 2) К вопросу о русско-мордовских отношениях в Х—XIV вв. — СА, 1971, № 3; Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959; Алихова А. Е. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре морды конца I и начала II тысячелетий н. э. — СА, 1958, № 2; Степанов П. Д. 1) К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи. — Учен. зап. Саратовского гос. ун-та, 1956, вып. XXII; 2) Взаимоотношения морды и восточнославянских племен по данным археологии. — Зап. Мордовского научно-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики, Саранск, 1951, № 13; Дубынин А. Ф. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли. — СА, 1966, № 3; Очерки истории Мордовской АССР, ч. I. Саранск, 1955; Циркин А. В.

Вопросы колонизации мордовских земель славянами и взаимной ассимиляции на стыке обоих этносов вызвали дискуссию между А. П. Смирновым, сторонником ранней массовой славянизации Среднего Поволжья, и А. Л. Монгайтом, сторонником более позднего, медленного и диффузного освоения славянами мордовских земель.

С историей средневековой мордовы тесно связан вопрос о буртасах. Определению этнической принадлежности и локализации буртасов на карте Среднего Поволжья посвящено значительное число исследований.⁴⁰ Для историков Руси интерес к проблеме буртасов объясняется той ролью, какую играла эта племенная группировка в экономических контактах Руси и Востока, а также в военно-политических взаимодействиях Руси, Волжской Булгарии, Хазарии и восточнофинских племен. Наиболее аргументированной в настоящее время представляется точка зрения В. В. Гольмстен и А. П. Смирнова, отождествляющих буртасов с мордвой — мокшой, высказанная впервые П. С. Савельевым еще в середине XIX в.

Процессы этнополитического и социального развития финноязычных племен Волго-Окского междуречья и Среднего Поволжья были многосторонне связанны с Булгарским государством. В обобщающей монографии А. П. Смирнова «Волжские булгары»⁴¹ наряду с его исследованиями, освещавшими отдельные аспекты булгарской проблемы, сформулированы основные современные научные представления о Булгарском государстве в Поволжье и его исторической роли в Восточной Европе.

Время установления славяно-булгарских этнических контактов А. П. Смирнов относит к эпохе до их переселения в Прикамье.⁴² Он полагает, что русские княжества оказали большое влияние на сложение булгарской культуры. Булгарское государство в свою очередь как центр сношений с Востоком сыграло значительную роль в развитии русской торговли. Политическим взаимоотношениям Владимиро-Сузdalской Руси и Волжской Булгарии значительное внимание в ряде своих работ уделил Н. Н. Воронин.⁴³

1) Мордовский элемент в погребальном обряде восточных славян. — Тр. Морд. НИИЯЛИЭ, Саранск, 1964, вып. 27; 2) Проникновение славянской культуры в быт и погребальный обряд мордвы (VII—XIII вв.). — Там же, 1966, вып. 30; Монгайт А. Л. 1) Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. — СА, 1953, XVIII; 2) Рязанская земля...

⁴⁰ Литература вопроса исчерпывающе приведена в работе: Васильев Б. А. Проблема буртасов и мордва. — В кн.: Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1961 (ТИЭ, новая серия, т. XIII).

⁴¹ Труды ГИМ, 1954, вып. XIX.

⁴² Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, с. 22, 24.

⁴³ Воронин Н. Н. 1) Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса. — В кн.: Проблемы общественно-экономической истории России и славянских стран. М., 1963; 2) Из истории сельского поселения феодальной Руси. — ИГАИМК, 1925, вып. 138.

Разработка вопроса о проникновении славян в области восточноевропейского Юго-Востока была выведена из сферы догадок и гипотетических умозаключений благодаря археологическим исследованиям. Анализ средневековых памятников Юго-Востока получил два направления: 1) изучение лесостепной зоны (славянской) в эпоху сложения Киевской Руси;⁴⁴ 2) исследование памятников, расположенных в зоне степи, население которой до середины X в. входило в политическую систему Хазарского каганата.⁴⁵

М. И. Артамонов и И. И. Ляпушкин еще в предвоенные годы аргументировали положение о том, что русская колонизация Подонья и Тамани началась только после разгрома Хазарии Святославом, т. е. во второй половине X в. М. И. Артамонов установил, что до похода Святослава Нижний Дон и Приазовье были заселены не аланами, иранцами по языку, как предполагали А. А. Спицын и Ю. В. Готье, а болгарскими, тюркскими по языку родо-племенными группами, которые были родственны хазарам. Эти группы были носителями салтово-маяцкой археологической культуры.⁴⁶

Проведенные с большим размахом в послевоенные годы археологические исследования на Юго-Востоке, главным образом работы Волго-Донской экспедиции 1949—1951 гг. под руководством М. И. Артамонова и Таманской экспедиции 1952—1955 гг. под руководством Б. А. Рыбакова, дали огромный фактический материал, который позволил к концу 60-х годов создать всестороннюю этнокультурную и социально-экономическую характеристику Подонья и Приазовья (включая Таманский полуостров и Восточный Крым). В работах М. И. Артамонова, В. Д. Белецкого, О. А. Артамоновой, С. А. Плетневой, П. А. Рацпоппорта и других была представлена история строительства, заселения, политической жизни, торговых и этнокультурных связей самого значительного хазарского центра в Подонье — Саркела, ставшего после появления в нем славянских колонистов русским городом Белой Вежей. История Саркела — Белой Вежи была изучена на широ-

⁴⁴ Ефименко П. П. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. — СГАИМК, 1931, № 2; Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону. — МИА, 1948, № 8; Ляпушкин И. И. 1) Городище Новотроицкое. — Там же, 1958, вып. 70; 2) Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. — Там же, 1961, вып. 104. — В этой же работе указана литература вопроса.

⁴⁵ Артамонов М. И. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону. — ИГАИМК, 1935, вып. 131; 2) Саркел и некоторые другие укрепления Северо-Западной Хазарии. — СА, 1940, VI; Ляпушкин И. И. 1) Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, 1941; вып. 6; 2) Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — Там же, 1958, вып. 62.

⁴⁶ О дискуссии см.: Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. — МИА, 1958, № 62; Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры...

ком фоне этнической и политической истории всего восточноевропейского Юго-Востока.⁴⁷

Проблема этнокультурных взаимоотношений в Южном Приазовье была рассмотрена на материалах Таманской экспедиции С. А. Плетневой. По ее мнению, совпадшему с наблюдениями И. И. Ляпушкина, край оказался заселенным теми же этническими группами носителей салтово-маяцкой культуры, которые обитали и в Нижнем Подонье; установление его непосредственных контактов с областью сложения Древнерусского государства в Поднепровье относится только к эпохе, следующей за восточным походом Святослава.⁴⁸ Поиски ранних славянских поселений в Прикубанье, наличие которых предполагали некоторые исследователи в 30—40-х годах, оказались неудачны.⁴⁹ Критический анализ археологических материалов из Восточного Крыма, предпринятый А. Л. Якобсоном, а затем раскопки средневековых поселений в Восточном Крыму, проведенные А. В. Гадло, показали, что и здесь в эпоху Хазарского каганата доминирующим этнокультурным комплексом была салтово-маяцкая, неславянская, археологическая культура.⁵⁰

Крупнейшим исследованием, подведшим итог изучению салтово-маяцкой культуры в областях Западной Хазарии и, таким образом, вскрывшим этнополитический фон, на котором осуществлялось продвижение славяно-русских дружины, а затем колонизационных потоков в юго-восточном направлении — на Нижний Дон, в Крым, Северо-Западное Предкавказье и Нижнее Поволжье, явилась монография С. А. Плетневой «От кочевий к городам».⁵¹ С. А. Плетнева убедительно доказала высказанную еще в 30-е годы М. И. Артамоновым мысль о том, что в период вхождения Приазовья, Нижнего Подонья и бассейна Донца в политическую систему Хазарской державы в этих областях происходил процесс перехода от экстенсивного степного скотоводства к комплексному земледельческо-скотоводческому хозяйству, который сопровождался изменением социальной структуры общества: классовым расслоением, выделением феодализирующейся знати, развитием поселений городского типа, формированием государства.

⁴⁷ См.: Труды Волго-Донской экспедиции. — МИА, 1958, № 62; 1959, № 75; 1963, № 109; Артамонов М. И. История хазар. М., 1962.

⁴⁸ Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

⁴⁹ Монгайт А. Л. Некоторые средневековые памятники Северо-Западного Кавказа. — СА, 1955, XXIII.

⁵⁰ Якобсон А. Л. 1) Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. — МИА, 1959, вып. 85; 2) Средневековый Крым. Очерки истории и истории культуры. М.—Л., 1964; Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. — Вестник ЛГУ, 1968, № 14, вып. 3.

⁵¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — МИА, 1967, вып. 142.

Взаимоотношения рода-племенных групп носителей салтово-маяцкой культуры и славян, продвигавшихся в западные области Хазарии в период ее политического процветания, получили объективное отражение в ряде исследований и публикаций, вышедших в свет во второй половине 50-х и в 60-х годах. Они зафиксировали продвижение славян-земледельцев в черноземные районы, лежавшие на границе лесостепи, и даже в степь в течение IX—X вв.⁵² Исследование славянских памятников Левобережной лесостепи показало существование прочных экономических и этнокультурных контактов между славянами и племенами Западной Хазарии.

Славянская колонизация после крушения хазарского могущества во второй половине X в., как полагал М. И. Артамонов, распространилась по Дону и Донцу, поглотила область Саркела и достигла берегов Керченского пролива, где возникло русское Тмутороканское княжество.

Систематическое изучение юго-западных окраин Руси, территории, лежащей в Прутско-Днестровском междуречье и южных предгорьях Карпат, началось только в послевоенные годы. По свидетельствам «Повести временных лет», эта область являлась районом расселения двух летописных племен — тиверцев и уличей. Решающую роль в изучении Прутско-Днестровского района сыграла Молдавская (затем Прутско-Днестровская) экспедиция АН СССР и АН МССР, с 1950 г. планомерно изучающая археологические памятники Молдавии (руководитель экспедиции Г. Б. Федоров). В многочисленных публикациях и исследованиях сотрудников экспедиции был дан анализ добытого археологами материала и сделана попытка представить полную картину исторического развития этнических групп, заселявших эту область в течение I и начальных веков II тыс.

Изучение территории Прутско-Днестровского междуречья позволило наметить решение проблемы этногенеза молдавского народа.⁵³ Эта проблема еще в 30-е годы была поставлена в советской науке лингвистами, обратившими внимание на крупную роль славянского элемента в формировании культуры и языка восточ-

⁵² Ляпушкин И. И. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. — МИА, 1958, вып. 62; Телегин Д. Я. Находки раннеславянского времени на Северном Донце. — КСИИМК, 1957, вып. 68; Москаленко А. Н. 1) Городище Титиха. Воронеж, 1963; 2) О возникновении древнерусских поселений на Дону (по материалам археологических раскопок). — В кн.: Вопросы истории славян, вып. 2. Воронеж, 1966; Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962; Плетнёва С. А. 1) О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. — СА, 1962, № 1; 2) Об этнической неоднородности населения северо-запада Хазарского пограничья. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972.

⁵³ Федоров Г. Б. 1) Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — МИА, 1960, № 89; 2) Славяне Поднестровья. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, и др.

ных романцев — румын и молдаван.⁵⁴ Археологические исследования привели к неоспоримому выводу — материальная культура лесостепной части Прутско-Днестровского междуречья до XIV в. имеет славянский облик.⁵⁵ В этногенезе молдавского народа была выявлена и убедительно продемонстрирована роль малоизвестного до этого племени славян — тиверцев.⁵⁶ В течение VI—XII вв. славянская культура безраздельно господствовала на территории, занятой впоследствии молдавским этносом. Расселение романизированного населения Карпат и их предгорий в бассейне Серета, Прута, Днестра и Нижнего Дуная привело в процессе образования средневековой молдавской народности к заимствованию многих сторон славянской культуры.⁵⁷

В конце 50—60-х годах в Нижнем Подунавье, Поднестровье и Молдавии были открыты и изучены памятники, аналогичные памятникам так называемой балкано-дунайской (славяно-дунайской, или праболгарской) культуры Первого Болгарского царства.⁵⁸

М. И. Артамонов связывал эти памятники с болгарским этносом, расселившимся в Северо-Западном Причерноморье.⁵⁹ Остатками этого болгарского массива были, по мнению А. В. Гадло, разделенному М. И. Артамоновым, «чёрные болгары» русской летописи.⁶⁰ Процесс ассимиляции болгар и славян в Поднестровье и Подунавье был прослежен на антропологическом материале М. С. Великановой.⁶¹

⁵⁴ Сергиевский М. В. Молдавские этюды. М.—Л., 1936; Можков Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX века). Кишинев, 1961.

⁵⁵ Федоров Г. Б. Основные итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР. — Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. Кишинев, 1964; Рафалович И. А. Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972; Археологические исследования в Молдавии в 1970—1971 гг. Кишинев, 1973.

⁵⁶ Федоров Г. Б. 1) Славянские городища Молдавии. — ВАН СССР, 1953, № 4; 2) Тиверцы. — ВДИ, 1952, № 2.

⁵⁷ Федоров Г. Б. 1) Население Юго-Запада СССР в первом—начале второго тысячелетия нашей эры. — СЭ, 1961, № 5; 2) Население Прутско-Днестровского междуречья., с. 171, 185, 203, 222; Королюк В. Д. 1) К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. — СС, 1973, № 3; 2) Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории. — Там же, 1974, № 1.

⁵⁸ Чеботаренко Г. Ф. 1) Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, 1973. — В этой работе наиболее полно указана литература по данному вопросу.

⁵⁹ Наиболее полное изложение проблемы и литературу см.: Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — Доклады отделений и комиссий ГО СССР. Этнография, 1970, вып. 15.

⁶⁰ Гадло А. В. О чёрных и внутренних болгарах. (Одна из спорных проблем исторической этнографии Южнорусской степи). — Доклады по этнографии. Л., 1968, вып. 6.

⁶¹ Великанова М. С. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным. — СЭ, 1965, № 6.

Эти исследования, в значительной степени только начатые, показали, что процесс ассимиляции славянами иноэтнических родо-племенных групп и включение их в состав древнерусского этноса проходили не только на севере, но и в южной зоне, где расселение славян способствовало оседанию кочевников, политической стабилизации и включению различных по языку и культуре родо-племенных объединений в относительно более высокую систему социально-экономических связей — систему раннефеодальную.

В последнее десятилетие в советской исторической науке усилилось внимание к проблеме взаимоотношений славян и неславянских народов и этнических групп Восточной Европы как в эпоху сложения Древнерусского государства, так и в эпоху ее политического могущества. Древнерусское государство в работах советских историков предстает не только как колыбель трех братских восточнославянских народов, но и как давнее этнополитическое единство, в недрах которого происходила этническая и политическая консолидация ряда народов Восточной Европы, зарождались основы хозяйственно-экономического синтеза и взаимодействия, возникали «первые ростки дружбы разноязычных простых людей, их общего протesta против классового гнета и борьбы с иноземными захватчиками».⁶²

---

⁶² Пашута В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 126.

Социально-экономический строй Киевской Руси

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ (СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫСЛЫ, РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ)

Характер производственных занятий восточных славян и населения Древней Руси — проблема, волновавшая многие поколения русских историков. Перед советскими исследователями, как и перед их предшественниками, стоял вопрос о месте земледелия, скотоводства, охоты и промыслов в древнерусской экономике. Отвечая на этот вопрос, М. Н. Покровский говорил, что славяне «были земледельцами уже до разделения».¹ Земледелие восточных славян — примитивное мотыжное земледелие, предполагающее бродячий образ жизни, обусловливаемый быстрым истощением почвы и вытекающей отсюда потребностью в сравнительно большой площади земли. Но, несмотря на глубокую древность славянского земледелия, «русские славяне» выступают в изображении М. Н. Покровского как народ лесной, живущий в первую очередь за счет бортничества. Вслед за бортничеством М. Н. Покровский называет свиноводство и липь потом — «кочевое земледелие». Охоту в качестве промысла он поставил на последнее место.²

Впрочем, в другой работе «Очерк истории русской культуры» М. Н. Покровский сместил акценты. Здесь указывается, что славяне «главным образом при помощи земледелия добывали себе пищу».³ Занимались славяне и звероловством, «но серьезного экономического значения в древнейшую эпоху охота не имела». Только в X в. она приобрела существенное значение. Далее М. Н. Покровский подчеркивает, что «охотой славяне систематически и усиленно стали заниматься под влиянием торговли». В заключение он пишет: «Итак, основой древнеславянского хозяйства было земледелие, сначала, вероятно, ручное, позже с помощью рабочего скота, вола или лошади, причем и первого и вторую славяне заимствовали у соседей. Охота и рыболовство, а еще раньше пчеловодство играли роль подсобных промыслов. Скотоводство было развито слабо».⁴

¹ Покровский М. Н. Избранные произведения, кн. I. М., 1966, с. 85.

² Там же, с. 87—90.

³ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры, ч. I. М.—Л., 1925, с. 32.

⁴ Там же, с. 35.

Несколько иную картину рисует Н. А. Рожков. На Руси с VI до середины X в. основной отраслью производства «была добывающая промышленность в разных ее видах. Важнейшими из этих видов добывающей промышленности являются охота или звероловство».⁵ Н. А. Рожков не отрицает земледелия у восточных славян VI—VIII вв. «Но существование земледелия и его господство — не одно и то же», — добавляет он. И затем утверждает, что «земледелие в древнейшей Руси не господствовало, не было даже очень важной отраслью хозяйства».⁶

Переходя к Руси X—XII вв., Н. А. Рожков указывает на важную роль «добывающей промышленности» в русском народном хозяйстве. Он суммирует факты, относящиеся к охоте, пчеловодству, рыболовству, солеварению, обращает внимание на рост в XI и XII вв. скотоводства. Земледельческое же производство, по мнению Н. А. Рожкова, становится «одним из обычных и важных занятий народа» в конце XI—XII в.⁷

Аналогичного мнения о роли земледелия в экономике восточных славян и древнерусского населения придерживался И. М. Кулишер.⁸ Что касается скотоводства, то здесь он высказывал точку зрения, более близкую М. Н. Покровскому, чем Н. А. Рожкову, — констатируя некоторую отсталость этой отрасли сельского хозяйства.⁹ Иначе думал П. И. Лященко. Говоря о хозяйственной жизни X—XII вв., он указывал, что основой производства той поры, особенно в южных районах русских земель, стало земледелие. Наряду с ним видное место занимали охота, звероловство, рыболовство и бортничество. Важную роль они играли в экономике более северных лесных областей.¹⁰

Приведенные высказывания о сельском хозяйстве и промыслах восточных славян и Древней Руси свидетельствуют, что в первое время после Октябрьской революции эта проблема решалась на том же самом уровне, с помощью тех же средств, как и в дореволюционной историографии. Основную задачу исследователи видели в том, чтобы выявить значение земледелия и других форм хозяйственной деятельности в экономике восточных славян, и добивались ее решения, оперируя преимущественно письменными источниками и данными лингвистики (археологические материалы привлекались здесь крайне эпизодически). Причина тому — отсутствие надежного и массового археологического материала.

⁵ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. Пг., 1919, с. 76.

⁶ Там же, с. 77, 78.

⁷ Там же, с. 147—151.

⁸ Кулишер И. М. 1) Очерк истории русской промышленности. Пг., 1922, с. 6—7; 2) История русского народного хозяйства, т. I. М., 1925, с. 12—13, 54.

⁹ Кулишер И. М. История русского народного хозяйства, с. 57.

¹⁰ Ляшенко П. И. История русского народного хозяйства. М.—Л., 1927, с. 29, 31, 66, 68.

К концу 20-х годов археологическая наука сделала заметные успехи. Одним из первых ученых-историков, обратившихся к археологическим сведениям, был Ю. В. Готье. Анализируя археологические памятники «северорусских славянских племен», он пришел к заключению, что эти памятники рисуют «быт первобытного земледельческого населения».¹¹ Впрочем, высказывания Ю. В. Готье о славянском земледелии имели попутный характер, поскольку в книге внимание автора было сосредоточено на других проблемах. Более целеустремленно использовал археологические источники для определения роли земледелия в древнерусском хозяйстве Б. Д. Греков.

В докладе «Рабство и феодализм в Древней Руси» он уделил большое внимание проблеме сельского хозяйства славян, отведя ей два раздела.¹² Сопоставив факты, почерпнутые из письменных источников, с археологическими материалами, Б. Д. Греков пришел к убеждению, что перед ним общество, «производственная база которого основана прежде всего на земледелии», одинаково важном для северных и южных районов.¹³ Отличались эти районы лишь способом перехода к пашенному земледелию: «...лесной север переходит к полевому хозяйству от подсеки через особого рода своеобразный перелог, степь начинает с подлинного перелога и идет к тому же пашенному земледелию. Орудия производства при этом разные и история их неодинакова. На севере появляется трехзубая соха, разрыхляющая и бороздящая выжженное из-под леса поле. Дальнейшая история сохи заключается в уменьшении количества зубьев и появлении лемеха... На юге история пашенного орудия проделывает свою собственную эволюцию. Мотыга — рало — плуг».¹⁴ И письменные, и вещественные памятники свидетельствуют, по мнению Б. Д. Грекова, о победе с IX—X вв. пашенного земледелия.¹⁵

Б. Д. Грекова привлек опыт М. Н. Покровского и А. В. Арциховского, осуществлявших попытку связать эволюцию общественных отношений с изменениями в технике земледелия.¹⁶ Он широко использовал также наблюдения П. Н. Третьякова о роли подсечного земледелия в Восточной Европе. Б. Д. Греков писал: «Подсечное земледелие в том виде, как его рисуют материалы, связано с переходным этапом в истории классового общества — патриархальной семейной общиной. Согла и борона, орудия нового этапа в истории сельскохозяйственного производства, вырастая

¹¹ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, с. 243.

¹² Греков Б. Д. Рабство и феодализм в Древней Руси. — ИГАИМК, 1934, вып. 86, с. 10—28.

¹³ Там же, с. 14, 15.

¹⁴ Там же, с. 25.

¹⁵ Там же, с. 28.

¹⁶ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры, с. 50—52; Арциховский А. В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. — Труды социологической секции РАНИОН, 1927, I.

в условиях подсечного земледелия, окончательно сложившись в свою очередь в соответствии с общим ходом развития производительных сил, дают начало новой форме земледелия, разрушая подсечную систему».¹⁷

Иначе, чем Б. Д. Греков, изображал производственные занятия древнерусского населения С. В. Бахрушин. Он полагал, что вплоть до XI в. сельскохозяйственная отрасль на Руси стояла на втором плане. Только в XI в. произошел большой сдвиг в хозяйстве Приднепровья, господствующее положение в нем заняло сельское хозяйство.¹⁸

Заявление С. В. Бахрушина было непосредственно адресовано Б. Д. Грекову, поскольку сделано в рецензии на его книгу «Феодальные отношения в Киевском государстве». Однако Б. Д. Греков не нашел убедительными доводы рецензента и продолжал развивать идеи, высказанные в ранних своих трудах. При этом он совершенствует систему доказательств, привлекая новые археологические материалы, которые натолкнули его на мысль, что трипольцы—скифы—русь—звенья одной цепи.¹⁹ Но поскольку и трипольцы, и скифы обладали развитыми земледельческими навыками, Б. Д. Греков заключал, что эти навыки не могли быть забыты: они перешли к восточным славянам и в конечном счете — к населению Древней Руси.²⁰ Б. Д. Греков архаизировал земледельческие традиции восточных славян, отодвинув их в глубокую древность. Таким же образом до Б. Д. Грекова поступил С. В. Юшков, который поставил в прямую связь сельскохозяйственную культуру славян Приднепровья с сельским хозяйством скифов-пахарей, о которых писал Геродот.²¹ С. В. Юшков считал земледелие основной отраслью восточного славянства в IX—X вв.²²

В конце 30-х годов вопрос о сельском хозяйстве в Древней Руси был рассмотрен В. В. Мавродиным. Он отметил, что основным занятием у восточных славян являлось земледелие.²³ С ранней поры и до IX в. оно было подсечным. Характерным для эволюции земледелия являлось следующее: «1) Переход от подсеки через стадию перелога к пашенному земледелию в лесной полосе..., 2) длительное бытование сперва перелога, а затем пашенного земледелия с двухпольной и позже трехпольной системой на юге — в степной полосе и 3) сочетание этих двух форм земледелия в их эволюции — в лесостепной полосе».²⁴

¹⁷ Греков Б. Д. Рабство и феодализм..., с. 21.

¹⁸ Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. — ИМ, 1937, № 3, с. 166.

¹⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 33—34.

²⁰ Там же, с. 34—35; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 36—37.

²¹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 7.

²² Там же, с. 6, 8.

²³ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, с. 78.

²⁴ Там же, с. 82.

В книге «Образование Древнерусского государства», обобщая археологический материал, открытый на городищах «роменского типа» VIII—IX вв., В. В. Мавродин писал: «Земледелие хотя и играло большую роль в экономике населения городищ „роменского типа“, но не успело стать решающей отраслью хозяйственной жизни. Примитивность земледелия приводила к тому, что скотоводство, охота, рыбная ловля и лесной промысел — бортничество, сорирание ягод и грибов имели весьма существенное значение и были серьезным подспорьем в жизни славян. В некоторых районах Древней Руси эти второстепенные отрасли хозяйственной деятельности... играли еще большую, быть может, даже решающую роль». ²⁵ В. В. Мавродин обратил внимание также на важное значение скотоводства в отдаленные времена.²⁶

В VII—IX вв. автор отмечает усилившуюся на севере тенденцию к повышению удельного веса земледелия, появление новых орудий труда, рост земледельческой техники.²⁷ В конечном счете подсечное земледелие уступает место пашенному, способствующему возникновению «индивидуальных форм земледелия», доступных малым семьям, в чем заключалась экономическая причина разложения рода-племенного строя.

В своих исследованиях на основе письменных и археологических источников В. В. Мавродин стремился нарисовать конкретную картину древнерусского сельского хозяйства, всесторонне изобразить реальное состояние данной отрасли производства во всех ее конкретных проявлениях и изменениях, наблюдавшихся на протяжении веков.

Большой археологический материал был синтезирован в трудах П. Н. Третьякова. В обобщающей монографии о восточнославянских племенах он обрисовал состояние сельского хозяйства и промыслов у восточных славян второй половины I тыс. н. э.²⁸ Наиболее полную картину, изображающую сельское хозяйство и промыслы в древний период истории Руси, П. Н. Третьяков развернул в специальной главе, написанной для первого тома «Истории культуры Древней Руси».²⁹

Итак, по сравнению с работами 30-х годов исследования 40-х—начала 50-х годов отличались более детальным и конкретным изображением производственных занятий древнерусского населения. Это результат значительно выросших археологических знаний.

Говоря же о работах того времени в целом, необходимо подчеркнуть, что советские ученые сосредоточили тогда основные

²⁵ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 116.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 125.

²⁸ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. Изд. 1-е. М.—Л., 1948; изд. 2-е. М., 1953.

²⁹ История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 47—77.

силы на изучении земледелия, чтобы доказать примат последнего в экономике Древней Руси.³⁰ В результате земледельческая отрасль производства поглотила их внимание, оттеснив другие отрасли хозяйства.³¹ Надо было преодолеть этот недостаток.

В литературе 50—60-х годов положение исправляется. Книга «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» — яркий тому пример. В ней имеется глава о сельском хозяйстве, написанная В. П. Левашевой. Кроме сюжетов, относящихся к земледелию (орудия обработки почвы и технология сельскохозяйственного производства, орудия уборки урожая, состав культурных растений и др.), В. П. Левашева изучила скотоводство в Древней Руси, состав домашних животных, коневодство и птицеводство.³²

Важное значение имела глава книги о промыслах древнерусской деревни, принадлежащая В. А. Мальм. Как отметил Б. А. Рыбаков, «работа В. А. Мальм заполняет пробел в изучении промыслов Древней Руси — охоты, рыболовства и бортничества».³³ В этом исследовании автор пришел к выводу, что «охота, рыболовство и бортничество, являясь побочными занятиями населения деревни, играли важную роль в экономике Руси. Продукты промыслов не только шли для собственного потребления внутри страны, но и поступали на внешний рынок. Самыми важными статьями русского вывоза в домонгольский период являлись меха, воск и мед».³⁴

После выхода в свет «Очерков по истории русской деревни» внимание исследователей к древнерусскому скотоводству и промыслам возрастало. Главная роль в изучении этих отраслей экономики принадлежала, как и раньше, археологам. Они собрали новый значительный материал, что позволило более подробно изучать хозяйственную деятельность древнерусского населения. Среди исследований по скотоводству особо следует назвать работы В. И. Цалкина, в трудах которого обстоятельно изучена история животноводства на территории Восточной Европы с древнейших времен до эпохи Киевской Руси включительно. Заслуга В. И. Цалкина состояла еще в том, что он указал на важное значение охоты не только как средства добычи меха, но и как источника пищевых ресурсов.^{34а} Аналогичные суждения о роли

³⁰ Впрочем, С. Г. Струмилин пытался обосновать тезис об отсталости земледелия у славян, которое, по его мнению, не могло даже обеспечить население необходимыми для жизни продуктами. (К истории земледельческого труда в России. — ВЭ, 1949, № 2).

³¹ Выделяется труд М. Е. Лобашева, который пришел к выводу о довольно высоком уровне развития животноводства в Древней Руси («Очерки по истории русского животноводства. М.—Л., 1954»).

³² «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» М., 1956, с. 20—93.

³³ Там же, с. 6.

³⁴ Там же, с. 129—136.

^{34а} Цалкин В. И. 1) Материалы для истории животноводства и охоты в древней Руси. — МИА, 1956, № 53; 2) Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке. — Там же, 1962, № 107; 3) Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, и др.

охоты в Древней Руси высказал и В. В. Мавродин. По его мнению, еще большее значение в пищевом балансе древнерусского населения имела рыбная ловля.³⁵ О древнерусском рыболовстве, выделившемся в специальную хозяйственную отрасль, писал А. В. Кузя.³⁶

Интенсивное исследование истории животноводства и промыслов в Древней Руси не заслонило проблем, относящихся к земледелию. Были созданы труды по истории земледелия как отдельных районов Древнерусского государства, так и всей Руси в целом.³⁷ Предметом исследования являлись также социальные процессы, происходившие в результате роста производительных сил в земледелии.³⁸

Более углубленное изучение сельского хозяйства и промыслов позволило воссоздать на расширенной основе картину хозяйственной жизни восточных славян и населения Древней Руси.³⁹

Таким образом, советские исследователи, занимавшиеся историей сельского хозяйства и промыслов в Киевской Руси, прошли долгий путь исканий, прежде чем получили те результаты, которыми мы располагаем в настоящее время. Вначале их больше волновал вопрос о месте земледелия в экономике Древней Руси. И они решали его с помощью тех же приемов и на том же уровне, что и дореволюционные авторы. Так было во всяком случае в 20-е годы. Позднее благодаря быстрому развитию археологических знаний появилась возможность восстановить во всей конкретности (насколько это позволяли источники) состояние сельского хозяйства и промыслов в ранний период истории Руси. Данная возможность успешно была реализована в трудах конца 40-х—начала 50-х годов. Однако и тогда преимущественное внимание исследователи уделяли земледелию, что привело к известному

³⁵ Мавродин В. В. 1) Охота на редких животных в Древней Руси. — Охота и охотничье хозяйство, 1965, № 5; 2) Охота в Киевской Руси. — Охотничьи просторы. М., 1962, т. 18; 3) Во времена Киевской Руси. — Охота и охотничье хозяйство, 1970, № 12.

³⁶ Кузя А. В. Рост общественного разделения труда в Древней Руси. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

³⁷ Кириянов А. В. 1) К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. — КСИИМК, 1952, вып. 47; 2) История земледелия Новгородской земли. — МИА, 1959, № 65; Довженок В. И. 1) К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. — Материалы по истории земледелия СССР, М., 1952, ч. I; 2) Об уровне развития земледелия в Киевской Руси. — История СССР, 1960, № 5; 3) Земледелие в древней Руси до середины XIII ст. Київ, 1961.

³⁸ Мавродин В. В. К вопросу о развитии производительных сил в земледелии восточных славян и о связи этого процесса с разложением первобытнообщинных отношений. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969.

³⁹ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, с. 134—141; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 16—32.

искажению в изображении соотношения отраслей древнерусской экономики. Дальнейшее накопление археологических материалов позволило преодолеть этот недостаток и создать более адекватную действительности картину сельского хозяйства и промыслов в Древней Руси.

Кроме сельского хозяйства и промыслов, в советской историографии обстоятельно изучались ремесла в Древней Руси. Еще М. Н. Покровский не сомневался в том, что «выделение ремесленников началось уже в Киевской Руси, притом очень рано». Первые упоминания о ремесле относятся к концу X или началу XI в. М. Н. Покровский склонялся к мысли о разных темпах роста отдельных ремесел. Быстрее всего, по его мнению, «развиваются и раньше всего достигают экономически совершенной формы не ремесла, обслуживающие обыденные потребности, а производство предметов роскоши».⁴⁰ Говоря о плотничестве в Киевской Руси, автор подчеркивает его недостаточную развитость, утверждая, что оно «едва ли было окончательно выделившимся ремеслом», ибо «стояло еще на предыдущей ступени ремесла племенного». У М. Н. Покровского нет упоминаний о всех видах ремесла в Киевской Руси. Однако он указывает на «перехожий» характер древнерусского ремесла, рассматривая «перехожее ремесло» как наиболее раннюю форму выделившегося ремесла вообще.⁴¹

Н. А. Рожков также полагал, что древнерусское ремесло развито было слабо. Тем не менее в археологических материалах он находил данные, указывающие на существование гончарного дела, ковки металлов, на производство шерстяных и льняных изделий, хотя и отмечал «несомненные признаки слабости обрабатывающей промышленности». Н. А. Рожков указывает на некоторые успехи в развитии обрабатывающей промышленности в XII в., но не считает их особенно значительными.⁴²

Той же точки зрения придерживался и И. М. Кулишер. Он обнаружил лишь зачатки ремесленной деятельности в Киевской Руси. По его мнению, ремесло той поры, будучи «кочевым» по характеру, находилось в тесной связи с хозяйством потребителя-заказчика и не отделилось «вполне от сельского хозяйства и иных, производимых для собственных нужд, работ». Раньше всего, по И. М. Кулишеру, возник кузнецкий промысел, преимущественно для производства оружия и различной домашней утвари.⁴³ Кузнецное дело автор изображает как промысел пришлый, иноземный, но постепенно распространяющийся и среди местного населения. Сквозь призму внешнего влияния И. М. Кулишер рас-

⁴⁰ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры, с. 58.

⁴¹ Там же, с. 59.

⁴² Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, с. 151—152.

⁴³ Кулишер И. М. 1) Очерк истории русской промышленности, с. 15—16, 19—21; 2) История русского народного хозяйства, с. 116, 118, 122—123.

сматривал и те ремесла, которые были связаны с производством дорогих украшений и церковной утвари. Весьма сжато он говорит о плотничестве, каменном строительстве, кожевенном деле, ткачестве и портняжничестве.

По мнению П. И. Лященко, «промышленные занятия, возникшие в недрах первобытного натурального хозяйства, еще долгое время не выделяются из него на основе общественного разделения труда в специально городские промышленные профессии».⁴⁴ Он считает, что наиболее рано выделилось плотничество, а затем кирпичное дело. Касаясь гончарного ремесла, П. И. Лященко подчеркивает слабое его развитие и полагает, что оно было занесено на Русь иностранными мастерами. Переходя к промыслам по обработке металлов, он говорит об особом экономическом значении «горнозаводского промысла». Затем П. И. Лященко упоминает различные ремесленные профессии, существовавшие в Древней Руси. Автор считает, что «с XII в. ремесленники как особый промышленный класс намечаются в составе тогдашнего общества». Однако «экономическое значение и удельный вес ремесла, при господстве все же натурального вотчинно-хозяйственного строя, не могли быть особенно велики. И такое положение ремесло сохраняет по крайней мере до XIV в., получая уже более значительное развитие не в Киевской, а в Новгородской или впоследствии в Московской Руси».⁴⁵

Специальную работу по истории ремесленного труда в Древней Руси X—XV вв. написал В. Ю. Гессен, поставивший перед собой задачу рассмотреть не только «разнообразные ремесла Древней Руси», но и ремесленные организации, существовавшие тогда.⁴⁶ Под этим углом зрения он исследовал плотническое дело, кузнецкое, ювелирное и другие ремесла.⁴⁷ Нарисованная им картина отличалась большей полнотой, чем у названных выше историков. В этом одно из достоинств исследования В. Ю. Гессена. Другое достоинство состояло в широте охвата письменных источников. Археология тогда не располагала достаточными материалами. Отсутствие археологических источников обедняло создаваемую учеными историю ремесла в Киевской Руси и приводило к ошибочным положениям, например о заимствовании гончарства и других ремесел у иноземных мастеров (П. И. Лященко).

Недостаток археологических сведений ощущался еще в 30-е годы. Не случайно Б. Д. Греков, всегда с пристальным вниманием относившийся к экономическим проблемам истории России, в первых своих работах по истории Древней Руси почти не касался

⁴⁴ Лященко П. И. История русского народного хозяйства, с. 102.

⁴⁵ Там же, с. 103—107.

⁴⁶ Гессен В. Ю. К истории ремесленного труда в Древней Руси (10—15 вв.). — Архив истории труда в России, 1922, кн. 4, с. 48.

⁴⁷ Там же, с. 48—56; кн. 5, с. 89—96; кн. 8.

сюжетов, связанных с ремеслом.⁴⁸ Лишь в изданной в 1939 г. книге «Киевская Русь» был раздел о ремесленном и наемном труде.⁴⁹ Не рассматривая специально древнерусские ремесла, Б. Д. Греков отметил, опираясь на данные письменных источников и в основном дореволюционной археологии, довольно развитое ремесло и опытных ремесленников прежде всего в городах.⁵⁰

Бегло писал о ремесле и С. В. Юшков. Он остановился на ремесле больше для того, чтобы показать, как на основе его отделения от земледелия, повышения производительности труда ремесленников и улучшения качества их продукции начинается процесс разложения сельской общины.⁵¹

Стремительное развитие археологии внесло глубокие изменения на рубеже 40—50-х годов в изучение древнерусского ремесла. Б. А. Рыбаковым была написана для первого тома «Истории культуры Древней Руси» обстоятельная глава о древнерусском ремесле.⁵² Ему же принадлежит фундаментальное исследование «Ремесло Древней Руси».⁵³ Истоки древнерусского ремесленного производства Б. А. Рыбаков прослеживает с IV в. н. э. Он тщательно анализирует данные, относящиеся к истории гончарного дела и обработки металла в VI—IX вв. Появление гончарного круга обусловило переход гончарного дела в IX—X вв. из домашнего производства в ремесло. К VI—VII вв. автор отнес «выделение специалистов-ремесленников, занимавшихся художественным литьем из бронзы и серебра». Не вызывало у него сомнения и существование «в Среднем Приднепровье в VI—VIII вв. специалистов-ремесленников, занимавшихся обработкой металла», то есть кузнецов. Развитие ремесленного производства той поры привело к возникновению ремесленных поселков, в конечном счете городов, появление которых в свою очередь оказало влияние на развитие раннего русского ремесла.⁵⁴

Б. А. Рыбаков обстоятельно исследовал древнерусское ремесло XI—XIII вв. Автор вначале рассматривает деревенское ремесло в различных его видах: кузнечное, ювелирное, гончарное дело, обработку дерева и кожи, ткачество и т. п.⁵⁵ Еще более скрупулезно он описывает городское ремесло, расцвет которого относится к середине XII в. и продолжается «вплоть до самого татарского нашествия». Ремесленное производство русских княжеств XII—XIII вв., являющееся неотъемлемой и важнейшей частью древнерусской культуры, выступало, как утверждает

⁴⁸ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1936, с. 124—126; 1937, с. 153—156.

⁴⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.—Л.; 1939, с. 151—155.

⁵⁰ Там же, с. 151.

⁵¹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, с. 12—14.

⁵² История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 78—181.

⁵³ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

⁵⁴ Там же, с. 35—99.

⁵⁵ Там же, с. 120—202.

Б. А. Рыбаков, высокоразвитым, блещущим изобретательской мыслью и быстро совершенствующим свою технику. Древнерусское ремесло не только не уступало западноевропейским образцам, но в отдельных случаях шло впереди.⁵⁶

Книга Б. А. Рыбакова была важной вехой в изучении истории древнерусского ремесла. Не случайно М. Н. Тихомиров писал: «При изучении ремесла Древней Руси мы стоим на твердой почве благодаря капитальным исследованиям Б. А. Рыбакова. Основанные на изучении вещественных памятников, его труды воссоздают яркую картину ремесленного производства на Руси IX—XV вв.».⁵⁷ Что касается самого М. Н. Тихомирова, то он исследовал вопросы, относящиеся к ремеслу и ремесленным специальностям, ремесленному населению городов и ремесленным объединениям.⁵⁸ В его изображении древнерусское ремесло предстает высокоразвитым и во многих отношениях совершенным. М. Н. Тихомиров отмечает, что «хозяйство горожан было еще сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огорода, пригородные луга по долинам рек и низинам играли роль в городском хозяйстве... Натуральное хозяйство еще довлеало над городом».⁵⁹

Имея в виду достижения Б. А. Рыбакова в области изучения истории древнерусского ремесла, М. Н. Тихомиров замечал: «Однако и после выхода трудов Б. А. Рыбакова целый ряд важных вопросов в истории городского ремесла X—XIII вв. потребует дальнейшего изучения».⁶⁰ Это был верный прогноз. Ученые продолжали работу, обращаясь не только к городскому ремеслу, но и к деревенскому, а также домашнему производству. Появляются работы, посвященные ткачеству, обработке животного сырья, дерева, гончарному делу.⁶¹ Важные результаты были получены в исследовании древнерусской металлургии (Б. А. Колчин, А. В. Успенская и др.). Более пристально изучалось ремесло отдельных городов и земель (М. К. Каргер, П. И. Засурцев, А. Л. Монгайт, Л. В. Алексеев). Благодаря бурному развитию славянорусской археологии появилась возможность воссоздать более точную картину восточнославянского ремесла.

По наблюдениям И. И. Ляпушкина, уже в VIII—IX вв. у восточных славян появляются производства, имевшие ремесленный характер: железоделательное производство, кузнечное дело и обработка цветных металлов.⁶²

⁵⁶ Там же, с. 432—433.

⁵⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 69.

⁵⁸ Там же, с. 69—92, 127—137, 141—147.

⁵⁹ Там же, с. 92.

⁶⁰ Там же, с. 70.

⁶¹ Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959; Левашева В. П. 1) Обработка кожи, меха и других видов животного сырья. — Там же; 2) Изделия из дерева, дуба и бересты. — Там же; Мальм В. А. Производство глиняных изделий. — Там же.

⁶² Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, с. 142, 144—147.

Существенное место в хозяйственной деятельности восточнославянского населения занимало изготовление керамических изделий, которое, по предположению И. И. Ляпушкина, «перестало быть делом каждой семьи, концентрируясь в руках отдельных мастеров». Однако он подчеркивает: «Существующее в литературе мнение о широком развитии гончарного круга у славян Восточной Европы уже в VIII в. не имеет обоснований».⁶³

Таким образом, археологические изыскания, проделанные советскими учеными, дали исследователям весьма выразительный материал, характеризующий состояние сельского хозяйства и промыслов в Древней Руси, и позволили поставить изучение древнерусского ремесла на прочную основу. Все это вместе взятое помогло конкретно представить хозяйственную деятельность древнерусского населения.

В дореволюционной исторической литературе (В. О. Ключевский и его последователи), посвященной экономике Древней Руси, проблема древнерусской торговли занимала центральное место.

В трудах М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова, П. И. Лященко и других содержатся описания торговых связей Руси с Востоком, Византией, странами Западной Европы.⁶⁴ Обращались эти исследователи и к внутренней торговле.

Помимо общих трудов, содержащих суждение о древнерусской торговле, были опубликованы специальные исследования на данную тему, написанные вскоре после Октябрьской революции. Большинство из них посвящено изучению торговых путей, связывавших Русь с зарубежными странами.⁶⁵

Существенный интерес представляет работа П. Г. Любомирова о восточной торговле Руси. Цель, которую поставил перед собой автор, состояла в том, чтобы с помощью нумизматического материала «подойти к основе построения Ключевского, попробовать... проверить его положения о значительности торговых связей Руси с Востоком, уяснить себе пути этих сношений — не возможные географически, а использованные реально, — определить широту и глубину захвата Руси восточной торговлей, установить порядок и хронологию вхождения отдельных районов в эту тор-

⁶³ Там же, с. 148.

⁶⁴ Покровский М. Н. Избранные произведения, кн. I, с. 132—146; Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, с. 153—158; Лященко П. И. История русского народного хозяйства, с. 115—122; Кулишер И. М. История русского народного хозяйства, с. 127—147, и др.

⁶⁵ Рубинштейн Н. Л. Западные пути торговли Украины—Руси. — Вісник Одесської комісії краєзнавства, 1925, ч. 2—3; Рождественский С. В. Невско-Ладожский бассейн в истории военно-торговых путей до XVIII в. — Труды Ленинградского об-ва изучения местного края, 1927, т. I; Брим В. А. Путь из варяг в греки. — ИАН СССР, VII серия, отд. общественных наук, 1931, № 2.

говлю и дать ответ на вопрос, все ли племена славянские и ближайшие к ним неславянские были втянуты в эти связи с Востоком и если втянуты, то в какой мере».⁶⁶ С поставленной задачей П. Г. Любомиров в основном справился, нарисовав картину оживленных связей Руси с Востоком, установившихся задолго до так называемого призыва варягов. На X в. приходится, по П. Г. Любомирову, расцвет восточной торговли Древней Руси. Но к исходу того же столетия замечается ее упадок.⁶⁷ Эта мысль П. Г. Любомирова важна в историографическом плане, поскольку позднее она будет фигурировать в произведениях советских историков.

П. Г. Любомиров, как и упомянутые выше ученые, писал о том, что внешняя торговля (в данном случае — восточная) задевала лишь верхушку древнерусского общества, причем он ограничивал купеческую торговлю поселениями на реках и переволоках.⁶⁸

Идея о поверхностном характере внешней торговли, не задевавшей массу населения в Киевской Руси, впоследствии тоже станет распространенной среди наших ученых.

Таким образом, интерес к проблеме торговых связей на Руси в киевский период ее истории не ослабевал у историков, работавших в 20-е годы. Позднее, в 30-е годы, обстановка несколько изменилась и стал заметен спад исследований в данной области. Это объяснялось, по-видимому, тем, что основное внимание ученых было тогда сосредоточено на проблемах социально-экономических отношений в Киевской Руси. Имел значение и другой факт: дальнейшее изучение торговли в Древнерусском государстве все более и более зависело от археологии. Поэтому необходимо было время, чтобы археологическая наука накопила соответствующий материал.

Только в конце 40-х годов появляются крупные исследования, в которых эта тема нашла свое раскрытие. Среди их авторов следует в первую очередь назвать Б. А. Рыбакова.

В исследовании Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» есть разделы, где рассматривается вопрос о сбыте изделий городского и деревенского ремесла. Наряду с городскими ремесленниками, работающими на заказ, были и такие, которые, как показывает Б. А. Рыбаков, отправляли свою продукцию на рынок: «Их изделия расходились по деревням. Особо выделяется киевское производство выемчатых эмалей и стеклянных браслетов. Район сбыта достигал протяжения в 1400 км.»⁶⁹ С XI в. в селениях близ Овручка существовал деревенский кустарный промысел по производству шиферных пряслиц, находивших спрос не только по всей Руси, но также в Болгарии, Херсонесе, Польше. Заслуга Б. А. Рыбакова заключалась прежде всего в том, что он на обильном ар-

⁶⁶ Любомиров П. Г. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв.—Учен. зап. Саратовского ун-та, 1923, т. I, вып. 3, с. 6.

⁶⁷ Там же, с. 14.

⁶⁸ Там же, с. 36.

⁶⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 481.

хеологическом материале показал торговые связи на Руси. Популярному мнению о номенклатуре экспортных товаров, включавшей «челядь, мед и скот», Б. А. Рыбаков противопоставил обоснованный тезис о разнообразии вывозимых Русью товаров, таких как упомянутые уже пряслица, ювелирные изделия, замки и пр. Важным шагом вперед явилось изучение торговли Руси собственными изделиями со странами Западной Европы: раньше историки чаще говорили о транзитном характере русской торговли.⁷⁰

Перу Б. А. Рыбакова принадлежит раздел «Торговля и торговые пути», написанный им для первого тома «Истории культуры Древней Руси». В этом разделе весьма обстоятельно исследуются аналогичные вопросы.⁷¹ Труды Б. А. Рыбакова — результат успешного развития исследовательской мысли в сфере изучения древнерусской торговли.

После яркой картины торговых связей в Киевской Руси, нарисованной Б. А. Рыбаковым, более упрощенным представляется параграф о торговле Руси (автор М. Г. Рабинович), помещенный в академических «Очерках истории СССР». М. Г. Рабинович исходил из мысли, что «в стране господствовало натуральное хозяйство, что сельскохозяйственные продукты, поступавшие на рынок, представляли собой в большинстве случаев оброк, собираемый феодалами со смердов, и что привозимые на Русь предметы роскоши распространялись лишь в сравнительно узком кругу феодальной верхушки общества».⁷² Перечень товаров, «пущенных в торг», в работе М. Г. Рабиновича значительно беднее, чем в исследовании Б. А. Рыбакова.⁷³ На неудовлетворительное решение автором вопроса о древнерусской торговле обратил в свое время внимание М. Н. Тихомиров.

М. Н. Тихомиров показал важную роль в городской жизни Древней Руси рынка, именуемого в источниках торгом. Население древнерусских городов было тесно связано с торгом, находилось в полной зависимости от конъюнктуры, складывавшейся на нем.⁷⁴ М. Н. Тихомиров обращался к изучению и торговых купеческих объединений на Руси.⁷⁵

Несмотря на заметные сдвиги в исследовании истории древнерусской торговли, выразившиеся в углублении и конкретизации наших знаний об этом предмете, многое еще оставалось неясным, спорным. Это относилось в первую очередь к торговым связям

⁷⁰ Там же, с. 469—481.

⁷¹ История культуры Древней Руси, с. 315—369; см. также: Рыбаков Б. А. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. — Учен. зап. МГУ, 1946, вып. 93, кн. I.

⁷² Очерки истории СССР. М., 1953, с. 143—144.

⁷³ Там же, с. 144—147.

⁷⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 95—104.

⁷⁵ Там же, с. 114—127; см. также: Тихомиров М. Н. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI—XV века). — ВИ, 1945, № 1.

древнерусской деревни. Поэтому исследования М. В. Фехнер в данной области имели важное значение.

Анализируя топографию находок бус местного производства и привезенных с Востока, М. В. Фехнер пришла к важным выводам: «Огромное количество бус в погребениях свидетельствует о значительном участии населения деревни домонгольского периода во внутренней торговле страны, причем в товарном обращении принимало участие деревенское население, обитавшее не только вдоль основных торговых путей, но и в стороне от них... Большое распространение импортных продуктов (доказанное на примере бус) не позволяет согласиться с господствующим в литературе утверждением, что деревенская продукция сельского хозяйства и промыслов, поступавшая на внутренний и внешний рынок, отчуждалась у сельского населения исключительно в порядке феодального права».⁷⁶ Изучая находки бус из рядовых погребений X—XII вв., автор отмечает, что большинство бус из двухслойного стекла с металлической прокладкой представляло продукт импорта из стран Передней Азии, вероятно, через Волжскую Болгарию, распространявшийся по всей территории Древней Руси и достигавший простых сельских жителей.⁷⁷ Изучение бус указывает на широкийхват Руси восточной торговлей в X—XII вв., свидетельствуя об ошибочности давнего мнения, «что импортные изделия имели на Руси узкий рынок сбыта среди верхушки феодального общества». В XII в. приток бус на Русь прекращается. Отсюда М. Ф. Фехнер делает вывод о некотором спаде в этот период торговли Руси с Востоком.⁷⁸

Однако Ю. А. Лимонов прослеживает оживленные торговые отношения с Востоком Владимиро-Суздальского княжества в XII—начале XIII в., а через него и с иными русскими землями.⁷⁹

О значении Волжского пути и восточной торговли в экономике славяно-русского мира писал А. Л. Монгайт. Вопреки распространенному мнению о ведущем значении «великого водного пути из варяг в греки» он считает Волжский путь наиболее древним и значительным. Путь же «из варяг в греки» стал играть первостепенную роль позже.⁸⁰ Из этого принципиального положения с неизбежностью следует, что славяно-руssы сперва были

⁷⁶ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959, с. 173.

⁷⁷ Фехнер М. В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 49, 51.

⁷⁸ Там же, с. 52—54.

⁷⁹ Лимонов Ю. А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961.

⁸⁰ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 87.

связаны торговлей с восточными странами и только потом с Западом.

Использовать Волжский путь начали, по предположениям А. Л. Монгайта, в VIII в. до н. э. В период распространения дирхема в Восточной Европе, т. е. в VIII—X вв. н. э., основным путем являлся Окский. Волжский путь не обезлюдел и тогда, когда сложилось Рязанское княжество, поддерживавшее торговлю, кроме Востока, с Византией и прибалтийскими землями.⁸¹ Суммируя имеющиеся сведения о рязанской торговле по Оке, А. Л. Монгайт подчеркивает ее большое значение для всех русских земель.⁸²

Касаясь вопроса о торговых связях с волжскими болгарами, А. Л. Монгайт говорит, что они оставили очень немногочисленные археологические следы.⁸³ Эту мысль оспорил А. П. Смирнов.⁸⁴

Л. В. Алексеев утверждает, что торговля способствовала раннему возникновению Полоцкого княжества и его интенсивному развитию.⁸⁵ Вначале, в IX—XI вв., в Полоцкой области по аналогии с остальной Русью «господствовали внешние торговые связи, уступившие с развитием собственных производительных сил в XII—XIII вв. место внутренним». В IX—XI вв. Полоцкая земля больше торговала с Востоком, чем с другими странами. И только в XI в., когда половцы перекрыли путь в Арабский халифат, Полоцк начинает увеличивать торговлю с Западной Европой. По мнению Л. В. Алексеева, Полоцкая земля была основным звеном, соединяющим Прибалтику с землями Южной Руси, Византией и странами халифата. В составе экспорта Полотчины значились прежде всего меха, мед и воск.⁸⁶

Итак, конец 50—60-е годы характеризует заметное оживление исследований в области истории древнерусской торговли. Именно в это время был введен в научный оборот новый археологический материал, подтверждающий наличие торговых связей Руси XII—XIII вв. с Востоком, — ближневосточные стеклянные изделия, обнаруженные в древних городах Белоруссии (Новогрудке, Турове, Слониме и др.).⁸⁷ Если до этих находок мысль о торговле с Востоком древнерусских городов XII—XIII вв., расположенных

⁸¹ Там же, с. 318, 324, 326. — Мнение о главенствующей роли Волжского пути разделяет и В. Б. Вилинбахов. См.: В и л и н б а х о в В. Б. 1) Балтийские славяне и Русь. — *Slavia occidentalis*, Poznań, 1962, т. 22; 2) Балтийско-Волжский путь. — СА, 1963, № 3.

⁸² Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 329.

⁸³ Там же, с. 327.

⁸⁴ Смирнов А. П. Древняя Русь и Волжская Болгария. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 171.

⁸⁵ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 83.

⁸⁶ Там же, с. 106—109.

⁸⁷ Гуревич Ф. Д. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968; Гуревич Ф. Д., Джанипольдян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.

на территории Белоруссии, показалось бы странной, то теперь она не вызывает сомнений.

Советские историки получили важные результаты в изучении торговых связей Восточной Европы в I тыс. н. э.⁸⁸ Более основательно исследовались русско-византийские торговые отношения.⁸⁹

С X в., как известно, начинается усиление торговли Руси с Западной Европой. О специфических чертах товарооборота Древней Руси с западноевропейскими странами, о развитии торговли между Восточной и Западной Европой было написано немало статей и монографий.⁹⁰

В результате значительного продвижения в изучении отдельных аспектов древнерусской торговли возникла потребность обобщить накопленные историографией наблюдения. С этой целью А. П. Новосельцев и В. Т. Пашуто написали большую статью «Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.)».⁹¹ Авторы поставили перед собой задачу изучить внешнюю торговлю Руси методом комплексного анализа письменных источников, а также выводов археологов и нумизматов для выяснения трех основных вопросов: «...во-первых, с кем торговала Русь; во-вторых, что составляло предмет торговли и, наконец, какова была ее торговая политика».⁹² В целом авторам удалось ответить на каждый из поставленных вопросов.

Заканчивая обзор литературы, посвященной экономике Древней Руси, необходимо сказать о том, что советские историки внесли огромный вклад в изучение хозяйственной деятельности древнерусского населения. В результате их длительного и напряженного труда выявлено состояние производительных сил в Древней Руси, создана детальная картина сельского хозяйства, промыслов, ремесла, торговли. Достижения советских ученых в данной области трудно переоценить.

⁸⁸ Кропоткин В. В. 1) Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967; 2) Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—первой половине IX в.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.

⁸⁹ Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.

⁹⁰ Усачев Н. Н. К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961; Фехнер М. В. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X—XI вв.— В кн.: Новое о прошлом нашей Родины. М., 1967; Черишев Н. А. О технике и происхождении «франкских» мечей, найденных в Днепрострове в 1928 г.— Ск. сб., Таллин, 1963, вып. 4; Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (в X—XIV вв.). М., 1966; Мугуревич Э. С. Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965; Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.

⁹¹ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.).— ИСССР, 1967, № 3.

⁹² Там же, с. 81—82.

ДЕНЬГИ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

В русской дореволюционной историографии был накоплен значительный опыт в исследовании истории денег и денежного обращения в Киевской Руси. Для изучения были привлечены русские письменные источники и свидетельства иностранцев. Результатом исследований явилось определение денежных единиц и их количественного соотношения по письменным памятникам. Большое значение в изучении письменных и нумизматических источников по данной теме имела развернувшаяся в дореволюционной историографии дискуссия об обращении на Руси меховых и металлических денег. Сторонники различных взглядов на денежное обращение не пришли к единому мнению по этому вопросу. Вместе с тем положительным итогом дискуссии явилось то, что сторонники металлического обращения начали анализ нумизматического материала для определения реального содержания фракций древнерусской денежной системы,¹ а их противники приступили к изучению иноzemных, прежде всего восточных, авторов, которые сообщали об использовании на Руси в качестве денег мехов. Взгляды советских исследователей-марксистов принципиально отличались от подхода дореволюционных ученых к определению сущности денег. Советские ученые по мере усвоения марксизма стали исходить из понятия денег как особого товара, всеобщего эквивалента, способного выражать стоимость любого другого товара, служить всеобщим орудием обмена.² Советские экономисты, изучавшие историю денег с марксистских позиций, касались тем, связанных с историей древнерусского денежного обращения. Они отмечали последовательность в употреблении скота, меха и серебра в качестве всеобщего эквивалента, однако самостоятельного исследования в этой области дать не могли в силу недостаточного знакомства с пись-

¹ Историографические обзоры см.: Черепнин А. И. О гривенной денежной системе по древним кладам. М., 1900, с. 5—49; Янин В. Л. Денежновесовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 15—25.

² БСЭ. Т. 8. 1972, стб. 288.

менными и нумизматическими источниками.³ Им приходилось поэтому использовать отдельные известия письменных памятников и опираться на итоги работ историков и нумизматов, сначала дореволюционных, а затем и советских.

В трудах советских историков и нумизматов исследование истории денег как всеобщего эквивалента явилось продолжением изучения тех основных проблем, которые были подняты в дореволюционной историографии.

Уже в 1919 г. с докладом «Вопрос о меховых ценностях» выступил А. Е. Пресняков. Отметив, что решение вопроса затруднено его альтернативной постановкой — или меховые, или металлические деньги, — а также недостатком источников, А. Е. Пресняков указал на малую изученность истории терминов денежного обращения и их реального содержания. Учитывая многозначность терминов, он пришел к выводу о безнадежности сведения в одну систему древнерусской денежной терминологии.

А. Е. Пресняков рассмотрел известия о деньгах в Русской Правде и летописях и пришел к выводу, что они сообщают о меховых и серебряных деньгах. Он призвал в докладе к анализу денежной терминологии с учетом хронологических и территориальных различий.⁴ Изучение истории денежного обращения было намечено в плане работы комиссии по нумизматике и глиптике при РАИМК в 1920 г.,⁵ но этот план не был выполнен. Анализ нумизматического материала подводил исследователей к изучению истории денег в Древней Руси. Первым к изучению этой темы обратился Н. П. Бауэр. Изучая клады западноевропейских монет в Восточной Европе, он пришел к выводу, что эти монеты использовались в древнерусском денежном обращении. По его мнению, они сменили в начале второй четверти XI в. дирхемы. В середине XII в. на Руси наступил безмонетный период, характеризующийся обращением серебряных слитков.⁶

Большое исследование Н. П. Бауэр посвятил изучению денежного счета Русской Правды.⁷ Автор поставил перед собой за-

³ Трахтенберг И. А. Бумажные деньги. М., 1922, с. 57—59; Сяталовский В. В. Происхождение денег и денежных знаков. М.—Пг., 1923; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1947, с. 151—152; Хромов П. А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957, с. 259—265; Гусаков А. Д. О некоторых явлениях в денежном обращении Древней Руси. — ИАН, отделение экономики и права, 1946, № 3.

⁴ Протоколы заседаний нумизматического отделения русского археологического общества. 52-е заседание, 11 октября, 1919. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, № 453, л. 101 об.—102.

⁵ Протоколы заседаний, отчеты комиссии по нумизматике и глиптике. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, № 28, 1920, л. 3.

⁶ Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts, Zeitschrift für Numismatik (Berlin), Bd. 39 (1929) u. 40 (1930). Автореферат. — ПИДО, 1935, № 9—10, с. 235, 238—239, 241.

⁷ Бауэр Н. П. Денежный счет Русской Правды. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937.

дачу — на письменных и нумизматических материалах выяснить соотношение денежных единиц и их реальное содержание. Допуская, что скот когда-то был платежной единицей, он показал, что в XI—XII вв. это слово означало деньги.⁸ Следуя за предшественниками, он определил счет Краткой Правды и реальное содержание фракций древнерусской денежной системы. Помимо положительных сторон — широкое привлечение письменных и нумизматических источников, — это исследование имело и недостатки: отдельные вопросы древнерусского денежного обращения объяснялись с помощью заимствований у норманнов — понятия «скот» (деньги), «гривна», весовая норма гривны.⁹ Эта ошибка Н. П. Бауера была отмечена в последующей историографии.¹⁰

В другом исследовании Н. П. Бауер рассмотрел систему древнерусского безмонетного денежного обращения в XIII в. прежде всего на основе анализа известий новгородских письменных памятников.¹¹ По его мнению, в новгородских памятниках XIII в. денежный счет шел в гривнах серебра. Малые суммы рассчитывались в старых гривнах, относившихся к гривне серебра, как 4:1. В Новгороде вследствие отсутствия хороший монеты пользовались весовым серебром, причем марка монет-денариев входила в эту весовую систему с меняющейся ценой в зависимости от достоинства серебра.

В своих исследованиях Н. П. Бауэр активно выступил в пользу металлического денежного обращения в Древней Руси, следуя направлению, сложившемуся еще в дореволюционной историографии. В советской историографии аналогичные взгляды, только в более гибкой форме, высказывал старейшина советских нумизматов А. В. Орешников. Он полагал, что в глубокой древности в качестве денег использовались скот, меха и части меховых шкурок. С привозом серебряных монет меха сначала частично, а затем и полностью были вытеснены, так что денежные единицы Русской Правды были металлическими деньгами, но их реальное содержание, по его мнению, можно было установить только предположительно.¹²

Отдельные вопросы истории денежного обращения домонгольского периода были рассмотрены в 1940 г. В. М. Неклюдовым.¹³ Он отметил широкое распространение счетных серебряных гривен, многообразие их форм и связь особой средней весовой нормы с гривной определенного вида. Вслед за Н. П. Бауером он счи-

⁸ Там же, с. 185—188.

⁹ Там же, с. 198, 208—209, 229.

¹⁰ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 26.

¹¹ Бауэр Н. П. Денежный счет в духовной новгородца Клиmenta и денежное обращение в Северо-Западной Руси в XIII в. — ПИ, 1940, вып. III.

¹² Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, с. 18, 23.

¹³ Неклюдов В. М. О русских денежных слитках. — ТОНГЭ, Л., 1945, т. I.

тал установленным факт денежного обращения восточных и западноевропейских монет, но в противоположность своему предшественнику полагал, что наряду с ними широко использовались меховые деньги.

Значительным явлением в изучении древнерусского денежного обращения явился раздел «Деньги и денежное обращение» в коллективном труде «История культуры Древней Руси»,¹⁴ подготовленном до Великой Отечественной войны. В той части раздела, которая была написана Б. А. Романовым, на материале письменных источников X—XIII вв. показано глубокое проникновение денег во все стороны жизни Руси — в товарные и социальные отношения, в систему штрафов, податей и даней.¹⁵ Итоги исследования Н. П. Бауером истории денежного обращения по нумизматическим материалам были обобщены во второй части раздела.

Обстоятельные, основанные на большом фактическом материале работы дореволюционных и советских исследователей по истории денежного обращения способствовали включению разделов на данную тему в учебные пособия, авторы которых отмечали последовательно сменяющие денежные единицы: меха, восточные и западноевропейские монеты, серебряные слитки-гривны.¹⁶ В обобщающем труде по истории Древней Руси В. В. Мавродин отметил сложный характер денежного обращения. Он привел показания письменных источников, сообщающих об обращении на Руси меховых денег.¹⁷

Изучение древнерусского денежного обращения было продолжено в послевоенный период. Прежде всего следует отметить работу В. Л. Янина, в которой делалась попытка решить данную проблему на основе нумизматических памятников, имевших обращение на территории Руси, определить их соотношение с русской денежной системой и ее фракциями.¹⁸

Исходя из состава гривенной системы в ее развитии, В. Л. Янин исследовал весовые нормы денежных кладов не в среднем весе, как поступали до сих пор, а по их реальному весовому содержанию, опираясь на вывод Р. Р. Фасмера о периодах различных по составу кладов дирхемов в Восточной Европе. Он

¹⁴ История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948.

¹⁵ Авторство Б. А. Романова этой части раздела указано В. М. Панеяхом и Р. Ш. Гапелиным в списке трудов Б. А. Романова. (Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Романова. Л., 1971, с. 386).

¹⁶ Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. Изд. 4-е. Л., 1924, с. 149—154; Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931, с. 110—111; Черепин Л. В. Русская метрология. М., 1944, с. 31—40.

¹⁷ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 142—143. — Позднее В. В. Мавродин неоднократно возвращался к мысли об использовании меховых денег.

¹⁸ Янин В. Л. 1) Денежно-весовые системы...; 2) Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси. — ВИ, 1955, № 8, и др.

отметил сложение в середине X в. северной и южной денежно-весовых систем.

Как считает В. Л. Янин, прекращение ввоза западной монеты на рубеже XI—XII вв. вследствие падения ее серебряного номинала, неблагоприятные внутренние и внешние причины, такие как отсутствие собственных разработок серебра, феодальная раздробленность и как результат этого отсутствие значительных накопленных фондов серебра, достаточных для собственного чекана монет, немецкая агрессия, сократившая до минимума подвоз серебра с запада, татаро-монгольское нашествие и ордынский выход способствовали вынужденному переходу к безмонетному денежному обращению, несмотря на развитую экономику Руси и ее потребность в развитом денежном обращении. В это время широко были распространены серебряные слитки-гривны, которые сохранили весовые различия северной и южной систем в течение всего безмонетного периода. Роль товаро-денег стали играть бусы, прядильцы, стеклянные браслеты. Первоначально В. Л. Янин полностью отрицал возможность использования денег-мехов,¹⁹ однако впоследствии он изменил точку зрения и допустил использование шкурок белок и куниц, с мехом и вытершихся, в качестве денег, как одну из форм безмонетного обращения.²⁰

Предполагаемая В. Л. Яниным система древнерусского денежного обращения объединила все виды нумизматических памятников в определенном хронологическом и денежно-весовом соотношении. Вместе с тем советские исследователи отметили недостатки труда В. Л. Янина. Прежде всего возражение вызвали его гипотеза о роли римского денария в происхождении весовой гривны и отнесение сложившейся денежной системы уже к IX в., что противоречит факту складывания русских городов с развитым ремесленным посадом только в конце X—XI в., а также положению о тесной связи ремесла с сельским хозяйством на поселениях в VIII—X вв.²¹ А. Л. Монгайт возражал против определенных с большой точностью весовых норм, поскольку это противоречит метрологической пестроте восточных монет. Ошибочным А. Л. Монгайт считал также предположение В. Л. Янина о прядильцах, бусах и браслетах как о товаро-деньгах, тогда как сведения источников о меховых деньгах В. Л. Яниным отвергались.

В советской литературе второй половины 50—первой половины 60-х годов вновь было обращено внимание на известия пись-

¹⁹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 187.

²⁰ Янин В. Л. Деньги и денежные системы. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. I. М., 1970, с. 322—324.

²¹ Кропоткин В. В. 1) Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии. — СА, 1958, № 2; 2) Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 45—47; Монгайт А. Л. Рецензия. «В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья». — ВИ, 1958, № 3.

менных источников о меховых деньгах в Древней Руси. И. Г. Спасский исследовал материалы XV в. о фальсификации мехов. Он предложил толковать сообщение Наджиба Хамадани (XII в.) о меховых деньгах на Руси как известие о товароведении при продаже мехов.²²

Анализ источников, содержащих сведения о деньгах-мехах на Руси, позволил продолжить изучение древнерусского денежного обращения с учетом этих денежных единиц. Особое значение имеют наблюдения А. Л. Монгайта над сочинением Абу-Хамида ал-Гарнати, которое он первым в советской историографии рассмотрел под этим углом зрения.²³ Ал-Гарнати сообщал, что на Руси он видел меховые деньги. Когда мех вытирался, шкурки продолжали использоваться в качестве денег, после того как на них ставился княжеский штамп. Это сообщение доказывало правоту тех исследователей, которые допускали возможность использования в качестве денег мехов.

По мнению М. Б. Свердлова, который попытался систематизировать известия о меховых деньгах, восточные источники первой половины X в. свидетельствуют о деньгах-мехах белок и куниц, а в XII в. — об использовании наряду с мехами в качестве денег кож этих зверей, что было вызвано ростом товарности хозяйства и развитием социально-экономических отношений. В связи с этим при изучении древнерусского денежного обращения необходимо учитывать не только серебряные денежные единицы, но и меховые.²⁴

В нумизматической литературе 60-х годов были сделаны важные наблюдения о широком распространении с середины XI в. новгородской гривны как платежного слитка, об их форме и весе.²⁵ В пользу оценки кладов как памятников денежного обращения выступил В. М. Потин.²⁶ Он рассмотрел также вопрос о причине почти полного прекращения привоза западноевропейских монет в начале XII в. В. М. Потин указал, что в это время в странах с развитой монетной чеканкой известны случаи роста натурального обмена и натуральных повинностей, вызванные недостатком монеты. Поэтому на Руси это явление привело к уси-

²² Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения. — КСИИМК, 1968, вып. 62.

²³ Монгайт А. Л. 1) Абу-Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. — ИСССР, 1959, № 1; 2) Рязанская земля. М., 1961, с. 319—324; Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971, с. 110—119.

²⁴ Свердлов М. Б. К вопросу о денежном обращении у восточных славян в X—XII вв. (по мусульманским источникам). — Вестник ЛГУ, 1965, № 5, с. 132—136.

²⁵ Медведев А. Ф. О новгородских гривнах серебра. — СА, 1963, № 2, с. 107—120.

²⁶ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 7—32.

лению меновой торговли и использованию товаро-денег в сфере мелкого розничного товарооборота.²⁷

Послевоенные работы по изучению денежного обращения в Древней Руси, и прежде всего исследования В. Л. Янина, нашли отражение в научно-популярном труде И. Г. Спасского «Русская монетная система», в котором автор рассмотрел основные денежные единицы. Подвергая критике гипотезы об обращении на Руси меховых и кожаных денег, он выступил как сторонник металлического денежного обращения. Для безмонетного периода И. Г. Спасский поддержал гипотезу В. Л. Янина об употреблении товаро-денег и сам предложил в качестве таковых раковины каури.²⁸ Аналогично решает вопрос о денежных знаках в безмонетный период (XII—XIII вв.) и Н. Ф. Котляр. Он допускает использование в качестве денег в мелких денежных операциях шиферных пряслиц, бусин, раковин-каури, брусков соли. По его мнению, русские письменные источники не содержат известий о меховых деньгах, а восточные источники не заслуживают доверия. Поэтому известия о деньгах толкуются им только как сообщения о серебре. По мнению Н. Ф. Котляра, в качестве денег наряду с товаро-денегами использовались в Южной Руси до XII—XIII вв. дирхемы (в Северной Руси — до XI в.), а также фрагментированное серебро. В крупных операциях применялись денежные гривны.²⁹ Спорные вопросы денежного обращения домонгольского периода отражены Е. И. Каменцевой в учебном пособии по метрологии.³⁰

В советской историографии сделаны важные наблюдения о денежном обращении в Древней Руси по нумизматическим материалам и по данным письменных источников, выдвинуты обобщающие гипотезы по истории денег, их реальному содержанию и соотношению фракций денежной системы. Однако сторонники металлического денежного обращения не оставили места в предложенных гипотезах меховым деньгам, о которых неопровергимо свидетельствуют письменные источники. Перед советскими учеными стоит важная задача — исследовать и объяснить все факты русского денежного обращения. Новые, еще не использованные возможности для более глубокого изучения системы денежного обращения в Древней Руси содержатся в комплексном методе исследования письменных источников и нумизматических материалов.³¹

²⁷ Там же, с. 91.

²⁸ Спасский И. Г. Русская монетная система. Изд. 4-е. Л., 1970, с. 32—71.

²⁹ Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения Древней Руси (XII—XIII вв.). — ВИД, 1973, т. V.

³⁰ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1965, с. 30—39, 52—55.

³¹ Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. — ИСССР, 1973, № 3.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КИЕВСКОЙ РУСИ

Общественный строй Киевской Руси в трудах советских историков стал одной из центральных проблем. Уже М. Н. Покровский писал о существовании феодализма в Древней Руси, который возник из отношений первобытного мира.¹ Следует подчеркнуть, что феодальные порядки, обрисованные М. Н. Покровским, во многом напоминали построения Н. П. Павлова-Сильванского. Как у Н. П. Павлова-Сильванского, так и у М. Н. Покровского понятие «феодализм» основывалось на трех компонентах: крупном землевладении, связи землевладения с политической властью и вассалитете.²

Древнерусское общество, согласно М. Н. Покровскому, не было однородным. Оно складывалось из правящего класса, князей и бояр, а также из зависимого люда — смердов, закупов и других несвободных.³ Но взгляды М. Н. Покровского со временем претерпели изменения, и в «Русской истории в самом сжатом очерке» он отметил появление классов лишь на закате Киевской Руси, доказывая, будто «городская Русь X—XI века еще не знала общественных классов»,⁴ хотя в ней имелись работогородцы и рабовладельцы. Как пишет М. Н. Покровский, «захватывать рабов и торговать ими было промыслом первых властителей русской земли», выступавших предводителями шаек работогородцев.⁵ Впоследствии на Руси «образовалось два класса: богачей, во главе которых стоял князь, и городской да деревенской бедноты, угнетаемой богачами».⁶ Кто были упомянутые богачи и бедняки — рабовладельцы и рабы или феодалы и феодально зависимые, М. Н. Покровский не уточняет. Тем не менее представления М. Н. Покровского, взятые в совокупности, означали существенное достижение отечественной науки, и совсем не случайно

¹ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1933, с. 29.

² Там же, с. 30.

³ Там же, с. 42, 43, 84, 85.

⁴ Покровский М. Н. Избранные произведения, кн. 3. М., 1967, с. 30.

⁵ Там же, с. 28.

⁶ Там же, с. 30—31.

Н. А. Рожков называл «Русскую историю с древнейших времен» сочинением, «выдающимся по блеску и талантливости».⁷

Сам Н. А. Рожков делил историю Древней Руси на два периода: Древнейшая Русь с VI до середины X в. и Русь X—XII вв. Первый из них — «дофеодальный», когда обозначались зародыши «экономических классов», но в целом классовая структура общества оставалась пока неопределенной, распадаясь на народную массу и относительно многочисленный и влиятельный высший слой, занятый внешней торговлей, ставшей его исключительным достоянием.⁸ Вот и все «различие в социальном отношении, какое можно подметить в столь древнее время. Никаких следов юридических сословных различий или преимуществ наши источники не содержат».⁹

Во второй период (Х—XII вв.) большинство населения сохраняло свободу. Однако «сделаны были уже некоторые решительные шаги в направлении разделения общества на группы по хозяйственным признакам. Этому соответствовали и зародыши сословного, правового, юридического деления общества».¹⁰ Разряд свободных состоял из князей, дружинников, духовенства и смердов, в число которых, помимо вольных поселян, входили купцы, русины (норманны), славяне, изгои.¹¹ Затем выступают полусвободные и несвободные — закупы и холоцы.¹²

Начатое М. Н. Покровским и Н. А. Рожковым изучение социальной структуры Киевской Руси было продолжено другими историками.¹³ Особенную значительную работу проделал С. В. Юшков, с чьим именем связано начало детального и систематического исследования генезиса феодализма в России. Еще в 1922 г. С. В. Юшков опубликовал статью о прикладниках, истолковав их как феодально зависимых людей.¹⁴ Несколько позже он выступил с известной работой о смердах.¹⁵ С. В. Юшков не согласился со своими предшественниками, которые были склонны в термине «смэрд» видеть обозначение всего населения или же только сельских людей (С. М. Соловьев, П. Мрочек-Дроздовский, В. И. Сергеевич, М. А. Дьяконов, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.), ибо смерды не просто все сельское население, а лишь часть его.¹⁶

⁷ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. Игр., 1919, с. 21.

⁸ Там же, с. 76, 83, 147, 164.

⁹ Там же, с. 83.

¹⁰ Там же, с. 164.

¹¹ Там же, с. 178.

¹² Там же, с. 182.

¹³ См.: Кулишер И. Из истории крестьянского труда в Древней Руси. — Архив истории труда в России, кн. 10. Игр., 1923; Насонов А. Князь и город в Ростово-Сузdalской земле. — Века, Игр., 1924, № 1.

¹⁴ Юшков С. В. О прикладниках. — Культура, Саратов, 1922, № 2—3.

¹⁵ Юшков С. В. К вопросу о смердах. — Учен. зап. Саратовского ун-та, 1923, т. I, вып. 4.

¹⁶ Там же, с. 50, 51.

Мнение прежних ученых о том, что смерды, составляя отдельную группу населения, находились в особых отношениях к князю (В. Лешков, В. Никольский, П. Цитович, Б. А. Романов) или, поселившие на государственных землях, являлись как бы государственными крестьянами (В. О. Ключевский), С. В. Юшков отклонил, поскольку «основным моментом, определяющим положение смердов, является прежде всего особый характер отношений к князю, к государству (к Новгороду и Пскову) и к владельцам». «Несмотря на различие носителей власти над смердами, — писал С. В. Юшков, — общий характер этих отношений был в значительной степени одинаков и выражался в своеобразной зависимости, с одной стороны, и властной опеке, с другой стороны, и был ярко окрашен частноправовыми моментами».¹⁷ Следовательно, смерды — категория древнерусского населения, находившаяся в отношениях зависимости от князя, дружинников и вообще частных лиц.¹⁸ Вследствие недостатка источников автор отказался высказаться о характере этих отношений, установив лишь частноправовой, не смягчавшийся публичноправовыми моментами вид отношений смердов к своим господам. Однако смерды — не рабы, хотя юридическое положение их обставлено целым рядом ограничений в личной свободе.¹⁹

Представления С. В. Юшкова о социальном статусе смерда не остались без отклика и подверглись оживленному обсуждению со стороны Н. А. Максимейко, Н. Л. Рубинштейна, С. Н. Чернова.²⁰

Вслед за статьей о смердах С. В. Юшков написал книгу «Феодальные отношения в Киевской Руси». О направлении ее говорит сам заголовок: ученый исследует древнерусское общество как общество феодализирующееся.

Однако складывание феодальных отношений в Киевской Руси С. В. Юшков наблюдал, по существу, в рамках старых воззрений буржуазной исторической науки, а не в свете марксистского учения о социально-экономических формациях, о решающей роли развития производительных сил в человеческой истории. Так, по мысли С. В. Юшкова, экономический кризис XII в., вызванный агонией международной торговли в пределах Восточно-Европейской равнины, повлек за собой быстрое развитие феодальных отношений в Древней Руси, что проявилось в подъеме «крупного землевладения, сопрягавшегося с ростом политического влияния

¹⁷ Там же, с. 58.

¹⁸ Там же, с. 55.

¹⁹ Там же, с. 63.

²⁰ Максимейко М. Про смердів Руської Правди. — Праці комісії для вивчування історії західньо-руського та українського права, 1927, вип. 3; Рубинштейн Н. Л. До історії соціальних відносин у Київській Русі Х—ХІІ ст. — Наукові записки науково-дослідчої катедри Історії української культури, 1927, № 6; Чернов С. Н. О смердах Руси XI—XIII вв. — В кн.: Академія наук ССР академику Н. Я. Марру. М.—Л., 1935.

землевладельцев», и в увеличении класса феодально зависимого крестьянства.²¹ В данном вопросе С. В. Юшков всеподданно зависел от В. О. Ключевского, положения которого он оценивал в будущих судьбах отечественной историографии как непреходящие.²²

Обозначив XII век в качестве переломного, С. В. Юшков и в XI в. обнаружил сходные явления. «Несомненно, — пишет он, — что уже в XI веке мы наблюдаем рост крупного землевладения князей, церкви и боярства». «К XI—XII вв. следует приурочить образование социальных групп, втягивающихся в процесс феодализации».²³ В зависимости от местных особенностей земель, составлявших Древнерусское государство, становление феодализма происходило неравномерно: в Галицко-Волынской Руси, например, феодальные связи возникли раньше, чем в других районах, а «Северо-Восточная Русь была позже всех областей втянута в систему экономических и политических отношений Киевского Юга».²⁴ Помимо общих проблем феодализации, С. В. Юшков рассмотрел социальные условия разного рода зависимых: смердов, закладников, изгоев, закупов.²⁵

Положение закупов в Древней Руси стало предметом исследования Н. А. Максимейко, П. А. Аргунова, Н. Л. Рубинштейна, И. И. Полосина.²⁶

Одному из упомянутых авторов — Н. Л. Рубинштейну принадлежит изданная в 1930 г. книга, в которой дана общая характеристика социального строя Киевской Руси. В ней Н. Л. Рубинштейн писал, что древние племена нуждались в военной организации для обороны и нападения. Постепенно среди воинов племени выделились люди, отличавшиеся силой и мужеством; они собирали вокруг себя помощников, образуя ватаги воинов. Богатство, добываемое войной, накапливалось в руках военных вождей и тех, кто стоял близко к ним. Вожди и их окружение (дружины) отрывались от племенной почвы и становились самостоятельной общественной силой, трансформировавшейся в господствующий

²¹ Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси. — Учен. зап. Саратовского ун-та, 1925, т. 3, вып. 4, с. 10, 104. — Одновременно с С. В. Юшковым, но в весьма общей форме писал о феодализме Н. Л. Рубинштейн (Западные пути торговли Украины—Руси. — Вісник Одеської комісії краєзнавства, 1925, ч. 2—3).

²² Юшков в С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси, с. 6.

²³ Там же, с. 4, 7.

²⁴ Там же, с. 97, 104.

²⁵ Там же, с. 7, 51, 52—53, 77.

²⁶ Максимейко Н. Закупы Русской Правды. — Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури, 1927, № 6; Аргунов П. А. 1) К пересмотру построений закупничества Русской Правды. — Учен. зап. Саратовского ун-та, 1927, т. 6, вып. 4; 2) О закупах Русской Правды. — ІАН СССР, серия 7, 1934, № 10; Рубинштейн Н. Л. До історії соціальних відносин у Київській Русі Х—ХІІ ст. — Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури, № 6, 1927; Полосин И. И. «Закуп» и «вдач» по Русской Правде. — Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН, 1928, т. 5.

класс, который сперва больше торговал и на доходах от торговых оборотов строил свое благополучие. И лишь к XI в. торговля замирает, все быстрее складывается крупное землевладение, превращающееся, наконец, в сеньорию-боярщину. По времени первым создается княжеское землевладельческое хозяйство, боярское же и монастырское землевладения выходят из княжеского и конструируются по его образцу. Древнерусская сеньория принципиально ничем не отличалась от сеньории Западной Европы. Боярство, оседая на землю, превращалось в крупных землевладельцев, феодалов.²⁷ Следом за князем и боярином «садится на землю киевский „гость“, воин-купец, превращаясь в землевладельца-феодала (сеньора)».²⁸

Древняя Русь, согласно Н. Л. Рубинштейну, прошла следующие этапы: 1) IX—X вв. — эпоха первично-натурального племенного строя; 2) XI—XII вв. — время сеньоризации, после которого открывается период сеньориально-городского строя.²⁹ Н. Л. Рубинштейн рассмотрел также положение зависимого населения Киевской Руси: закупов, изгоев, челяди, холопов.³⁰

Из предшествовавшего историографического обзора следует, что уже вскоре после Октябрьской революции проблема общественного строя Киевской Руси попала в поле зрения советских историков. Наиболее существенный результат их исследований надо видеть в признании Древнерусского государства носителем феодальных отношений. Если в дореволюционной историографии Н. П. Павлов-Сильванский связывал появление феодальных институтов прежде всего с удельным периодом, то советские историки попытались уловить генезис феодальных отношений начиная с более раннего времени. Важное значение в связи с этим приобрело изучение отдельных групп зависимого населения Древней Руси — смердов, закупов, закладников и т. д. Вместе с тем слабость методики советских историков заключалась в том, что исследование различных категорий зависимого населения они проводили изолированно друг от друга, тогда как эти категории находились в тесном соприкосновении и взаимодействии.

Заметный отпечаток на исследования 20-х годов наложила старая буржуазная историография. Особенно сильное влияние оказали здесь труды В. О. Ключевского и Н. П. Павлова-Сильванского. Однако наиболее существенным недостатком историографии этого периода было преобладание эмпиризма. Марксистская теория исторического процесса не входила, как правило,

²⁷ Рубинштейн Н. Л. Нарис історії Київської Русі. Харків—Одесса, 1930, с. 30—39, 44, 45, 51.

²⁸ Там же, с. 40.

²⁹ Там же, с. 17.

³⁰ Там же, с. 49, 51, 65.—Общественной структуры Древней Руси Н. Л. Рубинштейн касался и в другой своей работе, написанной несколько ранее. См.: Рубинштейн Н. Л. До історії російського народного господарства. — Прапор марксизму, 1928, № 4 (5), с. 64—87.

в сочинения историков. Поворот к теоретическим проблемам, соединение теории с практикой исторического исследования наметились в следующий период развития советской науки.

Новый этап характеризуется прежде всего горячими спорами, которые проводились в ГАИМКе, где обсуждались и разрабатывались основные вопросы отечественной и зарубежной истории. Много внимания уделялось и Древней Руси. Так, С. В. Вознесенский, участвуя в прениях при обсуждении книги С. М. Дубровского, посвященной теоретическим проблемам феодальной формации, часть выступления посвятил закупам, половникам и изорникам, попавшим в «ту или иную зависимость от феодала». На протяжении XII—XV вв. С. В. Вознесенский наблюдал «борьбу „боярщины“ с крестьянской вольностью или иначе процесс обояривания и окњажения вольной крестьянской земли. В эту эпоху и создаются отдельные группы зависимого от феодала в той или иной степени населения».³¹

Важным событием в историографии Киевской Руси надо считать доклад Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в Древней Руси» в ГАИМКе в 1932 г. и прения по этому докладу.³²

Письменные источники, которыми оперировал Б. Д. Греков, были старыми, известными дореволюционной науке. Новое состояло в «предпосылках, в общих установках, в конечном счете — в методологии»³³ и в интенсивном пользовании данными археологии, а также лингвистики. В Киевской Руси основным способом производства был феодализм, а не рабство — вот коренной вывод Б. Д. Грекова. «Анtagонизм изучаемого общества идет не по линии рабовладельцев и рабов, а по линии феодалов-землевладельцев, с одной стороны, и закрепощаемой и закрепощенной крестьянской и городской массы — с другой», — говорил он.³⁴

В согласии с общими посылками Б. Д. Греков обрисовал основные социально-экономические связи и категории в древнерусском обществе. Б. Д. Греков полагал, что смерды были как свободные, так и зависимые, причем они являлись основной массой древнерусского сельского населения. Закуп — это в большинстве случаев недавний смерд, в силу экономической необходимости вынужденный деградировать до состояния более тяжелой зависимости. Это один из путей разрушения соседской общины под натиском надвигающихся феодальных отношений.³⁵ К феодально зависимому люду Б. Д. Греков причислил также изгоев и рядовичей.³⁶

³¹ Спорные вопросы методологии истории. Харьков, 1930, с. 137.

³² Греков Б. Д. Рабство и феодализм в Древней Руси. — ИГАИМК, 1934, вып. 86.

³³ Там же, вып. 103, с. 259.

³⁴ Там же, вып. 86, с. 63.

³⁵ Там же, с. 16, 41, 50.

³⁶ Там же, с. 50, 52, 57.

По признанию автора, в Киевской Руси имело место экономическое принуждение. Однако оно выступало в качестве «подобного метода присвоения прибавочного продукта», тогда как внешнеэкономическое принуждение являлось наиболее типичным.³⁷

После доклада Б. Д. Грекова развернулись оживленные прения. С. Н. Быковский, выступивший в прениях, подчеркивал, что не следует умалять роль рабства в древнерусском обществе. «Рабы, — утверждал он, — играют значительную роль не только с точки зрения продажи, не только появлялись на рынке как товар, не только в этой форме, но и в качестве рабочей силы в хозяйстве».³⁸

М. Н. Мартынов, принял участие в дискуссии, привлек внимание ученых к сельской общине, которая, по его мнению, стала разлагаться в IX—X вв. Однако процесс разрушения не мог глубоко захватить сельскую общину, поскольку этому противодействовала исключительная сплоченность смердов-общинников, обусловленная постоянными набегами врагов, тяжкой данью, грабежами. Община, согласно М. Н. Мартынову, служила опорным пунктом «борьбы угнетаемых против угнетателей, смердов — против князей и их дружин».³⁹ М. Н. Мартынов полагал, что князей и дружиинников X в. нельзя считать привилегированными землевладельцами, ибо источники содержат сведения о ничтожном количестве «земельных владений, принадлежащих представителям господствующего класса». И все-таки на Руси в IX—X вв. «уже начался процесс генезиса феодализма, процесс, который был ведущим элементом в социально-экономических отношениях этого периода». Говоря о трудовом населении феодальной вотчины, М. Н. Мартынов отмечал, что она держалась преимущественно на эксплуатации рабов, которые в условиях генезиса феодализма были остаточным явлением «старой рабовладельческой формации». Что касается класса феодально зависимого крестьянства, то его образованию во многом содействовали варяги, завоевавшие местное население и в конце концов закрепостившие ранее свободного смерда-общинника.⁴⁰

В. В. Мавродин посвятил свое выступление интерпретации Правды Ярослава, в которой он находил сведения о неразложившейся общине, с одной стороны, и об определенных группировках правящего класса — с другой. Правда рисует общество, разделенное на классы рабов и рабовладельцев. Это было характерно для IX—X вв. Позднее также имелись сотни рабов, сидящих в княжеских и боярских селах. Ценность рабов не только в том, что они являлись товаром, их значение заключалось еще и в том, что они использовались в качестве рабочей силы в хозяйстве князя и

³⁷ Там же, с. 48—49.

³⁸ Там же, с. 70.

³⁹ Там же, с. 73.

⁴⁰ Там же, с. 74—88.

дружинника. Но рабовладельцы не довольствовались эксплуатацией одних лишь рабов и постепенно закабаляли свободного славянина-смерда.⁴¹

С большой настойчивостью о рабовладении в Киевской Руси говорил И. И. Смирнов, доказывавший, будто общество Киевской Руси «прошло стадию рабского развития». Отсюда следовал вывод, что генезис древнерусского общества «надо искать в отношениях рабовладения». По мнению И. И. Смирнова, Правда Ярослава изображает рабовладельческое общество, а так называемая Правда Ярославичей стоит на грани двух эпох, преломив в себе «начальные феодальные отношения» и «очень сильные следы предшествующего общественного строя — рабства».⁴²

Менее масштабным представлялось рабство на Руси С. И. Ковалеву, принявшему тезис Б. Д. Грекова об отсутствии в Киевской Руси рабовладельческой формации. С. И. Ковалев думал, что целесообразнее поставить вопрос о рабовладельческом укладе. Тогда будет ясно, что «универсальна не рабовладельческая формация, а рабовладельческий уклад, и всюду, где выступают тенденции универсализации рабовладельческой формации, всюду дело основано на начальном смешении уклада и формации».⁴³

В выступлении С. Н. Чернова содержались критические замечания источниковедческого характера. С. Н. Чернов также высказался по ряду вопросов социальной истории Древней Руси. Он утверждал, что для XI—начала XII в. крупное землевладение не является типичным, и «господствующий класс живет именно торговлей, а не землевладением». Разумеется, «к этому времени в среде социальных верхов страны начинает развиваться и землевладение, но достигает ли землевладение в их деятельности такой же роли, какую в это время играет торговля. При таком условии можно ставить вопрос и о том, на ком базируется землевладельческая деятельность господствующих классов: на рабах или не на рабах». И С. Н. Чернов отвечает: «На рабах, в очень значительной степени на рабах». В XII в. «наступает кризис, рабов не хватает». Недостаток рабов восполняется закупками.⁴⁴ Примерно в том же духе рассуждал Е. С. Лейбович, выступивший после С. Н. Чернова.⁴⁵

О значительности труда рабов, о заметном развитии рабского хозяйства вели речь Г. Е. Кочин и Л. П. Якубинский.⁴⁶ Однокако прозвучало выступление И. М. Троцкого, заострившего внимание на явлениях доклассового общества, которые, по его предположению, еще в XI в. сохранялись «вдоль великого волжского пути».⁴⁷

⁴¹ Там же, с. 89—91.

⁴² Там же, с. 98—101.

⁴³ Там же, с. 108—109.

⁴⁴ Там же, с. 111—115.

⁴⁵ Там же, с. 130, 132.

⁴⁶ Там же, с. 128, 134.

⁴⁷ Там же, с. 119.

В заключительном слове Б. Д. Грекова не было той строгой определенности, которой отличались поздние его работы. Он даже отчасти соглашался с теми, кто находил в Древней Руси черты рабовладельческого общества (И. И. Смирнов, Е. С. Лейбович), приняв их соображение как дополнение к той части своего доклада, которая относилась к эпохе древнейшей Русской Правды, т. е. Правды Ярослава. Что касается более позднего времени, а именно XI в., то здесь Б. Д. Греков считал, что и в Киеве, и в Новгороде, и Владимиро-Сузdalской земле господствовали феодальные отношения.⁴⁸

После дискуссии 1932 г. историки часто возвращались к тем же проблемам из истории Древнерусского государства. Продолжал изучать историю Киевской Руси и Б. Д. Греков. Но первые его работы, написанные вслед за выступлением в ГАИМКе, мало чем отличались от его заключительного слова.⁴⁹ На пленуме ГАИМК, состоявшемся 20—22 июня 1933 г., М. М. Цвибак прочитал доклад «К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси».⁵⁰ Он также выступил против тезиса о рабовладельческом характере общественного строя Древней Руси. Однако в его докладе содержалось ошибочное положение о том, что Древняя Русь была окружена феодальными государствами.

Некоторые колебания в определении социальной структуры Киевской Руси, проявленные Б. Д. Грековым в ходе дискуссий 1932 и 1933 гг., имели характер скорее эпизодический, чем постоянный; по его мнению, рабство теряет значение, отступая перед феодализмом. Характерна в этой связи статья Б. Д. Грекова «Проблема генезиса феодализма в России», где подчеркивается усиление феодальных порядков, окрепших к началу X в.⁵¹ По мнению автора, славянское общество IX—X вв. — классовое общество. В том, какие классы действовали в этом обществе, полной ясности нет: в одном случае на исторической сцене хозяйничают рабовладельцы, окруженные многочисленными рабами, в другом — крупные землевладельцы (князья, бояре, отцы церкви), строящие свое благополучие на угнетении феодально зависимых.⁵² В этой работе Б. Д. Греков отодвигает генезис феодальных отношений в глубь веков и таким способом пытается снять проблему рабства в концепции И. И. Смирнова и других исследователей.

«Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне» — следующая работа

⁴⁸ Там же, с. 159.

⁴⁹ См., например: Греков Б. Д. Начальный период в истории русского феодализма. — ВАН СССР, 1933, № 7.

⁵⁰ Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.—Л., 1934. — См. также: Цвибак М. М. К вопросу о генезисе феодализма в Древней Руси. — В кн.: Из истории докапиталистических формаций М.—Л., 1933.

⁵¹ Греков Б. Д. Проблемы генезиса феодализма в России. — Исторический сборник, Л., 1934, I, с. 39, 44.

⁵² Там же, с. 38, 39, 44.

Б. Д. Грекова. В ней основное внимание уделено начальной стадии развития феодализма на Руси и складыванию феодальной вотчины XI—XIII вв.⁵³ Согласно положениям автора, феодальные отношения вырастают из разлагающегося патриархального мира и XI век вполне может рассматриваться как типичный в данном случае. Несколько слов Б. Д. Греков уделил норманскому нашествию, способствовавшему «росту» рабовладения на Руси. Умножающееся «земельное богатство, сосредоточенное в руках нового класса землевладельцев, опиралось в значительной мере на рабскую силу». Тем не менее «Русь XI века нельзя характеризовать как страну рабского (античного) способа производства». Эти замечания адресовались, по всей видимости, М. М. Цвибаку и тем ученым, которые критиковали Б. Д. Грекова за преуменьшение им значения рабовладельческих отношений в процессе феодализации. О закупах, изгоях, рядовичах Б. Д. Греков ничего такого, что противоречило бы его прежним утверждениям, не сказал: все это феодально зависимый люд.⁵⁴ Смерд в понимании Б. Д. Грекова — аналог крестьянина позднего времени. Поэтому «совершенно нет никакого основания приходить в отчаяние от невозможности свести смерда к какому-либо единству юридического положения: смерд может быть и свободным, и зависимым, зависеть может и от князя, и от княжеского дружины, и от церковного учреждения».⁵⁵ Б. Д. Греков в этой книге уточняет ранее выдвинутые формулировки, оттачивает систему доказательств, отодвигает феодализм к IX в., выводя его непосредственно из разложения первобытнообщинного строя.⁵⁶

Положения, содержащиеся в работах Б. Д. Грекова, были оспорены в теоретическом и конкретно-историческом планах. С точки зрения теоретической Б. Д. Грекову возражал И. И. Смирнов, упорно доказывая существование рабовладельческой формации как неизбежной ступени, предшествующей феодализму.⁵⁷ Конкретно-исторические замечания высказали С. В. Вознесенский и С. В. Бахрушин. С. В. Вознесенский усомнился в справедливости концепции Б. Д. Грекова. Он пытался по-своему взглянуть

⁵³ Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне. — ИГАИМК, 1934, вып. 72.

⁵⁴ Там же, с. 35, 36, 49, 50, 51, 53.

⁵⁵ Там же, с. 40.

⁵⁶ Одновременно с «Очерками» Б. Д. Грекова появилась книга В. Рейхардта «Очерки по экономике докапиталистических формаций» (М.—Л., 1934). Изложение теоретических проблем экономики докапиталистических формаций сочетается в ней с обрисовкой конкретно-исторического фона тех или иных государств, не исключая и древнерусского. Присоединяясь к Б. Д. Грекову в некоторых вопросах феодализации Древней Руси, В. Рейхардт все же видел в рабовладении стадиальный предшественника феодализма.

⁵⁷ Смирнов И. И. 1) О генезисе феодализма. — ПИМК, 1933, № 3—4; 2) Феодальнокрепостническое общество. — ИГАИМК, 1934, вып. 99.

на истоки феодализации в России.⁵⁸ По его убеждению, возникновение феодализма нельзя «относить к очень раннему периоду — до появления норманнов». Картина, нарисованная Б. Д. Грековым, не приемлема уже потому, что у него организация крупной вотчины исследуется статически, а не в процессе ее возникновения и роста. При этом неправомерно и то, что Б. Д. Греков в своих построениях опирается на данные Русской Правды, пренебрегая материалом летописей. Так же статически, по словам С. В. Вознесенского, Б. Д. Греков подходит к вопросу об изучении различных групп эксплуатируемого в этой вотчине населения и самих форм эксплуатации. Когда норманны, продолжает С. В. Вознесенский, высадились на Волховско-Днепровской территории, они встретились с массой мелких самостоятельных производителей — смердов. Познакомились они и с верхушкой туземного населения. Задерживаясь в городах и смешиваясь с верхами местного общества, норманны образовали особый класс, который «долгое время жил путем грабежа и дани и только с половины X века стал оседать на землю, преимущественно в районе расположения городов». Первыми обитателями княжеских, боярских и монастырских сел были рабы. Смерды же — основная масса свободного крестьянства, «примученная» образовавшимся разбойниччьим классом, — платили дань. Об их частной зависимости говорить никаким образом не приходится. Впрочем, С. В. Вознесенский допускает, что из среды смердов «путем прямого насилия и путем „ряда“ и ссуды постепенно выходили рабы и зависимые в той или иной степени люди, населявшие первоначально феодальные вотчины». Процесс становления феодальной вотчины был отнесен к X—XI вв. В XII в., по мнению автора, произошел перелом. В XII—XIII вв. феодальная вотчина явила «примерно в таком виде, как ее обрисовывает Б. Д. Греков».⁵⁹

Б. Д. Греков остался на прежних позициях, а критику С. В. Вознесенского отклонил, объявив ее бездоказательной.⁶⁰

Историю феодальных институтов Б. Д. Греков подверг анализу в очередной книге, изданной в 1935 г.⁶¹ В этой работе с еще большей настойчивостью доказываются идеи, уже известные по состоявшимся публикациям. С. В. Бахрушин выступил с подробной рецензией на книгу.⁶² Оценивая работу в целом, он констатировал бесплодность результатов исследования автора: «...кардинального вопроса — „о времени возникновения феодальных от-

⁵⁸ Вознесенский С. В. К вопросу о феодализме в России. — ПИДО, 1934, № 7—8.

⁵⁹ Там же, с. 222—231.

⁶⁰ Греков Б. Д. Мой ответ С. В. Вознесенскому. — ПИДО, 1934, № 7—8.

⁶¹ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935.

⁶² Бахрушин С. В. К вопросу о русском феодализме. — Книга и пролетарская революция, 1936, № 4.

ношений на Руси“ — Б. Д. Греков не разрешил». ⁶³ Вопреки ему «данные второй половины XI—начала XII в. позволяют говорить лишь о первых шагах закрепощения, когда и численное количество зависимых смердов было очень еще невелико и ... не выкипело — сталлизовались типичные для феодализма формы эксплуатации землевладельцем мелкого производителя». Вольный общинник — смерд — борется с жадными до дани князьями, дружижниками, борьба эта «еще далеко не носит такого отчетливого феодального характера, как представляется Б. Д. Грекову». ⁶⁴ Подлинная история феодализма, по С. В. Бахрушину, началась с середины XI в.⁶⁵

Своеборазным ответом С. В. Бахрушину можно назвать второе издание книги «Феодальные отношения в Киевском государстве». В ней не было сделано никаких изменений, на которые мог бы рассчитывать рецензент.⁶⁶ Это побудило С. В. Бахрушина еще раз выступить с разбором книги Б. Д. Грекова.⁶⁷

Следует отметить, что исследование «Феодальные отношения в Киевском государстве» — важная ступень в творческой биографии Б. Д. Грекова. В этом труде появился раздел о челяди, который позволил автору на основе толкования термина «челядь» в значении собирательного названия всей барской дворни иначе рассмотреть Русскую Правду, в особенности ее древнейший слой — Правду Ярослава.⁶⁸ Это должно было придать исторической конструкции Б. Д. Грекова более стройный и логичный вид.

Нельзя, однако, советскую историографию Киевской Руси 30-х годов сводить к трудам Б. Д. Грекова и его оппонентов. В это время появились интересные работы, подготовленные и другими авторами. Так, Н. Н. Воронин опубликовал книгу «К истории сельского поселения феодальной Руси», где, помимо изучения сельских поселений, рассмотрел явления, относящиеся к формированию классов в Древнерусском государстве.⁶⁹ Он проследил и за складыванием классового общества в Северо-Восточной Руси.⁷⁰

Ценной следует признать попытку С. В. Юшкова обозначить этапы эволюции социальной сущности дани на протяжении X—XI вв.⁷¹ Реформы княгини Ольги, считает он, «имели своим последствием форсирование процесса сближения дани с типичной

⁶³ Там же, с. 44.

⁶⁴ Там же, с. 47.

⁶⁵ Там же, с. 46, 48.

⁶⁶ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве, 1936.

⁶⁷ Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. — ИМ, 1937, № 3.

⁶⁸ Раздел о челяди Б. Д. Греков ввел в издание 1937 г.

⁶⁹ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня. Л., 1935, с. 17, 18, 40, 42, 43 и др.

⁷⁰ Воронин Н. Н. Владимиро-Сузdalская земля в X—XIII вв. — ПИДО, 1935, № 5—6.

⁷¹ Юшков С. В. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI веках. — ИМ, 1936, № 6.

феодальной рентой».⁷² В специальной постановке вопроса о дани С. В. Юшков опередил остальных историков.

Значительный след в историографии Киевской Руси оставили «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР». Особую роль сыграло то место в «Замечаниях», где говорится, что «в конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены».⁷³ Раньше в литературе появлялись идеи, отождествлявшие феодализм с крепостничеством.⁷⁴ Теперь, после появления в печати «Замечаний», некоторые историки стали обосновывать два периода применительно к Древней Руси — период дофеодальный, «когда крестьяне не были еще закрепощены», и период феодальный, когда крепостничество стало основой общественных отношений.

В подобном стиле написана статья С. В. Бахрушина «Держава Рюриковичей».⁷⁵ «Держава Рюриковичей» (от Рюрика до Владимира Святославича включительно) «основывалась не на интенсивной феодальной эксплуатации населения, а лишь на сборе дани с покоренных племен». Она стояла на «переломе между высшей ступенью варварства и цивилизацией», являясь «переходом между родовым строем и феодальным». Социальные отношения, сложившиеся в «державе Рюриковичей», следует характеризовать как военную демократию. Однако «к концу X века процесс феодализации уже делает некоторые успехи, и в княжестве Владимира мы уже наблюдаем некоторые элементы зарождающегося феодального государства, причудливо переплетающиеся с остатками военной демократии». Время феодализма настало со смертью Ярослава Мудрого.⁷⁶

На противопоставлении дофеодального периода в Древней Руси феодальному основана книга С. В. Юшкова «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси».⁷⁷ По его мнению, дофеодальное общество распадалось на свободное рядовое население, организованное в общины, и князей с их дружинниками.⁷⁸ Но значение книги С. В. Юшкова не исчерпывается установлением двух названных периодов. В ней много наблюдений, пополняющих наши представления о росте крупного землевладения, организации владельческого хозяйства, классообразования. С. В. Юшков рассматривал вопросы о переводе холопов в крепостных крестьян,⁷⁹ о превращении дани в феодальную ренту.⁸⁰ Разложение

⁷² Там же, с. 137.

⁷³ К изучению истории. М., 1946, с. 21.

⁷⁴ Смирнов И. И. Феодально-крепостническое общество. — ИГАИМК, 1934, вып. 99, с. 102.

⁷⁵ Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей. — ВДИ, 1938, № 2.

⁷⁶ Там же, с. 94, 97, 98.

⁷⁷ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939.

⁷⁸ Там же, с. 3—43.

⁷⁹ Там же, с. 61—67.

⁸⁰ Там же, с. 87—89.

свободной общине у него связано с появлением классов, причем в Киевской Руси, как и везде, первыми появляются классы рабовладельцев и рабов.⁸¹ Рабство в этот период носит патриархальные черты. Предпосылок для перехода в рабовладельческую общественно-экономическую формацию не было. Со второй половины X в. постепенно создаются условия, способствующие развитию феодализма, перевоплощению «князей, родо-племенной знати, дружинников в крупных землевладельцев-феодалов, а общинников, земля которых экспроприируется, — в феодально зависимое крестьянство».⁸² Феодально зависимый люд был довольно пестрым по составу, и С. В. Юшков охарактеризовал разные его категории, куда вошли закупы, смерды, рядовиши, закладники, прощенники, изгои.⁸³ Упрочение феодальных связей привело к тому, что «класс феодалов и класс феодально зависимого сельского населения превращается в XII—XIII вв. в два замкнутых класса, в два сословия».⁸⁴ Способы установления феодальной зависимости С. В. Юшков определяет так: «1) возникновение феодальной зависимости из форм холопской эксплуатации; 2) закабаление сельского населения; 3) постепенное превращение дани в феодальную ренту; 4) патронат; 5) наем; 6) насильственное закрепощение сельского населения. Наиболее ранние способы возникновения феодальной зависимости — это превращение холопов в феодально зависимое население, кабала и насильственное закрепощение. Остальные способы получили особое значение уже в эпоху оформления феодального государства».⁸⁵

С. В. Юшков, вероятно, первым среди историков поставил вопрос о древнерусских городах в социально-экономическом плане.⁸⁶ До него древнерусские города изучались в основном в рамках краеведения или же в социально-политическом ракурсе.⁸⁷

В целом же книга С. В. Юшкова «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» подвела итог многолетним изысканиям автора в области древнерусской истории. Последующие его работы весьма сходны по смыслу с указанным сочинением.⁸⁸

⁸¹ Там же, с. 24.

⁸² Там же, с. 42.

⁸³ Там же, с. 67—131.

⁸⁴ Там же, с. 164.

⁸⁵ Там же, с. 60—61.

⁸⁶ Там же, с. 20—24; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 100. — Предшественниками С. В. Юшкова были археологи В. И. Равдоникас и А. В. Арциховский (Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. — ИГАИМК, 1934, вып. 103; Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Сузdalской и Смоленской землях. — ПИДО, 1934, № 11—12).

⁸⁷ Шириня Д. А. Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917—начала 1930-х годов. — ИЗ, 1970, т. 86.

⁸⁸ Юшков С. В. 1) К вопросу о феодальном («варварском») государстве. — ВИ, 1946, № 7; 2) Киевское государство. (К вопросу о социальн-

В конце 30-х годов возникла еще одна дискуссия о характере общественного строя в Киевской Руси. Толчком к ней послужила небольшая статья А. В. Шестакова в «Учительской газете», где проводилась идея о рабовладельческой природе Древнерусского государства.⁸⁹ Б. Д. Греков ответил на эту статью докладом в Институте истории АН СССР, после которого состоялась дискуссия.⁹⁰ Докладчики поддержали М. И. Артамонов, С. В. Бахрушин, И. И. Смирнов, С. В. Юшков и др. Возражали ему Кузнецov, П. П. Смирнов, А. В. Шестаков. В «Учительской газете» Б. Д. Греков в соавторстве с другими учеными опубликовал возражения против статьи А. В. Шестакова.⁹¹ Этим как бы демонстрировалось поражение последнего. Точка зрения Б. Д. Грекова в конце 30-х годов находит все больше и больше сторонников; его взгляды становятся общепризнанными.⁹² Период споров о социальном строе Киевской Руси отходит в прошлое, начинается период стабильности и преобладания идей Б. Д. Грекова. То, что он написал впоследствии, было уточнением и универсализацией положений, сложившихся во второй половине 30-х годов.⁹³

Вместе с тем в трудах, написанных позднее и посвященных изучению социальных отношений по материалам стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Винодольский и Полицкий статуты, а также Польская Правда), Б. Д. Греков придал изучению общественного строя Киевской Руси широкий сравнительно-исторический аспект, подняв его тем самым на более высокий исследовательский уровень.^{93а}

Таким образом, советские историки 30-х годов, овладевая теорией марксизма-ленинизма, стали применять ее в практике историко-научного исследования. На протяжении целого десятилетия в науке не умолкают споры, обсуждения сложнейших вопросов из истории Древнерусского государства. Дискуссии показали не только различие мнений, но и медленную унификацию их

ной структуре Киевской Руси). — Преподавание истории в школе, 1946, № 6; 3) История государства и права СССР, ч. I. М., 1947; 4) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

⁸⁹ Шестаков А. В. К вопросу об общественном строе Киевской Руси. — Учительская газета, 1939, 21 мая.

⁹⁰ Греков Б. Д. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? — ИМ, 1939, № 4; Дискуссия по докладу акад. Б. Д. Грекова в Ин-те истории АН СССР на тему «Общественный строй Киевской Руси». (4—11 июня 1939 г.). — ИМ, 1939, № 4.

⁹¹ Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? — Учительская газета, 1939, 3 июля.

⁹² История СССР, т. I. М., 1939; История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1939.

⁹³ Греков Б. Д. 1) Киевская Русь. М.—Л., 1939; М.—Л., 1944; М., 1949; М., 1953; 2) Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.—Л., 1940; 3) Опыт истории периодизации истории крестьянства в России. — ВИ, 1946, № 8—9; 4) Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. I. М., 1952, и др.

^{93а} См.: Греков Б. Д. Избранные труды, т. I. М., 1957.

в схеме Б. Д. Грекова. Дискуссия 1939 г., состоявшаяся в Институте истории АН СССР 4—11 июня, наглядно показала, что точка зрения Б. Д. Грекова нашла поддержку большинства специалистов по истории Древней Руси.

В 30-е годы была значительно расширена источникovedческая база, прежде всего за счет археологических и лингвистических источников, что позволило поставить исследование на более прочную основу. Вместе с тем, как и в 20-е годы, отдельные категории зависимого населения изучались в отрыве друг от друга и от тех исторических явлений, которые находились в тесной связи с этими категориями. Трудно считать удачным тезис, приравнивавший крепостничество к феодализму, так как размах феодальных отношений несомненно шире крепостничества.⁹⁴ Это положение оказалось значительное влияние на разработку нашей древней истории, создав проблему дофеодального и феодального периодов в Древней Руси.

В 40-е годы идеи Б. Д. Грекова хотя и доминировали в историографии Киевской Руси, но не безраздельно. В это время существовали еще два направления: одно из них связано с истолкованием Киевской Руси как общества рабовладельческого, другое — с провозглашением более позднего, чем полагал Б. Д. Греков, появления на Руси сформировавшегося феодализма и большей роли рабства в Древней Руси. Первое направление представлял П. П. Смирнов,⁹⁵ второе связано с работами В. В. Мавродина и Б. А. Романова.

Как отмечал В. В. Мавродин в работе «Очерки истории Левобережной Украины», «становление из родовой организации поземельно-территориальной общины в Северской земле, в лесной и лесостепной ее полосе, произошло в значительной мере под влиянием смены подсечного земледелия пашенным и завершилось к IX—X вв.... В дальнейшем своем развитии сложившаяся сельская община в результате внутренних процессов, порожденных свойственным ей дуализмом, дает начало выделению феодальных элементов».⁹⁶ Интенсивное разложение родового строя падает на IX—X вв.⁹⁷ Господствующая прослойка, вышедшая из общины, предстает «в древнейших письменных источниках под наименованием „огнщан“, „старой чади“, „нарочитой чади“, „старцев градских“, а, возможно, иногда и „лучших мужей“».⁹⁸ Вначале эта социальная верхушка — только рабовладельцы, но затем вследствие экспроприации и закабаления рядового населения они

⁹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 352—357.

⁹⁵ Смирнов П. П. Сказание о холопьей войне в Древней Руси. — Учен. зап. МГПИ им. Потемкина, 1947, т. 2, вып. II.

⁹⁶ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С древнейших времен до второй половины XIV века. Л., 1940, с. 84.

⁹⁷ Там же, с. 77—78.

⁹⁸ Там же, с. 100.

превращаются в феодалов. Итак, общество в конечном счете делится на четыре социальные категории: «1) Экономически слабого землевладельца-общинника, в той или иной мере уже зависимого от воина-дружиинника; 2) ремесленника; 3) купца; 4) воина-дружиинника».⁹⁹

Вслед за «Очерками» В. В. Мавродин написал монографическое исследование «Образование Древнерусского государства», где проанализировано разложение первобытнообщинного строя и возникновение феодальных отношений в Древней Руси.¹⁰⁰ Автор допускает, что в истории Руси VIII—X вв. социально-экономические отношения отличаются ускоряющимся процессом распада первобытнообщинного способа производства, пока «в IX—X вв. в основных, ведущих, наиболее передовых центрах и областях Руси не складывается феодальный способ производства».¹⁰¹ Первые классы — это рабы и рабовладельцы, но постепенно «патриархальное рабство перерастает в феодальные формы зависимости».¹⁰² Образование господствующей феодальной прослойки идет по трем каналам: «1) Трансформация в феодалов рода-племенной знати; 2) феодализация богатых семейных общин, не входящих в состав родовой верхушки, а выделяющихся в результате разложения сельской общины; 3) оседание в городах „находников“ — варягов и превращение варяжских викингов, купцов-разбойников... в результате слияния с местной славянской знатью в господствующую прослойку».¹⁰³ Превращение общинников в феодально зависимых людей осуществлялось посредством «насилия, экспроприации, захвата общинных земель и закабаления».¹⁰⁴ В. В. Мавродин охарактеризовал признаки феодальной зависимости у таких групп древнерусского населения, как челядь, смерды, изгои¹⁰⁵ и т. д. Но, несмотря на это, феодализм на Руси, по его мнению, консолидировался лишь в XI в. В последующих трудах В. В. Мавродина высказаны аналогичные взгляды.¹⁰⁶

В книге «Люди и нравы Древней Руси» Б. А. Романов определил значение рабства в Древнерусском государстве. По его мнению, рабовладение, проникая глубоко в общественную жизнь, оказывало ощутимое воздействие на быт и нравы древнерусского населения. Как писал Б. А. Романов, «свободный муж как-то не

⁹⁹ Там же, с. 97.— Вопросы классообразования рассматривались В. В. Мавродиным и раньше. (Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории Древней Руси.— Учен. зап. ЛГПИ, 1939, т. XIX).

¹⁰⁰ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

¹⁰¹ Там же, с. 114.

¹⁰² Там же, с. 156.

¹⁰³ Там же, с. 159.

¹⁰⁴ Там же, с. 168.

¹⁰⁵ Там же, с. 156—157, 164, 165—167.

¹⁰⁶ Мавродин В. В. 1) Социально-политический строй.— В кн.: История культуры Древней Руси, т. 2. М.—Л., 1951; 2) Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956.

мыслится без раба (и робы), раб — это непременная принадлежность быта свободных. А те, кто рабов не имел, стремились ими обзавестись правдами и неправдами».¹⁰⁷ Автор подчеркивал демократизацию состава рабовладельцев. Он писал о том, что рабовладение в «XII в. становится доступным самим широким слоям „свободных“ мужей из числа тех „неимовитых“, которые в условиях крайнего обострения противоречий в рождающемся феодальном обществе при случае и сами опрокидывались в бездну... рабочего ярма».¹⁰⁸ Б. А. Романов иначе, чем Б. Д. Греков, определил социальный статус смердов, утверждая, что смерды — разряд населения, пребывающего в зависимости, но только от князя и государства.¹⁰⁹

Помимо Б. А. Романова, смердами занимались и другие учёные. В. П. Любимов, например, устанавливал зависимое положение смерда,¹¹⁰ а Б. И. Сыромятников и С. А. Покровский доказывали полную свободу смерда-общинника.¹¹¹

Некоторые вопросы истории Руси второй половины X в. разрабатывались В. А. Пархоменко и М. Д. Приселковым. В. А. Пархоменко писал о социальной дифференциации, полуфеодальном государстве, созданном при князе Владимире,¹¹² а у М. Д. Приселкова речь шла о киевском князе с дружиинниками и о подвластном им населении.¹¹³

А. И. Яковлев высказал некоторые соображения по истории классов на Руси в книге «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.». Здесь и князья — «владыки Поднепровья», и челядь, и холопы, и закрепощенные смерды.¹¹⁴

Широкий обмен мнениями по вопросу о дофеодальном периоде имел место во время дискуссии, обсудившей проблему периодизации истории СССР феодальной эпохи. Полемика открылась статьей К. В. Базилевича. Отметив, что «понятие „дофеодаль-

¹⁰⁷ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947, с. 49.

¹⁰⁸ Там же, с. 87. — Суждения по социальной истории Древней Руси содержатся еще и в комментариях Б. А. Романова к Русской Правде. См. в этой связи следующие издания: Правда Русская. Учебное пособие. М.—Л., 1940; Правда Русская. Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 2. Комментарии. М.—Л., 1947.

¹⁰⁹ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси, с. 116, 129.

¹¹⁰ Любимов В. П. Смерд и холоп. — ИЗ, 1941, т. 10.

¹¹¹ Сыромятников Б. И. О «смерде» в Древней Руси. — Учен. зап. МГУ, вып. 116. Труды юридического факультета, кн. 2, 1946; Покровский С. А. О наследственном праве древнерусских смердов. — Советское государство и право, 1946, № 3—4.

¹¹² Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принял христианство. — Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1941, вып. 8, с. 203, 212—213.

¹¹³ Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1941, вып. 8, с. 236—239.

¹¹⁴ Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII века, т. I. М.—Л., 1943, с. 9, 10, 11, 16, 17, 19, 21.

ного периода“ или „дофеодального государства“, не отнесенное ни к одной из существующих общественно-экономических формаций, не имеет смысла», он назвал IX—X вв. временем генезиса феодальных отношений.¹¹⁵ Примерно в том же духе высказались А. А. Зимин и И. Миллер.¹¹⁶ В определении хронологических рамок дофеодального периода участники дискуссии не достигли единства взглядов. Так, С. В. Юшков связывал его с IX—серединой X в.¹¹⁷ А. П. Пьянков начало дофеодального периода приурочил к VII—VIII вв.¹¹⁸ Л. В. Черепнин и В. Т. Пащута отнесли его ко времени до IX в.¹¹⁹ В редакционной статье, подводившей итоги дискуссии, была признана правильной, хотя и нуждающейся в дополнительной аргументации, точка зрения Л. В. Черепнина и В. Т. Пащута.¹²⁰

Важные результаты в рассматриваемое время были достигнуты в изучении древнерусских городов. В 1946 г. вышла в свет монография М. Н. Тихомирова «Древнерусские города».¹²¹ В этом исследовании автор пишет о происхождении русских городов, географическом их размещении, городском населении и о социальных движениях в городах. По М. Н. Тихомирову, «настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, были земледелие и ремесло в области экономики, феодализм — в области общественных отношений».¹²² Автор насчитал пакануне нашествия татар 238 городов, полагая, что в действительности их было больше.¹²³ В древнерусских городах наряду со свободными людьми жили и зависимые: ремесленники-холопы, милостники, прощенники, изгои.¹²⁴

М. Н. Тихомиров затрагивает социально-экономические проблемы и в другом своем труде «Крестьянские и городские восста-

¹¹⁵ Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР дофеодального периода. — ВИ, 1949, № 11, с. 70—71.

¹¹⁶ Зимин А. А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода. — ВИ, 1950, № 3, с. 71; Миллер И. К вопросу о принципах построения периодизации истории СССР. — Там же, № 11, с. 73.

¹¹⁷ Юшков С. В. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века. — ВИ, 1950, № 1, с. 73—80.

¹¹⁸ Пьянков А. П. О периодизации истории феодальных отношений в России. — ВИ, 1950, № 5, с. 78.

¹¹⁹ Черепнин Л. В. и Пащута В. Т. О периодизации истории России в эпоху феодализма. — ВИ, 1951, № 2, с. 56. — См. также: Черепнин Л. В. К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма. — ИАН СССР, 1952, т. IX, № 2, с. 118.

¹²⁰ Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР. — ВИ, 1951, № 3, с. 56.

¹²¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946.

¹²² Там же, с. 39.

¹²³ Там же, с. 24.

¹²⁴ Там же, с. 163—167. — См. также статью М. Н. Тихомирова о милостниках: Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание на Руси XII в. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952.

ния на Руси XI—XIII вв.». Он считает, что соседская община уже в X в. находилась в состоянии разложения. Закрепощение крестьян явилось результатом насильственных захватов земель, принадлежавших ранее свободному сельскому населению.¹²⁵ Разнохарактерный состав барского двора, источники зависимости и социальный строй освещаются в комментариях М. Н. Тихомирова, сопровождающих издания Русской Правды, осуществленные с его участием и под его руководством.¹²⁶

Обстоятельный комментарий к Русской Правде, составленные А. А. Зиминным, также помогают разобраться в исторических явлениях, способствуют изучению социальных отношений в Древней Руси. Договоры Руси с греками позволяют ему говорить о «господствующем классе русского раннефеодального государства», о «феодализирующейся верхушке Руси», о «челядинерабе».¹²⁷ В примечаниях к статьям Правды имеются замечания, объясняющие социальную суть различных категорий древнерусского населения, изучение которых затруднено запутанностью терминологии памятника. А. А. Зимин выявил эволюцию понятия «челядь» в Древней Руси. Древнерусских смердов А. А. Зимин истолковал как феодально зависимых крестьян, близких по юридическому положению к холопам. Автор, наконец, выявил источники холопства, рассмотрел положение различных групп зависимых людей: рядовичей, закупов и др.¹²⁸

В 50-е гг. советские историки продолжали изучение формирования классов в отдельных областях обширного Древнерусского государства. Некоторые особенности классообразования в Галицко-Волынской Руси раскрыл В. Т. Пашуто, проследив за складыванием крупного феодального землевладения, ростом боярства, усилением его политической роли, устройством княжеского домена, состоянием угнетенного класса крестьян и т. п.¹²⁹

В. Т. Пашуто вместе с Л. В. Даниловой рассмотрел сложные и дискуссионные вопросы, связанные с товарным производством в Древней Руси,¹³⁰ показав, как обмен и возникающее товарное производство способствовали разложению общины и выделению из нее «свободных крестьян — частных собственников своей земли», концентрации богатства «в руках немногочисленного

¹²⁵ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 30—37.

¹²⁶ Русская Правда. Учебное пособие. М., 1941; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

¹²⁷ Памятники права Киевского государства X—XII вв. Составитель А. А. Зимин. М., 1952, с. 21—22.

¹²⁸ Там же, с. 90, 93, 98, 99, 145, 164—167, 185—186.

¹²⁹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 134—191. — Аналогичные явления на той же территории Руси освещала К. А. Сафоненко. (Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 47—57, 58—71).

¹³⁰ Данилова Л. В., Пашуто В. Т. Товарное производство на Руси (до XVII в.). — ВИ, 1954, № 1.

класса феодалов» и образованию крупной земельной собственности, как товарное производство обслуживало феодализм и подготовило условия феодальной раздробленности.¹³¹

Особенности перехода славянского общества к феодализму, минуя рабовладельческую формацию, были исследованы К. Н. Тарновским и И. В. Созиным. К. Н. Тарновский делал упор на сравнительно высокий уровень развития производительных сил у славян, знакомых с железом, пашенным земледелием, и общественные отношения, воплощавшиеся в сельской общине.¹³² И. В. Созин отмечал важное значение природных условий для общественных судеб восточного славянства, исключавших из-за крайней трудоемкости земледелия применение рабского труда в масштабах рабовладельческой латифундии.¹³³

История социальных отношений в Древней Руси рассматривалась также археологами на основе новых, ранее неизвестных археологических материалов. Изучив знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси, Б. А. Рыбаков установил существование ремесленников-холопов на княжеском подворье.¹³⁴ Свои наблюдения о древнем русском ремесле, ремесленниках (свободных и зависимых) Б. А. Рыбаков обобщил в исследовании «Ремесло Древней Руси».¹³⁵

П. Н. Третьяков определял социально-экономические отношения у восточных славян (VI—VIII вв.) как «переходный период от родового строя (на последней стадии его развития) к классовому, феодальному обществу, как переходный период от „военной демократии“ к раннефеодальному государству. Этот период можно назвать „полупатриархальным—полуфеодальным“».¹³⁶ Наличие рабов у восточных славян VII—IX вв. для П. Н. Третьякова — факт очевидный. Однако уже в античное время рабовладение «выходило за рамки первобытного „патриархального“ рабства». Но труд рабов в жизни Киевской Руси имел сравнительно

¹³¹ Там же, с. 119—126.

¹³² Тарновский К. Н. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян. — ВИ, 1954, № 4. — О роли сельской общины в процессе феодализации и переходе от первобытнообщинного строя к феодальному см.: Рождественская С. Б. Вервь. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Труды кафедры истории древнего мира, вып. 2, М., 1953.

¹³³ Созин И. В. К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму. — ВИ, 1957, № 6. — Явления, которые способствовали переходу восточнославянского общества непосредственно к феодализму, исследовались и раньше (Мишуллин А. В. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. — ВДИ, 1939, № 1; Равдоникас В. И. Маркс—Энгельс и основные проблемы доклассового общества. — ИГАИМК, 1934, вып. 81; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 111—117).

¹³⁴ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — СА, 1940, № 6.

¹³⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

¹³⁶ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 281.

ограниченное применение.¹³⁷ Далее П. Н. Третьяков отмечает, что «известную роль в процессе возникновения классового общества сыграла... форма примитивной эксплуатации — взимание дани с покоренного населения».¹³⁸ Конечный вывод П. Н. Третьякова гласит: «...в IX—X вв. феодализм уже господствовал на Руси и Древнерусское государство было государством феодальным. Дофеодальным, или „полупатриархальным—полуфеодальным“, периодом, то есть временем, „когда крестьяне не были закрепощены“, являлись предшествующие столетия».¹³⁹

Изменения, происшедшие после XX съезда КПСС, положительно повлияли на развитие общественных дисциплин, включая и историческую науку, которая получила необходимые условия для своего дальнейшего творческого роста. С решениями XX съезда партии связан новый период советской историографии, изучающей социально-экономический строй Киевской Руси.

Проблема генезиса феодализма продолжает оставаться одной из ведущих тем научных исследований. Происхождение феодальных отношений рассматривается на более совершенной источниковедческой основе, созданной благодаря большим достижениям археологии и ряда смежных наук; особенно широко привлекаются памятники материальной культуры.¹⁴⁰ Значительную работу в этой области проделал Б. А. Рыбаков. По его наблюдениям, к середине первого тысячелетия нашей эры в быте племен, населявших Восточно-Европейскую равнину, произошли важные сдвиги, а «время с VI по IX в. — это... последняя стадия первобытнообщинного строя, время классообразования и незаметного на первый взгляд, но неуклонного роста предпосылок феодализма».¹⁴¹

Русские поселения VIII—IX вв. являются «очень сложную картину: и имущественное неравенство внутри верви, появление дружинных комплексов, и различие типов поселений, возникновение огромных укрепленных сел с тысячным населением».¹⁴² Трансформация родовой большесемейной общины в территориальную следовала за переходом от примитивного подсечного земледелия к пашенному.¹⁴³ Появившаяся соседская община оказалась достаточно прочной, чтобы «выдержать тяжесть классовой организации общества».¹⁴⁴ Б. А. Рыбаков разделяет мысль,

¹³⁷ Там же, с. 291.

¹³⁸ Там же, с. 294.

¹³⁹ Там же, с. 284.

¹⁴⁰ Данилова Л. В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962, с. 41—42.

¹⁴¹ Рыбаков Б. А. Образование Древнерусского государства с центром в Киеве. — В кн.: Всемирная история, т. 3. М., 1957, с. 242.

¹⁴² Рыбаков Б. А. Предпосылки образования Древнерусского государства. — В кн.: Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР VIII—IX вв. М., 1958, с. 850.

¹⁴³ Там же, с. 832—833.

¹⁴⁴ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964, с. 19; 2) Славяне в VI в. н. э. Предпосылки образования Русского государства. —

согласно которой «одним из первых видов эксплуатации у восточных славян, как и у других народов, была эксплуатация рабов. Но, хотя рабы и работали в феодальных усадьбах на Руси, рабовладение не стало здесь основой производственных отношений».¹⁴⁵ Наличие слоя русского боярства прослеживается уже к IX столетию.¹⁴⁶ Бояре-феодалы оказывались в укрепленных замках, возникновение которых автор относит к VIII в.¹⁴⁷ Постепенно бояре-феодалы увеличивали штат зависимого от них населения; войной и голодом, с помощью разных насилий превращали они свободных общинников в холопов и закупов.¹⁴⁸ Из всех видов подчинения экономическое принуждение было главным оружием в руках феодалов.¹⁴⁹ Часть зависимых крестьян «эксплуатировалась князьями путем взимания дани, часть вносила оброк боярам и дружинникам или выполняла на их землях барщинные работы».¹⁵⁰ Однако княжеская дружина еще во второй половине X в. не отгородилась от народа, и случалось, что в среду дружинников попадали выходцы из «простой чади», прославившиеся мужеством и силой.¹⁵¹ Определив VI—IX вв. как эпоху новых социальных веяний, Б. А. Рыбаков называет этот период предфеодальным.¹⁵² Б. А. Рыбакову принадлежит статья «О двух культурах русского феодализма». В этой статье автор, используя ленинские высказывания о существовании двух культур в классовом обществе, показал реальность их в Древней Руси, в которой существовали «господствующая» культура дворцов и усадеб, возглавляемая в значительной мере церковью, и демократическая культура, наиболее прогрессивное крыло которой было представлено городскими посадскими людьми.¹⁵³

В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 355.

¹⁴⁵ Рыбаков Б. А. Образование Древнерусского государства с центром в Киеве, с. 247.

¹⁴⁶ Рыбаков Б. А. 1) Предпосылки образования Древнерусского государства, с. 858; 2) Первые века русской истории, с. 25.

¹⁴⁷ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века. — ВИ, 1962, № 4, с. 36.

¹⁴⁸ Рыбаков Б. А. 1) Предпосылки образования Древнерусского государства, с. 853; 2) Славяне в VI в. Предпосылки образования Русского государства, с. 356.

¹⁴⁹ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений..., с. 42.

¹⁵⁰ Рыбаков Б. А. Образование Древнерусского государства с центром в Киеве, с. 248.

¹⁵¹ Рыбаков Б. А. 1) Исторический взгляд на русские былины. — ИСССР, 1961, № 5, с. 151; 2) Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., [б.г.], с. 57—58.

¹⁵² Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории, с. 16; 2) Славяне VI в. Предпосылки образования Русского государства, с. 354.

¹⁵³ Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 33. — Обстоятельный анализ работ Б. А. Рыбакова, посвященных генезису феодальных отношений в Древней Руси, см.: Мавродин В. В. Советская историография Древнерусского государства (к 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси). — ВИ, 1967, № 12, с. 69—72.

Общественный строй восточных славян VI—IX вв. на материалах письменных и археологических источников был изучен И. И. Ляпушкиным. Он полагал, что славяне антской поры находились в условиях первобытного строя, едва достигшего начальной стадии «военной демократии».¹⁵⁴ В VIII—IX вв. главной социальной организацией восточного славянства была сельская община. По его мнению, нет достаточного материала, чтобы определить степень развитости в это время частной собственности и основанного на ней индивидуального производства. И все же И. И. Ляпушкин предполагает, что славяне стояли у порога классового общества. «Но и даже после того, как возникло Древнерусское государство, — говорит далее И. И. Ляпушкин, — некоторые из славянских племен все еще сохраняют свои первобытные устои. Такие выводы напрашиваются из летописных данных о ходе борьбы древлян с Киевом».¹⁵⁵

Проблема возникновения феодализма является в известной мере проблемой зарождения и роста феодального землевладения. Советская историография вопросу о феодальном землевладении придавала первостепенное значение. В литературе 30—40-х годов указывалось, что в процессе становления феодализма решающую роль играло образование крупного землевладения князей, бояр и духовенства. В работах 60-х годов было высказано мнение о том, что крупная земельная собственность возникла на Руси во второй половине XI в. К такому выводу на материалах светского землевладения пришла Л. В. Данилова, а на материалах церковного — Я. Н. Щапов.¹⁵⁶ По словам же И. У. Будовница, вплоть до середины XIV в. монастыри на Руси в подавляющем своем большинстве хозяйственных задач перед собой не ставили и феодальными землевладельцами не являлись.¹⁵⁷

Я. Н. Щапов писал о сравнительно позднем возникновении крупного землевладения лишь применительно к церкви, тогда как княжеское, боярское землевладение, по его мнению, давно уже существовало, будучи «результатом относительно долгого внут-

¹⁵⁴ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Л., 1968, с. 155—156.

¹⁵⁵ Там же, с. 167—168, 169. — Эти соображения И. И. Ляпушкина были оспорены В. Т. Пашуто. См.: Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос. — В кн.: Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 104—107.

¹⁵⁶ Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ. — ПИДО, 1968, кн. I, с. 43; Щапов Я. Н. 1) Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — В кн.: Новоселев в А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 336; 2) З історії давньоруської церкви X—XII ст. — УІЖ, 1967, № 9, с. 89.

¹⁵⁷ Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М., 1966, с. 27, 73.

ренного развития восточнославянского общества».¹⁵⁸ Однако в исследованиях В. Л. Янина, А. Л. Шапиро, И. Я. Фроянова высказана мысль о столь же позднем складывании и светского крупного землевладения и об относительно небольших его первоначальных размерах.¹⁵⁹

Боярскому землевладению XII—XIII вв. посвятил свою статью О. М. Рапов.¹⁶⁰

Вопрос о наличии феодальной собственности на землю в Древней Руси до XI в. решался некоторыми исследователями утвердительно, но в плане определения ее как формы верховной княжеской собственности. Отсюда следовало, что дань, собиравшаяся древнерусскими князьями, являлась феодальной рентой. Эти идеи, высказанные в начале 50-х годов и развитые в последующих работах,¹⁶¹ нашли сторонников в лице Л. В. Черепнина, Я. Н. Щапова, О. М. Рапова и Ю. А. Кизилова.¹⁶² В литературе, однако, есть и другое мнение, уподобляющее дань контрибуции, какую платили «примученные» восточнославянские и другие племена победителям из Киева, и отвергающее идею о существовании

¹⁵⁸ Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти..., с. 336.

¹⁵⁹ Янин В. Л. 1) Из истории землевладения в Новгороде XII в.—В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 313—322; 2) Проблема социальной организации Новгородской республики.—ИСССР, 1970, № 1, с. 56; 3) Я послал тебе бересту... М., 1965, с. 170; Шапиро А. Л. Складывание крупного вотчинного землевладения.—В кн.: Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, с. 65—71; Фроянов И. Я. 1) Княжеское землевладение и хозяйство на Руси X—XII вв.—В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971; 2) Церковно-монастырское землевладение и хозяйство на Руси XI—XII вв.—В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 2. Л., 1973.

¹⁶⁰ Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв.—В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 190—205.

¹⁶¹ Довженок В. И. 1) Про дофеодальный период в історії Русі.—Археологія. Київ, 1952, т. VI, с. 13—15; 2) Землеробство древньої Русі до середини XIII ст. Київ, 1961, с. 198; 3) Характерні риси феодалізму в Київській Русі.—УЯЖ, 1970, № 12, с. 38—39, 40—41; 4) О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси.—В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972, с. 98.

¹⁶² Черепнин Л. В. 1) Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси.—ИЗ, 1956, т. 56, с. 245—246; 2) Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда.—В кн.: Новое сельцо в А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 146; Щапов Я. Н. 1) Церковь в системе государственной власти..., с. 305; 2) Древнерусские княжеские уставы и церковь в феодальном развитии Руси X—XIV вв.—ИСССР, 1970, № 8, с. 127; Рапов О. М. 1) К вопросу о земельной ренте в Древней Руси в домонгольский период.—Вестник МГУ, история, 1968, № 1, с. 58—62; 2) О некоторых аспектах княжеского землевладения в Киевской Руси.—В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 94; Кизилов Ю. А. Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму.—ВИ, 1969, № 3, с. 99.

в Древней Руси княжеского верховного землевладения. Это мнение представлено в работах А. Л. Шапиро и И. Я. Фроянова.¹⁶³

Все эти проблемы, следовательно, вызывают споры. Их дискуссионность хорошо показана в труде Л. В. Черепнина, посвященном спорным вопросам истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.^{163а} Важной темой исследований в советской историографии Киевской Руси стало изучение источников материального обеспечения господствующего класса. Еще Б. Д. Греков говорил, что «основной материальной базой новгородской и киевской знати были не движимые ценности, а земля».¹⁶⁴ Аналогичной точки зрения придерживался позднее И. И. Смирнов, близок к ней и О. М. Рапов.¹⁶⁵ Иначе рассматривали данный вопрос В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов, отмечая, что главной формой богатства древнерусской знати являлась движимость и что большую часть бюджета ее составляли поступления от кормлений, широко бытовавших на Руси в X—XII вв. Именно за счет кормлений удовлетворялись основные потребности князей в продуктах сельского хозяйства и прежде всего земледелия.¹⁶⁶

В 60-е годы советские историки продолжали изучать обстоятельства перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму. Эта проблема дискутировалась на совещании, посвященном вопросам возникновения феодализма у народов СССР, в июне 1964 г. в Москве. Участники его рассмотрели вопросы, связанные с генезисом феодализма у восточных славян, народов Восточной Прибалтики, Северного Кавказа и др. По тематике, относящейся к восточнославянскому обществу, были сделаны доклады Б. А. Рыбакова «Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси», В. И. Довженко «Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян», А. П. Пьянкова «Социальный строй восточных славян в VI—VIII вв.».¹⁶⁷

¹⁶³ Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю. — ВИ, 1969, № 12, с. 68—69; Фроянов И. Я. Даники на Руси X—XII вв. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970, с. 33—41.

^{163а} Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Пути развития феодализма. М., 1972.

¹⁶⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 136.

¹⁶⁵ Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.—Л., 1963, с. 45; Рапов О. М. 1) О некоторых аспектах княжеского землевладения в Киевской Руси; 2) К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв.

¹⁶⁶ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Проблемы разложения первобытнообщинного строя на Руси в свете работ Ф. Энгельса. — В кн.: Фридрих Энгельс — великий мыслитель и революционер. Л., 1972, с. 137; Фроянов И. Я. 1) Кормления в Древней Руси. — В кн.: Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, с. 57—60; 2) Княжеское землевладение и хозяйство на Руси X—XII вв., с. 51; 3) Церковно-монастырское землевладение и хозяйство на Руси XI—XII вв., с. 88—89, 92—95.

¹⁶⁷ Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.

Факторы, способствовавшие трансформации доклассовых отношений у восточных славян в феодальные, обсуждались не только на этом совещании, но и в ряде специальных статей.¹⁶⁸

Дальнейшее изучение древнерусского города привело советских историков к постановке новых проблем. Историографически новые идеи в исследовании древнерусских городов были, если можно так выразиться, полемической реакцией на положения по истории городов в Древней Руси, высказанные М. Н. Тихомировым в монографии «Древнерусские города», второе издание которой (1956 г.) по сравнению с первым отличается рядом дополнений принципиального значения: изменениями в подсчете количества городов в Древней Руси — как по векам, так и в целом — накануне татарского нашествия (около 300 вместо 238),¹⁶⁹ иным определением времени появления на Руси городских посадов (IX—X вв. вместо рубежа X—XI вв.).¹⁷⁰

Новые проблемы были поставлены в трудах В. К. Яцунского, рассмотревшего вопросы типологии и методики исследования истории русского феодального города, и В. Т. Пашуто, наметившего перспективные пути изучения древнерусских городов.^{170a}

Работы других авторов внесли корректизы в наблюдения М. Н. Тихомирова. По мнению П. А. Раппопорта, в XII—XIII вв. на Руси было не более ста городов.¹⁷¹ В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов предположили, что наряду с точкой зрения, объясняющей появление городов на Руси отделением ремесла от земледелия, развитием феодализма,¹⁷² зарождение города можно рассматривать как следствие распада родового строя.¹⁷³ Снова возник спор о происхождении русского города. Н. Н. Воронин указал на односторонность суждений по этому вопросу С. А. Таракановой, которая выводила город из племенных центров. По этому поводу Л. В. Алексеев писал: «Неправомерно, кажется, строго отделять

¹⁶⁸ См.: Сахаров А. М. Некоторые вопросы истории СССР феодального периода. — Преподавание истории в школе, 1963, № 3; Б. Ф. Поршинев. Феодализм и народные массы. М., 1964; Мавродин В. В. К вопросу о развитии производительных сил в земледелии восточных славян и о связи этого процесса с разложением первобытнообщинных отношений. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969; Кизилов Ю. А. Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму.

¹⁶⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 42—43.

¹⁷⁰ Там же, с. 47, 51.

^{170a} Яцунский В. К. Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 83—89; Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города. — Там же, с. 93—98.

¹⁷¹ Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 5; ср.: Рабинович М. Г. Из истории городских поселений восточных славян. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 132—133.

¹⁷² Раппопорт П. А. О типологии...; Рабинович М. Г. Из истории... с. 131, 134—135.

¹⁷³ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси. — Вестник ЛГУ, 1970, № 20, с. 13.

„замковую теорию“ от теории „племенных городов“ и т. д. Город возникал именно там, где ремесленная продукция могла найти себе сбыт. Для его конкретного возникновения по меньшей мере необходимы два обстоятельства: торгово-транзитный путь, обеспечивающий ремесленнику бесперебойный сбыт товаров, и наличие укрепленного пункта, гарантирующего его безопасность. Последним мог быть и замок феодала, и монастырь, и даже племенной центр со святыми, если таковое укреплено. Так, очевидно, возникли крупнейшие древнерусские города: Киев, Новгород, Псков, Полоцк». ¹⁷⁴ Многообразные пути образования восточнославянских городов показал М. Г. Рабинович, у которого городом становится и недавняя деревня, благодаря удобному расположению и обеспеченности сырьем развившая ремесло до уровня специальной отрасли, и замок феодала-землевладельца, обросший ремесленным и купеческим людом, и ремесленно-торговый поселок — «рядок», по терминологии М. Г. Рабиновича. ¹⁷⁵ «Наконец, — говорит он, — город мог быть построен по распоряжению того или иного крупного феодала — князя, иногда даже среди нерусского населения, и заселен специально вывезенными из других владений князя людьми — ремесленниками, купцами; ставили здесь и воинские гарнизоны». ¹⁷⁶ В. Л. Янин и М. Х. Алешковский выступили со статьей о происхождении Новгорода. ¹⁷⁷ «Древнерусский город, — считают они, — возник не из княжеских замков или торгово-ремесленных поселений, а из административных вечевых центров сельских округ — погостов, мест концентрирования дани и ее сборщиков». ¹⁷⁸

В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов не исключают, что первые русские города выросли из племенных центров. Потом, когда утвердилась княжеская власть, в качестве градостроителей начали действовать князья. Но сперва они строили города-крепости в целях обороны, из которых в будущем при соответствующих обстоятельствах могли возникнуть настоящие города. С подъемом внешней торговли на оживленных и бойких пунктах торгового оборота появлялись поселки городского типа. Позднее всего, не раньше XI в., сложились условия для образования городов на базе внутреннего обмена и достижений ремесла. ¹⁷⁹

Не ослабевало внимание историков и к зависимому населению Древней Руси. В 1956 г. вышла статья Л. В. Черепнина «Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси», где отмечалось, что в трудах Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова

¹⁷⁴ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 132.

¹⁷⁵ Рабинович М. Г. Из истории..., с. 135.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — ИСССР, 1971, № 2.

¹⁷⁸ Там же, с. 61.

¹⁷⁹ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя..., с. 15.

не всегда достаточно полно и отчетливо учитывалась эволюция и «преемственность терминов, обозначавших категории сельского населения как Древней Руси IX—XII вв., так и в более позднее время».¹⁸⁰ Л. В. Черепнин исследовал челядь, изгоев, закупов, сирот, смердов.¹⁸¹

Изучение положения смердов в Древней Руси, а также роли и значения холопов внутри феодальной вотчины мы видим в трудах И. И. Смирнова.¹⁸² Итоги работы над социально-экономическими отношениями в русском государстве XII—XIII вв. И. И. Смирнов подвел в монографии, где наряду с вопросом о холопах и смердах он изучал также проблему закупов.¹⁸³ Вопреки распространенному мнению об улучшении положения закупов, запечатленном якобы мономаховым «Уставом о закупах», И. И. Смирнов подчеркнул безосновательность поисков «в содержании Устава о закупах каких-то радикальных перемен в статусе закупа, а тем более защиты закупа от порабощения».¹⁸⁴ Что касается холопства, то оно в книге И. И. Смирнова выступает как стремительно развивающийся институт.

Представления И. И. Смирнова о смердах оспорил А. А. Зимин. Смерды XI в., полагал он, — это разряд посаженных на землю княжеских холопов, которые постепенно становились крепостными крестьянами.¹⁸⁵ К категории зависимых отнесла смердов Е. Д. Романова.¹⁸⁶ Предположение о том, что смерды есть челядь (пленники-рабы), посаженная на землю, высказал И. Я. Фроянов.¹⁸⁷ Примерно так же воспринимает смердов и Ю. А. Кизилов, говорящий о плене как источнике их происхождения.¹⁸⁸ Мысль о свободе древнерусских смердов защищал М. Б. Свердлов.¹⁸⁹

Были продолжены также исследования о закупах. Как упоминалось ранее, эту тему рассматривали Л. В. Черепнин и И. И. Смирнов. Необычное истолкование сути закупничества

¹⁸⁰ Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси, с. 235.

¹⁸¹ Там же, с. 240—262.

¹⁸² Смирнов И. И. 1) Проблема «смердов» в Пространной Правде. — ИЗ, 1959, т. 64; 2) К проблеме «смердьего холопа». — В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1960; 3) К проблеме «холопства» в Пространной Правде. Холоп и феодальная вотчина. — ИЗ, 1961, т. 68, с. 238—270.

¹⁸³ Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.—Л., 1963.

¹⁸⁴ Там же, с. 280.

¹⁸⁵ Зимин А. А. О смердах Древней Руси XI—начала XII в. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 222—227.

¹⁸⁶ Романова Е. Д. Свободный общинник в Русской Правде. — ИСССР, 1961, № 4.

¹⁸⁷ Фроянов И. Я. Смерды в Киевской Руси. — Вестник ЛГУ, 1966, № 2.

¹⁸⁸ Кизилов Ю. А. Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму, с. 102.

¹⁸⁹ Свердлов М. Б. Смерды в Древней Руси. — ИСССР, 1970, № 5.

предложил Ю. И. Семенов. У него закуп — ни раб, ни феодально зависимый человек, а лицо, попавшее в сети кабалы — особой формы несвободы, соединявшей экономическое принуждение с личной зависимостью от заимодавца.¹⁹⁰ К той же группе кабальных людей, не похожих на рабов и на феодальных крестьян, Ю. И. Семенов присоединил рядовичей.¹⁹¹

А. А. Зимин родословную закупа возвел к холопству. Но закупы — холопы в прошлом: в XII в. они усваивают типичные признаки феодально зависимого крестьянства и порывают с рабством.¹⁹² О закупах, составивших контингент полурабов на Руси и отличающихся от феодальных производителей, писал И. Я. Фроянов.¹⁹³

Притягательной для историков в 60-е годы оказалась и проблема рабства в Древней Руси. Мы уже отмечали, что, по мнению Б. Д. Грекова, для древнерусского общества было характерно вырождение и постепенное отмирание рабства (сохранявшегося, впрочем, в форме холопства и в более поздние столетия). Сходный взгляд наблюдается у А. А. Зимина, заметившего сокращение источников древнерусского холопства и в конечном счете его изживание.¹⁹⁴ Особенно ощутимо это почувствовали, по его наблюдениям, современники Мономаха и Пространной Русской Правды. Он писал: «Утверждение феодальных отношений к этому времени сказалось на ограничении источников обельного холопства, превращении все большего числа рабов в зависимых крестьян, в выделении различных групп зависимого населения из „обельного холопства“».¹⁹⁵ Для XII в. А. А. Зимин считает рабство «пережитком».¹⁹⁶ Он, как и Б. Д. Греков, пишет о том, будто «плен как источник рабства постепенно теряет свою решающую роль», а пленение челяди «во время походов к началу XII в. значительно уменьшилось, и пленники-рабы становились редкостью».¹⁹⁷ И. Я. Фроянов, напротив, предположил, что плен и в XII в. сохранял значение важного источника пополнения рабов в Древней Руси.¹⁹⁸

В исследовании Н. Л. Рубинштейна рабовладение показано существенным компонентом социальной структуры древнерусского общества эпохи Древнейшей Правды. «Древнейшая Правда, — писал он, — знает только две основные социальные категории —

¹⁹⁰ Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 283—284.

¹⁹¹ Там же, с. 282—283.

¹⁹² Зимин А. А. Холопы Древней Руси. — ИСССР, 1965, № 6, с. 63, 69.

¹⁹³ Фроянов И. Я. Закупы Пространной Правды. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969, с. 50—58.

¹⁹⁴ Зимин А. А. 1) Холопы Древней Руси, с. 63; 2) Устав про холопів — пам'ятка з історії холопства в Київській Русі. — УІЖ, 1966, № 7, с. 60.

¹⁹⁵ Зимин А. А. Холопы Древней Руси, с. 75.

¹⁹⁶ Там же, с. 67.

¹⁹⁷ Там же, с. 58, 74.

¹⁹⁸ Фроянов И. Я. О рабстве в Киевской Руси. — Вестник ЛГУ, 1965, № 2.

мужа и челядина. Муж — свободный общинник... Свободному общиннику — мужу противостоит патриархальный раб — челядин». ¹⁹⁹

Если Н. Л. Рубинштейн ограничивался периодом, к которому относится Древнейшая Правда, то А. П. Пьянков рассмотрел историю рабства на Руси в течение многих столетий: от восточных славян до Русского централизованного государства включительно. А. П. Пьянков отстаивал мысль, что рабство в Киевской Руси не исчерпало своих возможностей и продолжало развиваться. ²⁰⁰ Сходные суждения замечаются у Е. И. Колычевой. ²⁰¹

Исследование социальной организации древнерусского свободного крестьянства с неизбежностью подводило историков к проблеме верви. Наиболее полную аргументацию определения верви как территориальной общины развернул в свое время Б. Д. Греков. ²⁰² Вервь Русской Правды он воспроизводил с помощью сведений, относящихся к верви Полицкого статута, считая и ту и другую соседской общиной. Но М. М. Фрейденберг указал на неправомерность отождествления полицкой верви с соседской общиной. «Подлинный характер верви, — говорил он, — можно понять, только угадывая в вервном коллективе общину, скрепленную как поземельными (соседскими), так и родственными связями». ²⁰³ Следующий шаг в изучении верви Русской Правды и Полицкого статута — книга М. О. Косвена «Семейная община и патронимия». И древнерусская, и полицкая вервь, по М. О. Косвену, — это патронимии. ²⁰⁴ Точку зрения М. О. Косвена оспорил О. М. Рапов, вернувшись к старой идеи о верви как соседской общине. ²⁰⁵ О. М. Рапову возражал И. Я. Фроянов, который отнес вервь к переходной форме общины, сочетавшей кровнородственные и соседские элементы. ²⁰⁶ Однако на этом обсуждение вопроса не прервалось, и в статьях В. И. Горемыкиной и Ю. А. Кизилова вновь рассматривается данная проблема. В. И. Горемыкина согла-

¹⁹⁹ Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси. — В кн.: Археографический ежегодник (за 1964 г.). М., 1965, с. 10.

²⁰⁰ Пьянков А. П. Холопство на Руси до образования централизованного государства. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970.

²⁰¹ Колычева Е. И. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В. И. Ленина и в советской историографии. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970; см. также: Пашута В. Т., Шталь И. В. Забуте повідомлення про рабство у червонорусів (XI—XII ст.). — УІЖ, 1971, № 3.

²⁰² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 73—96, 547—560.

²⁰³ Фрейденберг М. М. «Вервь» в средневековой Хорватии. — Учен. зап. Великолукского пед. ин-та, 1961, вып. 15, с. 38.

²⁰⁴ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 153—158. — О верви-патронимии М. О. Косвен писал еще в 1946 г. (ВАН СССР, 1946, № 7, с. 102).

²⁰⁵ Рапов О. М. Была ли вервь Русской Правды патронимией? — СЭ, 1969, № 3.

²⁰⁶ Фроянов И. Я. Семья и вервь в Киевской Руси. — СЭ, 1972, № 3.

силась с мыслью о патронимическом характере древнерусской верви, а Ю. А. Кизилов отверг ее, высказавшись в духе теории о территориальной сущности вервного союза.²⁰⁷

Кроме общины-верви, наши историки обращались и к древнерусской семье. О. М. Рапов, например, полагает, что малая семья утверждалась как господствующая и даже всеобщая форма задолго до образования Древнерусского государства.²⁰⁸ В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов придерживаются противоположного взгляда, считая, что большая семья доминировала не только у восточных славян, но и на Руси в XI—XII вв.²⁰⁹ Я. Н. Щапов, признавая наличие в Древней Руси большой семьи, первое место отводит все же семье малой.²¹⁰

Широкий фронт исследований по истории Киевской Руси, развернувшийся в 60-е годы, способствовал созданию обобщающих трудов, воспроизводящих общественный строй Древнерусского государства в целом. Авторами их выступили Л. В. Черепнин, В. И. Горемыкина, А. А. Зимин, В. В. Мавродин, С. А. Покровский, И. Я. Фроянов.

Первыми по времени вышли работы В. И. Горемыкиной и С. А. Покровского. В исследовании последнего рассмотрены основные вопросы возникновения крупного землевладения и класса феодалов. Кроме того, С. А. Покровский изучал положение смердов, закупов, изгоев, задушных людей, пущенников и прощенников, рабов, холопов и челяди.²¹¹

Несмотря на полемическую заостренность по отдельным частным вопросам, труд А. С. Покровского исходит из привычных и устоявшихся взглядов на социальную природу Древней Руси как феодального государства. Иное замечается у В. И. Горемыкиной. Она утверждает, что «документальный материал по истории Древней Руси вызывает большие сомнения в правильности утвердившейся в нашей науке оценке этого государства как феодального по своей социально-экономической структуре».²¹²

²⁰⁷ Горемыкина В. И. Об общине и индивидуальном хозяйстве в Древней Руси. — ИСССР, 1973, № 5; Кизилов Ю. А. Спорные вопросы истории древнерусского феодализма. — Там же.

²⁰⁸ Рапов О. М. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией?

²⁰⁹ Фроянов И. Я. Семья и вервь в Киевской Руси; Мавродин В. В., Фроянов И. Я. В. И. Ленин и некоторые проблемы истории Киевской Руси. — Вестник ЛГУ, 1970, № 8.

²¹⁰ Щапов Я. Н. 1) Брак и семья в Древней Руси. — ВИ, 1970, № 10; 2) Большая и малая семья на Руси VIII—XIII вв. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. — Я. Н. Щаповым написана также работа «О социально-экономических укладах в Древней Руси XI—первой половины XII в.» (Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970).

²¹¹ Покровский С. А. Общественный строй Древнерусского государства. — Труды Всес. юрид. заочного ин-та, 1970, т. XIV.

²¹² Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970, с. 16.

По ее убеждению, «в Древней Руси было два экономических уклада: общинный и рабовладельческий. Последний уклад являлся главным».²¹³ Верхушка древнерусского общества — это класс рабовладельцев, а не феодалов. «Социальная структура древнерусского общества типична для раннерабовладельческих государств», — уверяет В. И. Горемыкина.²¹⁴

В 1971 г. увидела свет книга В. В. Мавродина «Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности». В ней автор анализирует значительный комплекс социально-экономических проблем: общественный строй у восточных славян, генезис феодализма, зависимое население, развитие сельского хозяйства и ремесла, возникновение и рост древнерусских городов.²¹⁵ Все эти проблемы В. В. Мавродин решает с учетом новейших достижений советских историков, посвящавших свои труды истории общественного строя Киевской Руси.

О судьбах феодальной земельной собственности на Руси IX—XV вв. писал Л. В. Черепнин. Если Б. Д. Греков связывал зарождение феодализма со складыванием крупного землевладения в виде вотчины, то Л. В. Черепнин начинает историю феодальных отношений с утверждения верховой собственности князя на государственную территорию. Процесс развития феодальной собственности, по Л. В. Черепнину, осуществлялся двумя этапами: в X—первой половине XI в. и во второй половине XI—XII в. «В первый период, — отмечает автор, — преобладает верховая собственность на землю государства, во второй — растет и ширится вотчинная собственность».²¹⁶ Л. В. Черепнин проследил и за формированием зависимого люда: челяди, изгоев, смердов, закупов, холопов.²¹⁷

История холопства на Руси с древнейших времен до конца XV в. стала предметом исследования А. А. Зимина. Древнерусское рабство в его изображении предстает весьма реельно. Он показывает институт холопства на Руси во всем многообразии форм и функций. Важно подчеркнуть, что А. А. Зимин вскрывает ту роль, какую играло рабство в процессе генезиса феодализма, т. е. решает проблему, которая до него в советской историографии была слабо изучена. Он также рассматривает очень существенный для понимания социально-экономической эволюции Киевской Руси вопрос об изживании рабства. Исследование А. А. Зимина отличается динамикой и стремлением раскрыть местные особен-

²¹³ Там же, с. 73.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

²¹⁶ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 166.

²¹⁷ Там же, с. 170—187.

ности развития холопства, наблюдавшиеся в различных областях Древней Руси.²¹⁸

В книге И. Я. Фроянова изучаются важнейшие элементы социально-экономического строя Руси IX—XII вв.: общинные формы землевладения и их эволюция, развитие частного землевладения и хозяйства, зависимое население. Автор полагает, что в социально-экономической структуре Древней Руси дофеодальным элементам принадлежала весьма значительная роль. Явления же нового порядка, связанные прежде всего с феодализмом, не успели пустить глубокие корни даже в XII в. Древнерусская вотчина той поры выступает в качестве сложного социального организма: она и рабовладельческая, и феодальная одновременно. Однако рабов и полусвободных в ней все же было больше, чем феодально зависимых, а сами вотчины на протяжении XI—XII вв. напоминали островки среди моря свободного крестьянского землевладения и хозяйства, главенствовавшего в экономике Киевской Руси.²¹⁹

Необходимо подчеркнуть, что многие положения (в том числе принципиальные), содержащиеся в упомянутых обобщающих трудах, носят полемический и дискуссионный характер, свидетельствующий об активности творческой мысли советских ученых, об их поисках в решении коренных проблем истории Киевской Руси. В этом — залог развития исторической мысли. И уже сейчас на основе работ последних лет мы можем говорить о «сложности общественных отношений в Киевской Руси IX—XII вв., неравномерности процесса феодализации в ее различных частях, живучести патриархальных и рабовладельческих пережитков».²²⁰

Оценивая же в целом советскую историографию общественного строя Киевской Руси, мы можем, не боясь преувеличений, сказать, что наша историческая наука прошла сложный путь развития и добилась больших успехов.

²¹⁸ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

²¹⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

²²⁰ Черепин Л. В. Некоторые вопросы докапиталистических формаций в России. — Коммунист, 1975, № 1, с. 64.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Вплоть до 30-х годов история классовой борьбы в Киевской Руси советскими историками почти не изучалась: кроме нескольких заметок М. Н. Покровского о восстаниях 1068, 1113 гг. в Киеве и 1175 г. на Северо-Востоке, которые он в соответствии с терминологией 20-х годов называл революциями,¹ и статьи Б. Д. Грекова о новгородском восстании 1136 г., ничего в сущности не было написано. Работа Б. Д. Грекова имела большое историографическое значение, поскольку ее положения легли в основу дальнейших исследований, посвященных анализу классовой борьбы и политического строя в Новгороде до и после 1136 г. Б. Д. Греков следующим образом определил причины восстания: «К XII в. в Новгороде созрели те хозяйствственные и общественные предпосылки, которые могут вполне научно объяснить нам острые столкновения партий, в основе коих лежали классовые противоречия новгородского общества».² В программе, выдвинутой восставшими, «интересы смердов находили себе защиту».³ Движение новгородцев, псковичей и ладожан завершилось учреждением в Новгороде республики.

По мере изучения социально-экономических отношений в Киевской Руси возрастает у исследователей внимание к истории классовой борьбы. Предметом анализа становятся сельские восстания с участием смердов. Впервые к рассмотрению движений в Сузdalской земле в 1024 г. и на Белоозере в 1074 г. приступил Ю. В. Готье. Он занимался, впрочем, не столько вопросом классовых антагонизмов, сколько идеологией восставших в этнографическом плане.⁴ В 1933 г. появилось специальное исследование

¹ Покровский М. Н. 1) Очерк истории русской культуры, ч. I. М.—Л., 1925, с. 181; 2) Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1933, с. 77, 79, 90. — О «революционном движении низов» в 1113 г. писал и В. А. Пархоменко. Смысл киевских восстаний 1068 и 1113 гг. он видел в столкновении старой «племенно-земледельческой» деревни с новой социальной силой — городом (Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Л., 1924, с. 109—112).

² Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII веке. — Учен. зап. Ин-та истории РАННОН, 1929, т. 4, с. 14.

³ Там же, с. 16.

⁴ Готье Ю. Е. Железный век в Восточной Европе. — М.—Л., 1930, с. 151—155.

А. В. Арциховского и С. В. Киселева, посвященное выступлению смердов на Белоозере. В нем проводилась мысль, что белоозерское восстание, вспыхнувшее в 1071 г., было массовым крестьянским движением, направленным против «таких слоев деревни, которые были связаны с феодальной властью».⁵

Если А. В. Арциховский и С. В. Киселев рассмотрели только события 1071 г., то В. В. Мавродин изучил целую цепь волнений смердов на протяжении XI—XII вв. Автор вскрывает двойственный характер этих волнений: будучи реакционными по форме (их возглавляли волхвы) и консервативными идеологически (устремлены к «золотому веку общины»), они все же являлись прогрессивными, ибо приводили к замене примитивных форм эксплуатации более развитыми и вынуждали феодалов идти на уступки закабаляемому люду.⁶

В. В. Мавродин исследовал также народные движения в Галицко-Волынской Руси XII—XIII вв., поставив вопрос о влиянии классовой борьбы «на создание специфических форм государственного устройства Галицко-Волынского княжества».⁷ В работах В. В. Мавродина, таким образом, была расширена не только фактическая основа, но и проблематика истории классовой борьбы в Древней Руси.

Широко и проблемно рассмотрел восстания смердов XI в. Н. Н. Воронин. Он указал на тесную связь между крестьянскими и городскими движениями и отметил также ряд особенностей в сельских восстаниях, определяемых спецификой географических условий земель, в которых они возникали.⁸

Важным шагом вперед явилось изучение указанными исследователями классовой борьбы при феодализме с точки зрения марксистско-ленинской теории.⁹

В 30-е годы предпринимаются первые попытки связать классовую борьбу с ходом социально-экономического развития Киевской Руси. Б. Д. Греков отметил, что антагонизм древнерусского общества XI в. проявился в борьбе «между землевладельцем и крестьянской общиной, частью еще уцелевшей, частью ставшей жертвой феодализирующего процесса».¹⁰ Восстание в Киеве 1068 г. он называл восстанием «людей», «простой чади». Волнения

⁵ Арциховский А. В. и Киселев С. В. К истории восстания смердов в 1071 г.—ПИМК, 1933, № 7—8, с. 53.

⁶ Мавродин В. В. К вопросу о восстаниях смердов.—ПИДО, 1936, № 6, с. 76—83.

⁷ Мавродин В. В. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве XII—XIII веков.—Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1935, № 48, вып. 5, с. 3.

⁸ Воронин Н. Н. 1) Восстание смердов в XI в.—ИЖ, 1940, № 2, с. 59, 61; 2) Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.—МИА, 1941, № 1.

⁹ См. также: Смирнов И. И. Феодально-крепостническое общество.—ИГАИМК, 1934, вып. 99.

¹⁰ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1937, с. 59.

крестьян и горожан в 60—70-е годы XI в. были продолжением событий 1068 г. в Киеве. Б. Д. Греков указывал, что крестьянские восстания, особенно в столицу далекое время, не смогли остановить процесс феодализации Руси: слишком распыленными оказались крестьянские силы. Более внушительными, по мнению Б. Д. Грекова, предстают выступления городских низов. Среди наиболее крупных городских движений он назвал восстание в Киеве в 1113 г., когда под натиском мятежных горожан феодалы пошли на вынужденные уступки.¹¹

В 30-е годы в историографии классовой борьбы была расширена не только проблематика, но и источниковедческая база. А. В. Арциховский, например, рассмотрел восстания смердов и горожан на материале миниатюр Лицевых сводов.¹² М. К. Кацгер в дополнение к летописным сведениям о волнениях в Новгороде предложил использовать вещественные источники — памятники новгородской архитектуры XI—XII вв. Перемена стилей в новгородской архитектуре, по его мнению, отразила перестановку классовых группировок в городе.¹³

Таким образом, по сравнению с 20-ми годами в 30-е годы наблюдается резкое возрастание интереса советских историков к проблемам классовой борьбы в Киевской Руси. Важно отметить, что исследования, написанные в этот период на данную тему, основывались уже на марксистско-ленинской теории о роли классов и классовой борьбы в развитии общества. Следует также указать на попытки советских исследователей увеличить круг источников за счет привлечения летописных миниатюр, памятников архитектуры, этнографических материалов.

Изучение классовой борьбы в Древнерусском государстве продолжалось и в 40—50-е годы. Киевские события 1068—1069 гг., волнения смердов на Волге и Шексне во второй половине XI в. были рассмотрены М. Ткаченко и М. Н. Мартыновым.¹⁴

¹¹ Там же, с. 181—183, 186—188; Греков Б. Д. Киевская Русь. М.—Л., 1939, с. 262. — В последующем Б. Д. Греков не раз обращался к истории классовой борьбы в Киевской Руси. См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 272, 491—494, 501—504; Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. I. М., 1953, с. 174—182, 190—191.

¹² Арциховский А. В. Миниатюры Кенигсбергской летописи. — ИГАИМК, 1932, т. XIV, вып. 2. — Свои изыскания в этой области А. В. Арциховский завершил в книге «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 1944).

¹³ ИГАИМК, 1934, вып. 103, с. 278—280. — Княжеские архитектурные сооружения для изучения классовой борьбы в Новгороде привлекал и А. А. Строков (Борьба смердов и «черных» людей в Новгороде Великом. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 2. Л., 1937). Он установил активное участие смердов в новгородских восстаниях 1136 и 1209 гг. См. также: Захаренко А. Г. Восстания смердов и «черных людей» и покорение племен в Новгороде в конце XII—начале XIII в. — Учен. зап. ЛГУ, 1939, № 48, вып. 5.

¹⁴ Ткаченко М. Повстання в Київі в 1068—1069 рр. — НЗ АН УССР, 1943, кн. 1; Мартынов М. Н. Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI в. — Учен. зап. Вологодского пед. ин-та, 1948, т. 4.

Л. В. Черепнин на основе сопоставления Русской Правды и «Повести временных лет» проанализировал некоторые эпизоды по истории классовой борьбы на Руси, расширив источниковедческую базу таких исследований.¹⁵

Успешное изучение отдельных событий из истории классовой борьбы в Древнерусском государстве позволило рассмотреть антифеодальные движения по всей Древней Руси. Одним из первых к обобщающим исследованиям приступил В. В. Мавродин.¹⁶ «Возникновение и развитие феодальных отношений на Руси, — отмечал он, — сопровождается вспышками стихийного недовольства народных масс, и прежде всего сельского населения, принимающими самые различные формы».¹⁷ Рассмотрев последовательно восстание в Сузdalской земле в 1024 г. и выступления волхвов в Киеве, Новгороде и на Белоозере в 1071 г., В. В. Мавродин, polemizируя с Н. Н. Ворониным, который определял прогрессивность восстаний смердов тем, что они якобы способствовали распаду Киевского государства и становлению феодальных отношений, подчеркнул: «Восстания смердов были прогрессивными не потому, что „утверждали“ феодальный общественный и государственный строй, а именно потому, что они были направлены против него, и хотя смерды смотрели назад, в „золотой век“ родового строя с его общинной собственностью, их борьба отражала то стихийное недовольство крестьянства, которое в конце концов привело феодалов к гибели. Восстания смердов были первым звеном цепи крестьянских восстаний».¹⁸ Заметное влияние на общественно-политический строй имели городские движения на Руси в XI—XII вв. Киевское восстание 1068 г., например, послужило причиной составления Правды Ярославичей, восстание 1113 г. вызвало Устав Владимира Мономаха, а новгородское движение 1209 г. привело к предоставлению некоторых льгот смердам.¹⁹ В. В. Мавродин продолжил изучение классовой борьбы в Галицко-Волынской Руси XII в.²⁰ История классовой борьбы в Древней Руси привлекала внимание В. В. Мавродина и в дальнейшем.²¹

¹⁵ Черепнин Л. В. Русская Правда (краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

¹⁶ Мавродин В. В. Классовая борьба в Древней Руси. — В кн.: Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949.

¹⁷ Там же, с. 145.

¹⁸ Там же, с. 161.

¹⁹ Там же, с. 163, 168—169, 174, 179.

²⁰ Там же, с. 179—191. — О классовой борьбе в Галицко-Волынской земле писал также В. Т. Пашуто: 1) Галицко-Волынское княжество времен Даниила Романовича. — Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1941, вып. 7; 2) Даниил Галицкий. — ИЖ, 1943, № 3—4; 3) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

²¹ Мавродин В. В. 1) К вопросу о роли классовой борьбы в истории феодализма в России. — Вестник ЛГУ, 1950, № 2; 2) Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, с. 361—364; 3) Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961; 4) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 87—94.

Начатая трудами В. В. Мавродина работа по обобщению истории классовой борьбы в Древней Руси была продолжена в академических «Очерках истории СССР»^{21а} и завершена М. Н. Тихомировым в его специальной монографии.²² М. Н. Тихомиров рассмотрел все известные народные движения того времени: от восстаний начала XI в. до борьбы «меньших» и «вятших» людей в Новгороде первой четверти XIII в. Монография М. Н. Тихомирова показывает многообразие форм классовой борьбы на протяжении всего древнерусского периода, раскрывает последствия народных восстаний в сфере общественных отношений, законодательства и т. п.²³

Наиболее напряженной классовая борьба предстает в древнерусских городах.²⁴ Нередко городские движения поднимали окрестное сельское население на совместную борьбу с феодалами. Наряду со свободными в восстаниях принимали участие и зависимые люди — ремесленники, холопы, закупы.²⁵

Книга М. Н. Тихомирова о крестьянских и городских восстаниях явилась важным этапом в советской историографии классовой борьбы в Древней Руси. Она знаменовала собой завершение второго периода, охватывающего 40-е—середину 50-х годов. В этот период в историографии классовой борьбы в Киевской Руси были достигнуты заметные успехи, выразившиеся в дальнейшем накоплении и осмысливании исторического материала и создании обобщающих трудов, посвященных данной теме. В результате была нарисована достаточно подробная и цельная картина народных движений на Руси XI—XIII вв., которые историки квалифицировали как антифеодальные.²⁶

В дальнейшем изучение классовой борьбы в Древней Руси шло по линии разработки вопросов, сравнительно малоисследованных, и новой интерпретации изучавшихся ранее фактов.

^{21а} Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. I. М., 1953, с. 174—182, 190—193.

²² Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

²³ Воздействие классовой борьбы на складывание норм Русской Правды М. Н. Тихомиров проследил в своем «Исследовании о Русской Правде» (М.—Л., 1941, с. 64—66 и сл.). См. также: Зимин А. А. К истории текста краткой редакции Русской Правды. — Труды МГИАИ, 1954, т. 7; Черепин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., 1948; Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950.

²⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956, с. 185—213.

²⁵ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания..., с. 64—68, 70, 96—111, 134, 140, 142—147, 244.

²⁶ В оценке характера классовой борьбы в Древней Руси особую позицию занимал П. П. Смирнов. Главные социальные противоречия в древнерусском обществе, полагал он, — это противоречия между рабами и рабовладельцами. П. П. Смирнов допускал возможность холопьей войны, начавшейся сперва в Великом Новгороде, а затем охватившей бассейн Мологи, Медведицы и верхнее течение Волги, войны, разразившейся на Руси в X в. (Смирнов П. П. Сказание о холопьей войне в Древней Руси. — Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та, 1947, т. 2, вып. 2).

Еще в 20-е годы возникло мнение, что новгородские события 1136—1137 гг. означали утверждение независимости Новгорода от Киева и возникновение Новгородской республики (см. с. 119 настоящего издания). Это мнение было широко распространено в советской историографии. Однако В. Л. Янин, рассматривая новгородские волнения 1136—1137 гг., высказал другую мысль. Политические страсти, разгоревшиеся в ту пору, считает автор, «показывают тесную связь политических столкновений с классовой борьбой в новгородском обществе. Борьба против Всеволода опирается на классовое недовольство новгородских социальных низов, о чем свидетельствуют и включение в обвинительные пункты упрека в „неблюдении смердов“, и особая роль купечества в организации отпора Всеволоду в 1137 г.».²⁷ Значение восстания 1136 г. заключалось в том, что оно привело к окончательному установлению принципа «вольности в князьях», чего долго добивались новгородцы. Вот почему «восстание 1136 г. вовсе не порождает тех норм республиканской жизни, возникновение которых обычно связывается с ним. Их сложение начинается в более раннее время... В то же время восстание 1136 г. является главным и итоговым результатом длительной борьбы, наполнившей политическую жизнь Новгорода на протяжении всего княжения Мстислава Владимировича, а не стремительной вспышкой внезапно пробудившегося политического самосознания новгородцев. Начало формирования органов республиканского управления Новгорода датируется временем княжения Мстислава Владимировича, а окончательное их сложение происходит долгое время спустя после восстания 1136 года».²⁸ В. Л. Янин остановился и на восстании в Новгороде 1207 (1209) г.²⁹

Иначе, чем ранее, стали изображаться киевские восстания 1068 и 1113 гг. Исследуя восстание 1113 г. в Киеве на фоне проблемы закупничества, И. И. Смирнов пришел к выводу о необходимости переоценки весьма привычных суждений о том, что одним из результатов киевской «встани», последовавшей после смерти Святополка Изяславича, было составление Устава о закупах, цель которого — облегчить положение закупов. И. И. Смирнов полагал, что никаких улучшений в жизни этой категории древнерусского населения Устав с собой не нес.³⁰

Анализируя события в Киеве 1068 г., Л. В. Алексеев отмечал активную роль полоцких купцов в восстании.³¹ Своеобразно ав-

²⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 71.

²⁸ Там же, с. 72.

²⁹ Там же, с. 417—419. — См. также: Подвигина Н. Л. Классовая борьба в Новгороде в конце XII—начале XIII в. — Вестник МГУ, история, 1968, № 6.

³⁰ Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.—Л., 1963, с. 236—266.

³¹ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. (Очерки истории Северной Белоруссии в XI—XIII вв.). М., 1966, с. 244.

тор объяснил летописную фразу «высадим дружины свою ис подгреба». «Под словом „дружина“, — говорил Л. В. Алексеев, — следует понимать, если не самого Всеслава, то, вероятно, его дружины, схваченную на Рши после его плена, а может быть, и просто полочан — сторонников Всеслава, арестованных в Киеве при заключении полоцкого князя в поруб». ³² Данное наблюдение делает излишним широко распространенное в нашей литературе предположение о том, будто волнения в Киеве начались задолго до поражения русских войск на Альте и князь Изяслав пересажал немало бунтующей «простой чады», стремясь пресечь ее выступления.

В советской исторической литературе последнего периода наметились новые тенденции в освещении фактов, относящихся к классовой борьбе второй половины XI в. (волнения на Волге, Шексне и Белоозере в 1071 г.). Здесь надо упомянуть прежде всего Б. А. Рыбакова, писавшего, что означенные волнения не были движением против феодальных порядков вообще, а являлись лишь борьбой за перераспределение жизненных запасов.³³ Характеризуя в целом классовую борьбу XI в., Б. А. Рыбаков главный ее смысл видит не в желании вернуться к золотым дням прошлого, а в протесте против неумеренных поборов.³⁴

Другой исследователь П. Н. Третьяков, обозревая события 1071 г., признал ошибочной позицию историков, которые хотели представить их как восстание русских смердов. Последние «были нерусским или смешанным русско-финно-угорским населением». П. Н. Третьяков указал на беспочвенность выводов о том, что восстание смердов оказалось направленным против русских феодалов, ибо «русское феодальное землевладение на Северо-Востоке в XI в. лишь зарождалось». Тем не менее восстание 1071 г. — это социальный конфликт «в местной, финно-угорской или смешанной русско-финно-угорской языческой среде».³⁵

³² Там же, с. 247.

³³ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964, с. 98—99; 2) Киевская Русь. — В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 539.

³⁴ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории, с. 103; 2) Киевская Русь, с. 542. — Б. А. Рыбаков затронул и киевские восстания 1068, 1113 гг., а также классовые конфликты X в., в середине которого явственно обозначились противоречия между господствующей верхушкой и массой населения. В убийстве князя Игоря древлянами он видит первый известный нам протест «против жажды и несправедливости феодалов Киева» (Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории, с. 42, 2) Киевская Русь, с. 493).

³⁵ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 142. — Идеология восставших рассматривалась Д. А. Казачковой и О. Г. Жужунадзе. См.: Казачкова Д. А. 1) Към въпроса за богомилската ерес в древна Русия през XI в. — Исторически преглед, 1957, № 4; 2) Зарождение и развитие антицерковной идеологии в Древней Руси. — В кн.: Вопросы истории, религии и атеизма, т. 5. М., 1958; Жужунадзе О. Г. К истории классовой борьбы в Киевській Русі кінця XI ст. — УІЖ, 1963, № 6.

Развитие советской историографии классовой борьбы в Древней Руси, прослеживаемое с середины 50-х годов, осуществлялось, как говорилось выше, не только за счет нового освещения ранее уже разбирающихся вопросов, но и вследствие обращения наших ученых к сюжетам, недостаточно изученным. К их числу относилась проблема воздействия классовой борьбы на древнерусское право и обратного влияния законодательства на классовую борьбу. Здесь особенно много сделал Л. В. Черепнин, показавший, как в результате столкновения классов и обострения социальных противоречий создавалась Русская Правда и другие памятники законодательства. От восстания 945 г. в Древлянской земле до потрясений в Новгороде начала XIII в. — таково содержание исследования Л. В. Черепнина.³⁶ Обращался к истории классовой борьбы Древней Руси и В. Т. Пащуто. Он отмечал различные формы социального протesta народных масс против феодального строя (бегство от своего владельца, вооруженный разбой, нарушение границ феодальных имений, поджоги и открытые восстания).³⁷

Новая грань исследования классовой борьбы на Руси XI—XII вв. открылась в другом труде В. Т. Пащуто, указавшего на знаменательное, по его словам, явление: основные этапы классовой борьбы на территории собственно Руси (60—70-е годы XI в., 30-е и 80-е годы XII в.) совпадают со вспышками освободительных движений иноязычных народов, подвластных древнерусской знати.³⁸

В работе И. Я. Фроянова была предпринята попытка по-новому раскрыть сущность социальных конфликтов на Руси X—начала XII в. Наиболее типичной для X в., считает он, являлась межплеменная борьба, к эпизодам которой относилось и восстание древлян в 945 г. Из X в. межплеменная борьба шагнула и в XI столетие, но на этом этапе она осложняется столкновениями племенной знати с демократической частью свободного населения. Восстание 1068 г. в Киеве есть проявление не классовой борьбы, а политического конфликта между вечем и князем. Первое народное выступление, окрашенное в классовые тона, — восстание в Киеве в 1113 г.³⁹

³⁶ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; см. также: Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда. — ИЗ, 1965, т. 76.

³⁷ Пащуто В. Т. Древняя Русь конца IX—начала XII в. — В кн.: Всемирная история, т. 3. М., 1957, с. 255—260.

³⁸ Пащуто В. Т. Общественно-политический строй Древнерусского государства. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 116—125.

³⁹ Фроянов И. Я. Характер социальных конфліктів на Русі в X—на початку XII ст. — УІЖ, 1971, с. 72—73, 75—79.

Несмотря на существенные достижения советской историографии в изучении городских движений в Древней Руси, отдельные, порой весьма серьезные проблемы нуждались в дальнейшей разработке. Роль веча в народных восстаниях — одна из таких проблем.⁴⁰

Социальный состав восставших, роль различных общественных категорий в восстаниях — все это также требовало очередных изысканий. А. А. Зимин уделил большое внимание участию холопов в движениях 1068—1071 гг.⁴¹ В аналогичном плане он изучал и восстание 1113 г. в Киеве.⁴²

Мы рассмотрели труды советских историков, посвященные классовой борьбе в Древней Руси. Какие можно сделать выводы из проведенного обзора литературы? С конца 20-х годов, когда в советской историографии появились первые исследования о классовой борьбе в Киевской Руси, проделана весьма заметная работа. В 30-е и 40-е годы был накоплен и тщательно изучен большой материал, что позволило создать обобщающие труды, в которых классовая борьба представлена в тесной связи с общим ходом социально-экономического и политического развития Руси. Советские историки показали, как классовая борьба воздействовала на конкретный ход истории Киевской Руси, обусловив наступление феодальной раздробленности.⁴³

Но на этом движение исторической науки не остановилось. По мере того как вносятся коррективы в общую картину социально-экономического строя Древней Руси, уточняются и некоторые моменты из истории классовой борьбы в древнерусском обществе, высказываются новые взгляды по вопросам, которые считались разрешенными.

⁴⁰ См.: Толочкин П. П. Вече и народные движения в Киеве. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972.

⁴¹ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, с. 143—156.

⁴² Там же, с. 157—211.

⁴³ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. I, с. 174—182.

Образование и развитие Древнерусского государства

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Проблема формирования Древнерусского государства — одна из главных, коренных проблем истории Древней Руси, на протяжении более двух веков являвшаяся предметом острых дискуссий. В дворянско-буржуазной историографии эта проблема была объектом спора норманистов и антинорманистов, в равной степени стоявших на идеалистических позициях, видевших в государстве лишь юридический институт, не понимавших его классовой природы. В предреволюционные десятилетия в среде официальной (академической, университетской) науки сложилось мнение о произошедшей в конце XIX в. окончательной победе норманистской концепции (см. с. 150 настоящего издания). Поэтому и в первые годы Советской власти (до конца 1920-х годов), когда ведущую роль в научных учреждениях продолжали играть ученые старой буржуазной школы (С. Ф. Платонов, А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, А. А. Спицын и др.), в академической науке продолжало господствовать мнение о создании Древнерусского государства норманнами.

Единственная значительная работа, написанная в эти годы не с норманистских позиций, — книга В. А. Пархоменко о происхождении русской государственности.¹ В этой своей наиболее крупной работе автор сделал попытку создать концепцию о местном, южнорусском, происхождении Древнерусского государства; большую роль в этой концепции играла давняя идея автора о важном значении Юго-Восточной (приазовской, тмутараканской) Руси в процессе складывания государственной организации у восточного славянства. Указывая на то, что южные восточнославянские области были в IX в. экономически более развитыми, чем земли словен и кривичей, В. А. Пархоменко считал более вероятным искать истоки русской государственности не в малоплодородном Приильменье, как это делалось до сих пор в русской историографии под влиянием начальных страниц «Повести временных лет», а на богатом и плодородном юге, на берегах Днепра и Азовского моря (и что, соответственно, не войско из Новгородской земли

---

¹ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Пг., 1924.

покорило Киев, а киевские князья подчинили себе Новгородскую землю).

Однако, несмотря на наличие ряда серьезных наблюдений и довольно убедительных предположений (наряду со значительным числом малообоснованных гипотез), книга В. А. Пархоменко целиком еще принадлежит старой идеалистической историографии, ибо автор далек от понимания социальной природы государства.

Приходится отметить, что в данный период развития нашей историографии и главный представитель революционного крыла М. Н. Покровский, в 1920-е—начале 1930-х годов возглавлявший советскую историческую науку, в своей трактовке проблемы происхождения и характера Древнерусского государства тоже еще стоял по существу на домарксистских позициях. Правда, основные труды М. Н. Покровского (его «Русская история с древнейших времен» и «Очерк истории русской культуры») были написаны еще в дореволюционное время, но они неоднократно переиздавались автором и после революции и, следовательно, отражали его взгляды и в 1920-е—начале 1930-х годов.

М. Н. Покровский вернулся к уже отвергнутым русской дореволюционной наукой взглядам сторонников «государственной школы», отрицавших существование Древнерусского государства и даже государственной организации на Руси и в киевский период, и в период феодальной раздробленности; по мнению М. Н. Покровского, государство на Руси возникло лишь в XVI в.² В отличие от дворянско-буржуазной науки М. Н. Покровский уже признавал классовую природу государства, но он считал, что и общественных классов в России не было вплоть до XVI в.³

Поскольку Киевская Русь, по его мнению, не была государством, не обладала политическим единством, отпадала необходимость основательно изучать привлекавшую столь большое внимание в русской историографии проблему возникновения этого государства. Начальная история Киевской Руси М. Н. Покровским освещается бегло и поверхностно. При этом автор отдал дань игравшим преобладающую роль в русской буржуазной историографии норманистским воззрениям, признавал существование норманнского завоевания как важного фактора исторического процесса. Автор воспринял старую идеалистическую концепцию В. О. Ключевского о решающей роли в жизни Киевской Руси торговых городов, идею о «городской Руси», во многом обязанной

² Покровский М. Н. 1) Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1920, с. 81, 95, 170—172; 2) Очерк истории русской культуры, ч. I. М.—Л., 1925, с. 245.

³ Покровский М. Н. 1) Очерк истории русской культуры, ч. I, с. 56—57; 2) Русская история в самом сжатом очерке. М., 1921, с. 30, 58. — О взглядах М. Н. Покровского на Древнерусское государство см. также: Греков Б. Д. 1) Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского. — Избранные труды, т. II. М., 1959, с. 440—446; 2) Киевская Русь. — Там же, с. 228.

своим возникновением внешнему толчку — деятельности иноземных пришельцев — норманнов.⁴

Признавая существование в Киевской Руси князей, М. Н. Покровский отрицал государственный характер их власти, считал их лишь военными стражами в городах, а их функцию видел в защите городов и грабеже окрестного населения. Он придавал важное значение «призванию варяжских князей», считал, что Рюрик прибыл на Русь из Швеции с небольшим племенем и что существовавшие затем в русских городах князья были варягами или их потомками. Он не признавал наличия у славян своих племенных князей, выходцев из местной племенной знати.⁵ По его мнению, появление князей было результатом не внутреннего развития, а действия внешней силы, результатом варяжского завоевания.

Н. А. Рожков в отличие от Покровского признавал существование государства у восточных славян в IX—XII вв. В соответствии с установившимся в то время в науке мнением Н. А. Рожков считал, что государство было создано в IX в. завоевателями — варягами и в IX—X вв. являлось «варяжским княжеством».⁶ Рожков не признавал существования в Киевской Руси общественных классов;⁷ Древнерусское государство IX—XI вв., по его мнению, не имело классового характера.

Большое значение для разработки данной проблемы имели проходившие в начале 1930-х годов в Ленинграде в стенах ГАИМК оживленные творческие дискуссии, в которых Б. Д. Греков впервые сделал попытку предложить марксистскую трактовку основных проблем Киевской Руси и в которых выступали его многие оппоненты, разными путями искавшие правильного решения этих проблем. Дискуссии эти продолжались и в печати.⁸

Главное внимание уделялось решающей проблеме — проблеме классовой природы восточнославянского общества IX—XI вв., определявшей собой трактовку всего круга проблем в целом. Уже сама по себе постановка вопроса о классовой природе древнерусского общества была огромным шагом вперед по сравнению с предшествовавшей историографией, знаменовала собой начало перехода советской науки о Древней Руси на рельсы марксизма.

Основная заслуга в разработке проблемы классовой природы Древнерусского государства и всего общественного строя Древней Руси принадлежит Б. Д. Грекову.⁹ В целой серии монографиче-

⁴ Покровский М. Н. 1) Русская история с древнейших времен, т. I, с. 69, 95—97, 172 и др.; 2) Очерк истории русской культуры, ч. I, с. 39, 43.

⁵ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, т. I, с. 20—22 и др.

⁶ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. М., 1919, с. 83, 86, 89—90.

⁷ Там же, с. 83.

⁸ ИГАИМК, 1934, вып. 86; вып. 103 и др.

⁹ Большое участие в этой работе приняли в 1930-е годы С. В. Юшков, В. В. Мавродин, С. В. Бахрушин и ряд других авторов.

ских исследований, статей, докладов, подготовленных в первой половине и середине 1930-х годов, Б. Д. Греков на основе огромного фактического материала установил наличие в Киевской Руси феодальных отношений. Решение этой большой общей проблемы автор связал с вопросом о возникновении Древнерусского государства и о его социальной сущности.

Коренным пороком всей предшествующей историографии, стоявшей на идеалистических позициях, было непонимание классовой природы государства. Б. Д. Греков, базируясь на марксистско-ленинском учении о государстве и его классовой природе, впервые установил, что возникновение государства в Древней Руси явилось результатом длительного процесса социально-экономического развития восточного славянства, важных сдвигов в развитии экономики и социальных отношений, результатом распада первобытнообщинного строя и формирования классового общества. Тем самым было показано, что образование Древнерусского государства (наряду с образованием классового общества) явилось не мелким частным событием, не частным изменением в политической жизни Поднепровья и Приильменья (как это вытекало из построений домарксистской историографии), а коренным сдвигом в истории Восточной Европы.¹⁰

Концепция Б. Д. Грекова о прямой зависимости между возникновением классового общества и государства на Руси в середине 30-х годов была поддержана большей частью советских ученых, вошла в учебники для школ и ВУЗов, стала одним из коренных положений марксистской науки по истории нашей Родины.

Определение классового характера Древнерусского государства было крупным достижением советской науки. Но дискуссионным стал вопрос о том, с каким классом, с какой классовой формацией надо связывать Древнерусское государство и на его раннем этапе (IX—X вв.), и в период его зрелости (XI—начало XII в.). Вопрос этот вызвал оживленные споры в науке, продолжающиеся по существу до настоящего времени. В ходе развернувшихся споров и сам Б. Д. Греков не стоял на неподвижной позиции, за два десятилетия его взгляды не раз терпели изменения.

Высказанная в середине 30-х годов некоторыми учеными мысль о рабовладельческом характере классового общества (и тем самым и государства) в Киевской Руси вообще или по крайней мере на ранней стадии (IX—X вв.) была отвергнута большин-

¹⁰ Греков Б. Д. 1) Очерки по истории феодализма в России.—ИГАИМК, 1934, вып. 72; 2) Рабство и феодализм в Древней Руси.—Там же, вып. 86, с. 5—66, 145—163; 3) Проблема генезиса феодализма в России.—ИС, 1934, I; 4) Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935, 1936 и 1937.

ством исследователей. Сложнее оказалось решение вопроса о связи между возникновением Древнерусского государства и установлением феодальных отношений.

Наибольшие трудности вызывала социальная характеристика периода IX—X вв., когда происходил процесс формирования Древнерусского государства. Б. Д. Греков в своих работах середины 30-х годов с осторожностью подошел к данному вопросу: он указывал лишь на то, что Древнерусское государство с самого начала было результатом распада славянского общества на классы,¹¹ но не называл прямо высший класс феодалами, а период IX—X вв. феодальным; он ограничился лишь осторожной формулировкой — «период вызревания феодальных отношений».¹² Но само название книги «Феодальные отношения в Киевском государстве» подразумевало, что для автора феодальным является не один лишь поздний этап этого государства, а все государство в целом, от начала и до конца.

Концепция о феодальном характере древнерусского общества и государства IX—X вв. не нашла во второй половине 1930-х годов поддержки среди историков.¹³

В 1936 г. были опубликованы замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова, С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР, где указывалось на необходимость отличать от развитого феодализма дофеодальный период.¹⁴ После этого с критикой позиции Б. Д. Грекова о феодальном характере социального строя и государства в Киевской Руси IX—X вв. выступило несколько ученых, доказывавших, что данный этап развития древнерусского общества и государства надо считать еще дофеодальным.

Из критиков концепции Б. Д. Грекова крайнюю позицию заняли Н. Л. Рубинштейн, В. А. Пархоменко и С. В. Бахрушин, по существу отрицавшие не только наличие феодальных отношений в восточнославянских землях IX—X вв., но даже и существование единого Древнерусского государства.¹⁵

¹¹ Греков Б. Д. Феодальные отношения..., 1936, с. 36, 68—77.

¹² Там же, с. 24.

¹³ Сам Б. Д. Греков до конца 1930-х годов оставался на прежних позициях и в вышедшем в 1939 г. расширенном издании своей книги в столь же осторожных выражениях давал понять, что считает древнерусское общество и государство феодальными (Греков Б. Д. Киевская Русь. М.—Л., 1939, с. 69—82, 85—87, 155—158).

¹⁴ К изучению истории. М., 1946, с. 21.

¹⁵ Рубинштейн Н. Л. 1) Рецензия на книгу «Памятники истории Киевского государства...». — ИМ, 1938, № 1; 2) От редакции. — В кн.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1936, с. IV; Бахрушин С. В. 1) К вопросу о русском феодализме. — Книга и пролетарская революция, 1936, № 6; 2) Некоторые вопросы истории Киевской Руси. — ИМ, 1937, № 3; 3) «Держава Рюриковичей». — Там же, 1938, № 2; Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство. — Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1941, вып. 8.

Точка зрения Н. Л. Рубинштейна, С. В. Бахрушина и В. А. Пархоменко не встретила поддержки среди других исследователей и не удержалась в советской науке. Б. Д. Греков в своих работах конца 1930-х и 1940-х годов выступил с решительной критикой построений этих авторов, отстаивая и еще глубже обосновывая свою концепцию о существовании с IX в. большого и сильного Древнерусского государства, охватывавшего значительные пространства Восточной Европы.¹⁶ Начиная с издания 1939 г. в его книге «Киевская Русь» появился объемистый раздел, освещавший основные черты политического строя Киевской державы (главным образом периода IX—X вв.)¹⁷ и содержавший характеристику княжеской власти, организации военных сил, вечевого устройства. Изучение характерных черт политического строя Древнерусского государства укрепляло и развивало концепцию автора о большом и едином восточнославянском государстве IX—X вв. Данная концепция была включена в подготовленные в конце 1930-х годов первые советские учебники для школ и ВУЗов (позднее неоднократно переиздававшиеся),¹⁸ в конце 1930-х—начале 1940-х годов ее поддержало большинство советских исследователей (С. В. Юшков, М. И. Артамонов, В. В. Мавродин и др.) и она прочно вошла в арсенал советской историографии.

Вместе с тем в трактовке вопроса о социальной природе Древнерусского государства IX—X вв. в конце 1930-х годов произошли существенные изменения. Ученые, не соглашавшиеся с мнением Н. Л. Рубинштейна, С. В. Бахрушина, В. А. Пархоменко и признававшие существование единого Древнерусского государства в IX—X вв., в то же время отошли от первоначального мнения Б. Д. Грекова о феодальном характере древнерусского общества и государства в этот период. Побеждает мнение, что период IX—X вв. надо трактовать как дофеодальный, поскольку прямых сведений в источниках о наличии феодального землевладения до XI в. почти нет.

Наиболее развернутую концепцию о дофеодальном характере древнерусского общества и государства в IX—X вв. выдвинул в конце 1930-х годов С. В. Юшков в книге по истории феодализма в Киевской Руси. В книге С. В. Юшкова дается обстоятельное рассмотрение основных государственных институтов Древнерусского государства в дофеодальный период — территориальной структуры государства, княжеской власти, ее административных

¹⁶ Греков Б. Д. 1) Киевская Русь. М.—Л., 1939, с. 164—189, 235; 1944, с. 162, 164—165; М., 1949, с. 276—278, 280; М.—Л., 1953, с. 283—284.

¹⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь, 1939, с. 159—207 (то же в следующих изданиях).

¹⁸ История СССР. Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. Т. I. М., 1939, с. 91—100, 1947, с. 74—97; История СССР. Под ред. А. М. Панкратовой. Ч. I. М., 1940, с. 31—40 (то же в следующих изданиях); История СССР. Краткий курс под ред. А. В. Шестакова. М., 1938, с. 12—18 (то же в следующих изданиях); Нариси з історії України, вып. I. Київ, 1937, с. 54—72 (то же в изд. 1939 г.), и др.

органов, ее основной опоры — дружины, веча. Автор, говоря о дофеодальном периоде, не употребляет для обозначения высших слоев древнерусского общества термин «класс», видимо, считая, что в дофеодальном Древнерусском государстве классы еще не сформировались; социальной верхушкой общества, социальной базой государства IX—X вв. он считал старую родо-племенную знать и княжескую дружину.¹⁹

Только с конца X в. в Древней Руси стали устанавливаться феодальные отношения, складывается класс землевладельцев-феодалов и государство становится феодальным.²⁰

Уже через год С. В. Юшков дополнил свое построение, введя в него новый элемент — заимствованное у В. О. Ключевского и Л. В. Падалки мнение о социальном значении слова «русь».²¹ С тех пор вплоть до конца своей научной деятельности С. В. Юшков во всех своих сочинениях считал, что общественной базой, определившей возникновение и развитие в IX—X вв. Древнерусского государства, была особая социальная группа — русь (или руссы), возникшая в среде восточного славянства. Основываясь на данных арабских источников, С. В. Юшков доказывал, что русь-руssы были жителями восточнославянских городов, купцами, рабовладельцами, организаторами и участниками грабительских походов на соседние страны, организаторами первых государств, возникших на территории восточного славянства, а затем они стали властвовать над славянским населением.²² Образование этой социальной группы связано с процессами классообразования, но это еще не класс; создаваемые этой социальной группой государства — еще не рабовладельческие и не феодальные, а варварские — Киевское, Новгородское, Артания, — при Олеге слившиеся в одно государство, тоже еще дофеодальное.

Гипотеза Юшкова о руси как социальной группе, создавшей дофеодальное Древнерусское государство, имела в предвоенные и военные годы некоторый успех среди ученых,²³ но не удержалась в науке ввиду недостаточной доказательности. В то же время тезис о дофеодальном характере Древнерусского государства IX—X вв. с конца 1930-х годов достаточноочноочно прочно вошел в нашу исто-

¹⁹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 26—43.

²⁰ Там же, с. 42—43.

²¹ Это мнение было выдвинуто в противовес общепринятому представлению о чисто этническом значении слова «русь».

²² Юшков С. В. К вопросу о происхождении Русского государства. — Учен. зап. Моск. юрид. ин-та, 1940, вып. 2.

²³ Аратамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и руси. — КСИИМК, 1940, вып. VI, с. 13; Тивериадский Л. С. К вопросу о происхождении Руси. — ИЗ, 1942, т. 13, с. 46—50; Греков Б. Д. Киевская Русь, 1944, с. 69; Мавродиц В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 388, 391. — Недавно появилось высказывание в пользу этой концепции (Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 50, 59).

риографию,²⁴ был включен в учебники и учебные пособия для школ и ВУЗов²⁵ и просуществовал до рубежа 1950-х годов.

Пересмотрев свою первоначальную позицию, Б. Д. Греков в годы войны признал дофеодальный характер Древнерусского государства.²⁶

Трактовка проблемы социальной сущности Древнерусского государства на первом этапе его истории — в IX—X вв. — претерпела новые изменения на рубеже 1950-х годов. В 1949—1951 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» развернулась дискуссия по вопросам периодизации истории феодальной России. В ходе дискуссии только С. В. Юшков стал отстаивать господствавшее с конца 1930-х годов мнение о дофеодальном характере Древнерусского государства IX—X вв. и о переходе к раннефеодальной монархии лишь во время Владимира и Ярослава.²⁷ Большинство участников дискуссии высказались против этого мнения; было сочтено более правильным отнести термин «дофеодальный период» к догосударственному этапу истории восточного славянства — ко времени до середины IX в., а период существования Древнерусского государства целиком относить к феодальной эпохе.²⁸

В первой половине 1950-х годов в нашей историографии наметилось стремление отодвинуть в глубь веков начальную грань феодальной эпохи, «урдевнить» феодальное общество и государство на Руси. Под воздействием этой концепции изменил свою прежнюю точку зрения и Б. Д. Греков.²⁹ В своих последних работах он стал относить появление первых начатков русской государственности еще к VII—VIII вв. Дофеодальным (точнее полупатриархальным, полуфеодальным) Б. Д. Греков стал считать

²⁴ Мавродин В. В. 1) Образование Древнерусского государства, с. 162, 164; 2) Древняя Русь. Л., 1946, с. 140; Покровский С. А. О начале русского государства. — ВДИ, 1946, № 4, с. 103, 107, и др.

²⁵ История СССР; т. I. М., 1947, с. 75; Базилевич К. В., Новицкий Г. А. История СССР от древнейших времен до конца XVIII в., ч. I. М., 1946, с. 84. — Аналогичная концепция, но без применения термина «дофеодальный период»дается в учебниках: История СССР, т. I. М., 1939, с. 91—106; История СССР. Под ред. А. М. Панкратовой. Ч. I. М., 1940; 1943; 1945; 1947; 1949; История СССР. Под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова, А. В. Шестакова. Т. I. М., 1941, с. 34—41.

²⁶ Греков Б. Д. 1) Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1942, с. 39—40; 2) Киевская Русь, 1944, с. 184; 3) Образование Русского государства. — ИАН СССР, серия истории и философии, 1945, № 3, с. 138, и др.

²⁷ Юшков С. В. К вопросу о политических формах русского феодального государства. — ВИ, 1950, № 1.

²⁸ Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. — ВИ, 1949, № 11; Смирнов И. Общие вопросы периодизации истории СССР. — Там же, № 12; Пашутов В., Черепинин Л. О периодизации истории России периода феодализма. — Там же, 1951, № 2; Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР. — Там же, № 3, с. 56; Черепинин Л. В. К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма. — ИАН СССР, серия истории и философии, 1952, № 2.

²⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь, 1953, с. 116—118, 126.

период VI—VIII вв., когда, по его мнению, у восточного славянства уже началось возникновение классового общества, в частности крупного землевладения, с чем автор связывает появление в VIII в. нескольких государственных образований восточных славян — Кувавии, Славии, Артании, прямых предшественников Древнерусского государства. Эти небольшие государства, объединившиеся в IX в. в обширное Древнерусское государство, были, по мнению автора, уже феодальной надстройкой. Древнерусское государство и в IX—X вв., и в XI—начале XII в. являлось феодальным. Можно выделить два периода, различавшиеся лишь по степени развития феодализма. Древнерусское государство IX—X вв. было раннефеодальным.³⁰ Тогда же и немного ранее гипотеза о существовании Антского государства IV—VI вв. и Волынского (Карпатского) государства VI—VII вв. высказывалась С. В. Юшковым³¹ и некоторыми другими авторами.³² В значительной мере эта концепция базировалась на мнении археологов, относивших к славянам археологические памятники начала нашей эры.

Однако во второй половине 50-х—60-х годах большинство археологов пришло к выводу, что достоверные археологические памятники восточных славян в Среднем Поднепровье (и вообще на территории современной Украины) относятся только ко второй половине I тыс. н. э. (см. с. 28—34 настоящего издания). В результате стала очевидной сомнительность указанных построений о существовании ранних восточнославянских государств (Антского IV—VI вв. и Волынского VI—VII вв.).

После дискуссии 1950 г. о периодизации истории феодальной России большинство исследователей стали считать Древнерусское государство IX—X вв. раннефеодальным, а предшествующий период обычно относить еще к дофеодальной (предфеодальной) стадии развития восточного славянства.

Методологические дискуссии способствовали созданию новых трудов, основывавшихся на углубленном исследовании конкретного материала источников. В советской науке за послевоенные годы были сделаны крупные достижения.

Сразу по окончании войны была издана первая крупная монографическая работа, специально посвященная изучению проблем образования Древнерусского государства — книга В. В. Мав-

³⁰ ВИ, 1952, № 5; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 57—58, 64—75, 95—97, и др.

³¹ Юшков С. В. 1) Киевское государство. (К вопросу о социальной структуре Киевской Руси.—ПИШ, 1946, № 6, с. 21—22; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 37—39, 43—44; 3) История государства и права СССР, ч. I. М., 1950, с. 59—60.

³² История Украинской ССР, т. I. Киев, 1953, с. 36—37; Сафроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI—XIII вв. М., 1948, с. 9, и др.

родина.³³ Хотя со времени ее опубликования прошло более 30 лет, она до сих пор остается единственным в советской историографии крупным фундаментальным трудом, посвященным этой проблеме. В книге исследуются коренные социально-экономические сдвиги, произошедшие во второй половине I тыс. н. э., — процесс распада первобытнообщинного строя и вызревание элементов классового общества в Восточной Европе — главные предпосылки формирования русской государственности. Автор изучил политическую историю Руси IX—XI вв. — возникновение первых государственных образований в Восточной Европе и формирование Древнерусского государства, развитие этого государства в X и XI вв., его внутреннюю и внешнюю политику. Автор стоял на принятой в то время позиции признания дофеодальной природы Древнерусского государства IX—X вв. Как и другие советские исследователи, автор дофеодальный период понимал как предфеодальный, как период вызревания феодальных отношений.³⁴

Важнейшим шагом на пути углубленного изучения предыстории возникновения Древнерусского государства были исследования М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова о раннем территориальном и политическом образовании, предшествовавшем Древнерусскому государству — о «Русской земле» VIII—IX вв. Еще дореволюционные ученые (С. А. Гедеонов, М. С. Грушевский, Д. И. Багалей и др.) заметили, что наряду с общим значением термина «Русь», охватывающим все восточнославянские земли, по древнерусским источникам прослеживается и его узкое, частное значение, прилагаемое к Среднему Поднепровью, к области Киева, Чернигова, Переяславля. В предвоенные годы на это обстоятельство обращал внимание М. Д. Приселков.³⁵ В первые послевоенные годы этим вопросом специально занялся М. Н. Тихомиров, пришедший к выводу, что узкое значение терминов «Русь», «Русская земля» было первоначальным, а затем распространилось на всю территорию, вошедшую в состав Древнерусского государства; по мнению М. Н. Тихомирова, этим термином обозначалась сначала земля племени полян, непосредственно прилегавшая к Киеву.³⁶

К мнению об изначальности термина «Русская земля» в узком смысле слова присоединился А. Н. Насонов: базируясь на значительно более широком материале, он выявил указываемые

³³ Мародин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. — Многие положения этой фундаментальной работы содержались в кн.: Мародин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940.

³⁴ См. также: Мародин В. В. Древняя Русь. Л., 1946.

³⁵ Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1941, вып. 8, с. 233—235.

³⁶ Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — СЭ, 1947, т. VI—VII.

источниками XI—XIII вв. более или менее точные границы «Русской земли», включавшей, как оказалось, не только территорию племени полян, но и некоторые соседние области, составившие в период феодальной раздробленности территории Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств. Продолжив и углубив исследование источников, А. Н. Насонов пришел к заключению, что «„Русская земля“ послужила территориальной основой, господствующим ядром Киевского государства»; более того, автор считает, что «Русская земля» уже представляла собой государство, первое политическое образование, созданное восточными славянами в Среднем Поднепровье и предшествовавшее формированию большого Древнерусского государства, объединившего все восточнославянские земли.³⁷ По мнению А. Н. Насонова, это южнорусское государство возникло в IX в., во время упадка Хазарской державы, и в X в. на его основе создалось Древнерусское государство; однако и после этого, в X и первой половине XI в., продолжала существовать «Русская земля» как определенное политическое единство, «как политическое и территориальное ядро обширного Киевского государства»,³⁸ как основная база, на которую опиралась власть киевских князей. А. Н. Насонов сделал также первую попытку объяснить ведущую политическую роль «Русской земли» интенсивным экономическим развитием этой территории с середины I тыс. н. э.

Изучению исторической роли «Русской земли» как предшественницы Древнерусского государства посвящен ряд работ Б. А. Рыбакова.³⁹ С наибольшей полнотой им собраны сведения источников о территории «Русской земли» — о ее географических границах; автором сделана попытка проследить по археологическим данным предысторию этого территориального образования, показать, как с середины I тыс. н. э. здесь складывалась и развивалась культурная общность, явившаяся материальной основой формирования «Русской земли». Политический характер этого предгосударственного или раннего государственного объединения Б. А. Рыбаков почти не рассматривал, автор ограничивался лишь краткими указаниями, что это был «союз племен» или «федерация племен» и что данный племенной союз явился «ядром будущей древнерусской народности и будущего государства — Кийской Руси».⁴⁰

³⁷ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 25; ср. с. 28.

³⁸ Там же, с. 33.

³⁹ Рыбаков Б. А. 1) Проблема образования древнерусской народности. — ВИ, 1952, № 9; 2) Древние руссы. — СА, 1953, т. XVII; 3) Образование Древнерусского государства. М., 1955, с. 38—41; Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 740—771.

⁴⁰ Рыбаков Б. А. 1) Предпосылки образования Древнерусского государства. — В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 755; 2) Проблема образования древнерусской народности, с. 59—62. — Следует заметить, что содержащиеся здесь попытки проследить предысторию

Разработанная А. Н. Насоновым и Б. А. Рыбаковым концепция о «Русской земле» как первоначальном ядре Древнерусского государства вошла в сводные обобщающие труды⁴¹ и учебники⁴² и явилась важным достижением советской науки.

Со второй половины 1950-х годов исследователи стали уделять большое внимание изучению предпосылок формирования Древнерусского государства, вызревавших еще в рамках племенного строя у восточных славян. Используя сравнительные данные, заимствованные из истории западных славян, и базируясь на углубленном изучении археологических материалов некоторых восточнославянских племен, исследователи стали высказывать мнение, что упоминаемые в «Начальной летописи» 14 племенных названий восточных славян охватывают не племена в собственном смысле слова, а объединения племен, племенные союзы. По аналогии с западными и южными славянами ученые стали предполагать, что и у восточных славян «большие племена» (поляне, древляне, кривичи и др.) являлись объединениями нескольких (3—5—8—10) «малых племен» и что племенем в собственном смысле слова было «малое племя». Археологам удалось проследить в рамках территории некоторых «больших племен» на материалах VIII—XII вв. наличие нескольких локальных культур, видимо, являвшихся культурами «малых племен».⁴³ В таком случае «большие племена» стали рассматриваться как федерации племен, как первый шаг от племенной раздробленности к объединению восточного славянства⁴⁴ и даже как уже не племенные, а территориальные и политические образования, земли.⁴⁵

«Русской земли» с IV—V вв. по археологическим данным были во многом гипотетичны и позднее другими учеными выдвигалась иная трактовка этих же данных. Концепция А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова была впоследствии поддержана на археологическом материале П. Н. Третьяковым. (Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 72—110).

⁴¹ Очерки истории СССР. III—IX вв., с. 740—771; Краткая история СССР, ч. I. М.—Л., 1963, с. 45—46; изд. 2-е. Л., 1972, с. 33—34; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 347—351, 362, 483—484.

⁴² История СССР, т. I. М., 1964, с. 100—101.

⁴³ Соловьев Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне). — СА, 1956, т. XXV; Рыбаков Б. А. Древние русы, с. 25—26.

⁴⁴ Рыбаков Б. А. 1) Предпосылки образования Древнерусского государства, с. 856—857; 2) Первые века русской истории. М., 1964, с. 8—3) Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси. — В кн.: Проблемы генезиса феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 26—27; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, с. 342—343; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Л., 1971, с. 13—14.

⁴⁵ Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 83—87; Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства. — В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 192—197.

Особое внимание ученых привлек следующий этап в процессе вызревания элементов государственности у восточных славян — появление и развитие племенных княжений. Племенные князья, зафиксированные летописью у полян, древлян, словен, вятичей, вызывали интерес у советских историков еще в довоенное время,⁴⁶ а в последние годы стали объектом специальных исследований. Племенные княжения начали рассматриваться как определенный этап на пути от племенного строя к государству, как зародышевая форма государственности.⁴⁷

Были подвергнуты изучению и основные политические институты племенных княжений — княжеская власть, военная организация («тысяча», дружины, «вой»), вече, система обложения, право.⁴⁸

Меньшее внимание привлекал последний этап, непосредственно предшествовавший возникновению Древнерусского государства, — формирование двух государственных образований восточных славян, северного и южного. Эти два политических образования IX в., нашедшие прямое или косвенное отражение в нескольких источниках, рассматривались в работах, посвященных более широким темам;⁴⁹ лишь один исследователь сделал попытку специально изучить северное политическое объединение IX в., называемое в арабских источниках «Славия».⁵⁰

В 1960-х—начале 70-х годов появился ряд работ, в которых возникновение Древнерусского государства рассматривается в сравнительно-историческом плане, на широком фоне истории славянства (восточного, западного, южного). Сравнительный ма-

⁴⁶ Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей», с. 90—91; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, с. 28—29.

⁴⁷ Мавродин В. В. 1) О племенных княжениях восточных славян. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971; 2) Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, с. 78—79; 3) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 99—107; Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 56—57; Королюк В. Д. 1) Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Центральной и Восточной Европы. — Там же, с. 218—220; 2) Основні етапи розвитку ранньофеодальної державності у східних і західних слов'ян. — УГЖ, 1969, № 12.

⁴⁸ Мавродин В. В. 1) О племенных княжениях..., с. 50—54; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 101—107.

⁴⁹ Мавродин В. В. 1) Очерки истории СССР. Древнерусское государство, с. 81—84; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности, с. 110—120; Пашутко В. Т. Особенности структуры..., с. 85—88; Ширинский С. С. Объективные закономерности..., с. 203—206; Шаскольский И. П. О начальных этапах..., с. 59—66.

⁵⁰ Покровский В. С. Древнейшее княжество «Славия». (К вопросу о значении Севера в образовании Древнерусского государства). — Учен. зап. Саратовского юрид. ин-та, 1960, вып. IX.

териал по истории создания государства у поляков, чехов, южных славян, приводимый в этих работах, способствовал более углубленному пониманию недостаточно освещаемого источниками процесса формирования древнерусской государственности.⁵¹

В последние полтора десятилетия проблема происхождения Древнерусского государства в целом была в углубленном плане рассмотрена Б. А. Рыбаковым и В. В. Мавродиным.

Б. А. Рыбаков в обширном разделе коллективного труда «Очерки истории СССР» изложил собственную концепцию проблемы возникновения Древнерусского государства, широко использовав археологические данные и сравнительный анализ русских, восточных и византийских источников. Видное место в концепции автора занимает выяснение роли «Русской земли» как первоначального ядра Древнерусского государства. Наибольшее внимание в данном исследовании обращено на освещение внутренних социально-экономических предпосылок возникновения государства, вызревавших в недрах восточнославянского общества в VI—IX вв.⁵²

Последним по времени обобщающим исследованием той же проблемы явилась уже не раз цитированная книга В. В. Мавродина.⁵³ Эта книга подводит итоги исследовательской работы большого числа советских ученых по общим и частным вопросам темы. Главное здесь — обобщение результатов предшествующих исследований, установление состояния изученности проблемы советскими учеными на сегодняшний день. Автор всесторонне рассматривает экономические, социальные и политические предпосылки возникновения государства в восточнославянских землях и подробно освещает сам ход процесса формирования Древнерусского государства, трактуя его как закономерный результат внутреннего социально-экономического развития восточного славянства.

⁵¹ Королюк В. Д. 1) Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян. — КСИС, 1963, № 39; 2) Основні етапи розвитку ранньофеодальної державності..; 3) Основні проблеми формування ранньофеодальної державності і народностей славян Вітчизни та Центральної Європи. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972.

⁵² Рыбаков Б. А. 1) Предпосылки образования Древнерусского государства, с. 733—878; 2) Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII вв. — ВИ, 1962, № 4, с. 34—57; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, с. 476—572.

⁵³ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Л., 1971.

РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.

В русской дворянско-буржуазной историографии, особенно в предреволюционные десятилетия, проблемам развития русской государственности домонгольского времени уделялось значительное внимание; этими проблемами занимались виднейшие историки и историки-юристы В. О. Ключевский, В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, А. Е. Пресняков. В их трудах был тщательно собран и проанализирован материал письменных источников. Однако коренными недостатками работ этих исследователей являлись историко-юридический подход к изучаемой теме, непризнание классовой природы государства, непонимание наличия феодальных отношений в Киевской Руси и соответственно непонимание классовой, феодальной сущности всех государственных институтов в русских землях домонгольского времени.

В первые десятилетия Советской власти, с 1917 г. и до Великой Отечественной войны, основное внимание советских ученых было обращено на изучение сложнейшей проблемы возникновения Древнерусского государства, а также на исследование первого этапа существования государства — IX—X вв. Следующие стадии жизни этого государства, время его расцвета и наступившей вслед за тем феодальной раздробленности, исследовались в несравненно меньшем объеме. Как отмечалось выше, М. Н. Покровский вообще не признавал существования Древнерусского государства; Н. А. Рожков, признавая наличие государства, отрицал его классовую природу. Оба автора ограничились общими социологическими схемами и ничего не дали для изучения политической истории Киевской Руси.

Только после разработки в середине 30-х годов марксистской концепции по истории Древней Руси стали частично затрагиваться и отдельные вопросы истории древнерусской государственности XI—начала XIII в.

В первых изданиях книги Б. Д. Грекова рассматривались главным образом проблемы возникновения и развития Древнерусского государства в IX—X вв.¹ Вопрос о раздроблении Древнерусского

¹ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1936, с. 178—181, 183—190.

государства трактовался кратко и в том же плане, как и в дореволюционной науке, — как результат ослабления торговых городов юга России и перемещения торговых путей.² Только начиная с издания 1939 г. Б. Д. Греков стал более углубленно разрабатывать эту проблему, исходя из марксистской концепции о социальной природе феодальной государственности. Расчленение единого Древнерусского государства Б. Д. Греков поставил в прямую связь с развитием феодальных отношений; по мере усиления феодальной знати отдельных земель стала ослабевать их зависимость от Киева, класс феодалов на местах стал все меньше нуждаться в поддержке киевских князей, и эти обстоятельства сделали неизбежным раздробление единого государства на отдельные княжества.³

Однако во всех изданиях своей книги Б. Д. Греков ограничился этими общими положениями. Серьезному исследованию проблема развития государства в Киевской Руси XI—XIII вв. впервые в советской историографии была подвергнута в вышедшем накануне Отечественной войны труде С. В. Юшкова.⁴

С. В. Юшков впервые рассмотрел государство и государственные институты Киевской Руси с позиций марксистского учения о формациях — как явления, выросшие на почве установившихся в стране феодальных отношений. Автор ставил своей целью изучить возникновение и первоначальное развитие феодальной монархии. Мнение дореволюционной историографии (Ключевский, Владимирский-Буданов) о существовании в Киевской Руси постоянного совещательного органа при князе — боярской или княжеской думы — он отверг как недостаточно обоснованное. Вече, по мнению С. В. Юшкова, не было постоянно действующим институтом, созывалось в чрезвычайных случаях и из органа первобытной демократии превратилось в орган феодальной верхушки. Не являлись постоянными институтами и съезды феодальной знати. При великом князе и местных князьях формируется княжеская администрация — система органов феодальной власти, частично составившаяся из служилых людей княжеского двора (тиунов, отроков, мечников), частично — из местной территориальной администрации (тысяцких, сотских).

Свою трактовку этих проблем С. В. Юшков значительно развил и расширил в изданном десять лет спустя капитальном труде об общественном и политическом строе Киевского государства, который до сих пор остается самым крупным исследованием данного комплекса проблем в советской историографии.⁵

² Там же, с. 189.

³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.—Л., 1939, с. 274—277; 1944, с. 299—302.

⁴ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 166—237.

⁵ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 322—403.

С. В. Юшков подверг критике представления дореволюционных историков о семейно-родственной сущности междукняжеских отношений XI—XII вв. и показал, что правильно понять характер Древнерусского государства этого периода можно только с марксистских позиций, исследуя развитие феодальных черт и особенностей в древнерусском государственном организме. Автор установил, что отношения между великим князем киевским и подвластными ему князьями отдельных княжеств отражали не систему родства, а систему феодальных отношений между князем-сюзереном и князьями-вассалами, превращение бывших племенных княжений в феодальные сеньории. Междукняжеские договоры XI—XII вв., определившие, по мнению дореволюционных исследователей, новый характер родственных отношений между князьями, в действительности были лишь юридическим выражением установившегося на Руси феодального типа взаимоотношений сюзерена и вассалов. Автор показывает, что князь становится представителем феодальной власти, опирается в своей деятельности на верхи феодального общества в своем княжестве и должен согласовывать с ними свои действия. Функции княжеской власти в XI—XII вв. усложняются, организуется сложная сеть феодальной и судебной администрации. Князья вынуждены заниматься законодательной деятельностью; развивается княжеский домен, и на князей ложится дополнительная обязанность управления доменом; усложняются проблемы внешней политики и феодализирующейся организации военных сил государства.

В вопросе о вече С. В. Юшков разошелся с мнениями других советских исследователей и вступил с ними в полемику. Для всех советских ученых было очевидно древнее происхождение веча как института, восходящего к временам рода-племенного строя. Но процесс дальнейшего развития веча трактовался по-разному. Б. Д. Греков вслед за В. О. Ключевским высказал мнение, что вече в X и первой половине XI в., во время роста и расцвета Древнерусского государства, не функционировало и стало развиваться во второй половине XI и в XII в. в связи с упадком государственной власти и расчленением единого государства на отдельные княжества.⁶ Напротив, С. В. Юшков считал, что вечевые собрания, которые произошли от племенных сходок времени рода-племенного строя, продолжали функционировать и в течение всего периода существования Древнерусского государства.⁷

Б. Д. Греков подчеркивал демократический характер веча, ведущую роль на вече широких слоев торгово-ремесленного насе-

⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь, 1944, с. 222—236.

⁷ Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма..., с. 194; 2) Общественно-политический строй и право..., с. 345—347.

ления города;⁸ такого же мнения придерживался и М. Н. Тихомиров.⁹ Напротив, С. В. Юшков считал, что хотя в вече и участвовали широкие слои населения города и окрестностей (т. е. торговцы и ремесленники), в условиях феодального государства (XI—XII вв.) вече было органом господствующего класса.¹⁰

В труде Юшкова был также (впервые в советской историографии) исследован вопрос о государственных финансах Киевской Руси — о налогах, повинностях, пошлинах.¹¹

Конкретный ход политической истории, развитие внутренней борьбы в Киевской Руси во второй половине XI—начале XII в. освещались в ряде работ 50—70-х годов, особенно в трудах Б. А. Рыбакова.¹²

В 60-е годы возобновилось изучение государственного строя Киевской Руси. Крупным шагом в этом направлении явилась коллективная монография В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина и других авторов о Древнерусском государстве.¹³ В. Т. Пашуто подверг специальному исследованию малоизученную в историографии этническую историю Древнерусского государства в тесной связи с развивающимися феодальными отношениями.¹⁴ Обычно Киевская Русь рассматривалась учеными как русское, т. е. восточнославянское, государство, и не учитывалось, что со времени

⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь, 1944, с. 226, 233—236. — См. также следующие издания.

⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946, с. 213.

¹⁰ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право..., с. 345—360.

¹¹ Там же, с. 384—390; см. также: Юшков С. В. 1) История государства и права СССР, ч. I. М., 1950, с. 51—54; 2) Развитие Русского государства в связи с его борьбой за независимость (до XIX в.). — Уч. труды Всесоюзного ин-та юрид. наук, 1946, вып. VIII; 3) К вопросу о политических формах Русского феодального государства до XIX в. — ВИ, 1950, № 1, с. 77—80; 4) Учебное пособие по истории права и государства СССР, вып. I—II. М., 1944, с. 24—50.

¹² Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 166—174, 182—193; Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, с. 150—167, 174—176, 196—224; Рыбаков Б. А. 1) Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века. — ВИ, 1962, № 4, с. 35, 41—57; 2) Первые века русской истории. М., 1964, с. 71—82, 95—144; 3) Киевская Русь. — В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 511—522, 537—572; 4) Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. — См. также: Нарисы стародавньої історії Української РСР. Київ, 1959, с. 551—559; История Украинской ССР, т. I. Киев, 1961, с. 71—80; 1969, с. 66—74; История Белорусской ССР, т. I. Минск, 1961, с. 40—43.

¹³ Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

¹⁴ Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 77—127. — См. также: Пашуто В. Т. Особенности этнической структуры Древнерусского государства. — Acta Baltico-Slavica, Białystok, 1969, т. VI, с. 169—174.

своего возникновения Древнерусское государство включило в свой состав и неславянские этнические элементы. По подсчетам В. Т. Пашуто, Древнерусское государство включало 22 неславянских народа. Автор исследовал сложившуюся в Киевской Руси систему политических отношений между господствующей древнерусской народностью и другими народами и племенами, основывавшуюся на сотрудничестве русского господствующего класса с национальной знатью в нерусских землях, подвластных русским князьям.

Важный раздел в упомянутой выше коллективной монографии, посвященный отражению общественно-политических отношений Древней Руси Русской Правдой и другими юридическими памятниками, написал Л. В. Черепнин. Основные законодательные документы Древнерусского государства автор связал с крупнейшими политическими событиями в жизни Руси X—начала XIII в.¹⁵ Роль церкви в системе государственной власти в Древней Руси исследовал Я. Н. Щапов.¹⁶

Л. В. Черепнин в другой своей работе подверг специальному изучению развитие государственной организации на Руси в XI—начале XIII в.¹⁷ Автором исследованы характер княжеской власти в ее эволюции на разных этапах истории домонгольской Руси, поземельные основы государственной организации, феодально-иерархическая структура междукняжеских отношений; рассмотрен характер взаимоотношений князя с дружиной и вечем. Данную работу следует считать наиболее крупным достижением в области исследования процесса развития древнерусской государственности в XI—XIII вв.

Рассмотрим отдельно, как освещался в советской историографии следующий этап развития древнерусской государственности — период политического расчленения Древнерусского государства и феодальной раздробленности в XII—первой половине XIII в.

М. Н. Покровский, не признававший существования государства в Древней Руси, не признавал соответственно и распада этого государства, считая, что «рассыпаться было нечему».¹⁸

¹⁵ Ч е р е п н и н Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. — В кн.: Н о в о с е л ь ц е в А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. — В основном исследование носит историко-юридический характер.

¹⁶ Щ а п о в Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — В кн.: Н о в о с е л ь ц е в А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение.

¹⁷ Ч е р е п н и н Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X—начала XIII в. — ИЗ, 1972, т. 89.

¹⁸ Г р е к о в Б. Д. Проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского. — Избранные труды, т. II. М., 1959, с. 469. — Аналогичное мнение высказал в середине 30-х годов Н. Л. Рубинштейн. (1) Рецензия на книгу «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.» — ИМ, 1938, № 1, с. 130—131; 2) От редакции. — В кн.: Пр е с н я к о в А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938, с. IV).

После разработки в 30-е годы марксистской концепции истории Древнерусского государства возникла необходимость в изучении процесса распада этого государства.

В русской буржуазной науке не было понятия феодальной раздробленности, существовало лишь представление о чисто политическом явлении — распаде единого государства на отдельные княжества. В советской науке впервые было установлено, что в основе раздробления единого Древнерусского государства лежал процесс социально-экономического развития, процесс феодализации, возникло понятие о феодальной раздробленности — явлении, обусловленном развитием феодальных отношений.¹⁹

Как уже было отмечено выше, проблема политического расчленения Древнерусского государства и феодальной раздробленности впервые получила марксистское освещение в советской науке лишь в конце 30-х годов в первом издании книги Б. Д. Грекова «Киевская Русь». В последующих изданиях той же книги эта мысль развивалась дальше и была поддержана другими учеными.²⁰ В советской науке установилось мнение, что раздробление Древнерусского государства было неизбежным и закономерным следствием развития феодальных отношений в стране, роста и укрепления класса феодалов в отдельных областях государства; развитие центробежных тенденций в отдельных землях и княжествах по мере укрепления в них феодальных отношений неизбежно привело к феодальной раздробленности, победившей в XII в. Однако в конце 30-х и в 40-е годы эта концепция излагалась лишь в самой общей форме.

В углубленном плане исследование причин и обстоятельств расчленения Древнерусского государства и установления феодальной раздробленности впервые было произведено в начале 50-х годов. В коллективных «Очерках истории СССР» и во время дискуссии о периодизации истории СССР эпохи феодализма была впервые выявлена роль классовой борьбы как одного из главных факторов, вызвавших политическое раздробление Древней Руси.²¹ Были изучены социально-экономические предпосылки феодальной раздробленности, подробно освещен (в политическом и историко-географическом планах) сам процесс расчленения Древнерусского государства и формирования отдельных княжеств. При этом в отличие от предшествующей историографии, рассматривавшей феодальную раздробленность как явление регресса, авторы

¹⁹ Ч е р е п и н Л. В. 50 лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России. — ИСССР, 1967, № 6.

²⁰ М а в р о д и н В. В. 1) Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940; 2) Образование Древнерусского государства. М., 1945; 3) Древняя Русь. Л., 1946; Б а з и л е в и ч К. В. История СССР, ч. I. М., 1946; Ю ш к о в С. В. Общественно-политический строй и право...

²¹ Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 174—182. — См. также: Б а з и л е в и ч К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. — ВИ, 1949, № 11, с. 71.

(Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто), развивая тезис об исторической закономерности наступления этого явления, оценили его как исторически прогрессивное, как новый прогрессивный этап в истории Руси, вызванный крупными сдвигами в социально-экономических отношениях.²² Эта оценка прочно вошла в советскую историческую науку.²³

Общее рассмотрение процесса развития политической раздробленности Древней Руси в XII в. в социально-экономическом и политическом планах было дано позднее в работах Б. А. Рыбакова, В. Т. Пашуто и др.²⁴

В упоминавшейся выше коллективной монографии «Древнерусское государство и его международное значение» был сделан шаг вперед по пути еще более углубленного изучения начального периода феодальной раздробленности: В. Т. Пашуто подверг обстоятельному исследованию главные черты политического строя и основные государственные институты Руси этого периода. Автор исследовал совещательные органы древнерусской государственности — собор, совет при князе, феодальный съезд (снем), вече, порядок заключения политического соглашения — ряда, формы вассалитета (подручничество, кормление), систему княжеского суда и др. Умело используя материал источников, автор показал феодальную природу каждого из изученных им политических институтов. В работе изучались в основном материалы XII—начала XIII в., заимствованные из истории отдельных княжеств феодально раздробленной Руси; однако автором было показано, что Русь, несмотря на феодальную раздробленность, продолжала быть единым государственным организмом, сохранялась единая русская государственность, принявшая лишь новые политические формы. В. Т. Пашуто признавал установленный А. Н. Насоновым и Б. А. Рыбаковым факт существования в IX—XIII вв. ядра Древнерусского государства — «Русской земли» и считал, что и в период феодальной раздробленности «Русская земля» продолжала быть основой территории Древнерусского государства и что главной целью междукняжеских войн XII—XIII вв. было обладание «Русской землей» с ее центром — Киевом, дававшее победу.

²² Очерки истории СССР. IX—XIII вв., с. 274, 276. — См. также: Пашуто В. Т. 1) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, с. 45; 2) Очерки истории СССР. XII—XIII вв. М., 1960, с. 4; 3) Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974.

²³ История СССР, т. I. М., 1956, с. 101; 1961, с. 88—94; 1964, с. 135; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, с. 574—575; История Украинской ССР, т. I. Киев, 1956, с. 93—96, и др.

²⁴ Рыбаков Б. А. 1) Обзор общих явлений русской истории..., с. 41—57; 2) Первые века русской истории, с. 147—157; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, с. 573—583; Пашуто В. Т. 1) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956, с. 13—56; 2) Очерки истории СССР, XII—XIII вв., с. 3—37.

дителю сюзеренитет над всей территорией русской государственности.²⁵

В ряде работ советских ученых было высказано мнение, что уже во второй половине XII и первых десятилетиях XIII в. в отдельных наиболее крупных княжествах наряду с процессами феодальной раздробленности возникла и противоположная тенденция — появилось стремление городского населения (особенно его верхов) и низших слоев феодального класса (дворян, княжеских служ) к союзу с князьями, к созданию сильной княжеской власти, способной бороться с крупными феодалами. Это было начало центростремительной тенденции, победившей в XV в. феодальную раздробленность. Проявление подобной тенденции исследователи видели в деятельности владимирских князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо и галицких Романа и Даниила.²⁶ Начиная с «Очерков истории СССР» феодальная раздробленность стала рассматриваться как период, когда сложились объективные предпосылки, которые привели впоследствии к объединению русских земель в составе централизованного Русского государства.²⁷

В нескольких работах рассматривался конкретный ход политической истории Руси после происшедшего в первые десятилетия XII в. политического раздробления Древнерусского государства и до монгольского нашествия. Прежде всего должен быть назван труд Б. А. Рыбакова, в котором с большой широтой и глубиной подвергнута исследованию политическая история Руси середины и второй половины XII в., ход политической борьбы феодальных княжеств, деятельность наиболее видных русских князей этого времени.²⁸ Политическая борьба феодальных княжеств в Южной Руси в XII и XIII вв. была рассмотрена в книге В. В. Мавродина²⁹ и в «Очерках древней истории УССР».³⁰

В ряде общих трудов был дан краткий обзор истории всех самых крупных русских княжеств XI—XIII вв.³¹ С наибольшей

²⁵ Пашута В. Т. Черты политического строя Древней Руси. — В кн.: Новоселцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 73—76.

²⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.—Л., 1939, с. 282; Базилевич К. В. История СССР, с. 138—139; Пашута В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 176—184, и др.; Очерки истории СССР. IX—XIII вв., с. 286—290, 301—302, 324, и др.; История Украинской ССР, т. I, с. 103; 1969, с. 89, 95; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории, с. 217—220, 236—238 и др.

²⁷ Очерки истории СССР. IX—XIII вв., с. 472—475.

²⁸ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

²⁹ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины, с. 211—278.

³⁰ Нариси стародавньої історії Української РСР, с. 559—574.

³¹ Базилевич К. В. История СССР, с. 121—141; Пашута В. Т. 1) Героическая борьба русского народа..., с. 57—77; 2) Очерки истории СССР.

полнотой такой обзор дан в «Очерках истории СССР», где охвачено много княжеств и каждому княжеству посвящено самостоятельное исследование.³² В послевоенные десятилетия подготовлены капитальные исследования, посвященные углубленному и всестороннему изучению отдельных княжеств, их политической и социально-экономической истории, исторической географии, материальной и духовной культуры. В данных работах прослеживаются закономерности складывания территориально-политических единиц в рамках Дневнерусского государства и последующего их отпочкования (этим данные работы отличаются от дореволюционных трудов на ту же тему).³³

Самая обширная литература посвящена государственному строю и политической истории Новгородской земли XI—первой половины XIII в. Здесь прежде всего должно быть названо капитальное исследование В. Л. Янина, в котором на основании материалов сфрагистики и письменных источников разработаны многие важные проблемы политической истории и истории государственного строя Великого Новгорода.³⁴ В 30—40-е годы в нескольких работах (ныне во многом устаревших) был рассмотрен вопрос о возникновении в XII в. Новгородской феодальной республики.³⁵ Содержащаяся в этих работах трактовка проблемы на несколько десятилетий прочно вошла в научную литературу.

Недавно В. Л. Янин и М. Х. Алешковский предложили новую трактовку проблемы возникновения Новгородской феодальной республики и ее основных институтов. В отличие от исследователей конца 20-х и начала 30-х годов, целиком связывавших создание особого новгородского политического строя с переворотом 1136 г. (и даже называвших этот переворот «революцией»), В. Л. Янин и М. Х. Алешковский предположили, что все специ-

ХII—XIII вв., с. 37—73; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории, с. 157—239; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, с. 583—639.

³² Очерки истории СССР. IX—XIII вв., с. 320—421.—Авторы — Б. Д. Греков, В. В. Мавродил, В. Т. Пашуто и др.

³³ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси; Сафоненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI—XIII вв. М., 1948.—См. также: Галикин В. А. Сузdalская Русь. Иваново, 1939; Боронин Н. Н. 1) Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1961, с. 21—26, 53—62, 113—127, 345—351; 2) Владимиро-Сузdalская земля в X—XIII вв.—ПИДО, 1935, № 5—6.

³⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

³⁵ Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII в.—Учен. зап. Ин-та истории РАН ИОН, 1929, т. VI; Троцкий И. М. Возникновение Новгородской республики.—ИАН СССР, VII серия, отделение общ. наук, 1932, № 4, 5; Введенский Д. А. К истории образования Новгородской республики.—Учен. зап. Харк. держ. ун-ту, 1939, кн. 15; Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г.—ИЗ, 1948, т. 25.

Физические особенности политического устройства Новгородской республики не были созданы единовременно в результате событий 1136 г., а сложились постепенно в процессе социально-экономического и политического развития Новгородской земли в IX—XIII вв.³⁶

Исследовались также взаимоотношения Новгорода с подчиненными его власти неславянскими племенами (см. с. 178—180 настоящего издания).

Таким образом, в изучении политической истории Руси в начальный период феодальной раздробленности имеется ряд значительных достижений, хотя все же разработка этого этапа истории русской государственности пока отстает от исследования предшествующего хронологического периода.

---

³⁶ Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской боярской республики. — ИССР, 1970, № 1; Янин В. Л., Аleshковский М. Х. Происхождение Новгорода. — Там же, 1971, № 2.

НОРМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Норманская проблема — вопрос о роли норманнов в истории Древнерусского государства и в развитии русской культуры — с середины XVIII в. была одной из наиболее острых дискуссионных проблем нашей отечественной истории. Споры между норманистами и антинорманистами, длившиеся более полутора века, к концу XIX в. привели к заметному перевесу первых. После опубликования в России в 1891 г. классической для норманистов работы В. Томсена «Начало Русского государства», где были с наибольшей полнотой и ясностью сформулированы основные аргументы в пользу «норманской теории», многие русские историки пришли к мнению, что норманское происхождение Древнерусского государства нужно считать доказанным. И хотя антинорманисты и в конце XIX, и начале XX в. продолжали свою полемику, большинство представителей официальной науки (в Академии наук, столичных университетах и т. д.) стояли на норманистских позициях. И это обстоятельство заметно отразилось на освещении данной проблемы в нашей историографии в первые полтора десятилетия Советской власти.

В первое время после революции, вплоть до конца 1920-х годов, в академических учреждениях и на исторических кафедрах высших учебных заведений продолжали работать ученые старой школы, придерживавшиеся прежних научных и методологических воззрений; в частности, в этой ученой среде сохранялось и установившееся с конца прошлого века представление о произошедшей в результате опубликования работы Томсена победе норманистской концепции истории Древней Руси. Прямая полемика против норманизма почти прекратилась. По мнению Ю. В. Готье, «в настоящее время», в 20-е годы, варяжский вопрос «решен в пользу норманнов».¹ А А. Е. Пресняков полагал, что «норманистическая теория происхождения Русского государства вошла прочично в инвентарь научной русской истории»,² т. е. стала неотъемлемой частью науки о Древней Руси.

¹ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, с. 248.

² Пресняков А. Е. Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории. — В кн.: Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928, с. 46.

Следует особо отметить, что подобный взгляд разделялся не только русскими учеными старой школы. Историки, пришедшие в науку из революционного лагеря, в то время также стояли на норманистских позициях. Так, основные положения норманской теории, норманско завоевание, ведущую роль норманнов в создании Древнерусского государства и т. д. признавал М. Н. Покровский.³ Не занимавшийся специально историей Древней Руси, в данном случае он просто воспринял мнение, утвердившееся к тому времени в русской буржуазной науке. На таких же позициях стоял и Н. А. Рожков. По его мнению, на Руси «государство образовалось путем завоеваний, сделанных Рюриком и особенно Олегом».

Нужно учитывать, что до революции норманизм был специфически русским явлением, течением внутри русской исторической науки. В XVIII, XIX и начале XX в. западноевропейские историки признавали тезис об основании норманнами Древнерусского государства, но исследованием норманской проблемы специально не занимались (почти за два века на Западе было всего несколько ученых-норманистов, в их числе В. Томсен и Т. Арне). После революции положение изменилось. Во всем мире значительно возрос интерес к нашей стране, в частности к ее истории. И в 1920-е годы стало публиковаться все большее количество работ по истории России, в том числе сочинений по древнерусской истории, написанных, как правило, с норманистских позиций.

В нашей стране со времени революции и до конца 1920-х годов вышли только две крупные работы, касавшиеся норманской проблемы. Из них прежде всего должна быть названа книга крупнейшего русского ученого первых десятилетий XX в. А. А. Шахматова, посвященная проблемам происхождения восточного славянства, русского народа и Русского государства.⁴

Отношение А. А. Шахматова к норманской проблеме всегда было сложным. Объективно его труды по истории летописания сыграли выдающуюся роль в критике норманизма, подорвали одну из основ норманской теории, установив поздний и недостоверный характер летописного рассказа о призвании варяжских князей. Однако субъективно А. А. Шахматов, как и подавляющее большинство русских ученых конца XIX и начала XX в., стоял на норманистских позициях и начальную историю Русского государства представлял себе в норманистском плане.

А. А. Шахматов сделал попытку в рамках одного построения согласовать противоречивые показания Начальной летописи и не-

³ Покровский М. Н. 1) Русская история в самом сжатом очерке, ч. 1 и 2. Изд. 10-е. М.—Л., 1931, с. 30—31, 34; 2) Русская история с древнейших времен, т. I. Изд. 8-е. М., 1933, с. 24—26; 3) Очерк истории русской культуры, ч. I. М., 1923, с. 49.—В недавние годы некоторые авторы пытались опровергнуть приверженность Покровского к норманизму и изобразить его чуть ли не борцом с норманизмом; в действительности указанные работы ясно говорят о признании М. Н. Покровским норманской теории.

⁴ Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919.

русских источников о древнейшем периоде истории Руси. Возникновение русской государственности представлялось Шахматову в виде последовательного появления в Восточной Европе трех скандинавских государств и как результат борьбы между этими государствами. Первое из них было создано пришедшими из-за моря норманнами — русью в начале IX в. в Приильменье, в районе будущей Старой Руссы; оно-то и было «русским каганатом», известным по записи 839 г. в Бертиńskих анналах. Отсюда в 840-е годы норманская русь двинулась на юг, в Поднепровье, и создала там второе норманское государство с центром в Киеве. В 860-е годы северные восточнославянские племена восстали и изгнали норманнов и русь, а затем пригласили к себе из Швеции новое варяжское войско, создавшее третье норманское — варяжское — государство во главе с Рюриком. Варяги — вторая волна скандинавских пришельцев — начали борьбу с ранее пришедшей в Восточную Европу норманской русью; победило варяжское войско, объединившее Новгородскую и Киевскую земли в одно варяжское государство, принявшее от побежденных киевских норманнов имя «Русь». Само название «русь» А. А. Шахматов производил в соответствии с норманистской традицией от финского «Ruotsi» — обозначения шведов и Швеции.

Грандиозность, глобальность поставленных проблем, решать которые, казалось бы, было по плечу только ученому такого масштаба, как Шахматов, побудила большинство ученых отнести к появлению этой последней, изданной прижизненно работы видного ученого, как к крупному событию научной жизни. С. Ф. Платонов продолжил и развил одно из предположений, содержащихся в работе Шахматова, — о существовании до возникновения Новгорода «варяжского центра» на южном берегу оз. Ильмень.⁵ Положительно расценивали труд Шахматова и содержащуюся там ученую концепцию А. Е. Пресняков и Ю. В. Готье.⁶

С другой стороны, уже вскоре после издания названной работы А. А. Шахматова В. А. Пархоменко показал, что высказанная А. А. Шахматовым гипотеза об образовании на восточноевропейской территории в IX в. трех скандинавско-русских государств слишком сложна, надуманна и далека от фактической основы письменных источников.⁷

Вторым крупным норманистским сочинением, появившимся в нашей историографии в 1920-е годы, была книга П. П. Смирнова «Волжский путь и древние русы».⁸ Широко используя изве-

⁵ Платонов С. Ф. Руса. — Дела и дни, Пгр., 1920, кн. I.

⁶ Пресняков А. Е. Вильгельм Томсен..., с. 44—46; Готье Ю. В. Железный век..., с. 248.

⁷ Пархоменко В. А. Из древнейшей истории восточного славянства. — ИОРЯС, 1922, т. 23, с. 484. — Более детальную критику концепции А. А. Шахматова с марксистских позиций дал видныйпольский историк Г. Ловмянский (Łowmiański H. Zagadnienie roli pogańców w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, s. 135—137).

⁸ Смирнов П. Волжский путь і стародавні руси. Київ, 1928.

стия арабских писателей IX—XI вв., П. П. Смирнов стал искать место возникновения Древнерусского государства не на пути «из варяг в греки», как это делалось всеми предшествующими историками, а на волжском пути — на пути из Балтики по Волге к Каспийскому морю. Согласно концепции П. П. Смирнова, на Средней Волге в первой половине IX в. сложилось первое государство, созданное русью — «русский каганат» (причем русь идентифицировалась с норманнами). На Средней Волге П. П. Смирнов искал и «три центра руси», упоминаемые в арабских источниках IX—X вв. В середине IX в., не выдержав написка угров, норманны-русы из Поволжья, согласно мнению Смирнова, ушли в Швецию и оттуда после «призываивания варягов» вновь переселились в Восточную Европу, на этот раз в Новгородскую землю. Новое построение получилось оригинальным, но неубедительным и не было поддержано даже сторонниками норманской школы.⁹ Должны быть названы также работы молодого скандинависта В. А. Бrima, пришедшего в науку в первые послереволюционные годы. Наибольшую известность приобрела статья этого автора, содержавшая новую трактовку вопроса о происхождении слова «Русь».¹⁰ Построение В. А. Brima носило компромиссный характер, являлось попыткой примирить две давно сложившиеся в науке точки зрения на этот вопрос. Он признавал традиционную норманистскую концепцию, согласно которой термин «Русь» произошел из финского слова «Ruotsi» и первоначально был обозначением норманнов-шведов, приходивших из-за моря в северные восточнославянские земли; но в то же время В. А. Brim первым из норманистов признал установленный многими антинорманистами факт существования на юге и западе России в I тыс. н. э. термина «Рос», прослеживаемого по материалам топонимики и этнографии. Поэтому он предположил, что при появлении в Поднепровье норманнов-варягов произошло слияние принесенного ими с севера имени «Русь» с ранее известным на юге этническим термином «Рось» в одно общее название, закрепившееся «за племенем, властвовавшим в Киевском государстве»,¹¹ т. е. за норманнами.

В. А. Brim сделал попытку найти новое объяснение происхождения и первоначального значения финского слова «Ruotsi». Он предположил, что финское «Ruotsi» произошло от древнескандинавского слова «drōt» — толпа, дружина и первоначально было обозначением шведских дружиинников, приходивших в финские и русские земли; следовательно, слово «Русь» было наименова-

⁹ Ю. В. Готье в рецензии на книгу П. П. Смирнова (Новый Восток, 1929, кн. 25) подверг основательной критике малоубедительные построения этого автора.

¹⁰ Brim V. A. Происхождение термина «Русь». — В кн.: Россия и Запад. I. Пб., 1923.

¹¹ Там же, с. 10.

нием варяжской дружины и в то же время стало этническим термином, обозначавшим варягов.

Построение В. А. Бrima в 30-х и 40-х годах представлялось шагом вперед в богатой историографии по этой теме, поэтому оно было сочувственно воспринято А. Е. Пресняковым¹² и Б. Д. Грековым. Б. Д. Греков включил изложение концепции В. А. Brima в качестве последнего и наиболее вероятного мнения о происхождении слова «Русь» в первые издания своей книги о Киевской Руси.¹³ Однако при ближайшем рассмотрении эта концепция оказалась весьма уязвимой для критики, она не дала убедительного решения изучаемой проблемы.¹⁴

В другой работе В. А. Brim дал обстоятельное исследование имеющего важное значение для норманистской школы пути «из варяг в греки».¹⁵

На рубеже 1930-х годов в академических учреждениях Ленинграда и Москвы произошли значительные перемены. На смену ученым старой школы приходили ученые молодого поколения, выросшие в советское время. Но вплоть до середины 30-х годов у основной массы историков сохранилось представление о том, что «норманский вопрос» уже давно решен наукой в норманистском духе.

В то же время с начала 1930-х годов в работах советских ученых критика отдельных положений норманизма, звучавшая в предшествующее десятилетие совсем слабо, стала постепенно расти.

Первыми выступили археологи, направившие свою критику против основных положений концепции шведского археолога Т. Арне, незадолго до революции опубликовавшего свою капитальную работу «Швеция и Восток».¹⁶ В первые послереволюционные годы эта работа пользовалась признанием в среде исследователей Древней Руси, представлялось доказанным построение Арне о существовании норманской колонизации восточнославянских земель, о наличии в основных пунктах Руси IX—XI вв. норманских колоний.

Однако развернувшиеся в конце 20-х и начале 30-х годов археологические исследования дали материалы, противоречащие концепции Арне. Важную роль при этом сыграл выработанный советскими археологами новый критерий решения вопроса об эти-

¹² Пресняков А. Е. Вильгельм Томсен..., с. 49—50.

¹³ Греков Б. Д. 1) Feodalnye otnosheniya v Kievskeom gosudarstve. M.—L., 1935; 1936; 1937; 2) Kievskaia Rus. M.—L., 1939; 1944. — В последних изданиях «Киевской Руси» (1949 и 1953 гг.) Б. Д. Греков отказался от признания гипотезы В. А. Brima и дал ей отрицательную оценку.

¹⁴ Пархоменко В. А. Норманизм и антинорманизм (к вопросу о происхождении имени «Русь»). — ИОРЯС, 1924, т. 28.

¹⁵ Brim V. A. Put' iz varjag v greki. — IAH CCCP, VII seriya, отделение общ. наук, 1931, № 2.

¹⁶ Agne T. J. La Suède et l'Orient. Upsal, 1914.

нической принадлежности погребальных памятников. Советские ученые установили, что решающим моментом является не наличие в погребении тех или иных вещей, а весь погребальный комплекс в целом. Такой подход позволил В. И. Равдоникасу на основании произведенных в конце 20-х годов раскопок курганных могильников Юго-Восточного Приладожья подвергнуть критике утверждение Арне о существовании в этой местности норманских колоний и установить, что могильники принадлежали не норманнам, а одному из местных прибалтийско-финских племен.¹⁷ А. В. Арциховский подверг критике утверждение норманистов о существовании норманских колоний в Сузdalской и Смоленской землях, показав, что и здесь большинство скандинавских вещей найдено в погребальных памятниках, в которых захоронение произведено не по скандинавскому, а по местному обряду.¹⁸ В 1933 г. в докладе на пленуме ГАИМК В. И. Равдоникас выступил впервые с позиций советской науки с общей критикой разработанной Арне теории норманской колонизации России.¹⁹

Обосновывавшаяся Арне на археологическом материале теория норманской колонизации русских земель получила в последующие десятилетия поддержку со стороны языковедов. Филологи-норманисты Р. Экблом и М. Фасмер сделали попытку при помощи анализа топонимики Новгородской земли и других русских областей подтвердить существование в этих местах значительного числа норманских колоний. Это новейшее норманистское построение было подвергнуто критическому разбору Е. А. Рыдзевской, которая обстоятельно проанализировала те же топонимические материалы и показала, что они в действительности не дают свидетельств в пользу теории «норманской колонизации» Древней Руси. Е. А. Рыдзевской был высказан и ряд общих соображений о необходимости для советских ученых выработать принципиально нового подхода к норманской проблеме, о важности при изучении этой проблемы учитывать не только межнациональные, но и социальные отношения Руси и т. д.²⁰ Однако эти критические выступления еще не меняли общей картины; к тому же

¹⁷ Raudonikas W. 1) Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930; 2) Die Grabriten in den «finnischen» Kurganen im südöstlichen Ladogagebiet. — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki, 1929, IV; 3) Svenskt och finskt i Gardarike. — Fornvänner, Stockholm, 1931; Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. М.—Л., 1934.

¹⁸ Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Сузdalской и Смоленской земле. — ПИДО, 1934, № 11—12.

¹⁹ Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы по археологическим данным. — ИГАИМК, 1934, вып. 103, с. 125—129.

²⁰ Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу. Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси. — ИАН СССР, VII серия, отделение общ. наук, 1934, № 7, 8.

названные ученые выступали против отдельных норманистских построений, а не против норманской теории в целом.

Коренные сдвиги в советской науке в области изучения норманской проблемы произошли в середине 1930-х годов и явились результатом не конкретного изучения самой проблемы, а коренных перемен в общем ходе развития советской науки о русском феодализме, фактически только в это время перешедшей на рельсы марксизма. В середине 1930-х годов советскими учеными была впервые разработана марксистская концепция возникновения классового общества и государства в восточнославянских землях. Было установлено, что возникновение Древнерусского государства явилось результатом многовекового процесса социально-экономического развития восточного славянства и закономерным следствием глубоких социально-экономических изменений, произошедших в IX—X вв., внутри восточнославянского общества. В рамках этой концепции не находилось места для варягов — создателей русской государственности; речь могла идти лишь о какой-то степени участия норманнов в грандиозных сдвигах, происходивших на Руси в IX—X вв.

Разработка марксистской концепции происхождения Древнерусского государства нанесла решающий удар по норманской теории. С этого времени норманизм полностью переместился из нашей страны на Запад и стал течением буржуазной науки Западной Европы и Америки.²¹

После завершения коренных сдвигов в нашей историографии первым с прямой критикой основных положений норманской теории выступил В. А. Пархоменко. Он разобрал основные доводы норманистской школы и показал, что эти доводы тенденциозны, не основываются на серьезном анализе всей совокупности источников и потому неубедительны; при этом В. А. Пархоменко указал, что норманская теория противоречит коренному выводу марксизма о том, что государство не павязывается извне, а является результатом внутреннего развития общества.²²

В последние предвоенные годы в подготовленных тогда первых марксистских сводных обобщающих трудах по истории на-

²¹ Примечательно, что даже сами ученые, разрабатывавшие марксистскую концепцию происхождения Древнерусского государства, не сразу осознали, что их концепция подрывает основы норманской теории. В первых изданиях книги Грекова, сыгравшей ведущую роль в создании новой концепции, сохранялось еще признание норманнского завоевания (Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве, 1935, с. 13—19; 1936, с. 12—19; 1937, с. 12—19). В 1930-е годы норманское завоевание признавал также С. В. Бахрушин: 1) К вопросу о русском феодализме. — Книга и пролетарская революция, 1936, № 4, с. 36, 48; 2) «Держава Рюриковичей». — ВДИ, 1938, № 2.

²² Пархоменко В. А. 1) К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси. — ИМ, 1938, № 4; 2) К истории «державы Рюриковичей». — ВДИ, 1939, № 3.

шей страны²³ и в работах, посвященных отдельным историческим проблемам,²⁴ все сильнее звучит критика норманской теории.

Уже в предвоенные годы, когда была разработана марксистская концепция происхождения Русского государства, были выработаны и основы позиции советской науки по норманскому вопросу. Эта позиция сформулирована М. И. Артамоновым в статье, подводящей итоги работы по подготовке I тома первого марксистского академического издания по истории нашей страны: варяги рано проникли на Русь, но они стояли на той же стадии общественного и культурного развития, что и восточные славяне, и поэтому не могли принести на Русь ни более высокой культуры, ни государственности; они лишь влились в местный процесс образования государства.²⁵

Процесс возникновения Древнерусского государства был исследован в написанной в годы войны монографии В. В. Мавродина; в частности, там был рассмотрен и вопрос об участии норманнов во всех событиях IX—X вв., приведших к созданию Древнерусского государства.²⁶ Автор признавал зафиксированное многими источниками участие норманнов в процессе формирования государства на Руси, но в то же время показал и достаточно ограниченный характер этого участия в грандиозном внутреннем процессе, определявшемся действием местных социальных сил. В книге признавалось норманская происхождение княжеской династии, но вместе с тем указывалось, что династия «потому удержалась на Руси.., что быстро слилась с русской, славянской правящей верхушкой» и стала бороться за ее интересы и нужды.²⁷

Полемика с норманистской историографией, начавшаяся в предвоенные годы и продолжавшаяся и в годы войны, носила в общем еще довольно академический характер. Исследование норманской проблемы велось в сугубо научном плане, как изуче-

²³ См. первый советский учебник для ВУЗов по отечественной истории: История СССР. Под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Т. I. М., 1939; см. также: История СССР. Под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова, А. В. Шестакова. Т. I. М., 1941.

²⁴ Арциховский А. В. Русская дружина по археологическим данным. — ИМ, 1939, № 4; Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. — КСИИМК, 1940, № 6; Юшков С. В. К вопросу о происхождении русского государства. — Учен. зап. Моск. юрид. ин-та, 1940, № 2; Твериадский Л. С. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян. — ИЗ, 1942, т. 13.

²⁵ Артамонов М. И. Спорные вопросы..., с. 12.

²⁶ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 201—229, 242—245, 381—392.

²⁷ Там же, с. 245. — В то же время следует отметить, что в обширном тексте монографии, посвященном норманской проблеме, имелось несколько отдельных формулировок (с. 245, 386, 388), дававших некоторое преувеличение роли норманнов в процессе возникновения Киевского государства. Эти несколько формулировок, взятые вне контекста, дали возможность рецензентам обвинить автора в норманизме или в уступках норманизму. См. рецензии на книгу В. В. Мавродина (ВДИ, 1946, № 4; Большевик, 1947, № 5).

ние составной части процесса возникновения Древнерусского государства. Критике подвергались лишь дореволюционные норманистские концепции; новая зарубежная норманистская историография 1920—1930-х годов оставалась вне поля зрения наших ученых.

Происшедшее в послевоенные годы обострение борьбы на идеологическом фронте, связанное с началом «холодной войны», отразилось и на состоянии буржуазной исторической науки, вызвало рост интереса к тематике, которая могла быть использована в антисоветских целях. В рамках истории России феодальной эпохи наибольшее внимание привлекла норманская проблема, поскольку норманская теория издавна содержала антирусскую политическую тенденцию — представление о неспособности русского народа самостоятельно создать свою государственность и свою культуру. Поэтому норманская теория в послевоенные годы стала широко использоваться реакционной буржуазной наукой в идеологической борьбе против нашей страны.

Обострение внимания буржуазных ученых к норманской проблеме вызвало ответную реакцию в нашей исторической науке. Видные советские исследователи подвергли критике новые норманистские сочинения, изданные в странах Западной Европы и Америки. Здесь прежде всего должны быть названы две статьи Б. Д. Грекова с критикой новых норманистских работ шведского археолога Т. Арне и финского филолога В. Кипарского.²⁸ В этих статьях была сформулирована позиция советских ученых по норманскому вопросу, был показан идеалистический характер норманистских построений, не соответствующих уровню современной науки.

Еще более детальная и обстоятельная критика основных положений норманской теории содержалась в одной из глав книги С. В. Юшкова об общественно-политических отношениях Киевского государства.²⁹ В более краткой форме критика основных установок норманистов была дана в вышедших в первые послевоенные годы работах В. В. Мавродина, М. Н. Тихомирова и др.³⁰

В то же время в нашей историографии по норманской проблеме в первое послевоенное десятилетие имелись и серьезные недостатки. Некоторые наши ученые, полемизируя с норманистами,

²⁸ Греков Б. Д. 1) О роли варягов в истории Руси. — Новое время, 1947, № 30; 2) Антинаучные измышления финского «профессора». — Литературная газета, 7 июня 1950 г.

²⁹ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 29—35, 44—68.

³⁰ Мавродин В. В. 1) Древняя Русь. Л., 1946, с. 162—168; 2) Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949; Тихомиров в М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — СЭ, 1947, вып. VI—VII; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 69—79; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений IX—XIV вв. М.—Л., 1956, с. 39—64, 107—109, и др.

вообще отрицали все, что связано с пребыванием и деятельностью норманнов на русской территории в IX—XII вв.³¹

В большинстве работ советских ученых 1940—1950-х годов не велась полемика с современной норманистской историографией, действительно имевшей враждебную нашей стране политическую направленность, она подменялась полемикой с абстрактно представляемым норманизмом вообще, по существу с норманизмом прошлого и начала нынешнего века. Лишь в первые послевоенные годы вышло несколько критических статей и рецензий по поводу недавно изданных за рубежом норманистских сочинений,³² а с начала 1950-х годов прямая полемика с норманизмом на длительное время практически прекратилась.

Особенностью послевоенного этапа в истории норманской теории явилось то обстоятельство, что борьбу против норманизма с середины 1950-х годов стали вести с марксистских позиций ученые образовавшихся после второй мировой войны социалистических стран — Польши, ГДР, Чехословакии.

С начала 1960-х годов в советской науке возобновилась прямая полемика с современным норманизмом; были изданы ряд статей с критикой последних норманистских сочинений³³ и книга, специально посвященная критическому анализу современной (вышедшей в послевоенные годы) буржуазной историографии по норманской проблеме.³⁴ В этой книге дается общий обзор основных направлений современной норманистской литературы и затем более углубленно рассматриваются главные норманистские концепции — теории норманского завоевания и норманской колонизации в трактовке норманистов-археологов и норманистов-историков. Книга охватывает норманистскую литературу, вышедшую в США, Англии, ФРГ, Франции, скандинавских странах и др. Основное внимание уделено критическому анализу построений ведущих представителей современного норманизма —

³¹ Бернштейн-Коган С. Путь из варяг в греки. — Вопросы географии, 1950, № 20.

³² Тихомиров М. Н. Славяне в «Истории России» Г. Вернадского. — ВИ, 1946, № 4; Толстов С. П. Древнейшая история России в освещении Г. Вернадского. — Там же; Покровский С. А. Неонорманистская концепция образования Русского государства. — Советское государство и право, 1946, № 1; Тихомиров М. Н. Откровения Чедвик о начале русской истории. — ВИ, 1948, № 4; Левченко М. В. Фальсификация истории византийско-русских отношений в трудах А. А. Васильева. — ВВ, 1951, т. IV.

³³ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной историографии. — ИСССР, 1960, № 1; Шушарин В. П. 1) О сущности и формах современного норманизма. — ВИ, 1960, № 8; 2) Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964; Рознер И. Г. Против концепции современного норманизма. — ВИ, 1962, № 5; Ковалевский С. Д. Еще один удар по сторонникам норманской теории. — Там же, 1964, № 1.

³⁴ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965.

Г. Пашкевича, Г. Вернадского, А. Стендер-Петерсена, Х. Арбмана.³⁵

В общих работах, посвященных критике современного норманизма, наметились два различных подхода к оценке этого направления в зарубежной буржуазной историографии. По мнению В. П. Шушарина (отражающего точку зрения, господствовавшую в нашей науке в 1940-е и 1950-е годы), в настоящее время норманская теория «превратилась в средство фальсификации истории», т. е. стала концепцией, лежащей вне науки.³⁶ Напротив, И. П. Шаскольский считает, что современный норманизм — определенное течение в буржуазной исторической науке; хотя с марксистской точки зрения норманская теория дает неверное, ошибочное освещение рассматриваемых проблем, в рамках буржуазной науки «это научная теория, опирающаяся на длительную, более чем двухвековую, научную традицию», и, следовательно, критика этой теории должна носить характер серьезной, глубоко обоснованной научной полемики.³⁷ Такой характер, например, носил выполненный А. И. Толкачевым критический разбор одного из наиболее крупных норманистских трудов послевоенных лет — книги датского ученого К. О. Фалька о названиях днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного.³⁸

Большинство советских исследователей стали противопоставлять норманистским построениям все более углубленное исследование конкретного фактического материала, с полным основанием считая, что только таким образом можно будет установить действительную роль норманнов в жизни восточнославянских земель IX—XI вв. и в процессе формирования Древнерусского государства.

Особенно много на этом пути в последние годы сделано археологами. А. В. Арциховский дал общий обзор известных в настоящее время ученым археологических сведений по норманской проблеме.³⁹ Такую же задачу поставили перед собой Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев и В. А. Назаренко, стремившиеся определить современную степень изученности скандинавских археологических памятников на Руси и наметить пути их дальнейшего исследования.⁴⁰ При этом выяснилось, что сторонники и противники норман-

³⁵ См. также: Шаскольский И. П. Вопрос о происхождении слова «Русь» в современной буржуазной науке. — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. М.—Л., 1967.

³⁶ Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси, с. 236—237.

³⁷ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке, с. 6—7.

³⁸ Толкачев А. И. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio». — В кн.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962.

³⁹ Арциховский А. В. Археологические данные по норманскому вопросу. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966.

⁴⁰ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.

манской теории, на протяжении многих десятилетий утверждавшие или отрицавшие существование большого числа норманских археологических памятников на древнерусской территории, опирались лишь на весьма поверхностное знакомство с конкретным материалом. Стала очевидной необходимость более глубоко изучить погребальные обряды, существовавшие в IX—XI вв. в Швеции, у восточных славян и их балтийских и финно-угорских соседей, характерные для норманнов, славян и их соседей типы вещей и археологические памятники Восточной Европы, связываемые обычно в литературе со скандинавами.

Наибольшее внимание при этом уделялось Ладоге. Здесь было почти завершено исследование первого найденного на территории нашей страны (В. И. Равдоникасом в 1940 г.) бесспорно норманского курганныго могильника в урочище Плакун.⁴¹ Были основательно изучены скандинавские вещи, найденные в ходе послевоенных раскопок на Староладожском городище,⁴² и это дало возможность вынести достаточно обоснованное суждение о времени появления норманнов в Ладоге.

Более углубленному изучению подверглись материалы курганных могильников Юго-Восточного Приладожья. С большей точностью удалось выделить из общего количества погребальных памятников ограниченное число курганов, которое можно считать скандинавскими; в то же время обстоятельное исследование всей основной массы археологических материалов приладожских могильников подтвердило ранее высказанное предположение, что подавляющее большинство могильных памятников здесь принадлежит не норманнам, а местному прибалтийско-финскому населению.⁴³

Группа сотрудников Государственного Исторического музея (Москва) провела фундаментальную работу по выявлению всех основных типов металлических украшений, найденных в погребальных памятниках (и частично на поселениях) на территории Древней Руси и являвшихся отличительной принадлежностью костюма для отдельных племен и этнических групп IX—XII вв., для этого были обследованы все советские музейные собрания и археологические публикации.⁴⁴ В результате появилась возмож-

⁴¹ Давидан О. И. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладоги.— В кн.: Археологические открытия 1968 г. М., 1969; Корзухина Г. Ф. 1) О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги.— Ск. сб., 1971, т. XVI; 2) Курган в урочище Плакун близ Ладоги.— КСИА, 1971, № 125.

⁴² Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией.— Ск. сб., 1971, т. XVI.

⁴³ Кошкурина С. И. 1) Курганные группы Юго-Восточного Приладожья.— КСИА, 1968, № 120; 2) Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 53—80. Назаренко В. А. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья.— В кн.: Статистико-компьютерные методы в археологии. М., 1970.

⁴⁴ Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Под ред. Б. А. Рыбакова.— Труды ГИМ, 1967, вып. 43.

ность выявить все типы украшений, которые могли иметь скандинавское происхождение, и дать полные сводки находок этих типов вещей на древнерусской территории.⁴⁵ Была сделана также попытка составить общую (весьма суммарную, без перечня отдельных находок) сводку скандинавских вещей, обнаруженных на древнерусской земле.⁴⁶ Эти сводки значительно полнее, чем устаревшие сводные данные Т. Арне. Стала очевидной весьма скромная роль скандинавских вещей в общей массе металлических украшений, найденных в восточнославянских землях и имеющих в основном местное происхождение. Причем оказалось, что и в общем числе неславянских вещей скандинавские изделия не доминируют, а занимают достаточно скромное место рядом с изделиями, привозившимися из Финляндии, Прибалтики, земель волжско-финских племен и т. д. Выяснилось также, что подавляющее большинство находок скандинавских вещей в восточнославянских землях датируется X—XI вв. и что находки вещей IX в. крайне редки и датируются концом этого столетия; большинство скандинавских изделий найдено вдоль Волжского и Днепровского водных путей (Приладожье, Гнездово, район Ярославля).

Специальному изучению подверглось древнерусское оружие, считавшееся в норманистской историографии в большей своей части норманским, и было окончательно утверждено высказывавшееся ранее мнение, что почти все оружие, которое использовалось в Древней Руси, изготавливались местными или германскими (мечи, некоторые типы копий) мастерами⁴⁷ и только некоторые виды боевых топоров и щитов были сделаны в Скандинавии.⁴⁸

Продвинулось за последние годы и изучение собственно исторических вопросов. В книге о внешней политике Древней Руси В. Т. Пашуто на основании всех сохранившихся источников и с учетом последних советских исследований о процессе формирования Древнерусского государства дал обобщающее освещение норманской проблемы. Автор рассматривает отношения со Скандинавией.

⁴⁵ Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа. — Труды ГИМ, 1967, вып. 32, с. 191—206; Фехнер М. В. Шейные гривны. — Там же, с. 62—63; Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — Там же, с. 156, 173; Левашева В. П. Браслеты. — Там же, с. 243—245. — См. также: Пушкина Т. А. О проникновении некоторых украшений скандинавского типа на территории Древней Руси. — Вестник МГУ, серия ист., 1972, № 1.

⁴⁶ Фехнер М. В. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X—XI вв. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

⁴⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1, 2. М.—Л., 1966; вып. 3. Л., 1971.

⁴⁸ Там же, вып. 2, с. 38; вып. 3, с. 35. — Основные выводы автора о роли и месте скандинавских изделий в русском оружии IX—XI вв. изложены также в статье: K i r p i c h n o v A. Russisk-skandinaviske forbindelser i IX—XI århundrede illustreret med vabenfund. — Kuml, Aarhus, 1969.

динавией на общем фоне сложной и многообразной системы связей и отношений Руси со странами Западной, Южной и Восточной Европы и Ближнего Востока и приходит к выводу, что в ходе широкой и многоплановой внешней политики древнерусской государственности русско-скандинавские отношения занимали отнюдь не главное и решающее, а достаточно ограниченное место.⁴⁹

Проблема скандинавского влияния на развитие древнерусской культуры была заново критически рассмотрена Д. С. Лихачевым в его докладе на научном коллоквиуме в Копенгагене (1967 г.).⁵⁰

Некоторые итоги изучения норманской проблемы в советской науке 1960-х годов изложены в докладах советских ученых И. П. Шаскольского, Д. С. Лихачева, А. Н. Кирпичникова, О. И. Давидан, представленных на состоявшийся в 1968 г. в Орхусе (Дания) первый международный симпозиум по норманской проблеме.⁵¹

Общее изложение норманской проблемы с позиций советской науки и с учетом конкретных достижений предшествующих лет дано в главах об образовании Древнерусского государства в новой книге В. В. Мавродина.⁵² Автор заново подверг критическому анализу норманистскую аргументацию, отметил все основные сведения источников, свидетельствующие о различных формах участия норманнов в формировании государства в восточнославянских землях, но в то же время показал ограниченный характер этого участия в грандиозном процессе возникновения государственности на просторах Восточной Европы, явившемся результатом многовекового общественного развития восточного славянства.

⁴⁹ Пашута В. Т. 1) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 21—30; 2) Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. — Ск. сб., 1970, т. XV.

⁵⁰ Likhachev D. S. The Origination of independent Russian Kulture amid Byzantium and Scandinavia. — In: Nord-Sud. Colloque... a Copenhagen... du C. J. S. H. Copenhague, 1967.

⁵¹ Доклады опубликованы в кн.: Varangian Problems. Copenhagen, 1970.

⁵² Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 110—134.

ЯЗЫЧЕСТВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Марксистский взгляд на древнерусское язычество сформулирован уже в дореволюционных работах М. Н. Покровского.¹ По его мнению, все развитие религии основывалось на культе предков.² Анимизм в верованиях восточных славян был необычайно устойчивым, и с распространением христианства к прежним духам прибавились христианские ангелы и святые, но в основном древнерусский анимизм сохранился вплоть до XX в.³ К выводам М. Н. Покровского были близки наблюдения Н. М. Никольского. Он различал несколько этапов в формировании языческой религии восточных славян: аниматизм — фетишизм — тотемизм — анимизм; земледельческая религия, культы, связанные с земледелием; городская религия — культы класса военно-купеческой аристократии, стоявшей над народной массой.⁴ Н. М. Никольский связывал развитие религии, с одной стороны, с природой, с другой — с развитием общества. По его мнению, особенностью верований восточных славян было преобладание магии и культа над мифологией, отсутствие профессионального жречества. Культы земледельческих богов (Купало, Ярило) еще не вышли из стадии магии, но городская религия имела богов с собственными именами, идолов, начатки богословия.⁵ К истории языческих верований обратился также Н. А. Рожков. Он полагал, что перед религией стояли прежде всего организационные задачи. Сущность языческой реформы Владимира (создание языческого пантеона) заключалась в объединении всех племенных, групповых, классовых богов. Причиной неудачи такой попытки была бедность языческой религии, как писал автор, организационными, нравственными и обществен-

¹ В «Русской истории с древнейших времен» главы о религии были написаны Н. М. Никольским; с четвертого издания (1922 г.) они опущены, поэтому мы рассматриваем «Русскую историю в самом сжатом очерке» и «Очерк истории русской культуры».

² Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Изд. 6-е. Курск, 1924, с. 194—206.

³ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. — Избранные произведения, кн. 3. М., 1967, с. 37.

⁴ Никольский Н. М. История русской церкви. Изд. 1-е. М.—Л., 1931, с. 22—30.

⁵ Там же, с. 42—43.

ными идеалами.⁶ В этом отношении Н. А. Рожков перекликался с Е. А. Аничковым, который пришел к выводу о бедности древнерусского язычества, об отсутствии у него мифологии. Против этого мнения возражал Е. Г. Кагаров,⁷ который считал, что славянскую мифологию следует искать прежде всего в народных обрядах. Е. Г. Кагаров подчеркивал аграрный характер древнерусских обрядов и народных праздников. На почве земледельческой магии духи земледелия постепенно превращались в божества земледелия, а родовые духи стали основой культа предков.

На этнографическом материале был написан ряд работ, посвященных изучению реликтов языческих обрядов (Д. К. Зеленин, Н. А. Никитина, Б. А. Шойкевич, В. Каминский, А. Ковалевский), а также влиянию финской, литовской мифологии и Византии на древнерусское язычество (В. Гиппиус, Г. А. Ильинский, В. Петров).⁸

Другим направлением в изучении язычества в 20-е годы были работы лингвистов, прежде всего Н. Я. Марра. Для Н. Я. Марра характерны комплексная постановка важнейших проблем языкоznания, этнографии, археологии, рассмотрение истории языка в тесной связи с историей мышления, духовной и материальной культуры.

Н. Я. Марр и его последователи пытались проследить возникновение названий славянских богов с глубокой древности и трансформацию этих понятий при стадиальном развитии. По мнению Н. Я. Марра, из древнерусской культуры и русского эпоса необходимо выделить то, что принадлежало неславянским племенам, населявшим Восточную Европу до появления славян.⁹

В предвоенные и послевоенные годы исследователи, изучая памятники народного искусства, пришли к выводу о существовании в древности восточнославянских культовых сооружений,¹⁰ а открытия археологов в 50-е годы полностью подтвердили эти

⁶ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. М.—Пг., 1919, с. 231.

⁷ Кагаров Е. Г. 1) Религия древних славян. М., 1918; 2) К вопросу о классификации народных обрядов. — ДАН, серия В, 1928, № 10—11, и др.

⁸ Библиографию работ см.: Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962. Сост. О. В. Бунакова, Р. В. Каменецкая. Л., 1947; Титова З. Д. Этнография. Библиография русских библиографий по этнографии народов СССР (1851—1969). М., 1970.

⁹ Марр Н. Я. Яфетические зори на украинском хуторе. — Избранные работы, т. 5. Л., 1937, с. 224—271, и др. — В. А. Городцов также выделял из русской культуры неславянские элементы (Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. — Труды ГИМ, 1926, вып. I).

¹⁰ Фрейман Н. Придорожная часовня — пережиток погребения на столбах на путях. — СЭ, 1936, № 3; Брунов Н. И. К вопросу об истоках русского зодчества. — ВАН СССР, 1944, № 6; Динцес Л. А. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства. — СЭ, 1947, № 2.

выводы.¹¹ Археологами изучен заново ряд уже давно известных памятников.¹²

Б. Д. Греков видел в язычестве развитую религию, прошедшую путь от тотемистического почитания упырей и берегинь до поклонения Перуну. Он вслед за Е. А. Аничковым признал за служивавшей доверия периодизацию развития язычества, данную древним автором в «Слове о том, како первое погане суще языци кланялись идолам».¹³ Этую периодизацию приняли также В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков и другие историки.

В. В. Мавродин полагает, что в язычестве прослеживаются и более древние следы матриархата (упыри и берегини) и патриархата (род и рожаницы). Боги языческого пантеона свидетельствуют о племенной пестроте населения Древней Руси: Хорс указывает на связь с востоком, Мокошь — богиня приволжских финно-угров. По мнению В. В. Мавродина, жречества как касты не существовало. Волхвы делились на младших (кудесники) и старших (волхвы) и пользовались большим влиянием на севере, северо-востоке и северо-западе, среди финских племен, окружавших славян.¹⁴

В «Истории культуры Древней Руси» в сущности дана компиляция выводов исследователей дохристианской религии Киевской Руси.¹⁵ Достоинством этого было комплексное освещение элементов дохристианского восприятия мира в культуре Киевской Руси. В «Очерках истории СССР» акцентировалось внимание на том, что дохристианские культуры отражали разные уровни общественного развития народов, вошедших в состав Древнерусского государства. Свидетельством этого был пантеон Владимира, в котором Перун выступал как бог княжеский и боярский, Хорс и Симаргл — как боги тюркских народов, Мокошь — финских.¹⁶

Большое внимание советских историков привлекало восстание 1071 г. в Ростовской земле, возглавляемое волхвами, в идеологии которых прослеживалась связь с богомирством (труды Д. С. Лихачева, Д. А. Казачковой, О. Г. Жужунадзе) (см. с. 119, 121, 124 настоящего издания). Впрочем, в ряде работ на основе

¹¹ Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыне. — КСИИМК, 1953, № 50; Рыбаков Б. А. Столпный город Чернигов и удельный город Вещиж. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 110, и др.

¹² Гуревич Ф. Д. Збручский идол. — МИА, 1941, № 6, с. 284—286. — По мнению Б. А. Рыбакова, збручский идол дает представление о космогонии древних славян: в нижнем ярусе — бог подземного царства, в среднем — люди, в верхнем — боги. Здесь изображены также бог Род и Великая Богиня (Рожаница). — ВДИ, 1946, № 1, с. 30.

¹³ Греков Б. Д. Киевская Русь. — Избранные труды, т. 2. М., 1959, с. 308.

¹⁴ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 311—315.

¹⁵ Лавров Н. Ф. Религия и церковь. — В кн.: История культуры Древней Руси, т. 2. М.—Л., 1951, с. 63—94.

¹⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. I. М., 1953, с. 102—105.

анализа обрядов волхвов был сделан вывод, что религиозные представления волхвов не были богомильством, а принадлежали местному угро-финскому населению (В. В. Мавродин, Н. Н. Воронин, М. Н. Тихомиров, П. Н. Третьяков и др.).

Много внимания изучению язычества уделил Б. А. Рыбаков, который широко привлек для этого археологический материал. Ключ к пониманию древнерусского язычества он видит в изучении календаря аграрных праздников русского народа, фольклора, в расшифровке символики древних украшений, носивших ритуальный характер, а также в изучении письменных источников.¹⁷ Как полагает Б. А. Рыбаков, христианство нельзя противопоставлять язычеству, так как это два различных по внешности проявления одной и той же первобытной идеологии. Христианство являлось эклектичным и стихийным объединением ряда древних земледельческих и скотоводческих культов, «по своей сущности очень близко подходило к языческим верованиям славян».¹⁸ Новая религия отличалась от восточнославянского язычества не своей религиозной сущностью, а классовой идеологией. По мнению Б. А. Рыбакова, у восточных славян уже ко времени принятия христианства была вера в единого верховного бога, ставшая основой христианского монотеизма. Изучая изображения на колтах и широких браслетах, «берестяном фольклоре» времен Киевской Руси,¹⁹ Б. А. Рыбаков отметил на них ритуальные сцены праздника русалий и бога Симаргла-Переплута,²⁰ в честь которого устраивались «бесовские игрища», вакхические аграрные празднества с плясками и ритуальными возлияниями хмельных напитков.²¹ Б. А. Рыбаков считает, что «в восточнославянском языческом богословии» прослеживается связь с Востоком, а также с культурами, существовавшими на территории Древнерусского государства задолго до прихода славян, — с трипольцами, скіфами, сарматами.²²

Изучением древнерусской символики занимались также В. П. Даркевич и А. К. Амброз.²³ Прослеживая почитание то-

¹⁷ Рыбаков Б. А. 1) Основные проблемы изучения славянского язычества. VII Международный конгресс антропологии и этнографии. М., 1964, с. 2—3; 2) Календарь IV века из земли полян. — СА, 1962, № 4, и др.

¹⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 504—502.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут. — СА, 1967, № 2, с. 115. — О русалиях см. также статью Н. Н. Велецкой: О новогодних русалиях. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 395.

²⁰ Ср.: Тревер К. В. Собака-птица Сэнмурв и Паскудж. — В кн.: Из истории докапиталистических формаций. М.—Л., 1933.

²¹ Рыбаков Б. А. Языческая символика русских украшений. — Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии. М., 1965, с. 71.

²² Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества, с. 2.

²³ Даркевич В. П. 1) Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. — СА, 1960, № 4; 2) Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. — Там же, 1961, № 4; Амброз А. К. 1) Раннеземледельческий

пора в Европе, В. П. Даркевич пришел к выводу, что топор был символом главного киевского бога и поэтому Перун в этом отношении близок к скандинавскому Тору и финскому Уко.²⁴ А. К. Амбroz проследил зарождение земледельческих символов, их проникновение с востока через Византию в Восточную Европу. Он считает сюжет богини с прибогами на крестьянской вышивке не заимствованным, а общечеловеческим элементом аграрной магии.²⁵ В. И. Чичеров, анализируя пережитки аграрной магии, обрядовые действия, сохранившиеся в русском сельскохозяйственном календаре, пришел к выводу, что великорусский сельскохозяйственный календарь сохранил пережитки ежемесячных обрядовых действий в группировке обрядов, которые сложились еще в глубокой древности.²⁶ В. Я. Проpp также выводит многие обряды из трудового земледельческого цикла крестьянина.²⁷ В этом вопросе подобное мнение высказал ранее С. А. Токарев, который полагал, что по обрядам и земледельческим праздникам, бытовавшим в XIX—начале XX в., можно судить о следах высшей мифологии, а не только низшой, которая сохранилась полностью.²⁸ Древнеславянская религия в основном была обрядовой, поэтому, по мнению С. А. Токарева, сомнительно, чтобы Ярило, Купало, Лель, Кострома были уже богами в древности. Скорее всего они были простой персонификацией праздников, а божествами в сознании народа стали под влиянием христианства. Большинство восточнославянских богов, считает С. А. Токарев, связаны с земледелием; о племенных же богах сказать что-либо достоверное невозможно. Культовые обряды разделялись на родовые, выполнявшиеся скорее всего главами родов и семей, и общественные, находившиеся в руках особых профессионалов-волхвов.²⁹

Новую точку зрения на древнерусское жречество высказал в диссертации Л. Т. Мирончиков. Старцы, старосты трактуются им как жрецы. Волхвы выражали религиозную идеологию родового строя и были пережитком в классовом обществе Древней Руси.³⁰

культовый символ («ромб с крючками»). — Там же, 1965, № 3; 2) О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. — Там же, 1966, № 1.

²⁴ Даркевич В. П. Топор как символ Перуна..., с. 100.

²⁵ Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки..., с. 67—70.

²⁶ Чичеров В. И. Зимний период русского народного календаря XIV—XIX вв. — Труды Ин-та этнографии, 1957, т. 40, с. 15—24.

²⁷ Проpp В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963, с. 19—34.

²⁸ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в. М.—Л., 1957, с. 110—114.

²⁹ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. Изд. 2-е. М., 1965, с. 228—229, 236—237. — См. также: Церковь в истории России (IX в.—1917). Краткие очерки. М., 1967.

³⁰ Мирончиков Л. Т. Дохристианское жречество Древней Руси (старцы, старосты, волхвы). Автореф. канд. дис. Минск, 1969.

Лингвисты, изучая древнерусское язычество, пришли к выводу, что восточнославянский языческий пантеон и мифология обнаруживают связи с иранскими и древнеиндийскими верованиями.³¹ По мнению В. Н. Топорова, можно даже говорить об определенной религиозно-мифологической и культурной общности между иранцами и славянами, при этом влияние шло от первых к последним. Древнерусское язычество рассматривалось вместе с религией балтийских славян и балтов.³²

Советские исследователи изучают восточнославянское язычество как цельное мировоззрение, отражавшее уровень социально-экономического развития древнерусского общества. Однако не все элементы этого мировоззрения достаточно выяснены, и историкам, археологам, этнографам и лингвистам остается еще большое поле деятельности для изучения древнерусской религии.

³¹ Топоров В. Н. 1) Фрагмент славянской мифологии. — КСИС, 1961, № 3; 2) Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. — В кн.: Этимология, 1967. М., 1969; Зализняк А. А. Проблемы славяноиранских языковых отношений древнего периода. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1962; Зарубин П. А. 1) Сходные черты зоолатрии и переход к антропоморфизму у индоевропейцев и славян. — СС, 1967, № 3; 2) Образ утренней зари в «Ригведе» и в восточнославянском фольклоре. — КСИНА, 1965, № 80.

³² Иванов В. В. и Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древнейший период). М., 1965, с. 186—191; Иванов В. В. К этимологии балтийского и славянского названия бога грома. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 3. М., 1958, и др.

ХРИСТИАНСТВО И ЦЕРКОВЬ

Дореволюционные историки, в основном историки церкви, уделяли большое внимание принятию христианства, рассматривая его как приобщение восточных славян к «спасению», к новой культуре, просвещению. Они не показывали место церкви в системе классовых отношений Древнерусского государства. Историки-марксисты выступили против такого иенаучного понимания русской церкви, хотя в первый период (продолжавшийся до середины 30-х годов) роль церкви в структуре государства и влияние христианства на культуру преуменьшались. В этих областях после принятия христианства, по мнению М. Н. Покровского, ничего не изменилось. Единственным новым явлением было монашество, заложившее фундамент церковной иерархии.¹ М. Н. Покровский указал на общность классовых интересов правящей верхушки и церкви, но не видел значения новой религии в истории Древнерусского государства в X—XI вв.² Перед глазами историка и революционера стояла современная ему церковь, реакционная роль которой была очевидной, однако представление о предреволюционной церкви М. Н. Покровский переносил на церковь и духовенство X—XII вв.

Взгляды Н. М. Никольского во многом совпадали со взглядами М. Н. Покровского. Новая религия представлялась ему враждебной силой, павязанной народной массе военно-купеческими верхами; «христианская мифология» и культ совершенно не подходили к условиям жизни Древней Руси. Вместе с тем Владимир, по мнению Н. М. Никольского, фактически только легализовал христианство, которое уже имело свою церковь на Руси.³ В отличие от М. Н. Покровского и Н. М. Никольского Н. А. Рожков оценивал христианство как социальный институт классового общества.⁴

¹ Покровский М. Н. Очерки истории русской культуры. Изд. 6-е. Курск, 1924, с. 218.

² Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. — Избранные произведения, кн. 3. М., 1967, с. 36.

³ Никольский Н. М. История русской церкви. Изд. 2-е. М.—Л., 1931, с. 46—48.

⁴ Рожков И. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. М.—Пгр., 1919, с. 233.

До середины 30-х годов христианство в Древней Руси рассматривалось изолированно от проблемы образования государства восточных славян. Одним из немногих, кто не разрывал принятие новой религии и образование Древнерусского государства, был В. А. Пархоменко.⁵ Крещение Руси и русскую церковь он рассматривал как результат закрепления торгово-экономических связей Киева с Византией и Дунайской Болгарией. Эти наблюдения В. А. Пархоменко сближались с выводами М. Д. Приселкова о сильном влиянии Болгарии на Киевскую Русь.⁶

Принятие христианства и начальная деятельность церкви в исторической и художественной литературе до середины 30-х годов часто изображались в искаженном виде. В постановлении Комитета по делам искусств при СНК СССР по поводу пьесы Демьяна Бедного «Богатыри», опубликованном 14 ноября 1936 г., указывалось, что принятие христианства «в действительности было положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры».⁷ В Постановлении Жюри Правительственной комиссии по подведению итогов конкурса на лучший учебник по истории СССР для 3—4 классов средней школы также указывалось на недостатки учебника при изложении истории христианства в Древней Руси.⁸ Эти постановления способствовали более правильному освещению раннего периода истории СССР, а также преодолению историками примитивного атеистического подхода, характерного для школы М. Н. Покровского. В эти же годы были впервые опубликованы произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых классики марксизма высказывали свое отношение к христианству на Руси.

Одним из первых исследователей, стремившихся объективно изучить христианство в Древней Руси, был С. В. Бахрушин.⁹ Он постарался выяснить факты, свидетельствующие о прогрессивности принятия христианства в период установления феодализма в Киевской Руси. Главной предпосылкой принятия новой религии С. В. Бахрушин считал складывание феодализирующегося слоя знати, которая «торопилась освятить свои притязания на господствующее положение».¹⁰ Новая религия способствовала развитию феодальных отношений, отмиранию пережитков родового строя,

⁵ Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство. — Учен. зап. ЛГУ, 1941, № 78, вып. 8.

⁶ Приселков М. Д. 1) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 36, 50; 2) Русско-византийские отношения IX—XII вв. — ВДИ, 1939, № 43. Аналогичные мнения ранее высказывали А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков.

⁷ Против фальсификации народного прошлого. М.—Л., 1937, с. 3—4.

⁸ Правда, № 231, 22 августа 1937 г.

⁹ Бахрушин С. В. 1) К вопросу о крещении Киевской Руси. — ИМ, 1937, кн. 2; 2) «Держава Рюриковичей». — ВДИ, 1938, № 2 (3), с. 88—98, и др.

¹⁰ Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси, с. 40—42.

ликвидации элементов рабского труда, разработке феодального законодательства. Исключительно важную роль христианство сыграло в идеологическом обосновании власти киевских князей. Существенно оно влияло на культуру.¹¹ М. Янковский разделял взгляд С. В. Бахрушина о прогрессивности принятия христианства, но полагал, что новая религия была принята обществом, в котором уже четко определились классы.¹² По мнению А. И. Козаченко, принятие христианства было обусловлено социально-экономическим развитием, хотя исследователь полагал, что в древнерусском язычестве уже существовали некоторые представления, которые помогли восприятию догматов христианства.¹³

Во второй половине 30-х—начале 50-х годов ряд исследователей приходит к выводу, что принятие христианства было вызвано не только идеологической потребностью правящего класса, но и политическим фактором, способствовавшим большому сдвигу в идеологии киевского общества, поднятию значения власти киевского князя, международного авторитета молодого государства и сближению Древней Руси с Европой.¹⁴

И. У. Будовниц полагал, что христианство оказalo огромное влияние на развитие социально-экономических отношений.¹⁵ С этих же позиций он полемизировал с В. В. Мавродиным по вопросу об изменении в середине XI в. характера древнерусского христианства, когда аскетизм сменил жизнеутверждающий оптимизм христианства эпохи Владимира. В. В. Мавродин, как и М. Д. Приселков, Н. К. Никольский, В. М. Истрин,¹⁶ видел причину духовного кризиса прежде всего в усилении контактов с Византией.¹⁷ По И. У. Будовнику, объяснение духовного перелома XI в. нужно искать в общественных отношениях и острых социальных столкновениях, потрясших Древнерусское государство во второй половине XI в. Однако вопрос о духовной сущности древнерусского христианства, его трансформации, конкретном воздействии на духовную жизнь общества не вызвал должного интереса и не получил полного освещения в исторической литературе.

¹¹ Там же, с. 72.

¹² Янковский М. Крещение Руси. — Учен. зап. ЛГУ, 1939, № 36, вып. 3.

¹³ Козаченко А. И. Крещение Руси. — ИЖ, 1937, № 11, с. 73; Белопольский Б. и Тайдышко А. Крещение Руси. Л., 1939.

¹⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. — Избранные труды, т. 2. М., 1959, с. 308; История культуры Древней Руси, т. 2. М.—Л., 1951, с. 94; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. I. М., 1953, с. 102.

¹⁵ Будовница И. У. 1) Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, с. 95—102; 2) К вопросу о крещении Руси. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма, т. 3. М., 1955.

¹⁶ Приселков М. Д. Борьба двух мировоззрений. — В кн.: Россия и Запад, вып. I. Пг., 1923; Никольский Н. К. О древнерусском христианстве. — Русская мысль, 1913, июнь; Истрий В. М. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, 1924, т. XXVII, с. 96.

¹⁷ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 367.

Пристальное внимание советских историков привлекли взаимоотношения древнерусской церкви с Византией и католическим Римом.¹⁸ Если дореволюционные историки рассматривали эти отношения в основном как чисто церковные, то советские исследователи вскрыли политическую подоплеку взаимоотношений церквей, острую борьбу между Константинополем и Римом за политическое влияние на молодое восточноевропейское государство.

М. В. Левченко рассматривал принятие христианства в связи с русско-византийскими отношениями, которые были выгодны не только Руси, но и Византии, так как империя избавлялась от изоляции, приобретала союзника, помогавшего военными отрядами.¹⁹

В результате изучения процесса проникновения христианства в Киевскую Русь, его внешнеполитических аспектов исследователи все чаще приходят к выводу, что крещение прежде всего было политическим шагом молодого государства, принявшего христианство в период своего могущества и наилучших внешнеполитических обстоятельств, способствовавших упрочению независимости древнерусской церкви.²⁰

В последнее время внимание историков привлекает социально-экономическое положение древнерусской церкви, ее место в системе государственной власти на Руси. Эта тема была обстоятельно изучена Я. Н. Щаповым.²¹ Он выделил три этапа в истории православной церкви IX—XIII вв. Первый этап — существование христианства наряду с другими религиями (мусульманство, иудаизм) до 988 г. В этот период уже были храмы, различные церковные организации. Второй этап — превращение христианства в государственную религию (конец X—вторая половина XI в.). Основной источник дохода церкви — десятина. К концу второго периода церковь выступает как полномочный член феодального общества. Третий период относится к рубежу XI—XII—XIII вв.

Особенностью христианства в Восточной Европе Я. Н. Щапов считает его классовую направленность, государственный характер религии, чего с самого начала не было в античности.²²

¹⁸ Сидельников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде. — ДАН СССР, 1929, вып. 4. — См. с. 183—184, 205—206 настоящего издания.

¹⁹ Левченко М. В. Очерки русско-византийских отношений. М., 1956, с. 381—382.

²⁰ Гантаев Н. М. Церковь и феодализм на Руси. М., 1960, с. 19; Щапов Я. Н. З історії древньоруської царкви Х—ХІІ ст. — УЛЖ, 1967, № 9.

²¹ Щапов Я. Н. 1) Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 279—252; 2) Церковь и становление древнерусской государственности. — ВИ, 1969, № 11.

²² Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси, с. 349—350.

Большие трудности представляет изучение церковного землевладения X—начала XI в. В 30—40-е годы восторжествовала точка зрения, утверждавшая наличие церковного землевладения с самого начала.²³ Согласно новейшим исследованиям, возникновение церковного землевладения следует отнести ко второй половине XI в. и даже к более позднему времени.²⁴ Поэтому главным источником обеспечения церкви была десятина, уходящая своими корнями еще в дохристианскую эпоху.²⁵

Советским историкам принадлежит важная заслуга в освещении социально-экономического положения древнерусской церкви. Это может послужить фундаментом для более глубокого изучения роли церкви в духовной жизни общества Киевской Руси.

---

²³ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935, с. 72; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 55.

²⁴ Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти Древней Руси, с. 33; Гантаев Н. М. Церковь и феодализм на Руси, с. 31.

²⁵ Щапов Я. Н. З історії давньоруської церкви X—XII ст., с. 90.

Международные связи Киевской Руси

РУСЬ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Изучение политических отношений Древней Руси и стран Запада имело прочную традицию в дореволюционной литературе. Многочисленные известия русских и иностранных источников по этой теме были рассмотрены в общих трудах по истории России (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, М. С. Грушевский) и в специальных работах (Ф. А. Браун, К. Ф. Тиандер, К. Я. Гrot, И. А. Линнichenko и др.), в которых изучались отношения Руси со Скандинавией, Германией, Венгрией, Польшей. Все же работ в дореволюционной литературе на эту тему было немного и их тематика была весьма ограничена.

В советский период, в 20-х—первой половине 30-х годов, работы по изучению отношений Древней Руси и стран Запада были продолжены молодыми исследователями. Они не сформировались как ученые до революции, но в их творчестве ясно прослеживается связь с трудами предшествующего периода, которая выразилась в такой же фактографичности изложения и в отсутствии широких обобщений. Основным достоинством этих работ было то, что они вводили в научный оборот новый материал. Вместе с тем в них устанавливались и некоторые характерные черты в отношениях Руси с западными странами.

М. Э. Шайтан, изучая вопрос об участии ирландских эмигрантов в культурной и религиозной жизни Западной Европы в X—XI вв., обратил внимание на тот факт, что некоторые из ирландцев, находившихся в Регенсбурге, побывали на Руси. В этой связи ему пришлось коснуться русско-германских отношений в XI в.,¹ которым он впоследствии посвятил специальное исследование. В работе «Германия и Киев в XI в.»² М. Э. Шайтан начал анализ кратким обзором связей Руси и Германии в X в., что позволило ему показать отношения этих стран в XI в. как логическое продолжение связей предшествующего периода. Он собрал большой фактический материал. Политические события были им рассмотрены на широком фоне польско-русско-германских от-

¹ Шайтан М. Э. Ирландские эмигранты в средние века. — В кн.: Средневековый быт. Л., 1925, с. 201—204.

² Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI в. — ЛЗАК, 1927, вып. 1.

ношений с учетом влияния папства, которое стремилось в них вмешаться. Эта работа, посвященная прежде всего изучению русско-германских политических отношений, наряду с дореволюционным исследованием В. Г. Васильевского о торговле Киева с Регенсбургом³ стала отправным пунктом для советских историков, изучающих связи Руси и Германии до XIII в.

Русско-германских контактов коснулся и С. П. Розанов. Он написал статью, посвященную изучению биографии Евпраксии Все-володовны. Автор следующим образом определил задачу своей работы: «Пересмотрев все доступные мне источники, возможно объективнее передать историю этой личности (Евпраксии — M. C.) в ее наиболее крупных переживаниях».⁴ Такой метод исследования, характерный для дворянской и буржуазной историографии, был в методологическом отношении шагом назад по сравнению с уже выполненными работами на эту тему как в советской, так и западноевропейской литературе, где анализ фактов давно вытеснил их описание. Методологически к этой статье примыкает другая работа С. П. Розанова о Евфимии Владимировне и Борисе Коломановиче, в которой аналогично изучаются биографии героев очерка.⁵ В результате такого метода исследования у С. П. Розанова получились интересные биографии, но в них не было анализа русско-германских и русско-венгерских отношений и вообще о Руси говорилось лишь постольку, поскольку герои очерков русские по происхождению.

К изучению русско-германских отношений в 1075 г. и переговоров изгнанных из Руси Изяслава Ярославича и его сына Ярополка с папой обратился Д. В. Айналов.⁶ Анализируя известия Ламберта Херсфельдского, изображения миниатюр в Трирской псалтыри, данные «Повести временных лет» и ряд других материалов, исследователь пришел к выводу о сложных политических взаимоотношениях Руси и Германии в последней четверти XI в., а также показал активную политику папы Григория VII в поддержку Изяслава и Ярополка, которые признали в папе своего сюзерена. Эта статья продолжала традиции Н. П. Кондакова в изучении памятников изобразительного искусства как исторического источника. Вместе с тем автор во многом пришел к выводам, аналогичным результатам исследования М. Э. Шайтана.

Многочисленные материалы, свидетельствующие о связях Древней Руси с Англией до норманнского завоевания, были со-

³ Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. — ЖМНП, 1888, июль.

⁴ Розанов С. П. Евпраксия — Адельгейда Все-володовна. — ИАН, VII серия, отделение гуманитарных наук, Л., 1929, № 8, с. 618.

⁵ Розанов С. П. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII в. — ИАН, VII серия, отделение гуманитарных наук, 1930, № 8, 9.

⁶ Айналов Д. В. К истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, 1936, т. III.

бранны М. П. Алексеевым.⁷ Поскольку известий о прямых англо-русских отношениях в XI в. очень мало, исследователь выполнил работу «в культурно-историческом и литературном отношении». Однако наблюдения М. П. Алексеева позволяют определить характер исторических связей Руси и Англии в XI в., и в этом большое значение его исследований.

В начале 30-х годов появились работы, посвященные изучению русско-скандинавских отношений в IX—XIII вв. Прежде всего это большая статья В. А. Бrima, в которой исследован путь «из варяг в греки».⁸ Эта работа — прекрасная сводка материалов, посвященных изучению вопроса о маршруте, времени и характере использования важного транзитного пути, проходившего по русским землям. В ней не рассматриваются специально политические взаимоотношения Руси и скандинавских стран, но поскольку В. А. Brim привлек почти все материалы, сообщающие о путешествиях скандинавов по пути «из варяг в греки», то в этой сводке приведены известия, имеющие прямое отношение к изучению русско-скандинавских политических контактов.

Изучению данной темы большое внимание уделяла Е. А. Рыдзевская. Она подходила к вопросам русско-скандинавских отношений, исследуя заимствования русского и скандинавского языков и эпоса и делая переводы известий исландских саг о Руси.⁹

Из перечня указанных работ видно, что проблемы политических взаимоотношений Руси и Запада не привлекли пристального внимания советских историков во второй половине 20-х и в 30-х годах.

В конце 30-х годов отношение к изучению взаимоотношений Руси и Запада изменилось решительным образом. Сама жизнь подсказывала историкам новые темы работ. В конце 30-х—начале 40-х годов произошли важнейшие события: агрессия фашистской Германии против Чехословакии и Польши, восстановление Советской власти в республиках Прибалтики и нападение фашистской Германии на Советский Союз. Политические факты современности ясно перекликались с событиями семисотлетней давности — с победами русского народа в борьбе против немецкой и шведской агрессии в 1240 и 1242 гг. Так что работы историков

⁷ Алексеев М. П. 1) Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, 1935, т. II; 2) Очерки из истории англо-русских литературных отношений (XI—XVII вв.). Тезисы диссертации на степень доктора филол. наук. Л., 1937; 3) К вопросу об англо-русских отношениях при Ярославе Мудром. — Научный бюллетень ЛГУ, 1945, № 4.

⁸ Brim B. A. Путь из варяг в греки. — ИАН, VII серия, отделение общ. наук, 1931, № 2.

⁹ R y d z e v s k a j a E. Ein skandinavischer Beiname in einer russischen Chronik. Zeitschrift für slawische Philologie. Leipzig, 1931, Bd. VIII. — Работы Е. А. Рыдзевской, в которых указаны факты из истории русско-скандинавских отношений, введенные в научный оборот в результате источниковедческого анализа, указаны в подготовленной коллективной монографии о советском источниковедении Киевской Руси.

играла большую роль не только в научном исследовании проблем, но и в патриотическом воспитании советских людей накануне и во время Великой Отечественной войны.

Первым исследователем в советской историографии, который обратился к изучению немецкого «натиска на восток» (*Drang nach Osten*), был крупный медиевист Н. П. Грацианский. Основной темой его работ была борьба западных славян против немецкой агрессии. Логическим продолжением изучения данной проблемы явилось исследование истории немецкой экспансии в Прибалтике, в связи с чем встал вопрос о русско-немецком столкновении в Прибалтике и дальнейшей немецкой агрессии против русских земель, которая завершилась разгромом рыцарей Ордена меченосцев на льду Чудского озера 5 апреля 1242 г. Н. П. Грацианский показал сложный характер русско-немецких отношений. По его наблюдениям, полоцкие князья далеко не сразу разобрались в агрессивных намерениях Ордена меченосцев и рижского епископа и непоследовательно вели с ними борьбу; новгородцы и псковичи совместно с прибалтийскими народами вели героическую борьбу против рыцарей, но объединенное выступление немцев и датчан, которые впоследствии начали междуусобную борьбу, привело не только к уничтожению русского влияния в Прибалтике, но и к перенесению военных действий на русские земли.¹⁰

Латышский исследователь Я. Я. Зутис обстоятельно изучил не только сопротивление эстонского, латышского и русского народов немецкой агрессии, но также историю русско-эстонских экономических, культурных и политических отношений XI—XIV вв.¹¹

Отношение Древней Руси с другими соседями на северо-западе — карелами были рассмотрены в книге С. С. Гадзяцкого «Карелы и Карелия в новгородское время».¹² Рассмотрев экономическую, социальную и политическую историю Карелии, С. С. Гадзяцкий пришел к важному выводу, что карелы с самого начала образования Новгородского государства входили в число племен, объединенных Новгородом. Автор рассмотрел также взаимоотношения Новгорода и карел с финскими племенами, не входящими в Новгородское государство, емью и сумью, а также русско-шведские взаимоотношения в связи с попытками шведских феодалов укрепить свое влияние в финских землях. Вкратце С. С. Гадзяцкий коснулся сопротивления новгородцев немецкой

¹⁰ Грацианский Н. П. 1) Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. — ИМ, 1938, № 6; 2) Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943.

¹¹ Зутис Я. 1) Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. — ИМ, 1940, № 3; 2) Борьба за Балтийское море и исторические судьбы Латвии и Эстонии. — ИЖ, 1940, № 7.

¹² Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.

агрессии в первой трети XIII в. в другой работе, посвященной Вотской и Ижорской землям в составе Новгородского государства.¹³ Исследования С. С. Гадзяцкого содержат интересные наблюдения и отличаются хорошим знанием материала русских источников. Но в то же время автору осталась неизвестной не только значительная зарубежная литература по рассматриваемым им вопросам, но и ряд зарубежных источников, что является, конечно, серьезнейшим недостатком.

Помимо работ Я. Я. Зутиса и С. С. Гадзяцкого, где русско-шведские и русско-немецкие отношения первой трети XIII в. рассматривались в связи с изучением связей Руси с эстонскими и финскими племенами, появляются исследования М. Н. Тихомирова. В его работах был сделан краткий обзор взаимоотношений Руси с немцами и шведами, приведших к сражениям на Неве и Чудском озере.¹⁴

Тема борьбы русского народа со шведской и немецкой агрессией привлекала и научную молодежь. В этом отношении особенно показательно творчество И. П. Шаскольского и В. Т. Пащуто. Из студенческих работ их исследования выросли в самостоятельные научные труды, имеющие большое значение для разработки затронутых вопросов.

И. П. Шаскольский изучил взаимоотношения Новгорода и финского племени емь в XI—XIII вв. Он собрал известия, показывающие как непосредственные столкновения русских и шведов, так и борьбу за политическое влияние над емью, в ходе которой сама емь поняла, что зависимость от Руси значительно легче политического и религиозного гнета Швеции.¹⁵

Тематику довоенных работ И. П. Шаскольский продолжил после войны. Изучая историю карел, входящих в состав собственной территории Новгородского государства, И. П. Шаскольский обстоятельно рассмотрел шведско-русские отношения XII—XIV вв., основным содержанием которых явилась борьба Новгорода и Швеции за влияние над финскими землями, и определил основные этапы этой борьбы.¹⁶ Он показал активное противодействие Новгорода и финских племен, прежде всего карел, шведской экспансии, причем в этой борьбе русские и карелы вместе выступали против агрессоров. В это же время исследователь

¹³ Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. — ИЗ, 1940, т. 6, с. 103—104.

¹⁴ Тихомиров М. Н. 1) Сражение на Неве. — ВИЖ, 1940, № 7; 2) Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1941.

¹⁵ Шаскольский И. П. 1) Емь и Новгород в XI—XIII вв. — Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1941, вып. 10; 2) Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. — ВИЖ, 1940, № 7. — К работам С. С. Гадзяцкого и И. П. Шаскольского примыкает статья В. Н. Бернадского «Новгород и Приладожская Карелия в XII—XV вв.» (Учен. зап. ЛГПИ, 1941, т. 39).

¹⁶ История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1952, с. 70—99.

изучал не только русско-шведские военные столкновения, но и мирные отношения и прежде всего торговые контакты. И. П. Шаскольский отметил также активное участие папской курии как союзника Швеции в борьбе против Руси и финских племен и показал большую роль папской курии в организации немецко-датской агрессии против народов Прибалтики и Руси.¹⁷

Таким образом, работы И. П. Шаскольского 40-х—начала 50-х годов, основанные на широко использованных русских и иностранных источниках и литературе, позволили выяснить сложный комплекс политических взаимоотношений Новгорода с финскими племенами и Швецией в XII—XIV вв. и определить роль папской курии в происходивших событиях.

В работах В. Т. Пашуто, посвященных изучению борьбы русского народа против иностранной агрессии под руководством Александра Невского, больший акцент сделан на рассмотрение взаимоотношений Руси с народами Прибалтики и борьбе русских против немецкой агрессии в первой половине XIII в.¹⁸ Опубликованные в 50-х годах в виде научно-популярных работ, эти исследования основаны на тщательном изучении источников. В них обстоятельно рассмотрена политика русских князей в Прибалтике, совместная борьба прибалтийских и русского народов против немецких и шведских захватчиков. Изучение активной антирусской политики папской курии стало предметом особого исследования В. Т. Пашуто.¹⁹

Изучение борьбы русского народа против немецкой агрессии в первой половине XIII в. было особенно актуально в годы Великой Отечественной войны. В 1942 г. на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном 700-летию Ледового побоища, ведущие советские ученые выступили с сообщениями на эту тему.²⁰

В послевоенной историографии в изучении отношений Руси и стран Западной Европы намечаются определенные изменения.

¹⁷ Шаскольский И. П. 1) Ситтунский поход 1187 г.—ИЗ, 1949, т. 29, с. 142; 2) Папская курия—главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси.—Там же, 1951, т. 37.

¹⁸ Пашуто В. Т. 1) Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1951; 2) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. I. М., 1953, с. 777—791, 813—827, 838—853.—К теме борьбы русского народа за независимость В. Т. Пашуто вернулся позднее (Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV вв.—ВИ, 1969, № 6, 7).

¹⁹ Пашуто В. Т. О политике папской курии на Руси (XIII в.).—ВИ, 1949, № 5.

²⁰ Бахрушин С. В. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII веке.—ВАН СССР, 1942, № 4; Косминский Е. А. Ледовое побоище.—Там же; Орлов А. С. Александр Невский в средневековой литературе.—Там же; Греков Б. Д. Новгород и Русь.—Там же; Тарле Е. В. Тевтонские рыцари и их «наследники».—Там же, № 5.

Прежде всего они касаются расширения тематики и привлечения многочисленного материала русских и иностранных источников. Однако исследователей интересовала и более общая тема: какова роль Древнерусского государства в истории Европы? Впервые так широко этот вопрос был поставлен Ю. В. Готье при изучении балтийского вопроса в XIII—XVI вв., впрочем автор исследования явно недооценил роль русских княжеств в противодействии экспансии немецких и шведских феодалов в первое сорокалетие XIII в.²¹ После войны к этой теме вернулся О. Л. Вайнштейн.²² Задача его работы была двойная. С одной стороны, он обобщил результаты исследований русских дореволюционных и советских ученых, в результате чего стали наглядно видны тесные экономические, культурные и политические отношения Руси и европейских стран в X—XIII вв. О. Л. Вайнштейн особо подчеркивал большую роль Руси в торговле Запада с восточными странами, а также особое значение Древнерусского государства в борьбе против кочевников и прежде всего против монгольского нашествия, грозившего опустошить страны Европы. С другой стороны, автор статьи показывал необоснованность утверждений буржуазных западноевропейских ученых, которые стремились принизить значение Древней Руси в жизни Европы. Исследование О. Л. Вайнштейна явилось актуальным и политически, поскольку оно было опубликовано в разгар «холодной войны» против СССР. Попытки дискриминации истории нашей страны буржуазными учеными перекликались со стремлением империалистических держав изолировать СССР, вычеркнуть его из списка европейских государств. Исследование О. Л. Вайнштейна вносило, таким образом, вклад в борьбу против антинаучных измышлений буржуазных авторов. Аналогичную задачу преследовал меньший по хронологическому охвату, но обстоятельный очерк Б. Д. Грекова, посвященный изучению политических взаимоотношений Киевской Руси с Польшей, Чехией, Германией, Скандинавией и Прибалтикой.²³ Связи Руси с народами и государствами Европы рассматривались также в обобщающих трудах по истории Древней Руси В. В. Мавродина.²⁴

В послевоенной исторической литературе было продолжено изучение политических отношений с европейскими странами.

²¹ Готье Ю. Балтийский вопрос в XIII—XVI веках.—ИМ, 1941, № 6.

²² Вайнштейн О. Л. Роль и значение нашей Родины в истории Западной Европы в средние века.—Вестник ЛГУ, 1950, № 5.

²³ Греков Б. Д. 1) Киевская Русь. М., 1949, с. 481—484; 1953, с. 486—489, и др. 2) Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, с. 67—73.

²⁴ Мавродин В. В. 1) Образование Древнерусского государства. Л., 1945; 2) Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956; 3) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

Важное место в историографии заняли исследования по истории связей Руси и народов Прибалтики. В труде В. Т. Пашуто, посвященном изучению истории образования Литовского государства, во всей сложности показаны русско-литовско-немецкие отношения, в которых литовская экспансия первоначально вынуждала русских князей заключать договоры с Орденом меченосцев, но впоследствии развитие событий привело к созданию литовско-русских союзных отношений, направленных против ордена. Впрочем, и этот союз был непрочен, так как в 30-х годах XIII в. отношения Литовского государства с пограничными русскими княжествами (Полоцк, Смоленск, Волынь) стали изменяться: литовцы перешли к постепенному захвату русских земель.²⁵

После освобождения Прибалтики от фашистских захватчиков в Эстонской ССР, Латвийской ССР были подготовлены обобщающие марксистские исследования по истории этих республик. Пристальное внимание в этих трудах было уделено начальному периоду отношений Руси с народами Прибалтики. В «Истории Эстонской ССР» отмечалось, что эстонцы-чудь находились в зависимости от Руси. Эта зависимость выражалась в периодической уплате умеренной дани русским князьям и участии в их военных походах. Князья не вмешивались в местные дела, не называли эстонцам своего уклада жизни и своих верований, как это делали позднее немецкие феодалы. Политическое объединение Руси и эстонских земель благотворно влияло на укрепление связей, которые положительно воздействовали на экономику и культуру эстонцев. Вместе с тем политические отношения Руси и Эстонии, особенно в XII—XIII вв., были далеко не идеальными, так как они основывались на растущем угнетении со стороны русских феодалов, что вело к сопротивлению как народных масс, так и эстонской знати. В книге были подробно показаны обстоятельства союзной борьбы русских и эстонцев против немецкой, шведской и датской агрессии, а также указаны причины поражения эстонцев: превосходство сил захватчиков, отсутствие единства, взаимные распри и плохое вооружение эстонцев, раздробленность Руси и ослабление ее военной мощи в борьбе против монгольского нашествия.²⁶

В обобщающем труде по истории Латвийской ССР²⁷ отмечается большая положительная роль в основном мирных связей Руси и латышских племен, что способствовало укреплению торговых и культурных контактов, конкретно рассмотрен ход борьбы прибалтийских народов совместно с русскими против немецкой агрессии в XIII в. Для послевоенной советской латвийской исто-

²⁵ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 372—376.

²⁶ История Эстонской ССР. Таллин, 1952, с. 3—59; 1958, с. 33—63; т. I, 1961, с. 107—114, 132—184. — См. также: Трумсал В. К. Русско-эстонские отношения от IX до начала XIII в. Автореф. канд. дис. Тарту, 1955.

²⁷ История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, с. 44—62, 78—112.

риографии 40-х—начала 50-х годов характерны работы, в которых изучалась совместная борьба латышского и русского народов против немецкой агрессии в XIII в. Эта тема перекликалась с недавними событиями Великой Отечественной войны.²⁸ Позднее, в 60-х годах, в работах В. Е. Калныня были подробно рассмотрены результаты политического влияния Руси среди латышских народов, которое сказалось на их государственности и праве.²⁹

Изучение русско-немецких отношений в Восточной Прибалтике в русской советской историографии продолжал после войны П. А. Стародубец, который пришел к тем же выводам, что и прибалтийские исследователи.³⁰

В конце 40-х—50-х годах были написаны диссертации, в которых изучались политические отношения Руси со странами Центральной Европы, с Польшей и Чехией, а также с папством.³¹

Сложному комплексу взаимоотношений Руси и папства была посвящена монография Б. Я. Рамма.³² В книге обстоятельно рассматривается история этих отношений в X—XV вв. начиная с попытки княгини Ольги пригласить епископа из Священной Римской империи.

Большая часть книги посвящена домонгольскому периоду. Автор привлек многочисленные нарративные и актовые источники, что позволило выявить характер папской политики как непосредственно в отношении Руси, так и ее влияние на взаимоотношения Руси с другими европейскими государствами. Б. Я. Рамм показал агрессивный антирусский характер папской политики, направленной прежде всего на принятие католичества и подчинение восточнославянского государства духовной власти римских пап. Эта книга была первой монографией, в которой обобщен большой материал, относящийся к значительному хронологическому промежутку. Она сыграла положительную роль в изучении поставленной проблемы. Вместе с тем исследователь

²⁸ Крастынь Я. П. Борьба латышского народа против немецких захватчиков и поработителей. М., 1946; *Zutijs J. Krievu un Baltijas tautu cīnas pret vācu agresiju*. Rīga, 1948; *Leids T. Feodālisms Livonija*. Rīga, 1952, и др.

²⁹ Калнынь В. Е. 1) Древнерусская государственность и право на территории Латвии в XI—XIII вв. — Учен. зап. Латвийского гос. ун-та, 1964, т. 64; 2) Влияние древнерусской государственности и права на развитие народов, населяющих территорию Латвии в XI—XIII вв. — ИВУЗ, правоведение, 1966, № 4.

³⁰ Стародубец П. А. 1) Купечество Северной Германии и немецкая агрессия в Восточной Прибалтике в XIII в. — Учен. зап. Тульского гос. пед. ин-та, 1948, вып. 1; 2) Княжество Кокнезе в борьбе с немецкими захватчиками в начале XIII в. — СВ, 1955, т. 7.

³¹ Яцкевич А. Е. Политические взаимоотношения Руси и Польши с X по XII столетие. Автореф. канд. дис. Львов, 1950; Рузанов А. Русско-чешские отношения X—XIII вв. Автореф. канд. дис. Харьков, 1949; Карапеев В. С. Папство — организатор и вдохновитель немецко-католической агрессии в Прибалтике XIII в. Автореф. канд. дис. М., 1953.

³² Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959.

иногда преувеличивал активность папства по отношению к Руси.³³

А. И. Дробинский, рассматривая отражение связей Франции с Русью во французском средневековом эпосе, обратил особое внимание на политические контакты двух стран и прежде всего на события, связанные с браком Анны Ярославны с Генрихом I, а затем с Раулем Креци-Валуа.³⁴

Ряд исследований был посвящен изучению русско-венгерских отношений в течение всего домонгольского периода — IX—XIII вв., особенно в IX—X вв.³⁵ В них прежде всего опровергался основной тезис венгерской буржуазной националистической литературы, согласно которому Русь в IX—X вв. подчинялась Венгрии, а также особо подробно изучался комплекс взаимоотношений Руси и Венгрии в IX—X вв.

Особое внимание в послевоенном изучении отношений Руси с соседними государствами было обращено на русско-польские связи. Вскоре после 1945 г. этой темы коснулся В. И. Пичета, который отметил основные факты в русско-польских отношениях начала XI в.³⁶ Очень много над этой темой работал В. Д. Королюк. В ряде статей и обобщающих исследований он рассмотрел взаимоотношения двух государств в конце X—первой половине XI в. Итоги этих работ были им подведены в монографии «Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв.»³⁷ В. Д. Королюк установил основные периоды русско-польских отношений X—первой половины XI в. и определил их характерные черты. Это исследование, основанное на всей совокупности сохранившихся источников, позволило создать связную картину русско-польских отношений на фоне бурных политических событий в Центральной Европе и, несмотря на спорность некоторых положений, относящихся к интерпретации событий конца X—начала XI в.,³⁸ является важным вкладом в изучение вопроса.

³³ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, с. 106—107, 134; Свердлов М. Б. Исследования по истории Древней Руси в Германской Демократической Республике. — ИСССР, 1971, № 6, с. 200. — Позднее к изучению отношений папской курии с Изяславом Ярославичем и его сыном Ярополком вернулся В. Л. Янин (Русская княгиня Олисава—Гертруда и ее сын Ярополк. — НЭ, 1963, т. IV).

³⁴ Дробинский А. И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. — ИЗ, 1948, т. 26.

³⁵ Павлушкова М. П. Русско-венгерские отношения до начала XIII в. — ИСССР, 1959, № 6; Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. — В кн.: Международные связи России до XVIII в. М., 1961; Пашута В. Древняя Русь и Венгрия. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968; Магнера Г. Русско-угорский союз IX ст. у світлі літописів. — УІЖ, 1967, № 7.

³⁶ Пичета В. И. Образование польского государства. — В кн.: Славянский сборник. М., 1947, с. 65—67.

³⁷ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.

³⁸ Ловмиянский Г. Взаимные отношения Польши и Руси в средние века. — СС, 1967, № 3, с. 25—26; Пашута В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 33, 308.

Русско-польские отношения второй половины XI—30-х годов XIII в. были изучены В. Т. Пашуто.³⁹ Автор пришел к выводу, согласно которому в период феодальной раздробленности и растущей опасности агрессии со стороны Германии в обеих странах не было социальных групп, заинтересованных в широкой территориальной экспансии и способных ее осуществить. Он отметил также классовую солидарность феодалов на Руси и в Польше и положительную роль польско-русского союза в условиях растущей немецкой экспансии.

Накопление опыта советских историков в работах по истории международных связей Древнерусского государства привело к тому, что появилась возможность обобщить итоги исследований в монографическом труде. Такую работу попытался выполнить И. М. Шекера.⁴⁰ Автор стремился показать экономические контакты государств в связи с политическими событиями, внутренними и внешними. Вместе с тем разделы, посвященные изучению политических отношений Руси и стран Западной Европы, впрочем, как и весь труд И. М. Шекера, не удались. Автор работал в основном со старой литературой, почти не использовал оригиналы источников, а когда самостоятельно обращался к текстам источников на латинском языке, то иногда неверно их понимал. И. М. Шекера плохо учел источниковедческую, особенно западноевропейскую, литературу, и в то же время у него нет самостоятельного источниковедческого анализа. Эти серьезные недостатки привели к тому, что работа И. М. Шекера не оставила следа в последующей историографии.

Впервые в целом внешняя политика Древнерусского государства домонгольского периода была подвергнута научному анализу В. Т. Пашуто.⁴¹ Он свел воедино и проанализировал на основе всей имеющейся источниковедческой и исторической литературы значительное количество известий русских и иностранных источников. Несмотря на фрагментарность сообщений источников, В. Т. Пашуто удалось создать цельную картину политических отношений Руси с зарубежными государствами и племенами. Исследователь рассмотрел историю внешней политики Руси в тесной связи с социально-экономической историей самого государ-

³⁹ Пашуто В. Т. Русско-польские взаимоотношения (с середины XI в. до монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи. — В кн.: Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968.

⁴⁰ Шекера И. М. 1) Міжнародні зв'язки Київської Русі. Київ, 1963; 2) Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. Київ, 1967.

⁴¹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. — В аннотации к книге В. Т. Пашуто эта работа названа «первым в науке опытом обобщенного изучения трехсотлетней истории внешней политики Древней Руси» (аннотация на супербложке). Э. Доннерт также считает книгу В. Т. Пашуто первым обобщающим трудом по изучению внешней политики Древней Руси (Doppegeit E. Rezension. — Zeitschrift für Slavistik, Berlin, 1972, № 1). См. также: Королюк В. Д. Рецензия на книгу В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси». — ВВ, 1971, т. 32, с. 240.

ства, с учетом не только военных и дипломатических форм взаимного воздействия, но и экономических, политических и культурных отношений. В результате автором были выделены два основных периода внешней политики Руси: раннефеодальный период (Х—конец XI в.) формирования и развития относительно единого государства и период феодальной раздробленности (конец XI—середина XIII в.). Эти периоды существенно отличались друг от друга. Во втором периоде выделены два этапа: с конца XI до начала XIII в. и с начала XIII в. до его середины, то есть время католической экспансии с запада и монгольского нашествия с востока. Анализ политических контактов государств, рассмотренных на широком фоне европейских политических событий, позволил в каждом конкретном случае определить их характер, не теряя из вида всей системы отношений европейских государств.⁴²

Книга В. Т. Пашуто, с одной стороны, подвела итоги работы советских исследователей по изучению внешней политики Древней Руси и, в частности, по анализу ее отношений со странами Западной Европы; с другой стороны, она способствует дальнейшему изучению этой проблематики в советской историографии.

В. Д. Королюк отметил, что на современной стадии изученности проблемы можно приступить к ее комплексному анализу «в связи с главными узлами международных противоречий» в Европе и на Востоке. По его мнению, при изучении политических связей Древнерусского государства следует «выделить главные направления внешней политики Древней Руси, оценить степень важности для нее отношений с той или иной европейской или неевропейской страной».⁴³ В. Д. Королюк считает необходимым выделить в особый рубеж вторую половину XI в., когда произошли изменения, имевшие «огромное переломное значение» для внешнеполитического развития Древнерусского государства.⁴⁴

Были продолжены также работы по изучению двусторонних связей Древней Руси с европейскими народами и государствами. Политические отношения полоцкого княжества с прибалтийскими племенами в домонгольский период обстоятельно исследованы Н. А. Казаковой.⁴⁵ М. Б. Свердлов рассмотрел связи Руси с Данией в XI в. и Германией в X—первой половине XI в. на основе источниковедческого анализа использованных материалов.⁴⁶

⁴² Некоторые спорные вопросы в интерпретации известий русских источников были отмечены в рецензии на книгу Ю. А. Лимоновым, В. В. Мавродиным, И. Я. Фрояновым (ВИ, 1969, № 12).

⁴³ Королюк В. Д. Рецензия на книгу В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси», с. 240—241.

⁴⁴ Там же, с. 241.

⁴⁵ Казакова Н. А. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X—начале XIII века. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.

⁴⁶ Свердлов М. Б. 1) Дания и Русь в XI в.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970; 2) Политические отно-

Рассмотренные труды по изучению политических отношений Древней Руси со странами Европы свидетельствуют о больших успехах советской историографии в этой области. Была значительно расширена тематика исследований как двусторонних, так и комплексных связей Руси с европейскими государствами и народами. Советские историки показали, что Древняя Русь была великой державой средневекового мира, которая оказывала значительное влияние на политическую жизнь Восточной, Центральной и Северной Европы и поддерживала политические связи с государствами Западной Европы.

шения Руси и Германии X—первой половины XI в.— В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.

РУСЬ И ВОСТОЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА

Изучение политических отношений Древней Руси со странами Востока имеет в русской историографии давние традиции. В трудах Х. М. Френа, Б. А. Дорна, А. А. Куника, В. Р. Розена и других исследователей восточных источников при объяснении имеющегося в их распоряжении нарративного материала ставились различные вопросы этой проблемы.¹

После революции изучение вопросов политических отношений Руси с Востоком было продолжено учеником В. Р. Розена В. В. Бартольдом. Этой темы В. В. Бартольд касался еще в дореволюционных работах. В 1918 г. им было завершено большое исследование, посвященное анализу арабских известий о русах.²

В. В. Бартольд полагал, что русы в IX в. владели небольшой территорией с центром в Новгороде. Он рассмотрел направление передвижений русов с севера на юг, предполагая их враждебный характер по отношению к хазарам. В. В. Бартольд изучил сообщения арабских источников о походах русов на Каспийское море, отметив их связь во времени с походами русов на Византию. В результате анализа источников он пришел к выводу, что во время похода на Бердаа, главный город мусульманского Кавказа, русы стремились захватить его и подчинить жителей, а не просто его разграбить. Такую же цель преследовал поход Святослава против Йтиля и Семендера. Только неожиданный уход Святослава на Балканский полуостров избавил, по мнению В. В. Бартольда, местных жителей от господства завоевателей.³

Походы русов на Каспий исследовал также А. Ю. Якубовский. В работе, посвященной анализу сведений Ибн Мискавейха на эту тему, он попытался определить пути русов из Восточной Европы к Каспийскому морю и установить связи между известием Ибн

¹ Работы востоковедов, в которых указаны факты из истории русско-восточных связей, введенные в научный оборот в результате источниковедческого анализа, указаны в подготовленной коллективной монографии о советском источниковедении Киевской Руси.

² Бартольд В. В. 1) Арабские известия о русах. — СВ, 1940, № I; 2) Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963.

³ См. также: Бартольд В. В. 1) Культура мусульманства. Игр., 1918; 2) Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925; 3) История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925.

Мискавейха о походе русов на Бердаа и сообщением хазарского источника X в. о военных действиях русов сначала против хазар, а затем против Византии. А. Ю. Якубовский отнес эти предприятия к походам князя Игоря, присоединяясь к мнению М. Д. Прищепкина, согласно которому Хальга-Олег хазарского источника был одним из воевод Игоря.⁴

Работы В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, посвященные изучению арабских и персидских источников о походах русов на Каспий, труды П. К. Коковцова, содержащие переводы и источниково-исторический анализ еврейско-хазарской переписки X в., дали советским историкам материал для изучения отношений Руси с мусульманским миром и Хазарией.

В советской историографии первым историком-руссистом, который специально рассматривал русско-хазарские отношения, был В. А. Пархоменко.⁵ Он обратил особое внимание на тот факт, что восточные славяне в период складывания Древнерусского государства оказались соседями Хазарского каганата и между ними завязывались различного рода отношения. Натиск кочевников, по мнению В. А. Пархоменко, заставил славян искать опоры в Хазарском царстве, которое достигло в VIII в. политического и экономического расцвета. Преувеличение роли Хазарского каганата в истории славян привело автора к утверждению, что поляне заимствовали название «Русь» из хазарского Приазовья. Более того, они «принесли оттуда с собой в Киев черты хазарского государственного устройства и уклада жизни».⁶

Взгляды В. А. Пархоменко на роль Хазарского каганата в политической истории восточных славян не получили распространения в советской исторической литературе. Уже Ю. В. Готье оставил в стороне надуманные конструкции своего предшественника в историографии хазарского вопроса и конкретно рассмотрел взаимоотношения Руси и хазар.⁷

Обстоятельно изучил вопрос о русско-хазарских отношениях IX—X вв. А. Н. Насонов.⁸ Указав на столкновения русов и хазар на Каспии в IX—начале X в., он проанализировал события похода русов на Бердаа в 944 г. Этот поход он связывал со стремлением византийской дипломатии отвести удары Руси от своей страны на Восток. Рассмотрев комплекс русско-хазарско-византийских отношений в середине X в., А. Н. Насонов выдвинул ги-

⁴ Якубовский А. 1) Ибн Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г.=943—944 г.—ВВ, 1926, XXIV; 2) О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.—ИАН, серия истории и философии, 1946, т. III, № 5.

⁵ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Пг., 1924.

⁶ Там же, с. 66.

⁷ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, с. 73—75.

⁸ Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы X века.—ИЗ, 1940, т. 6.

потезу, согласно которой Византия содействовала стремлению князя Игоря захватить Таманский полуостров, поскольку укрепление русских на берегах Керченского пролива уничтожало влияние Хазарского каганата в Северном Причерноморье. По мнению исследователя, русские заняли Тмутаракань в 944 г., хотя он и не исключал возможность проникновения русов в Причерноморье в IX в.

Вопрос, затронутый А. Н. Насоновым, о русско-хазарском столкновении в Причерноморье был не нов в советской историографии. Уже В. А. Пархоменко, впрочем умозрительно, полагал, что славяне в VIII—IX вв. находились в Тмутаракани.⁹ В. В. Мавродин выдвинул гипотезу, согласно которой господство каганата на огромных пространствах Юго-Восточной Европы «обусловило проникновение славянского этнического элемента в той или иной мере, безусловно, скрещивавшегося с народами Кавказа, далеко в глубь степей Предкавказья».¹⁰ Таким образом, подразумевались мирные отношения между восточными славянами и хазарами внутри каганата вплоть до разгрома Хазарии Святославом.

Под влиянием теории Н. Я. Марра В. В. Мавродин развил свою гипотезу, объясняя известия источников о русах и славянах на юге Восточной Европы взаимным проникновением славянских и неславянских племен и этнической трансформацией яфетических племен.¹¹ Вследствие такого подхода снимался вопрос о русско-хазарских отношениях в процессе продвижения восточных славян в Причерноморье (конкретное изучение русского тмутараканского княжества начиналось автором с похода Святослава). Поэтому В. В. Мавродин ограничился изображением столкновений Руши и хазар на Каспии и в Закавказье.¹²

Выводы В. В. Мавродина были подвергнуты критике И. И. Ляпушкиным, который указал на несоответствие исторического и археологического материала результатам исследований рецензируемого автора.¹³ Одним из оснований для критических замечаний И. И. Ляпушкина был вывод М. И. Артамонова об отсутствии на Среднем и Нижнем Дону, в Приазовье и Северном Кавказе археологических памятников, свидетельствующих о поселении там славян до конца X в.¹⁴

После определения местоположения Саркела — Белой Вежи М. И. Артамоновым было также установлено, что жизнь в Сар-

⁹ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности, с. 40.

¹⁰ Мавродин В. По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани. — ПИДО, 1935, № 9—10, с. 225.

¹¹ Мавродин В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. — Учен. зап. ЛГПИ, 1938, т. XI, с. 239—242.

¹² Там же, с. 246—247.

¹³ Ляпушкин И. И. [Рецензия]. — ВДИ, 1940, т. I, с. 150—153.

¹⁴ Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935.

кеle с завоеванием Святослава не прекратилась и город продолжал существовать уже в составе Древнерусского государства под сильным влиянием славянской культуры.¹⁵ Эти наблюдения были подтверждены исследованиями И. И. Ляпушкина,¹⁶ который объяснял изменения в археологической культуре Причерноморья и Приазовья в конце X—начале XI в. успешным походом Святослава против Хазарии в 963 г. и русским завоеванием этих земель.¹⁷

Таким образом, впервые в историографии изучаемой проблемы русско-хазарских отношений археологический материал давал ясный ответ на вопрос о времени и характере русско-хазарского столкновения в Приазовье. Позитивное значение работ М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина заключалось также в том, что они показали необоснованность ссылок на археологический материал тех авторов, которые писали о Приазовской или Черноморской Руси до середины X в. Исследование И. И. Ляпушкина «Славяно-русские поселения» имеет также историографическое значение, поскольку в обстоятельном введении им была показана несостоятельность взглядов многих дореволюционных и советских авторов на исторические судьбы Причерноморья и Приазовья.

Впрочем, подход М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина к изучению проблемы не удовлетворил Б. А. Рыбакова, который предложил рассматривать «распространение сферы первоначального этногенеза славян-антов на Приазовье и Подонье», а не «переселения» и «внедрения» славян в неславянские районы.¹⁸

Великая Отечественная война задержала дальнейшее изучение политических отношений Древней Руси и стран Востока, однако уже в книге «Образование Древнерусского государства», изданной в 1945 г., В. В. Мавродин уделил большое внимание их разработке. Это исследование продолжило довоенные работы самого ученого и те тенденции в изучении русско-восточных отношений, которые сложились в довоенной историографии.

В. В. Мавродин отметил положительное влияние господства Хазарского каганата в Восточной Европе, которое сказалось главным образом в бурном развитии торговых связей Востока с Русью в VIII—X вв., что способствовало широкому проникновению на Восток славян и русов, селившихся в Болгарии или Хазарии «своеобразными военно-торговыми товариществами».¹⁹ Хазарский каганат способствовал, по его мнению, установлению русско-казахских связей, и вообще он был для Руси «окном на Восток».

¹⁵ Там же, с. 87—89.

¹⁶ Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, 1941, № 6, с. 232—233.

¹⁷ Там же, с. 238.

¹⁸ Рыбаков Б. А. [Рецензия]. — МИА, 1941, № 6; ВДИ, 1946, № I, с. 128.

¹⁹ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 134—138.

В. В. Мавродин отметил также растущее отрицательное влияние каганата на политическую и культурную жизнь Руси,²⁰ которое было уничтожено после разгрома Хазарии.

Несмотря на доводы, приведенные М. И. Артамоновым и И. И. Ляпушкиным, В. В. Мавродин вернулся к идеи о русах на берегах Черного и Азовского морей в IX—X вв., но, по его мнению, это были поселения не восточнославянских племен, а «русской дружинной вольницы»²¹ (в этом коррективе можно видеть влияние работ археологов). В. В. Мавродин рассмотрел также сообщения восточных и русских источников о походах русов на Каспий и в Закавказье, причем он, как и В. В. Бартольд, пришел к выводу о грабительском характере походов до середины X в. и об изменении организации и целей военных предприятий в последующее время, когда делались попытки завоевать владения на богатом Востоке. Как и А. Н. Насонов, В. В. Мавродин полагал, что в результате походов 941 и 944 гг. Игорь стал обладателем земель в Крыму и на Тамани. После победы Святослава над каганатом русское влияние распространилось от низовьев Дона до предгорий Кавказа. Однако разгром Хазарии имел и отрицательные последствия, поскольку, по мнению В. В. Мавродина, пала стена, сдерживавшая кочевников. С падением каганата кочевники стали хозяевами причерноморских степей.²²

На широком фоне политических отношений в Средней Азии С. П. Толстов рассмотрел походы Святослава. Связи Древнерусского государства со Средней Азией привели, по его предположению, около 986 г. к переговорам о принятии ислама на Руси. Однако отказ Владимира от ислама вызвал враждебное отношение к Руси хорезмшаха и постоянные нападения в 988—997 гг. печенегов-мусульман, которые должны были «оттеснить Русь от сферы хорезмийских интересов на Волге».²³

В 1951 г. в газете «Правда» появилась статья «Об одной ошибочной концепции», в которой проводилась мысль об ошибочности преувеличения роли Хазарского каганата в образовании Древнерусского государства.²⁴ Тогда же против преувеличения роли Хазарского каганата в истории Древней Руси выступил Б. А. Рыбаков. Он поставил под сомнение известие «Повести временных лет» об уплате хазарам дани полянами, северянами, радиличами, вятичами.²⁵ Впрочем, Б. А. Рыбаков допускал возмож-

²⁰ Там же, с. 195—196.

²¹ Там же, с. 205.

²² Там же, с. 239, 241, 260—267; Мавродин В. В. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955, с. 41—71.

²³ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 250—251, 256—262.

²⁴ Иванов П. Об одной ошибочной концепции. — Правда, 25 декабря 1951 г., № 359 (12196).

²⁵ Рыбаков Б. А. Русь и Хазария. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

ность временного «примучивания» пограничных поселений северян или вятичей. По его мнению, гибель «паразитарного государства хазар с низким уровнем производительных сил» подготавливалась проникновением славян в IX—X вв. в глубь каганата.²⁶ В результате анализа еврейско-хазарской переписки X—XII вв. Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что размеры каганата были невелики, а указанные в переписке зависимые народы Поволжья, славянские племена и крымские города были названы подданными каганата вследствие хвастливой тенденции авторов.²⁷ Эти положения были повторены в другой работе Б. А. Рыбакова «К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси».²⁸ Там же автор дал периодизацию русско-хазарских отношений в VII—X вв. В других работах начала 50-х годов также отмечалась незначительность территории каганата и его малая роль в истории восточных славян.²⁹ Следствием такого осмысления русско-хазарских отношений явился возврат к идее, согласно которой появление восточных славян и русов на Нижнем Дону и Северном Причерноморье относится к VIII—IX вв., в результате чего русско-хазарское столкновение в Северном Причерноморье и Приазовье произошло значительно раньше, чем это было показано в работах М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина.³⁰

Во второй половине 40-х—начале 50-х годов среди советских археологов было широко распространено мнение о славянской принадлежности культуры «полей погребений». Это устраняло археологические аргументы М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина о времени появления восточных славян в Северном Причерноморье и Приазовье.³¹ Тезис о русах в Восточном Крыму и Приазовье в IX в. был поддержан в историческом очерке А. Л. Якобсона, который присоединился к мнению В. В. Мавродина о поселениях русской дружины волынцы в Приазовье. По его мнению, Русь в IX в. «грозила уничтожить господство хазар в междуречье Днепра и Дона, ослабить Хазарскую державу».³²

²⁶ Там же, с. 77.

²⁷ Там же, с. 77—86.

²⁸ СА, 1953, т. XVIII.

²⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 439; Мерперт Н. Я. Против извращений хазарской проблемы. — В кн.: Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.

³⁰ Рыбаков Б. А. 1) Славяне в Крыму и на Тамани. — Тезисы докладов на сессии по истории Крыма 24 мая 1952 г. Симферополь, 1952; 2) Древняя Тмутарakanь и проблема славянской колонизации Приазовья. — Тезисы докладов на сессии отделения ист. наук и пленуме ИИМК, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954.

³¹ Веймарн Е. В., Стржлецкий С. У. К вопросу о славянах в Крыму. — ВИ, 1952, № 4; Кухаренко Ю. В. Юго-восточная граница раннеславянских памятников. М., 1954; Смирнов А. П. К вопросу о славянах в Крыму. — ВДИ, 1953, № 3, и др.

³² Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, 1959, № 63, с. 50—51.

Последующие археологические исследования показали, что черняховская культура и памятники сарматского времени не являются славянскими (см. с. 31—32 настоящего издания), поэтому археологические обоснования раннего поселения славян в Северном Причерноморье и Приазовье отпали, и опять повис в воздухе тезис о Руси IX—первой половины X в. на берегах Черного моря.

В 40—50-х годах изучение русско-хазарских отношений было продолжено М. И. Артамоновым и И. И. Ляпушкиным. По мнению М. И. Артамонова, русы активизировались на Черном море в первой половине IX в., однако борьба с Хазарией за власть над восточнославянскими племенами началась только после объединения Киева и Новгорода. Образование Древнерусского государства и вторжение мадьяр ослабило власть хазар в степях Причерноморья и славянских землях, в связи с чем хазарами был построен Саркел. Святослав не только завершил объединение восточных славян, освободил их от хазарской дани, но и приступил к освобождению важного для Руси восточного торгового пути от контроля со стороны хазар. Поход Святослава против хазар закончился установлением русского контроля на Нижнем Дону и образованием Тмутараканского княжества.³³ Археологические исследования позволили более ясно представить характер политической ситуации на Нижнем Дону в IX в., когда восточные славяне из основной занятой ими территории расселялись в районы салтовской культуры, находившиеся под хазарским политическим влиянием, основывая в глубине салтовской культуры свои поселения, что свидетельствует о мирных отношениях славян с местным населением. В Белой Веже славянская роменско-боршевская культура фиксируется лишь со временем взятия Саркела Святославом.³⁴

Итоги своих исследований и работ предшественников М. И. Артамонов обобщил в труде «История хазар», где рассмотрены русско-хазарские отношения, положительные и отрицательные стороны политического влияния Хазарии в истории Древней Руси. М. И. Артамонов рассматривал каганат как могущественное на определенном этапе развития государство с большой территорией.³⁵

Общую оценку Хазарии, имевшую значение для определения русско-хазарских отношений, дал Л. Н. Гумилев. Он отметил,

³³ Артамонов М. И. 1) Белая Вежа. — СА, 1952, т. XVI; 2) Саркел — Белая Вежа. — МИА, 1958, № 62; 3) История хазар. Л., 1962, с. 296—305, 365—383, 426—437.

³⁴ Ляпушкин И. И. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. — МИА, 1958, № 62, с. 345—347; Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа, с. 62.

³⁵ См. также: Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142, с. 186.

что еще до начала торговли по волжскому пути у хазар было сильное, не наемное войско. «Паразитарно» процветать могла только правящая верхушка. Народ Хазарии жил за счет собственного хозяйства и продолжал существовать после уничтожения каганата.³⁶

Работы по изучению русско-хазарских отношений в 40—60-х годах принадлежали в основном археологам.³⁷ Это в значительной степени закономерное явление, связанное с широко ведущимися археологическими исследованиями, которые позволяют исторические конструкции обосновывать археологическим материалом. Показательно в данной связи сокращение количества работ, посвященных изучению так называемой Приазовской или Черноморской Руси. Как отметил А. В. Гадло, это объясняется тем, что «проведенные с большим размахом в послевоенные годы в Южном Приазовье (Крым и Тамань) археологические исследования не подтвердили тезис о раннем заселении края славянами».³⁸ Археологический материал позволил А. В. Гадло утверждать, что ранее конца X в. славяно-русское население в Южном Приазовье не прослеживается.³⁹ А. В. Гадло высказал новую точку зрения на характер и хронологию русско-хазарских отношений конца X в. По его мнению, поход Святослава на Хазарию был вызван не торговыми интересами Руси на Востоке, а явился следствием столкновения Руси и Хазарии из-за дани с земли вятичей. Он считает, что этот поход не был планомерным, организованным завоеванием и не привел к закреплению за Русью покоренных земель и стран. Автор не отмечает русской колонизации Подонья и Приазовья в 70—80-х годах X в. Поэтому он связывает возникновение русского княжества в Тмутаракани и начало русской колонизации края с корсунским походом Владимира в 988—989 гг. Колонизация Нижнего Дона и установление власти русских над керченским проливом, по мнению А. В. Гадло, были вызваны социально-политическими процессами на Руси: свободная община начала расщепляться, и свободное сельское население стало уходить от растущих феодальных повинностей в пограничные районы.⁴⁰

³⁶ Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966, с. 15.

³⁷ Некоторые частные вопросы этой проблемы рассматривали Б. Н. Заходер и Н. Я. Половой (Заходер Б. Н. Из истории волжско-каспийских связей Древней Руси. — СВ, 1955, № 3, с. 112; Половой Н. Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. — ВВ, 1961, т. XX).

³⁸ Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. — Вестник ЛГУ, серия истории, языка и литературы, 1968, № 14, вып. 3, с. 58.

³⁹ Там же, с. 65.

⁴⁰ Гадло А. В. 1) Проблема Приазовской Руси...; 2) Южное Приазовье в период Хазарского каганата. Автореф. канд. дис. Л., 1969; 3) Восточный поход Святослава. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.

Наряду с работами, посвященными изучению русско-хазарских отношений и походов русов на Каспий и в Бердаа, в послевоенный период появилось значительное количество исследований политических связей Руси с государствами и народами Закавказья.

О русско-армянских политических связях в X в. писал Л. М. Меликset-Бек. Он предположил, что целью походов русов на Бердаа в 914 и 944 гг. было изгнание интервентов арабов из Южного Кавказа в период складывания там феодальных княжеств-царств.⁴¹ В подтверждение этой мысли автор указал на хронологическое совпадение походов русов на Бердаа и репрессий арабов по отношению к армянским царям. Встречается мнение, согласно которому армяно-русские связи отразились в отношениях византийских императоров Македонской династии (армянской по происхождению) с русским велиокняжеским домом.⁴² В исследованиях неоднократно подчеркивались факты, свидетельствующие об образовании армянских колоний в Древней Руси, о русско-армянской торговле и культурных контактах.⁴³

Немногочисленные сообщения источников о русско-грузинских отношениях также хорошо изучены в советской историографии.⁴⁴ С. Т. Еремян исследовал обстоятельства брачного союза князя Юрия Андреевича и грузинской царицы Тамары. Он тщательно проанализировал все политические события, связанные с заключением этого брака.⁴⁵

⁴¹ Меликset-Бек Л. М. Из истории русско-армянских отношений. — ИАН Армянской ССР, общественные науки, 1954, № 4.

⁴² А р з у м а н я н А. Армения — Россия. Дружба навеки. Ереван, 1966, с. 8.

⁴³ Оганесян Л. А. История медицины в Армении с древнейших времен до наших дней, ч. 2. Ереван, 1946, с. 66—70; Еремян С. Т. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках. — Научные труды Ереванского гос. ун-та, 1948, т. XXIII; Манандян А. Я. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, с. 199—200; Меликset-Бек Л. М. 1) Древняя Русь и Армения. Ереван, 1954; 2) Из истории русско-армянских отношений, с. 19—20; 3) Из истории армяно-украинских отношений. — В кн.: Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Ереван, 1961; Халпахчян О. Х. Армяно-руssкие культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван, 1957; А р з у м а н я н А. 1) Русско-армянское братство. Исторические предпосылки армяно-руssских связей (VII—начало XIX в.). — В кн.: Дружба, кн. I. Ереван, 1960; 2) Армения — Россия..., с. 7—13; Восканян В. К. Древняя Русь и Украина в судьбах армян. — В кн.: Исторические связи и дружба украинского и армянского народов.

⁴⁴ Месхиа Ш. А., Цинцадзе Я. З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв. Тбилиси, 1958, с. 7—21; Цинцадзе И. Древнерусские материалы по истории русско-грузинских культурных взаимоотношений. Комиссия по публикации иностранных источников о Грузии АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1962, с. 5—26; Котляр Н. Ф. Половцы в Грузии и Владимир Мономах. — Там же; Жукурадзе О. Г. Из истории взаимоотношений Киевской Руси и Грузии в XII в. — Там же.

⁴⁵ Еремян С. Т. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках, с. 389—421.

Результаты исследований политических отношений Руси со странами Востока использованы в обобщающих трудах по всемирной истории, истории СССР и союзных республик.⁴⁶

В последнее время были сделаны попытки обобщить итоги исследований политических отношений Руси со странами Востока в общих работах, посвященных изучению внешней политики Древнерусского государства. Работа И. М. Шекеры оказалась неудачной (см. с. 185 настоящего издания).

В. Т. Пашуто обобщил новейшие достижения источниковедения и историографии в изучении политических отношений Руси и стран Востока в книге «Внешняя политика Древней Руси».⁴⁷ Им написаны краткие очерки взаимных отношений Руси с Хазарией, арабскими странами Передней Азии и Африки. Для написания разделов о контактах Руси с государствами Кавказа, с турками-сельджуками В. Т. Пашуто привлек специалиста по изучению известий восточных источников о Руси — А. П. Новосельцева. Эти очерки, характеризующие отношения Руси со странами Востока, существенно дополнили труды, посвященные связям Руси с европейскими государствами и Византией, и дали возможность представить политические контакты Древней Руси в полном объеме, насколько это позволяют данные источников.

В советской историографии накоплен большой опыт работ по изучению политических отношений Древнерусского государства со странами Востока. Были введены в научный оборот новые источники и углублен анализ уже известных материалов по этой теме. Наиболее обстоятельно изучены взаимоотношения Руси с Хазарией. Для исследования этой темы привлечен археологический материал, который позволил выяснить характер и хронологию русско-хазарских отношений в IX—X вв. Совершенствование методов источниковедческого анализа будет способствовать более углубленному изучению различных вопросов данной проблемы.

⁴⁶ Всемирная история, т. III. М., 1957, с. 252, 489; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. I. М., 1953, с. 81—84, 87—88; История Азербайджана, т. I. Баку, 1958, с. 130—132; История армянского народа, ч. I. Ереван, 1951, с. 163—164; История Грузии, т. I. Тбилиси, 1962, с. 200—201; История Дагестана, т. I. М., 1967, с. 172—175.

⁴⁷ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ

Взаимоотношения Киевской Руси с Византией принадлежат к числу таких проблем, которых в той или иной степени не мог не коснуться ни один из историков Древней Руси. Целостное рассмотрение истории Киевской Руси было бы неполным и немыслимым, если бы не были освещены двусторонние связи этих обоих государств, затрагивавшие политические, экономические и культурные области жизни. Связи эти засвидетельствованы и русскими, и византийскими письменными источниками и вещественными памятниками.

История русско-византийских отношений явилась темой, которой издавна интересовались историки Древней Руси и византисты еще в дореволюционное время. Некоторые из них продолжали работать и в советский период. Продолжались и завершались публикации трудов таких крупных специалистов, как В. Т. Васильевский, Ф. И. Успенский, В. М. Истрин. Советская историческая наука унаследовала интерес к этой проблеме. За истекшее время было создано очень большое количество исследований и публикаций, которые дают возможность ставить и разрешать вопросы совершенно по-иному.

В широкоизвестных трудах советских историков Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, С. В. Юшкова и многих других, посвященных интересующему нас периоду истории Киевской Руси, уделялось внимание византийско-русским отношениям IX—XII вв. В 1956 г. был опубликован посмертно ценный труд М. В. Левченко, который специально посвящен обзору развития русско-византийских отношений в IX—XIV вв.¹

Советское византиноведение в период самого своего становления столкнулось с необходимостью выработки правильного отношения к наследству, полученному им от дореволюционного византиноведения.² Исторические судьбы последнего сложились так, что оно соединяло в себе глубоко противоречивые черты. Обще-

¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

² Уdal'цова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 9 и сл.; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. Л., 1968.

признанные высокие, подлинно научные достижения лучших представителей этой отрасли науки в методике исследования источников сочетались с совершенно неприемлемыми и чуждыми советской исторической науке чертами политически реакционного мировоззрения.³

Тем не менее уже в самые первые годы Советской власти работы по исследованию византийской проблематики и главным образом по изучению источников продолжались.⁴ Положительные черты старой русской источниковой школы византиноведения, достигшей выдающихся успехов еще в XIX и начале XX в., не были утрачены.

Следует отметить, что у некоторых представителей старого византиноведения в работах тех лет сказывалось стремление к переоценке роли Византии и ее влияния на Древнюю Русь. Это особенно отчетливо проявилось, в частности, в работах А. А. Васильева, опубликованных ученым до его эмиграции из СССР. Работы этого ученого, изданные и у нас, и за рубежом, встретили позднее резко критическую оценку в трудах советских византинистов.⁵

Переоценка роли Византии наблюдается в работах и некоторых других крупных исследователей. Широко известны критические замечания, которые вызвали труды крупного известного ученого М. Д. Приселкова. Б. Д. Греков, И. У. Будовниц, а впоследствии и М. В. Левченко упрекали автора за преувеличение роли византийской дипломатии как определяющего фактора в политике русских князей, за характеристику чрезмерной степени церковной зависимости Древней Руси от Византии, за недооценку значимости русских источников и т. д.

Отдавая должное истинной роли Византии в истории Восточной Европы того времени, советские византинисты в содружестве со специалистами по истории Древней Руси старались выработать правильный взгляд на истинный характер отношений между этими государствами на основе тщательного и непредвзятого изучения всей совокупности сохранившихся данных как древнерусских, так и византийских и других иноязычных источников. Работы советских ученых, как явствует из многочисленных и разнообразных специальных исследований историков и археологов, доказали, что начало связей Древней Руси с Византией восходит ко времени, задолго предшествующему прямым свидетельствам византийских письменных источников об этих связях.

³ Ш мит Ф. И. Политика и византиноведение. — СГАИМК, 1932, № 7—8, с. 6—23; Удальцов З. В. Советское византиноведение..., с. 22—24; Вайиштейн О. Л. История советской медиевистики, с. 44, 75.

⁴ Работы византинистов, в которых указаны факты из истории русско-византийских отношений, введенные в научный оборот в результате источниковедческого анализа, указаны в подготовленной коллективной монографии о советском источниковедении Киевской Руси.

⁵ Удальцов З. В. Советское византиноведение..., с. 29.

В советской историографии был выяснен процесс формирования Древнерусского государства, которое сложилось в результате развития производительных сил и производственных отношений в восточнославянском обществе (см. с. 127—140 настоящего издания).

Поэтому в центре изучения византийско-русских отношений главным образом были вопросы, связанные с выяснением ранних этапов в истории взаимоотношений обоих государств — периода IX—X вв.

К числу крупных проблем принципиального характера относится поднятый еще раз в начале 30-х годов А. А. Васильевым за рубежом вопрос о том, являлась ли Древняя Русь вассалом Византии. Следует отметить, что не только советские специалисты, но и некоторые крупные зарубежные ученые привели ряд убедительных доводов, которые опровергают возможность утвердительного ответа на этот вопрос. Тем не менее за рубежом и сейчас остаются сторонники противоположных взглядов. Подробный анализ и критика зарубежной литературы по этому вопросу были даны в докладе советской делегации на XIII Международном конгрессе в Оксфорде в 1966 г. и в докладе югославского академика Г. А. Острогорского на XIII Конгрессе историков в Москве в 1970 г.

Византийская дипломатия сосредоточила в IX и X вв. свои усилия на том, чтобы помешать распространению русского влияния в Причерноморье. Как неоднократно отмечали советские исследователи, главным мотивом в политике Византии по отношению к Руси в этот ранний период была тревога за свои позиции в Причерноморье. Инициатором в развитии связей с Византией стало Древнерусское государство. Чрезвычайно заинтересованное в установлении регулярных связей с Константинополем, оно силой оружия шаг за шагом преодолевало преграды, созданные усилиями византийской дипломатии.⁶

Естественно, что интерес советских историков при изучении раннего этапа русско-византийских отношений уже с самого начала был обращен к истории византийских опорных пунктов в Причерноморье, в частности к Херсонесу. Советские ученые получили широкие возможности проведения археологических работ. Эти работы объединяли итоги археологических исследований с новыми изысканиями в области изучения византийских и славяно-русских письменных источников. Широко дискутировавшиеся в советской науке 30—50-х годов темы из истории русско-

⁶ Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX—X вв. — В кн.: История Византии, т. II. М., 1967, с. 226. — Подробную библиографию см.: Якобсон А. Л. 1) Средневековый Херсонес. — МИА, 1950, № 17; 2) Раннесредневековый Херсонес. — Там же, 1959, № 34; Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских отношений IX—X вв. — ВВ, 1958, т. 14; Уdal'цова З. В. Советское византиноведение..., с. 229—246.

византийских отношений в Северном Причерноморье дали возможность гораздо глубже и точнее выяснить сложные и трудные из-за недостатка сведений в источниках проблемы этих взаимоотношений. В 50-е годы были опубликованы обобщающие работы А. Л. Якобсона по раннесредневековому Херсонесу, статьи А. Л. Якобсона и Д. Талиса, В. В. Кропоткина и др.

Среди многих трудов, вышедших в 10—20-х годах, в источниковедческом плане следует отметить работы, посвященные Тмутаракани.⁷ В 1923 г. была опубликована статья В. Д. Смирнова, поставившего вопрос о том, что такое Тмутаракань. Автор привлек множество лингвистических данных, сведений летописей, греческих и восточных источников, «Слова о полку Игореве» и в конечном итоге пришел к скептическому выводу. По его мнению, Тмутаракань «искони и до „Слова о полку Игореве“ была какой-то для русских по крайней мере неведомой землей, областью, простиравшейся от Керченского пролива до реки Куры».⁸ Вопрос этот продолжал дискутироваться.⁹

П. О. Кацышковский специально занялся анализом византийских текстов, содержащих известия о Древней Руси.¹⁰ Он пришел к заключению, что Лев Диакон явился первым византийским автором, прямо отождествившим народ рос с тавроскифами. Лев Диакон, не имевший четких географических представлений о северных берегах Черного моря, чисто книжным путем пришел к выводу о том, что родина тавроскифов, т. е. русских, расположена недалеко от Босфора Киммерийского. Однако этот автор нигде не допускает прямого отождествления родины руси с берегами Керченского пролива. Таким образом, П. О. Кацышковский, анализируя текст Льва Диакона, убедительно доказал в своей статье, что неосновательно использовать этот источник для определения родины русских — тавроскифов в Северном Причерноморье, как это делалось в некоторых работах дореволюционного времени и в 20-е годы текущего столетия. В ходе исследований других авторов были обнаружены и привлечены к решению проблемы новые сфрагистические, эпиграфические, нумизматические источники.¹¹ Е. Ч. Скржинская внесла ряд исправлений в прочтение греческой надписи, изданной В. В. Латышевым в 1905 г., и прокомментировала ее.¹² Как указывает исследовательница, эта

⁷ Веселовский Н. И. К истории открытия Тмутараканского камня. Пр., 1917; Шмит Ф. И. О Тмутаракани. — ИТУАК, 1918, № 54, с. 389—393; Бертье-Делагард А. Л. Заметки о Тмутараканском камне. — Там же, 1918, № 55, с. 44—96.

⁸ ВВ, 1923, т. 23, с. 72.

⁹ Удалцов З. В. Советское византиноведение..., с. 129—130.

¹⁰ Кацышковский П. О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси. — ВВ, 1960, т. 47, с. 51.

¹¹ См., например: Плетнева С. А. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

¹² Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из Тмутаракани. — ВВ, 1961, т. 48, с. 81.

надпись Иоанникия отделена всего одним десятилетием от ранее известного Тмутараканского камня.

Е. Ч. Скржинская связала надпись и с другими ранее известными памятниками, найденными на городище Тамани, и высказала предположение, что «ойкодом», монах и зодчий Иоанникий, о котором сообщалось в надписи, был, вероятно, свидетелем активности и политического преобладания русских в Тмутаракани. Возможно, он был строителем русского монастыря, основанного Никоном около этого города после 1061 г.

История Тмутараканского княжества вошла в настоящее время как органическая часть в обобщающие труды по истории Древней Руси.¹³ Продолжалось изучение истории княжества и в частных исследованиях. Г. Г. Литаврину удалось найти ранее неизвестный и впервые им использованный новый византийский источник XII в. о Тмутаракани — сочинение Мануила Страворомана.¹⁴ Анализ известия о Тмутаракани и сопоставление этого свидетельства с данными других источников позволили исследователю высказать предположение, что русские владения на Черном море, входившие в пределы Тмутараканского княжества, были потеряны Русью при Алексее I Комнине, а именно во время княжения в Тмутаракани князя Олега Святославовича или тотчас после его смерти (в 1115 г.). По мнению Г. Г. Литаврина, это произошло не вследствие военного столкновения, а «в результате специального соглашения, заключенного Олегом Святославовичем (четыре года прошедшим в ссылке в Византии) с Алексеем Комнином, который помог князю-изгою в 1083 г. вновь обосноваться в Тмутаракани». Опыт исторической характеристики культурных связей Древней Руси и Византии в X—XII вв. специально рассмотрен тем же исследователем в докладе на III Международном съезде по изучению стран Юго-Восточной Европы в Бухаресте в 1974 г.¹⁵

Тенденция к установлению прямых связей Руси с Константинополем, минуя посредничество херсонеситов, нашла отражение в некоторых письменных византийских и славянских агиографических источниках. В работах советских византинистов были проведены новые изыскания в области изучения житий Георгия Амастидского и Стефана Сурожского, в которых имеются сведения о раннем нападении Руси на причерноморские провинции Византии. Исследования, выполненные Е. Э. Липшиц и М. В. Левченко, подкрепили новыми данными датировку жития Георгия Амастидского и выводы В. Г. Васильевского, относившего эти источники

¹³ См., например: Очерки истории СССР, ч. I. Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953, с. 400—406.

¹⁴ Литаврин Г. Г. Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во время Алексея I Комнина. — Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции в Тбилиси 13—18 декабря 1965 г. Тбилиси, 1965, с. 20—23; Litavrin G. G. Vrgoros de Tmotarokan. — Byzantium, Bruxelles, 1965, XXXV.

¹⁵ Литаврин Т. Т. Культурные связи Древней Руси и Византии в X—XII вв. (Опыт исторической характеристики). М., 1974.

ко времени до 842 г.¹⁶ Совокупность источников, привлеченных советскими исследователями, дала основание утверждать, что позднейшему нападению русских на Константинополь в 860 г. предшествовали набеги на провинции Византии. Оно не могло быть предпринято без достаточного знакомства с особенностями дальнего пути и без знания политической обстановки в империи и на ее границах.

Для изучения следующего этапа в истории этих взаимоотношений первостепенное значение имело исследование истории христианизации Руси, дипломатических и торговых связей, а также дальнейших походов Руси на Византию.

Одной из важных проблем, широко изучавшихся советскими учеными — историками и лингвистами, являлся вопрос о договорах русских с греками. В 20-х годах текущего столетия и позднее ему было посвящено много исследований.¹⁷ В 1941 г. этим вопросом занялись и византинисты. М. А. Шангин посвятил ему краткую, но интересную статью. Рассмотрев содержание договоров на общем фоне византийской политики по отношению к варварам, он не согласился с А. А. Шахматовым, который отрицал реальность договора 907 г. М. А. Шангин привел ряд аргументов в защиту своего тезиса. Эта точка зрения была поддержана М. В. Левченко и многими другими исследователями.¹⁸ Ныне в подлинности договоров едва ли можно сомневаться. Это полностью относится и к договору 907 г., важнейшие статьи которого сохранила русская летопись. Оба договора — 907 и 911 гг. — являлись, как это полагал М. А. Шангин, свидетельством военных успехов русских, достигнутых уже в начале X в. В своей работе он уделил внимание и последующим договорам Игоря с Византией, и договору, относившемуся, по его мнению, к 945 г.¹⁹ М. В. Левченко высказался против этой датировки в пользу 944 г. Эта дата и была в дальнейшем принята исследователями.

Значение указанных договоров заключается прежде всего в том, что они содержат наиболее интересные и достоверные сведения об условиях торговли русских с греками в первой половине X в.²⁰

¹⁶ Липшиц Е. Э. О походе Руси на Византию ранее 842 года. — ИЗ, 1948, 26; Левченко М. В. Очерки..., 1956, с. 46—56.

¹⁷ Истрип В. М. Договоры русских с греками X в. — ИОРЯС, 1925, т. 29; Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками. — Язык и мышление, 1936, VI—VII; Бахрушин С. В. Договоры Киевской Руси с греками. — В кн.: Дипломатический словарь, т. 1. Л., 1948, и др.

¹⁸ Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX—X вв., с. 44, 228.

¹⁹ Шангин М. А. 1) Два договора. — ИМ, 1941, № 2, с. 114—115; 2) Византийские мероприятия по охране границ. — Там же, № 4, с. 89—92.

²⁰ История Византии, т. II. М., 1967, с. 230. — Следует, впрочем, отметить, что в отличие от Г. Г. Литаврина, который не сомневается в подлинности договоров, авторы рецензии на книгу М. В. Левченко, А. А. Зимин и Г. Л. Курбатов, считают вопрос спорным (ВВ, 1957, т. 12, с. 273). Подлинность договоров 907—911 гг. подтвердили Г. Г. Литаврин и В. Л. Янин.

Значительное внимание в советской историографии было уделено изучению походов Игоря против Византии.

В нескольких статьях Н. Я. Полового эти вопросы были подвергнуты новому рассмотрению. Автор высказал ряд оригинальных взглядов на источниковедческую основу византийских и русских источников, повествующих об этих походах. Дата похода 943 г. посвящена и другая его статья.²¹

История русско-византийских отношений в X в. разрабатывалась и в других аспектах. Еще в довоенные годы была опубликована статья Ф. И. Успенского, посвященная изучению истории походов Святослава в Болгарию.²² Этой темой занимались многие исследователи. В ряде работ П. О. Карышковский не только пересмотрел данные, имеющиеся в «Истории» византийского писателя Льва Диакона, но и установил новую хронологию этих походов. Исследователь подверг критическому анализу всю совокупность имеющихся источников и высказанных ранее точек зрения.²³ Его выводы носят убедительный характер и в большинстве случаев принимаются во внимание не только в историографии, но и в источниковедческих работах.

М. В. Левченко в своем исследовании подробно рассмотрел весь этот круг вопросов, критически проанализировал взгляды других ученых и высказал свою точку зрения, относя начало похода Святослава в соответствии с данными летописи к 967 г.²⁴ П. О. Карышковский в отличие от М. В. Левченко отдавал предпочтение данным Скилицы и считал, что первый поход начался летом 968 г., а второй относится к июлю—августу 969 г.²⁵ Обзор дальнейших событий в том виде, как он рисуется в свете современных исследований, был дан в написанной Г. Г. Литавриным

См. также новые соображения в пользу этого взгляда: Литаврин Г. Г. и Янин В. Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв.—ИСССР, 1970, № 4, с. 35 и сл.

²¹ Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии.—ВВ, 1961, т. XVIII, с. 85—104, и др.—В «Истории Византии» (т. II, с. 231, 445) дата похода 943 г. указана альтернативно 944 г.

²² Успенский Ф. И. Значение походов Святослава в Болгарию.—ВДИ, 1939, № 4.

²³ Работы П. О. Карышковского примыкали к предшествующим исследованиям М. Н. Тихомирова (Славянский сборник, 1947, с. 125—201). См.: Карышковский П. О. 1) К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава.—КСИС, 1952, № 9, с. 53—61; 2) Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе.—ВВ, 1953, т. VI, с. 36—71; 3) К истории Балканских войн Святослава.—Там же, т. VII, с. 224—243, и др.

²⁴ Левченко М. В. Очерки..., с. 258 и сл.

²⁵ Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе.—ВВ, 1952, V, с. 132 и сл.—Той же хронологии придерживается и Г. Г. Литаврин (История Византии, т. II, с. 233 и сл., 445). О существующих в исторической литературе разногласиях относительно масштабов завоеваний Иоанна Цимисхия в Болгарии см.: Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 260 и сл.

главе II тома коллективного труда советских византинистов — в «Истории Византии».²⁶

Мы отмечали, что вопросы оценки степени независимости Древней Руси от Византии и характера взаимоотношений между обоими государствами уже в первый период развития советской историографии оценивались исследователями по-разному. Иногда влияние Византии на Русь вовсе отрицалось, иногда — чрезмерно преувеличивалось. Эти вопросы оказались в центре внимания в связи с изучением церковных связей Руси и Византии. Крещение Киевской Руси при Владимире и проблема христианизации Руси явились темой ряда исследований видных советских историков, вышедших в свет в конце 20-х, в 30-х и в начале 40-х годов (см. с. 170—172 настоящего издания). Из византиноведческих исследований этой теме посвящена одна из работ М. В. Левченко, позднее она вошла в состав его «Очерков».²⁷ М. В. Левченко, проанализировав источники и выводы предшествующих трудов, рассматривал христианизацию Руси как явление прогрессивное. Он считал, что это был длительный процесс, в котором значительную роль играла Болгария. Греческая иерархия, установленная на Руси Фотием и Игнатием, была недолговечной. Она едва ли пережила упоминаемый в «Повести временных лет» политический переворот 882 г. Но обращение в христианство еще в IX в. части дружинников и купцов, появление христианской церкви в самом Киеве, крещение княгини Ольги — все это, как указывал М. В. Левченко, подготовило крещение Руси при Владимире. Никакие влияния не могли бы, однако, по мнению исследователей, сделать христианство на Руси господствующей религией, если бы Русь своим внутренним развитием не была бы подготовлена к этому. Правящие круги на Руси лишь выполнили то, что диктовалось всем ходом исторического развития и обстановкой, существовавшей тогда в Европе. Введение богослужения и проповедь на славянском языке стимулировала развитие самобытной русской культуры. З. В. Уdal'covа, характеризуя взгляды М. В. Левченко, развитые им в этой работе, поставила, однако, автору в упрек то, «что он недостаточно оттенил опасность, грозившую Руси со стороны Византии, которая всегда связывала постоянные притязания на церковную супрематию с тайными замыслами установления политического господства над христианизированными народами».²⁸

Политика христианизации в руках византийских дипломатов несомненно являлась испытаным средством политической экспансии, на что справедливо указывали неоднократно многие исследователи. «Но возможность этого не стала действительностью.

²⁶ История Византии, т. II, с. 233 и сл.

²⁷ Левченко М. В. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире. — ВВ, 1953, т. VII.

²⁸ Уdal'covа З. В. Советское византиноведение..., с. 119.

Ни христианизация, ни родственные узы не привели к подчинению Руси интересам империи. Русь не следовала в фарватере внешней политики Византии, но русская угроза ее северным границам временно исчезла. Гораздо более выиграла от этого союза Русь, ставшая в один ряд с крупнейшими христианскими державами средневековой Европы».²⁹

Нет необходимости перечислять целый ряд широко известных работ Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова и других крупнейших специалистов по истории Древней Руси, которые изучали русско-византийские отношения в самых разнообразных аспектах. Они были разработаны и в коллективных трудах, таких как «Культура Древней Руси», «Очерки истории СССР». К ним можно присоединить и труды специалистов по истории древнерусской литературы, искусства, археологии, сфрагистики, нумизматики.

В научной литературе последних лет уже было обращено внимание на то, что при большом объеме проделанной работы по изучению русско-византийских отношений в исследованиях доминировали проблемы периода IX—X вв. Вопросы взаимоотношений Руси с Византией в XI—XIII вв. разработаны значительно меньше как в советской, так и в зарубежной историографии. Лишь сравнительно недавно возрос интерес к изучению этого периода. Однако в вышедших работах главное внимание уделялось церковно-идеологической проблематике, что, разумеется, не исчерпывало русско-византийских связей. Не заполнили этой лакуны и соответствующие главы работы М. В. Левченко, хотя там и был собран ряд интересных сведений.

Вместе с тем совокупность данных позволяет считать, что с принятием Русью христианства связи между обоями государствами стали не только более интенсивными, но и более всесторонними.³⁰

Исследования, выполненные в течение последнего десятилетия, были направлены на расширение круга сведений о русско-византийских связях. Велись работы по выявлению ранее неизвестных или незамеченных указаний, содержащихся в византийских письменных источниках, с использованием рукописных материалов (например, таких авторов, как Скилица, Мануил Ставроман, Кекавмен, Иоанн Мавропод, Федор Продром, Иоанн Цеци). Советскими учеными были подготовлены новые критические и комментированные издания некоторых из этих авторов. Большее, чем прежде, внимание стало уделяться изучению данных сфрагистики, археологии. Для исследования культурных свя-

²⁹ История Византии, т. II, с. 236.

³⁰ Воронин Н. Н. 1) Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг. — ВВ, 1962, т. 21; 2) Житие Леонтия Ростовского и византийско-русские отношения второй половины XII в. — Там же, 1963, т. 23; Литаврин Г. Г. и Янин В. Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв., с. 42, и др.

зей очень важны работы, в которых дан анализ славянских и древнерусских переводов памятников литературы, права и других византийских источников IX—X вв. и позднейшего времени. Изучение этих вопросов в советской историографии было рассмотрено в специальном докладе советских ученых на XIII Международном конгрессе византинистов в Оксфорде.³¹

Сочетание всех видов источников позволило по-новому поставить ряд вопросов политической истории и истории культурных взаимоотношений Руси и Византии в XI—XII вв. Если они пока не могут быть расширены, то во всяком случае удалось наметить более плодотворные пути к их решению благодаря привлечению новых материалов.

Среди частных вопросов политической истории следует отметить новую интерпретацию сообщения византийского писателя Михаила Пселла о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. Вопрос этот, многократно дискутировавшийся в научной литературе, Г. Г. Литаврин пересмотрел под углом зрения внутреннего положения Византии того времени. Исследователь видит причину похода русских в 1043 г. в политике Константина IX Мономаха (1042—1055 гг.), проводимой им в первой половине его царствования, в его антирусском курсе. В результате этого курса после длительного периода тесных дружественных отношений русский корпус присоединился к восстанию Георгия Маниака. В своей другой статье тот же автор дал анализ одного из разночтений, обнаруженных им в рукописях Иоанна Скилицы и Кедрина. Это разночтение при сопоставлении с сообщением Михаила Пселла дает Г. Г. Литаврину основание считать, что наиболее вероятной датой последнего морского сражения русских с византийцами близ Константинополя следует считать одно из трех воскресений июля 1043 г., а не июнь, как это считали предшествующие исследователи.³²

Рассмотренные выше вопросы в достаточной мере сложны из-за недостатка источников. Они продолжают разрабатываться и в СССР, и за рубежом. В последнее время в византиноведении интенсивнее, чем прежде, стали изучаться и публиковаться новые и ранее мало освещенные источники XI—XII вв. Это дает основание надеяться, что и проблема русско-византийских отношений будет исследована более полно и всесторонне.

³¹ Отношения Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в. Oxford, 1966. — Ср. также сведения, имеющиеся в книге В. Т. Пашуто (Внешняя политика Древней Руси. М., 1968). Некоторые замечания по разделам книги В. Т. Пашуто, касающиеся специально вопросов русско-византийских отношений, сделал В. Д. Королюк (ВВ, 1971, т. 31, с. 240—243).

³² Литаврин Г. Г. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. — ВВ, 1968, т. 29, с. 105—107. — См. также: Литаврин Г. Г. Война Руси и Византии в 1043 г. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Русь и ее славянское окружение. М., 1972.

РУСЬ И КОЧЕВНИКИ

При изучении истории Древнерусского государства IX—XIII вв., его внешней политики и международных связей значительный интерес представляют взаимоотношения Руси с кочевыми племенами, занимавшими обширную территорию Причерноморских степей от Карпат до Уральских гор.

Дворянская и буржуазная историография не рассматривала этот вопрос с достаточной широтой. Ошибочные методологические установки и слабая разработанность материала затрудняли верное решение этой важной проблемы. В результате в ряде работ давалось неправильное, одностороннее толкование роли восточных славян в борьбе с кочевниками.

Переломным моментом в изучении истории взаимоотношений Киевской Руси с кочевыми племенами явилось утверждение марксистской методологии в исследованиях советских историков. В первое время после победы Великой Октябрьской социалистической революции и даже в 30-е годы исследований, непосредственно касающихся вопросов взаимоотношений Руси с кочевниками, было еще очень немного, а круг проблем, поставленных в них, являлся крайне ограниченным. В трудах советских историков эти проблемы затрагивались лишь попутно, в связи с трактовкой других вопросов, относящихся к истории Киевской Руси.

Так, М. Н. Покровский поставил под сомнение тезис о постоянной угрозе Руси со стороны кочевой степи. «Прежний взгляд, — писал он, — видевший в степняках только хищников, основывался на старой схеме экономического развития — охота, скотоводство, земледелие: раз земледелие есть высшая форма, а скотоводство низшая, то победа степи должна выражать собою разгром культуры дикарями».¹

М. Н. Покровский считал, что набеги кочевников, в частности половцев, в целом ничем не отличались от княжеских набегов. И те и другие ходили в чужую землю за добычей. «Поэтому, — писал он, — представлять себе половцев в виде некоей чуждой

¹ Покровский М. Н. Очерки истории русской культуры, ч. I. Изд. 4-е. М.—Л., 1925, с. 38. — Первое издание «Очерков» вышло в свет в 1915 г.

и темной „азиатской“ силы, тяжелой тучей висевшей над представительницей „европейской цивилизации“ — Киевской Русью, у нас не будет ни малейшего основания».²

М. Н. Покровский считал даже возможным сравнивать влияние «степного востока» на русских IX—XI вв. с влиянием Западной Европы на «Московское государство» и допетровскую Россию.³

Близок к М. Н. Покровскому в оценке взаимоотношений Руси с кочевниками В. А. Пархоменко. По его мнению, печенеги были посредниками в торговле Руси с Византией и Востоком.⁴ Он особо подчеркивал в русско-печенежских отношениях периоды мирного затишья и тесные экономические связи. Печенеги и поляне, по мнению В. А. Пархоменко, были связаны «до некоторой степени государственно, ибо в критические минуты печенеги... защищали местную полянскую государственность от иноземного завоевания».⁵ На этом основании он утверждал, что «идея извечной, принципиальной борьбы со степью явно искусственного, надуманного происхождения».⁶

А. Ю. Якубовский также считал «глубочайшим заблуждением» мнение, будто отношения «между русскими феодальными княжествами и кочевой половецкой степью» сводились лишь «к постоянной вражде, когда набеги половецких ханов на русские земли сменялись княжескими походами в глубь Дешт-и-Кыпчак», поскольку летописи и восточные источники неоднократно сообщают не только о военных столкновениях русских с кочевниками, но и о периодах «мирного торгового общения».⁷

В советской историографии 20—30-х годов наряду с работами, в которых преувеличивалось положительное значение кочевников, были также исследования, содержащие противоположную точку зрения. Н. А. Рожков подчеркивал, что ослабление, а затем и окончательное прекращение торговли с Востоком в XI в. произошло вследствие того, что половцы перерезали существовавшие ранее торговые пути.⁸ Половцы представляли наибольшую опасность для Древнерусского государства: они задерживали продви-

² Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, т. 1. Изд. 6-е. Л., 1924, с. 103.

³ Покровский М. Н. Очерки истории русской культуры, с. 39.

⁴ Пархоменко В. А. Киевская Русь и печенеги.— Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе (11—13 сентября 1927 г.). Севастополь, 1927, с. 49.

⁵ Пархоменко В. А. Русь и печенеги.— Slavia, Praga, 1929, ч. 8, с. 143.

⁶ Пархоменко В. А. Следы половецкого эпоса в летописях.— ПИ, 1940, сб. III, с. 391.

⁷ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда. Л., 1937, с. 20; Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII века. (Черты из торговой жизни половецких степей).— ВВ, 1928, т. 25.

⁸ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. Изд. 4-е. М.—Л., 1930, с. 152.

жение славян в степи, оттесняли их с черноземных краев на север и разоряли Южную Русь.⁹ Отмечал отрицательное влияние кочевников на русско-византийскую торговлю и И. М. Кулишер.¹⁰

П. И. Лященко усматривал в продвигавшихся «с диких степей юга» кочевниках ту военную силу, борьба с которой могла быть под силу только такому «прочному государственному и хозяйственному образованию», каким являлась Киевская Русь.¹¹ По его мнению, кочевники, оттеснив земледельцев славян от мировых торговых путей, стали причиной замедленного исторического развития восточных славян.

Впервые вопросы взаимоотношений Древнерусского государства с кочевниками получили всестороннюю оценку в работах Б. Д. Грекова. Не преувеличивая роли кочевников, Б. Д. Греков в то же время считал, что они имели большое значение в истории восточнославянских племен. Он отмечал, что, несмотря на опустошительный грабительский характер набегов кочевников, Киевская Русь имела достаточно сил для отражения нападений кочевых орд. Вместе с тем русские князья использовали кочевников в своем войске для отпора нападений тех же кочевых племен.¹²

Б. Д. Греков отметил также, что большая масса кочевников осела на территории Древнерусского государства, в значительной степени растворившись в массе «русского» (славянского) народа, а наиболее сильные из... „кочевников“ сумели организовать как раз в период распада Киевского государства свое собственное (кипчакское) государство¹³.

В 40-е годы советские исследователи поставили ряд важных вопросов истории половцев. В. В. Мавродиным впервые в советской исторической литературе был поставлен вопрос о так называемых «половецких городах». Он считал обитателями Шарукана, Балина, Чешуева и Сугрова смешанное ясо-русско-тюркское население, среди которого превалировали ясы-аланы¹⁴ (локализацию этих городов определили позднее Н. В. Сибилев и Б. А. Рыбаков).¹⁵

Тогда же А. Пономаревым была предпринята первая попытка объяснить происхождение названия одного из сильнейших кочевых объединений — половцев. А. Пономарев считал это слово по про-

⁹ Там же, т. II, с. 5—7.

¹⁰ Кулишер И. М. 1) История русского народного хозяйства, т. I. М., 1925, с. 39, 48; 2) Очерк истории русской торговли. Пб., 1923, с. 29, 30.

¹¹ Лященко П. И. История русского народного хозяйства. М.—Л., 1927, с. 27—28, 60.

¹² Греков Б. Д. Лекции по истории СССР. Машинопись. ЛГУ, 1934.

¹³ Греков Б. Д. Киевская Русь и проблема генезиса русского феодализма. — ИМ, 1937, № 5—6, с. 73.

¹⁴ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины с древнейших времен до второй половины XIV в. Л., 1940, с. 212—215.

¹⁵ Сибилев Н. В. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. — Археологія, Київ, 1950, т. IV; Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года. — КСИИМК, 1952, вип. XLIII.

исхождению русским. Он полагал, что «русское „половцы“ есть не что иное, как перевод имени половецкого народа кубан-куман». ¹⁶

В 40-х годах отмечается ранее появлявшаяся тенденция к идеализации русско-половецких отношений. В. А. Гордлевский вслед за В. А. Пархоменко отрицал губительное влияние половецких набегов на русские земли. Он писал о «тесных», «дружественных» отношениях между двумя народами — русским и половецким, — которые «вросли в повседневный быт» и заключались в заимствовании друг у друга слов, передаче половцам способов обработки металла для вооружения. Одновременно «шло духовное взаимодействие: легко просачивался на Русь и тюркский фольклор, его отзвуки встречались в русских летописях» и в «Слове о полку Игореве». ¹⁷

А. И. Попов выступил против идеализации русско-половецких отношений. Он отмечал «грозный характер» половецких набегов, которые были весьма часты и «держали в вечном беспокойстве южные окраины» Руси. Вместе с тем автор подчеркивал значение мирных периодов в русско-половецких отношениях, которые позволяли продолжать торговлю Руси с Крымом и восточными странами. Что касается заимствований, то А. И. Попов мог отметить лишь ничтожное их количество, ¹⁸ имел место и обратный процесс — проникновение древнерусских слов в тюркский язык. ¹⁹

В 1946 г. К. В. Кудряшовым была защищена докторская диссертация «Северное Причерноморье в IX—XII вв.», ²⁰ посвященная исторической географии Половецкой земли и русско-половецким отношениям. Позднее была издана книга К. В. Кудряшова, в которой рассматривались эти же проблемы. ²¹ Как отмечал Б. А. Рыбаков, работа К. В. Кудряшова «заполнила значительный пробел в... историографии, внесла много нового и привлекла внимание к важным вопросам русско-половецкой борьбы в XII в.». ²² Вместе с тем Б. А. Рыбаков отметил и недостатки работы: отсутствие предыстории Половецкой земли и географического очерка, неточное размещение центров половецких веж, обратный порядок хронологии.

¹⁶ Пономарев А. И. Куман-половцы. — ВДИ, 1940, № 34 (12—13), с. 366, 369.

¹⁷ Пархоменко В. А. Следы половецкого эпоса в летописях. — ПИ, 1940, сб. III; Гордлевский В. А. Что такое «босый волк?» — ИАН СССР, 1947, т. VI, вып. IV.

¹⁸ Попов А. И. Кыпчаки и Русь. — Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1949, вып. 14, № 112, с. 101, 105, 106.

¹⁹ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 169—172.

²⁰ Кудряшов К. В. Северное Причерноморье в IX—XII вв. — КСИЭ, 1948, № 4.

²¹ Кудряшов К. В. Половецкая степь. Очерки исторической географии. — Зап. ВГО, новая серия, 1948, т. II.

²² Рыбаков Б. А. [Рецензия на книгу К. В. Кудряшова «Половецкая степь】. — Советская книга, 1949, № 11, с. 35.

В последующие годы К. В. Кудряшов продолжал исследования в области исторической географии Северного Причерноморья в период пребывания в степях кочевых орд и опубликовал ряд статей, посвященных походам русских князей в степи и борьбе восточных славян с кочевниками.²³ К одному из сюжетов русско-половецких отношений — походу Игоря Северского 1185 г. историки обращались неоднократно. Историографический обзор всех существующих мнений об этом походе сделан Б. А. Рыбаковым.²⁴

Начиная с 40-х годов советские исследователи стали систематически привлекать к изучению истории кочевников и их взаимоотношений с восточными славянами археологический материал, который становится одним из важнейших источников.²⁵ В свете археологических данных по-новому встали вопросы взаимоотношений Руси со своими степными соседями. Центральной проблемой при обобщении накопившегося археологического материала стало отнесение тех или иных кочевнических комплексов к известным по летописям группам племен: печенегам, торкам, половцам и союзу «черных клубков».²⁶

Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в дореволюционные годы, а в советское время новую попытку этнически определить кочевнический материал предприняли А. А. Спицын, Ю. В. Готье, позднее — Н. Д. Мец, С. А. Плетнева, Л. П. Зяблин, Г. А. Федоров-Давыдов.²⁷ При классификации учитывался ряд признаков: характер надмогильного сооружения, устройство могилы, положение и ориентировка костяка, сопровождающий инвентарь.

Были предприняты попытки связать археологический материал с письменными источниками, в первую очередь с русскими летописями. Наиболее значительными в этом направлении рабо-

²³ Кудряшов К. В. 1) Борьба русского народа с набегами кочевников Причерноморских степей. — В кн.: Очерки истории СССР IX—XII вв. М., 1953; 2) О местоположении реки Калки. — ВИ, 1954, № 9; 3) Еще раз к вопросу о пути Игоря в половецкую степь. — ТОДРЛ, 1958, т. 14, и др.

²⁴ Рыбаков Б. А. Слово о полку Игореве и его современники. М., 1971, с. 218—221.

²⁵ Рыбаков Б. А. Археологические источники русской истории. — КСИИМК, 1946, вып. XIII, с. 181.

²⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966, с. 5.

²⁷ Спицын А. А. Татарские курганы. — ИТОИАЭ, Симферополь, 1927, т. I (58); Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930; Мец Н. Д. К вопросу о торках. — КСИИМК, 1948, вып. XXII; Плетнева С. А. 1) Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, 1958, № 62; 2) Половецкие погребения в урочище Каменная Балка. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962; 3) Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1963, № 109; Зяблин Л. П. 1) Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы. Автореф. канд. дис. М., 1952; 2) О «татарских курганах». — СА, 1955, № 22; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.

тами явились две кандидатские диссертации С. А. Плетневой и Л. П. Зяблина.

Значительные успехи в изучении кочевого общества, его политической истории были достигнуты при комплексном использовании археологических и письменных источников. В этой связи следует прежде всего отметить работы С. А. Плетневой. Она исследует хозяйство кочевников, их общественный строй, военное дело и вооружение, быт, религию, культуру и политическую историю. Характеризуя кочевническое хозяйство, С. А. Плетнева подчеркивает преобладание в нем скотоводства, наличие ремесла, связанного прежде всего с обработкой получаемых от скотоводства продуктов, переход части племен к земледелию и указывает на одну из значительных статей дохода — грабительские набеги.²⁸ Ряд важных наблюдений был сделан С. А. Плетневой при изучении жилищ, средств передвижения, одежды кочевников.²⁹ Что касается общественного строя, то у печенегов ею отмечены черты военной демократии, базисом которой являлся патриархально-родовой строй, а у половцев — зарождение феодальных отношений, последующее развитие которых привело половецкое общество во времена Кончака к созданию государственного образования (хотя и недолговечного).³⁰

Политическую историю половцев С. А. Плетнева разделяет на несколько периодов. Первый период (с середины XI до конца XI в.) — время политического подъема и образования двух половецких объединений во главе с ханами Боняком и Тугорканом (Западное объединение) и Шаруканем (Восточное). Второй период (конец XI—30-е годы XII в.) характеризуется разгромом обоих объединений Владимиром Мономахом. Третий период (30—70-е годы XII в.) — время активного участия половцев в междуусобных войнах на Руси и усиления грабежей и обогащений верхушки половецкого общества. Четвертый период (70—90-е годы XII в.) — эпоха хозяйственного и политического расцвета Восточного объединения, возглавляемого ханом Кончаком. Пятый период (конец XII в., до битвы на Калке в 1223 г.) — период постепенного упадка Восточного объединения, ослабления напора половцев на русские границы.³¹

Большое внимание в работе С. А. Плетневой уделено «черным клубкам» и их роли в истории Руси. Печенеги, торки, берендеи, турпеи, коуи, каепичи, половцы, получившие общее название «черных клубков», оседали на юге Руси и становились вассалами русских князей. Основной областью расселения «черных клубков» стало Поросье. Выступая помощниками киевских кня-

²⁸ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, с. 186—192.

²⁹ Там же, с. 196—200.

³⁰ Там же, с. 192—196.

³¹ Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. Диссертация, с. 324.—Хранится в ГБЛ.

зей во время феодальных усобиц, становясь орудием борьбы с разступшей раздробленностью страны, «черные клубуки» сыграли большую роль во внутриполитической жизни Руси.

Под влиянием же Руси у «черных клубуков» шел процесс феодализации; они переходили к оседлости, основывали свои города (Торческ, Юрьев, Канев и др.).

Подчеркивая неразрывную связь истории кочевников IX—XIII вв. с историей Древнерусского государства. С. А. Плетнева раскрывает различные стороны их взаимоотношений. «Русь не только давала военный отпор кочевникам, но как представитель более высокой культуры и общественного уклада воздействовала на кочевых соседей, постепенно подчиняя их своему влиянию и изменяя общее направление их политики». Влияние Руси сказывалось в «самых различных областях хозяйства и общественных отношений кочевников»: это и развитие земледелия, и широкое проникновение в степь русских ремесленников и, наконец, зарождение в кочевой среде феодализма.³²

Труд С. А. Плетневой был первым обобщающим исследованием, посвященным тюркоязычным кочевникам времен Киевской Руси.

Л. П. Зяблин поставил перед собой задачу уточнить с помощью археологического материала этническое деление отдельных групп кочевников и этнические границы, а также выяснить вероятные пути развития кочевников до их прихода в Восточную Европу. В основу исследования Г. А. Федорова-Давыдова³³ также лег археологический материал. (При этом учтено более 1000 комплексов и погребений кочевников X—XIV вв. Обрабатывая археологический материал, Г. А. Федоров-Давыдов применил математико-статистические методы). Автор посвятил свою работу изучению внутренней истории средневекового кочевнического общества — материальной культуры, быта, истории расселения и передвижений на территории степной Юго-Восточной Европы. Г. А. Федоров-Давыдов впервые проследил судьбы кочевых племен во времена господства Золотой Орды.

Ежегодные археологические раскопки предоставляли богатейший материал для всестороннего изучения кочевнического общества.³⁴ В результате впервые появились возможности изучения

³² Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, с. 226.

³³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.

³⁴ Кухарева Л. С. Могильник кочевников у села Максимовка на Днепре. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961; Макарова Т. И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв. — В кн.: Славянские древности. Археологический сборник, вып. 4. Л., 1962, с. 127—134; Конкин В. Н. Украшения из половецкого погребения. — СА, 1969, № 2, с. 269—271; Федорова-Давыдова Э. А. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области. — МИА, 1969, № 169; Кирпичников А. Н. 1) Погребение воина XII—XIII вв. из южной Киевщины. — В кн.: Сборник исследований и материалов Артиллерийского исто-

жилиц кочевников, тогда как до этого были известны лишь их погребения. В 1958 г. при раскопках правобережного Цымлянского городища удалось обнаружить остатки княжеской ставки, которая представляла собой кочевнические юрты с очагами в центре пола, расположенные по окружности вокруг жилища князя.³⁵

Большой вклад в изучение кочевников внесли работы советских антропологов. Результаты изучения костных остатков из погребений кочевнического могильника близ Саркела — Белой Вежи показали, что племена, оставившие этот могильник (а это были в основном печенеги и торки),³⁶ не представляли собой однородную в расовом отношении группу: имелись признаки как монголоидной, так и европеоидной рас с преобладанием последней.³⁷ В результате раскопок Саркела был открыт ценный археологический и антропологический материал для изучения истории печенегов и торков. Он позволил также на примере Хазарского каганата проследить процесс складывания культуры средневекового феодального государства кочевников.³⁸

В исторической литературе 50—60-х годов, посвященной международным отношениям и внешней политике Древнерусского государства, по-прежнему значительное место уделялось вопросам взаимоотношений восточных славян с кочевниками. Труды советских исследователей внесли много нового в изучение этой важной проблемы.

Исследуя исторические условия формирования русской народности, Л. В. Черепнин отмечал, что «процесс складывания древнерусской народности происходил в условиях ее борьбы за независимость», а борьба со степными кочевниками являлась «ускоряющим моментом» в этом процессе.³⁹ Подобного мнения был и И. В. Созин, который в качестве одного из факторов, ускоривших процесс перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму, называл соседство с кочевой степью. Этим

рического музея, вып. IV. Л., 1959; 2) Шлем XII в. из погребения кочевника (по материалам Кобяковской археологической экспедиции 1960 г.). — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962; 3) Древнерусское оружие. Мечи и сабли. — САИ, Е-1-36, вып. 2. М., 1966; вып. 3. Л., 1971, и др.

³⁵ Плетнева С. А. О построении кочевнического лагеря — вежи. — СА, 1963, № 3.

³⁶ Плетнева С. А. 1) Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1963, № 109, с. 259; 2) Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, с. 162, 214.

³⁷ Вуйч Л. Г. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1963, № 109, с. 439, 445; Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи, с. 258.

³⁸ Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I. — МИА, 1958, № 62; т. II, 1959, № 75; т. III, 1963, № 109.

³⁹ Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XVI в. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958, с. 26, 27.

обстоятельством он объяснял также и то, что в своем развитии восточные славяне миновали стадию рабовладения.⁴⁰

Подобную точку зрения разделяет и В. В. Каргалов,⁴¹ рассматривающий взаимоотношения восточных славян с кочевниками в плане влияния последних на процесс образования и развития феодальных отношений в Древнерусском государстве.

В. В. Каргалов выделяет несколько аспектов влияния борьбы с кочевниками на различные стороны жизни Древней Руси: переселение русских на север, утрата Черноморского побережья и степных путей, эволюция государственного строя, классовая борьба, процесс образования древнерусской народности.

Он рассматривает также вопросы, связанные с политическим строем половцев. Как и его предшественники А. И. Попов, С. А. Плетнева и З. М. Шарапова,⁴² он считает, что половцы находились на стадии разложения родо-племенных отношений и зарождения феодальных, причем соседство с Русью ускорило этот процесс. Он изучил также половецкие набеги на Русь и организацию борьбы Руси с половцами. В. В. Каргалов объясняет причины, побудившие огромные массы кочевников двинуться из Средней Азии в степи Причерноморья: он считает основным стимулом нападений печенегов на Русь не политику Византии, а скорее процессы, происходившие внутри самого печенежского общества.⁴³

Русско-печенежские отношения рубежа X—XI вв. изучал также И. М. Шекера. Определяя основные черты отношений Руси и кочевников, помимо военных действий, он отметил, что русские князья побуждали торков и отдельные колена других кочевников оседать на землю и что основной причиной разгрома торков русскими князьями явилась не византийская дипломатия, а стремление самой Руси обеспечить свои южные рубежи. И. М. Шекера считает, что не было союза Руси с Византией и западноевропейскими странами против половцев, о чем пишут современные буржуазные историки, и Русь вела борьбу с половцами один на один.⁴⁴

⁴⁰ Созин И. В. К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму. — ВИ, 1957, № 6.

⁴¹ Каргалов В. В. 1) Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, с. 4—61; 2) Половецкие набеги на Русь. — ВИ, 1965, № 9.

⁴² Шарапова З. М. Социально-экономический и политический строй у половцев. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1953, т. 28, вып. 2, с. 116—117, 121, 125.

⁴³ Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси, с. 28; Шарапова З. М. Социально-экономический и политический строй у половцев, с. 113.

⁴⁴ Шекера И. М. 1) Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. Київ, 1967; 2) Міжнародні зв'язки Київської Русі. Київ, 1963; 3) З історії зовнішньої політики Русі в період утворення і зміщення Древньоруської держави в VII—X ст. Київ, 1963, с. 94—129.

В. Т. Пашуто отметил большое значение Руси в борьбе с кочевниками Причерноморья.⁴⁵ Он рассмотрел отношения Древнерусского государства с кочевниками, «степную политику» русских князей в неразрывной связи с внутриполитическими процессами, происходившими в Киевской Руси, началом феодального дробления страны, чему в большой степени способствовало участие печенегов, торков и особенно половцев в феодальных распрях.⁴⁶

Привлекая большое количество русских и иностранных источников, В. Т. Пашуто показал гибкий характер «степной политики» русских князей.

Подчеркивая, что взаимоотношения с половцами — наиболее значительное явление русской политики, осложнившейся «отсутствием государственного единства на Руси и взаимной враждой среди половецких ханов», В. Т. Пашуто показывает решающую роль Руси в Полоцкой степи: в борьбе с половцами Русь «сумела... удержать лесостепную границу; вплоть до монгольского нашествия она (используя отношения с другими державами) сохраняла свои позиции на торговых путях — на Волге, Днепре, Днестре, Серете и Нижнем Дунае». Кроме того, «Русь оказывала все возрастающее влияние на судьбы Северного Причерноморья и на связанную с ним политику таких стран, как Венгрия, Болгария, Византия».⁴⁷

Запустение значительной территории Русской земли в полосе лесостепи между Днепром и Днестром в XI в. было отмечено П. А. Раппопортом в статье, посвященной истории Южной Руси.⁴⁸ П. А. Раппопорт связывает это запустение с набегами половцев, роль которых, по его мнению, в советской исторической литературе явно недооценивалась. Между тем постоянная половецкая угроза создавала настолько напряженную обстановку, что требовала от русских князей максимум военной силы и дипломатических действий. Основным направлением половецких ударов было не только Левобережье Днепра, но и более западные районы.⁴⁹ Археологические материалы, как показал П. А. Раппопорт, не подтверждают наличия на границе со степью сплошных оборонительных сооружений (Змиевые валы П. А. Раппопорт считает укреплениями более древнего происхождения). Более эффективной мерой защиты от половцев в этот период было строительство укрепленных пунктов — «городков», заселенных

⁴⁵ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

⁴⁶ Там же, с. 108.

⁴⁷ Там же, с. 116—118, 204—213; см. также: Пашуто В. Т. 1) Особенности структуры Древнерусского государства. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 98—99; 2) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, с. 81.

⁴⁸ Раппопорт П. А. Из истории Южной Руси в XI—XII вв. — ИСССР, 1966, № 5.

⁴⁹ Там же, с. 113—114.

специфической социальной группой — свободными воинами-земледельцами, военными поселенцами. Археологические исследования последних лет представили целый ряд таких городищ, относящихся к XII в., оборонительные конструкции которых имели как военное, так и хозяйственное значение, а культурный слой состоял из предметов вооружения и орудий земледелия.⁵⁰

Б. А. Рыбаков большое внимание уделил вопросу укрепления Южной Руси, строительству городов-крепостей для борьбы с кочевниками, «нарубанию» воинов для поселения их на пристепной окраине Древнерусского государства.⁵¹

В последние годы в исторической литературе влияние кочевников особо рассматривается в связи с вопросами русско-византийских отношений. Неоднократно отмечалось, что с 20—30-х годов X в. печенежская угроза стала важнейшим фактором антирусской политики империи.⁵² С середины XI в. между Русью и Византией стабилизировались дружественные отношения, что было в некоторой степени обусловлено общей половецкой опасностью. Борьба русских с половцами отвечала интересам Византийской империи. Нередко русские оказывали Византии непосредственную военную помощь.⁵³ Когда в XII в. Русь была отрезана от юга половцами и не имела возможности «оказывать военную поддержку Византийской империи в прежних масштабах», это привело к значительному ослаблению контактов между Русью и Византией.⁵⁴ Несмотря на общую опасность, ни Русь, ни Византия не предпринимали никаких попыток «согласовать свои удары по кочевникам».⁵⁵

Вместе с тем, как установил Г. Г. Литаврин, «Русь оказала Византии (и вообще всей Европе) неоценимую услугу, сковав один из мощных потоков тюркской агрессии, устремившихся из глубин Азии по берегам Черного моря к горлу византийской столицы на Босфоре».⁵⁶

Внимание советских исследователей не мог не привлечь вопрос об отражении многовековой борьбы восточных славян с кочевниками в устном народном творчестве.⁵⁷

⁵⁰ Там же, с. 116.

⁵¹ Рыбаков Б. А. 1) Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 61—62, 72—73, 141—142, 145—150; 2) Владимиры крепости на Стугне. — КСИА, 1965, вып. 100; 3) Застава богатырская на Стугне. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966.— В этом же плане украинскими археологами был изучен город Воинь (Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воінь. Київ, 1966).

⁵² История Византии, т. II. М., 1967, с. 230—231.

⁵³ Там же, с. 353.

⁵⁴ Литаврин Г. Г. Русь и Византия в XII в. — ВИ, 1972, № 7, с. 52.

⁵⁵ Там же, с. 38.

⁵⁶ Там же, с. 52.

⁵⁷ См. с. 220—223 настоящего издания. См. также: Рыбаков Б. А.

1) Исторический взгляд на русские былины. — ИССР, 1961, № 5—6;
2) Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи; 3) Первые века русской истории. М., 1964.

Б. А. Рыбаков, исходя из принципов «исторической школы» фольклористики, определил в персонаажах былин Киевского цикла Кудреване, Шарк-великане, Скурло, Атраке, Коньшаке, Тугарине Змеевиче исторических половецких ханов — Шарукана, Сугру, Отрака (или Атрака), Кончака, Тугоркана. Он считает также возможным датировать создание былин, посвященных борьбе Руси с кочевниками и главным образом с половцами, связывая былинных героев с историческими лицами, упоминаемыми русскими летописями.

Фольклористы В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, А. М. Астахова, напротив, исходили из того, что «народная поэзия не фактографическая хроника» и «тщетно... искать в ней изображение отдельных исторических событий или исторических лиц»,⁵⁸ что герои эпоса «ни к каким историческим прототипам не восходят».⁵⁹ Исключение было сделано для Тугарина (Тугарина Змеевича), под которым подразумевался летописный половецкий хан Тугоркан.⁶⁰

К теме «Русь и кочевники» могут быть отнесены частично вопросы русско-венгерских отношений, которым был посвящен в последние годы ряд исследований (см. с. 184 настоящего издания).

Таким образом, можно констатировать неуклонно возрастающий интерес к проблемам взаимоотношений восточных славян с кочевыми народами, почти трехсотлетнее пребывание которых в причерноморских степях оставило глубокий след в истории славянских народов. Несмотря на то что круг письменных источников, находящихся в распоряжении исследователей, почти не увеличился, советская историческая наука в освещении проблем взаимоотношений Руси с кочевниками достигла значительных успехов. Это объясняется тем обстоятельством, что к решению данных вопросов были привлечены материалы, добытые и изученные археологами и антропологами, а также исследования советских лингвистов. В трудах советских исследователей подчеркнуто большое влияние, которое кочевники оказали на различные стороны жизни Древнерусского государства как в плане социально-экономическом, так и общественно-политическом, и указано на проявлявшийся в еще большей степени обратный процесс — влияние Руси на кочевое население степей.

В то же время подчеркнута огромная роль Древнерусского государства, отстоявшего в борьбе с кочевниками свою независимость, национальное единство и культуру и защитившего от кочевых племен другие страны Европы и Византию.

⁵⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958, с. 217.

⁵⁹ Путилов Б. Н. Русский песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, с. 25—26; Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 61—78.

⁶⁰ Былины. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. Т. 1. М., 1958, с. 244—255; Пропп В. Я. Русский героический эпос, с. 206—224, 577—578.

Фольклор, письменность и научные знания в Киевской Руси

БЫЛИНЫ

Былины Киевского цикла почти всеми исследователями справедливо рассматривались как центральное ядро русского эпоса, как основа и исходная точка его многовекового развития. При изучении былин Киевского цикла главное внимание неизменно сосредоточивалось на таких узловых общих проблемах, как время возникновения русского эпоса, его создатели и хранители (эпическая среда), его эволюция, характер его историзма.

В изучении русского эпоса вообще и Киевского цикла в частности в советской науке ясно могут быть выделены три периода: 1918—1936, 1937—1954 гг., 1955 г.—по настоящее время.¹

Первый период проходит под знаком почти безраздельного господства научных идей и методических принципов так называемой исторической школы — ведущего направления в предреволюционные годы и стремления ряда ученых соединить эти идеи и принципы с развивавшимся марксистско-социологическим методом и с основными положениями исторических концепций М. Н. Покровского и его школы.

В 1924 г. вышел третий том «Очерков русской народной словесности» Вс. Ф. Миллера, получивший поддержку историков русского эпоса.

Главные положения исторической школы, относившиеся к киевским былинам, могут быть сведены к следующему. В XI в. создается «Владимиров цикл героических сказаний, первообраз позднейших былин». Сказания эти имели характер исторических песен, одни из которых воспевали князей, другие — подвиги «храбров». Эта поэзия «носила аристократический характер», песни «слагались княжескими и дружинными певцами», и если они и доходили «до низшего слоя народа», «то могли только иска- жаться в этой темной среде». В песнях XI—XII вв. был значителен собственно исторический элемент, который постепенно ослаблялся и заслонялся фантастикой и вымыслом. Былины, сохранившиеся в памяти севернорусских сказителей, представляют собою результат последовательных искажений и изменений древ-

¹ Результаты исследования русского эпоса за время его научного изучения, собирания, издания обобщены в монографии: А стахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения. Л., 1966.

них исторических песен, и поэтому конкретно-исторический субстрат может быть обнаружен в этих былинах лишь в итоге сложных разысканий.² Важной частью таких разысканий является анализ летоисчислительных и иных литературных данных и сопоставление их со следами, оставшимися от древности в самих былинах.

Эти принципиальные положения исторической школы разделялись, поддерживались и развивались большинством исследователей былин в 20—30-е годы.

Появившаяся в 1924 г. книга А. П. Скафтымова, подвергнувшего концепцию исторической школы аргументированной критике и показавшего ее методические и методологические пороки,³ была встречена весьма холодно и поддержки не получила. Исследователи былин прошли мимо серьезных предупреждений, высказанных А. П. Скафтымовым.

К 20-м—началу 30-х годов относятся прежде всего работы А. И. Лященко, В. Ф. Ржиги и Б. М. Соколова.

Для А. И. Лященко исходным моментом в изучении отдельных былинных сюжетов является известный тезис исторической школы о первичности реально-исторических мотивов и вторичности фантастического элемента.⁴ По его мнению, севернорусские былины — это поздние обломки русского эпоса, результат искажения древних исторических песен; фантастика былин — наносный элемент, появляющийся «вследствие буквального понимания образных выражений».⁵

А. И. Лященко доводит методику конкретно-исторических интерпретаций былинных сюжетов до крайней изощренности. Он привлекает материалы русских и иностранных исторических и литературных источников в необычайно широком объеме и препарирует их с особым искусством. Его опыты по идентификации былинных персонажей остроумны, внешне блестящи и парадоксальны, причем он усматривает связь между историческим прототипом и былинным образом не только в именах, в действиях, но даже и в характерах.⁶

В. Ф. Ржига в своих статьях подводит тщательные итоги прежних изучений сюжетов, критически их оценивает и, полностью оставаясь в рамках методики исторической школы, огра-

² Миллер Вс. Ф. Очерки русской народной словесности, III. Былины и исторические песни. М.—Л., 1924, с. 23—32.

³ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Очерки. Москва—Саратов, 1924.

⁴ Лященко А. И. Былина о Дюке Степановиче.—ИОРЯС, 1926, т. XXX, с. 137.

⁵ Там же, с. 138—141.

⁶ Там же.—См. также: Лященко А. И. 1) Былина о Соловьеве Будимировиче и сага о Гаральде.—В кн.: *Sertum Bibliologicum* в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Игр., 1922; 2) Былина о бое Ильи Муромца с сыном.—В кн.: Краткий отчет о деятельности Общества древней истории письменности и искусства за 1917—1923 годы. Л., 1925.

ничивается дополнительными соображениями в пользу того или иного приурочения.⁷

Среди исследователей 20-х годов центральное место принадлежит Б. М. Соколову. В своих работах он соединял интерес к живой севернорусской эпической традиции с постоянным вниманием к вопросам истории русского эпоса. Он был убежден в том, что первоначально эпос был историческим в прямом значении этого слова, что он заключал в себе отклик на политические события текущего времени и что «ядро русских былин сложилось в эпоху расцвета столичного Киева, т. е. до 2-й половины XII века».⁸ С течением времени этот эпос, в создании которого главная роль принадлежала дружинным певцам, скоморохам и каликам и который носил национальный характер, «спустился в простонародную крестьянскую среду».⁹ С позиций теории аристократического происхождения былин Б. М. Соколов рассматривал и проблему международных связей русского эпоса.¹⁰

Именно в работах Ю. М. Соколова с наибольшей ощущимостью сказалось стремление объединить основные положения исторической школы с так называемым «историко-социологическим методом».¹¹

«Крестьянский класс» не создал былины, он лишь унаследовал творчество «других социальных групп». Об этом свидетельствует «анализ тематики, сюжетов, бытовых подробностей и классовой тенденции былин».¹² Ученый ставит задачу социологического анализа былин с целью выявления основных исторических (и одновременно классовых) слоев в них. Крестьянский слой оказывается не столь мощным. Идя вглубь, Б. М. Соколов обнаруживает «боярский московский слой», «буржуазно-торговый слой», «церковно-паломнический слой» и, наконец, «княжеско-дружинный слой», который признается им в русском эпосе основным «хронологически и количественно».¹³

Исторический комментарий, собранный Б. М. Соколовым, в значительной мере восходящий к названным выше «Очеркам» Вс. Ф. Миллера, составил основной фонд для конкретно-исторических истолкований былин, который впоследствии — с некоторо-

⁷ Ржига В. Ф. 1) О Чуриле Пленковиче. — ИОРЯС, 1924, т. XXVIII; 2) Микула Селянинович. — Там же, 1929, т. II.

⁸ Соколов Борис. Былины. Исторический очерк, текст и комментарии. М., 1918.

⁹ Там же, с. 16.

¹⁰ Соколов Б. 1) Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. (Германо-русские отношения в области эпоса). — Учен. зап. Гос. Саратовского ун-та, т. I, вып. З. Словесно-историческое отделение ф-та, 1923; 2) Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу. — В кн.: Художественный фольклор, II—III. М., 1927; 3) Русский фольклор, I. Былины. Изд. 2-е. М., 1931, с. 62.

¹¹ Соколов Ю. Очередные задачи изучения русского фольклора. — В кн.: Художественный фольклор, I. М., 1926.

¹² Соколов Б. М. Русский фольклор, с. 32.

¹³ Там же, с. 59.

рыми вариациями — постоянно повторялся в литературе. Подчас он приобретал вульгарно-социологический характер, как, например, относительно Микулы Селяниновича: крестьянин-богатырь был квалифицирован как кулак.¹⁴

Аналогичные крайности, проявлявшиеся как в общих характеристиках эпоса, так и в оценках отдельных сюжетов и героев, весьма определенно оказались в предназначении для школы и несколько раз переиздававшейся книге В. А. Келтуялы.¹⁵

Автор стремился каждую былину истолковать как отражение в ней классовых столкновений и делал это в характерной для вульгарно-социологического метода манере. Так, в былине о Вольге и Микule он усматривал тему столкновения торговой буржуазии с земледельческим классом и с киевскими правящими кругами.¹⁶

В том же историко-социологическом плане, характерном для литературоведения конца 20-х—начала 30-х годов, но без особых крайностей, проявившихся у Б. М. Соколова и В. А. Келтуялы, интерпретировал былины Киевского цикла П. Н. Сакулин.¹⁷

В ранних работах А. М. Астаховой также преобладал подход к былинам в духе современной ей науки. Однако для нее было характерно особенное внимание к живым творческим процессам в былинном эпосе, она рассматривала крестьянских сказителей как творческих преемников древнерусской эпической традиции. В вопросах историзма былин ее интересовали в первую очередь не идентификации и приурочения, а выявление более широких исторических и социальных связей.¹⁸

К середине 30-х годов с полной резкостью обозначился кризис в изучении русского эпоса. Считавшиеся незыблыми положения исторической школы и методология вульгарного социализма оказались в глубоком противоречии с подлинным марксистско-ленинским пониманием истории, роли народных масс в историческом процессе и в создании культуры, в художественном творчестве. Перестройка исторической науки, пересмотр принципиальных взглядов на историю Древней Руси, критика методологии и фактической ошибочности школы М. Н. Покровского не могли не выявить существенных недочетов в понимании и изучении былин.

В самой фольклористике постепенно стало обнаруживаться глубокое несоответствие основных положений исторической

¹⁴ Там же, с. 32.

¹⁵ Былины. Примечания и объяснительные статьи В. А. Келтуялы. Изд. 3-е, стереотипное. М.—Л., 1930.

¹⁶ Там же, с. 132—133.

¹⁷ Сакулин П. Н. Русская литература. Часть первая. Литературная старина. М., 1928.

¹⁸ См., например, статью «Русские былины» в кн.: Русский фольклор. Эпическая поэзия. Общая ред. М. Азадовского. Статьи, редакция и примечания А. Астаховой и Н. Андреева. М.—Л., 1935.

школы результатам широких наблюдений над творческой жизнью былин в обстановке Русского Севера.

Состоявшийся в 1934 г. Первый съезд советских писателей, доклад и речь на нем М. Горького, посвятившего столь большое внимание фольклору как подлинно народному творчеству, подчеркнувшего непреходящее значение фольклорных, в том числе эпических, образов, — все это вплотную подвело фольклористику к необходимости решительного пересмотра прежних взглядов на сущность и характер эпоса.

В этих условиях плодотворную роль для науки сыграло известное постановление Комитета по делам искусств при СНК СССР по поводу пьесы Демьяна Бедного «Богатыри» (1936 г.). «Это постановление послужило исходным пунктом для пересмотра ряда принципиальных вопросов... в области теории былевого эпоса».¹⁹ Наиболее полному и решительному пересмотру подверглись вопросы идейной сущности былин, роли народа в создании и хранении русского эпоса, характера его позднейших судей.

Теория аристократического происхождения былин, долгое время господствовавшая в науке, была не просто отвергнута, но с большой аргументированностью опровергнута в ряде статей и выступлений ученых в 1937—1938 гг. В самих былинах легко выявился обширный и яркий фактический материал, убедительно свидетельствовавший об изначальной и органической народности эпоса, о выражении в нем подлинно народных идеалов и настроений. Уже в довоенных работах были хорошо раскрыты такие особенности русского эпоса, как патриотизм и героическая направленность, демократизм, антикняжеские и антибоярские идеи, ярко выраженные крестьянские мотивы,²⁰ идеи защиты родины от захватчиков. В годы Великой Отечественной войны героические былины законно воспринимались — наряду с общим литературным и художественным наследием народов СССР — как духовное оружие в борьбе против фашизма, как поэтическое выражение народного патриотизма и стойкости перед лицом врага.²¹

¹⁹ Азадовский М. К. Советская фольклористика за 20 лет. — В кн.: Советский фольклор. Сборник статей и материалов, № 6. М.—Л., 1939, с. 32.

²⁰ Соколов Ю. М. 1) Русский былинный эпос. (Проблема социального генезиса). — Литературный критик, 1937, № 9; 2) Русский фольклор. Учебник для вузов. М., 1938; Владимирский Г. Героика былин. — Звезда, 1937, № 2; Избранные былины. Тексты, записанные в Карелии. Редакция и вступительная статья А. Нечаева. Петрозаводск, 1937; Изд. 2-е, 1938; Былины Севера, том первый. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., 1938; Русский фольклор. Хрестоматия для вузов. Составил Н. П. Андреев. М., 1938; Былины. Русский героический эпос. Вступительная статья, редакция и примечания Н. П. Андреева. Л., 1938; Былины. Редакция и примечания М. Булатова. М.—Л., 1938; изд. 2-е, 1942; Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода. — В кн.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, и др.

²¹ См., например: Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. М.—Л., 1941; Русский патриотический фольклор.

В послевоенные годы продолжалось осмысление народности русского эпоса.²² В науку тех лет прочно вошла идея о народном происхождении эпоса. Былины слагались народными сказителями, а не придворными певцами.

По-новому был поставлен вопрос о роли дружинной среды в создании эпоса. «Сама дружина... была неоднородна (старшая и младшая дружины)». Дружинные певцы, «конечно, не являлись представителями дружинной верхушки, а занимали гораздо более скромное место и по большей части, вероятно, являлись как раз выходцами из народной среды».²³ Вновь было предложено положительное решение вопроса об участии скоморохов в создании былин.²⁴

В свете нового понимания народности эпоса решительно был пересмотрен вопрос об отношении былинного наследия, хранившегося в крестьянской среде, к древнерусскому эпосу. Наиболее значительны и доказательны здесь были работы А. М. Астаховой. Она убедительно опровергла прежние теории — «взгляд на позднейший период жизни былин как на процесс последовательного искаżenia и изживания» и «точку зрения, трактовавшую позднейший период как коренную переработку эпического наследия, пришедшего к крестьянам из идеологически чуждой среды, от социальных верхов».²⁵ А. М. Астахова показала, что искусство северных сказителей-крестьян непосредственно восходит к искусству народных певцов древнейших времен и что «сущность творческих процессов в северный период бытования былин... следует определить как дальнейшее развитие подлинно народных основ эпоса, как углубление и развертывание былинных образов в свете представлений северного крестьянства».²⁶

Если в понимании ряда коренных проблем былинного эпоса

Материалы научно-творческого совещания. «Великая Отечественная война в устном народном творчестве». М., 1945; Чичеров В. И. Былинные богатыри. — В кн.: Народ-богатырь. IX—XII. М., 1948.

²² Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948; Избранные былины. Подготовка текста, статья и примечания А. Астаховой. Петрозаводск, 1947; Былины. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания Б. Богомолова. Л., 1950; изд. 2-е, 1954; Героические былины. Составление, редакция текстов и вводная статья В. Чичерова. М.—Л., 1951.

²³ Андреев Н. П. Былины. — В кн.: Былины. Русский героический эпос. Л., 1938, с. 18.

²⁴ Там же. — Н. П. Андреев отмечает, что из народной среды выходили и «калики переходные». О скоморохах см. также: Былины Севера, том первый, с. 18—19; Морозов А. А. М. Д. Кривополенова и наследие скоморохов. — В кн.: Кривополенова М. Д. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950.

²⁵ Былины Севера, том первый, с. 14—15.

²⁶ Там же, с. 19. — Подробному исследованию этих процессов была посвящена монография А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере».

советская наука 30-х—начала 50-х годов заявила о решительном разрыве с традициями исторической школы и заново осмыслила вопросы народности эпоса, его позднейших судеб, его художественной и идеальной ценности, то в понимании историзма былин поворот к новому не был столь же последовательным.

Правда, многочисленные идентификации эпических героев и приурочения, предложенные учеными исторической школы, в это время не особенно пользуются в научной литературе популярностью и принимаются часто с большими оговорками. В богатырях видят прежде всего идеальные образы, в которых обобщаются те или другие народные представления, в героике былин усматривают отражение прежде всего той эпохи, когда «русский народ борется с кочевниками, отстаивая свою независимость, свою культуру».²⁷

Вместе с тем отдельные сюжеты и былинные персонажи продолжают истолковываться в соответствии с традициями исторической школы. Ю. М. Соколов переносит в свои комментарии весь основной набор исторических идентификаций и приурочений, принадлежащий Вс. Ф. Миллеру и его школе.²⁸ Более сдержанно делает это Н. П. Андреев.

А. И. Никифоров, восстанавливая состав былинного эпоса Киевской Руси, опирается в основном на результаты работ ученых исторической школы. Развивая традиции исторической школы, он обнаруживает былинные сюжеты, якобы утраченные устной традицией, и ритмически организованные отрывки былин в летописи (рассказы о женитьбе Владимира на Рогнеде, о единоборстве переяславского юноши с печенежином, о единоборстве Мстислава с Редедео и др.).²⁹

Наиболее последовательной для науки того времени была позиция А. М. Астаховой. В первом томе «Былин Севера» она дала обширный библиографический и историографический комментарий, который явился сжатым итогом изучения отдельных былинных сюжетов. Естественно, что центральное место в этом комментарии заняли материалы, связанные с разысканиями исторической школы. А. М. Астахова высказывает довольно последовательно свой скептицизм в отношении предложенных идентификаций и приурочений, выражает несогласие с установленвшимися точками зрения и конкретно-историческими толкованиями. Для нее в большинстве случаев «приурочения к определенному историческому факту все же остаются гипотетическими».³⁰

---

²⁷ Избранные былины. Тексты, записанные в Карелии, с. 7.

²⁸ Былины. Сборник для учащихся средней школы. М., 1937, с. 256—259, 261—265.—См. также: Соколов Ю. М. Русский фольклор, с. 252—253.

²⁹ Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода, с. 249—255.

³⁰ Былины Севера, том первый, с. 564.

Проблемы былинного эпоса Киевской Руси получили довольно широкое отражение в послевоенные годы в трудах историков древнерусской литературы.

Основной подход к этим проблемам был обусловлен принципиально новым для литературоведения пониманием народности древнерусской литературы, ее классового характера и художественной специфики.³¹ В этих трудах мы находим стремление выяснить характер и состав киевского эпоса, особенности его историзма, пути его возникновения и дальнейшего развития, установить возможные границы его исторической интерпретации.

По мнению историка древней русской литературы Д. С. Лихачева, «судить о народном творчестве XI и предшествующих веков мы можем только по его остаткам в письменности. Реконструировать народное творчество по записям более позднего времени (XVII—XX вв.) вряд ли возможно: народное творчество развивается так же, как и литература. Представления об исконной неподвижности народной поэзии давно ушли в прошлое. Только современные самим произведениям народного творчества их отражения в письменности дают нам возможность более или менее твердо судить о том, какими они были».³² В других своих трудах Д. С. Лихачев несколько отходил от этой точки зрения и считал возможным довольно широко опираться на позднейшие записи былин для восстановления былевого эпоса Киевской Руси.³³

Понимание Д. С. Лихачевым историзма былин в ряде существенных моментов противостоит взглядам исторической школы, хотя в других отношениях и перекликается с ними.

Если ученые исторической школы видели в былинах «остаток прошлого», сохранившийся в них вследствие «особой традиционности эпоса», то Д. С. Лихачев выдвигает на первый план тезис о том, что былина есть «художественно-историческое произведение о прошлом». «Ее отношение к прошлому активно: в ней отражены исторические воззрения народа в еще большей мере, чем историческая память. Историческое содержание былин передается сказителями сознательно. Сохранение исторически ценного в эпосе (будь то имена, события, социальные отношения или даже исторически верная лексика) есть результат сознательного, исторического отношения народа к содержанию эпоса».³⁴

³¹ См., например: А д р и չ н о в а - П е р е т չ В. П. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРЛ, 1951, VIII.

³² Л и х а ч е в Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, с. 70.

³³ См. написанные Д. С. Лихачевым разделы «Былевой эпос X—первой половины XI века» и «Былевой эпос феодальной раздробленности» в кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, с. 178—207, 222—237.

³⁴ Там же, с. 183. — См. также: Л и х а ч е в Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 50—51.

Д. С. Лихачев считает, что позднейшие былины сохранили от киевского периода не форму и не механический набор некоторых фактов, а «понимание народом самого смысла происходящих событий..., социальные отношения раннефеодальной Руси, классовую борьбу и т. д.»³⁵

В работах Д. С. Лихачева обстоятельно рассмотрен вопрос об «эпическом времени» былин. Таким «эпическим временем» для всего русского героического эпоса оказывается «раннефеодальный период русской истории», к этому времени народное творчество относит все события и всех героев эпоса, социальные представления, конфликты и т. д.³⁶

Для концепции «эпического времени» Д. С. Лихачева характерно также плодотворное утверждение о том, что «социальные отношения эпического времени не столько отвечали реальной действительности X—XI вв., сколько в известной мере отвечали стремлениям народа выразить в своем творчестве желаемое, чаемое и ожидаемое».³⁷

Д. С. Лихачев сделал важное открытие, которое подрывало один из основных постулатов исторической школы. Как известно, представители этой школы искали прототипов былинных героев в летописях. Д. С. Лихачев показал, что прославленный богатырь Алеша Попович сам стал своеобразным прототипом для летописного персонажа.³⁸

В 50—60-е годы в изучении русского эпоса на первый план выдвигаются широкие и по-новому осознаваемые исторические и генетические проблемы. Этому во многом способствовали общий поворот в фольклористике к проблемам истории, оживленное обсуждение методических аспектов исторического изучения, значительные успехи в сравнительно-историческом изучении эпического творчества народов СССР.

В обозреваемый период состоялся ряд интересных дискуссий, посвященных как собственно русскому эпосу, так и более широкому кругу вопросов, среди которых заметное место занимали вопросы истории былин: совещание по вопросам генезиса и истории героического эпоса и исторической песни восточных славян (1955 г.);³⁹ всесоюзное совещание, посвященное вопросам изучения и публикации эпоса народов СССР (1958 г.);⁴⁰ IV Между-

³⁵ Там же, с. 184.

³⁶ См. также: Лихачев Д. С. 1) «Эпическое время» русских былин. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; 2) Возникновение русской литературы, с. 53—59.

³⁷ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы, с. 62—63.

³⁸ Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. — ТОДРЛ, 1949, VII.

³⁹ Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958; Историчний епос східних слов'ян. Збірник праць. Київ, 1958.

⁴⁰ Вопросы изучения эпоса народов СССР. Изд. Ин-та мировой литературы им. М. Горького (на правах рукописи).

народный съезд славистов (1958 г.);⁴¹ конференция по проблемам историзма эпоса (1964 г.) и др.

Центральным событием рассматриваемого периода явился фундаментальный труд В. Я. Проппа по истории былин.⁴² В. Я. Пропп показал, что конкретный или эмпирический историзм, связь с летописными фактами истории и реальными лицами не характеризуют былинный эпос как систему. Попытки выявить конкретные отражения в былинах и привязать былины к определенным датируемым событиям оказываются обреченными на неудачу не потому, что, как думали ученые исторической школы, первоначальный конкретно-исторический материал подвергается с течением времениискажению и переработке, а потому, что былина как художественное явление возникает не на фактической летописной основе, а на основе исторически обусловленного художественного вымысла.

«Былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа... Задача исследователя состоит в том, чтобы установить исторические стремления народа, выраженные в его эпосе.

Отсюда вытекает необходимость изучать эпос не применительно к отдельным частным событиям истории, а применительно к эпохам, периодам ее развития».⁴³

В. Я. Пропп настаивал на необходимости широкого исторического анализа всего содержания былин, а не одних лишь реалий, имен и сюжетных ситуаций. При этом он подчеркивал обязательную необходимость учета специфики эпоса как искусства, подчиняющегося своим закономерностям и нормам и в этом отношении принципиально отличающегося от летописи и вообще литературного творчества.

С одной стороны, «любая былина относится не к одному году и не к одному десятилетию, а ко всем тем столетиям, в течение которых она создавалась, жила, шлифовалась, совершенствовалась или отмирала... Поэтому всякая песнь носит на себе печать пройденных столетий... Былина... содержит отложения всех пройденных ею веков. Решающее значение для отнесения к той или иной эпохе будет иметь выраженная в ней основная идея».⁴⁴ С другой стороны, любое эпическое произведение возникает на

⁴¹ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Том первый. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962.

⁴² Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955; изд. 2-е. М., 1958. — См. также: Пропп В. Я. 1) Основные этапы развития русского героического эпоса. Доклад для IV Международного съезда славистов. М., 1958; 2) Об историзме русского фольклора и методах его изучения. — Учен. зап. ЛГУ, 1968, № 339. Серия филол. наук, № 72; Былины в двух томах. Подготовка текста, вступит. статья и примечания В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958.

⁴³ Пропп В. Я. Русский героический эпос, изд. 2-е, с. 26—27.

⁴⁴ Там же, с. 26.

основе предшествующей традиции, как бы рождается из этой традиции путем ее трансформации и переосмысления, отрицания.

В. Я. Пропп впервые предпринял попытку восстановить ранние формы эпоса, предшествовавшие эпосу Киевской Руси, и показать их преемственную связь. Он обнаружил в русском эпосе целую систему связей, указывающих на то, что Киевскому былинному циклу исторически предшествовал эпос «догосударственной эпохи», эпос периода разложения родового строя.⁴⁵

В. Я. Пропп возражал против трактовки Киевского эпоса как «воспоминания о прошлом», как «рассказанной народом истории». По его словам, «эпос живуч не воспоминаниями прошлого, а тем, что он отражает идеалы, которые лежат в будущем. Он отражает не события той или иной эпохи, а ее стремления».⁴⁶

Признавая, что русский эпос эволюционировал и изменялся на протяжении столетий, В. Я. Пропп в то же время был убежден в большой стойкости и жизненности эпических традиций. С его точки зрения, былины Киевского цикла не были в позднейшее время ни искажены, ни качественно преобразованы; поздние, известные науке, былины представляют собой результат естественной и закономерной эволюции древнерусского эпоса и преемственно с этим последним связаны. Историческая песня не была предшественницей былины, а напротив, возникла сравнительно поздно и пришла как бы на смену былинному эпосу.

Положения и идеи, содержащиеся в работах В. Я. Проппа, продолжали развиваться и уточняться исследователями 50—60-х годов. Более глубокому изучению подверглись эпические памятники архаического типа, в результате чего дальнейшее обоснование получила гипотеза о догосударственном эпосе восточных славян.⁴⁷

Русский эпос рассматривался в сравнительном плане на основе современных историко-типологических принципов, что привело к выявлению его широких и разнообразных типологических связей с эпосами других народов — в сюжетике, в изображении героев, в отношении к исторической действительности.⁴⁸

⁴⁵ Там же, с. 29—58.

⁴⁶ Там же, с. 64.

⁴⁷ Мелетинский Е. М. 1) Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963; 2) Народный эпос. — В кн.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964; Жирмунский В. М. Сказание об Алпашье и богатырская сказка. М., 1960.

⁴⁸ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. Доклад для IV Международного съезда славистов. М., 1958; Путялов Б. Н. 1) Юнацкие песни Косовского цикла и русский эпос. — РЛ, 1966, № 2; 2) Проблемы жанровой типологии и сюжетных связей в русском и южнославянском эпосе. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968; 3) Русские и южнославянские эпические песни о змееборстве. — В кн.: Исторические связи в славянском фольклоре. Русский фольклор, XI. М.—Л., 1968;

В ряде работ получила конкретизацию и развитие поставленная В. Я. Проппом задача исследования эволюции эпического историзма, исторического содержания отдельных былин.⁴⁹ Было установлено, что историческая песня как жанр возникает в ходе развития фольклорного историзма и является по сравнению с былинной более поздней формой.⁵⁰

В. И. Чичеров в своей характеристике Киевского эпоса исходил из того, что при определенных исторических условиях «история обобщалась в поэтических произведениях», в былинах.⁵¹

В обзоре былин Киевского цикла В. И. Чичеров оставляет в стороне столь характерные для исторической школы вопросы идентификации былинных персонажей и приурочения былинных

4) Типологические встречи южнославянского и русского героического эпоса. — Работата на XIII Конгрес на Сојузот на фолклористите на Југославије во Дојран 1966 година. Скопје, 1968; 5) Славянские эпические песни о сватовстве. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970; 6) Русский и южнославянский героический эпос. Историко-типологическое исследование. М., 1971; Робинсон А. Н. Эпос Киевской Руси в соотношении с эпосом Востока и Запада. — ИАН СССР, серия литературы и языка, 1967, вып. 3; Смирнов Ю. И. 1) Славянская эпическая общность (изменчивость уровней эпики). — СС, 1967, № 6; 2) Былина «Иван Гостиный сын» и ее южнославянские параллели. — В кн.: Исторические связи в славянском фольклоре. Русский фольклор, XI. М.—Л., 1968.

⁴⁹ Былины. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. Л., 1957; Путилов Б. Н. 1) История одной сюжетной загадки (былина о Михаиле Козарине). — В кн.: Вопросы фольклора. Томск, 1965; 2) Об историзме русских былин. — В кн.: Специфика фольклорных жанров. Русский фольклор, Х. М.—Л., 1966; 3) Северно-русская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу. — В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973; Цапенюк И. П. Питання розвитку геройчного епосу східних слов'ян. Київ, 1959; Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956; Митропольская Н. Тема защиты родины в русском героическом эпосе. — Учен. зап. Вильнюсского гос. ун-та, 1958, № 18. Серия историко-филол. наук, т. 4; Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., 1958; Смолицкий В. Г. Былина о Дунае. — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965; Юдин Ю. И. Композиция героических былин. — Вестник ЛГУ, 1966, № 14; Селиванов Ф. М. 1) Былина об Илье Муромце и Соловьев-разбойнике. — В кн.: Фольклор как искусство слова. М., 1966; 2) Сюжет и композиция былины о Вольге (Волхе). — Вестник МГУ, филология, 1969, № 3; Вилинбахов В. Б. Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре. — Slavia occidentalis, Варшава, 1965, т. 25; Вилинбахов В. Б., Эигроватов Н. Б. Где была Индия русских былин? — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965.

⁵⁰ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960; Народные исторические песни. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. М.—Л., 1962; Исторические песни. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания В. И. Чичерова. Л., 1956; Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958.

⁵¹ Чичеров В. Вопросы теории и истории народного творчества. М., 1959, с. 273.

сюжетов, сосредоточивая внимание на выявлении обобщающего художественного значения эпической истории.⁵²

В науке 50—60-х годов проявился и другой подход к пониманию историзма былинного эпоса и изучению проблем возникновения и истории былин Киевского цикла. Наиболее определенно он сказался в работах Б. А. Рыбакова,⁵³ М. М. Плисецкого,⁵⁴ Р. С. Липец,⁵⁵ А. В. Позднеева,⁵⁶ в некоторых поздних работах Д. С. Лихачева⁵⁷ и других исследователей. Эти исследователи исходят из убеждения в конкретном («летописном») историзме былин. Они полагают, что в основе былин лежат конкретные исторические факты и что у былинных персонажей есть определенные исторические прототипы, что былина возникает из потребностей фиксации реальных исторических событий.

Первоначально былина — это историческая песня, затем она превращается в собственно былину, но при этом сохраняет исторически значимое содержание. Этот вывод основывается на всей совокупности новейших данных по истории Древней Руси.

Вопрос об историзме былин, то есть о соотношении эпического мира с реальным миром Древней Руси — социальными отношениями, бытом, материальным миром, о соотношении эпических событий с политической историей X—XII вв., эпических героев с людьми того времени, продолжает оставаться в центре внимания современной науки, вызывая оживленные споры.⁵⁸ Основ-

⁵² Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959, с. 215—232. — См. также: Ухов П. Д. Былины. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под ред. П. Г. Богатырева. Изд. 2-е. М., 1956, с. 325—326; Былины. Вступительная статья, подбор текстов и примечания П. Д. Ухова. М., 1957, с. 12—13 и сл.

⁵³ Рыбаков Б. А. 1) Исторический взгляд на русские былины. — ИСССР, 1961, № 5, б; 2) Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; 3) Первые века русской истории. М., 1964; 4) Русские былины. — В кн.: Три богатыря. Былины. М., 1967.

⁵⁴ Плисецкий М. М. 1) Историзм русских былин. М., 1962; 2) Взаимосвязь русского и украинского героического эпоса. М., 1963.

⁵⁵ Липец Р. С. 1) Эпос и Древняя Русь. М., 1969; 2) К вопросу о генезисе былин (город в русском эпосе). — СЭ, 1967, № 6; Липец Р. и Рабинович М. К вопросу о времени сложения былин (вооружение богатырей). — СЭ, 1960, № 4.

⁵⁶ Позднеев А. В. 1) О сюжете былины о Соловье Будимировиче. — Вопросы русской литературы, Львов, 1969, вып. 2; 2) Практикум по курсу «Устное народное творчество». М., 1970.

⁵⁷ Лихачев Д. С. 1) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 234—235; 2) «Единичный исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.

⁵⁸ См. об этом подробно: Пропп В. Я. 1) Об историзме русского эпоса (ответ академику Б. А. Рыбакову). — РЛ, 1962, № 2; 2) Об историзме русского фольклора и методах его изучения. — Учен. зап. ЛГУ, 1968, № 339. Серия филол. наук, вып. 72; Путилов Б. Н. 1) Концепция, с которой нельзя согласиться. — ВЛ, 1962, № 11; 2) Об историзме русских былин. — В кн.: Специфика фольклорных жанров. Русский фольклор., X. М.—Л., 1966.

ные позиции участников дискуссии очень полно и объективно выявлены в итоговой книге А. М. Астаховой.

Крупнейший и авторитетный знаток русского эпоса, она следующим образом высказывает свое отношение к спорам об историзме былин: «Для автора данной книги совершенно очевидно, что в раскрытии исторических основ русского былинного эпоса единственно плодотворный путь — исходить из уяснения художественного замысла былин и отраженных в них народных идеалов, а также характера сюжетных ситуаций и образов действующих лиц. Все это должно быть соотнесено с исторической реальностью в широком плане, т. е. с особенностями исторической обстановки, быта, общественных отношений и т. п., — со всем тем, что определяет народное сознание на разных ступенях его развития и отражается в художественном творчестве».⁵⁹

Дискуссия по данной проблеме продолжается и в новейшей советской историографии.

---

⁵⁹ Астахова А. М. Быlinы. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 76—77.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Первые работы по истории древнерусской литературы, опубликованные в годы революции, по своей методике и тематике почти не отличались от дореволюционных исследований. Они так же, как и работы, появившиеся до 1917 г., в основном пытались разрешить круг проблем, продиктованных культурно-историческими взаимоотношениями Руси и Византии, Руси и славянского мира, игнорируя какие-либо социальные мотивы и политические тенденции, характерные для древнерусских памятников. Вместе с тем в 20-е годы были опубликованы исследования, содержащие важные наблюдения по истории древнерусской литературы. В работе А. Михайлова был поставлен вопрос о происхождении и источниках Толковой Палеи. Автор подверг критике предположение А. А. Шахматова о возникновении памятника на Балканах и привел веские доказательства создания Палеи на Руси.¹ Был рассмотрен древнерусский перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия,² прокомментированы отдельные эпизоды из «Моления Даниила Заточника»,³ опубликованы и исследованы тексты «Памяти и похвалы» князю Владимиру, «Житие» Владимира и «Сказание о Борисе и Глебе».⁴ Статья И. П. Еремина была посвящена Прологу и сочинениям Кирилла Туровского.⁵ Наконец, нельзя не отметить публикации Археографической комиссии, которая под редакцией В. Н. Бенешевича издала памятники канонической литературы, в том числе «Исповедание веры» митрополита Илариона и «Стязанье с латиною».⁶

¹ Михайлов А. К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой Палеи. — ИОРЯС, 1928, т. I, кн. 1.

² Истрин В. М. «Иудейская война» Иосифа Флавия в древнем славяно-русском переводе. — Учен. зап. Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук, 1922; Мещерский Н. А. Из наблюдений над древнерусским переводом «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. — ДАН СССР, «В», Л., 1930, кн. 2.

³ Лященко А. И. Из комментария к «Молению Даниила Заточника». — В кн.: Историко-литературный сборник. Л., 1924.

⁴ Богуславский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. — ИОРЯС, 1925, т. XXIX.

⁵ Еремин И. П. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. — ИОРЯС, 1926, т. XXX.

⁶ Памятники древнерусского канонического права, ч. 2, вып. 1. Под ред. В. Н. Бенешевича. — РИБ, Пгр., 1920, т. XXXVI.

В 1922 г. появилось и одно из первых советских изданий, посвященных публикации древнерусского памятника. Л. Т. Белецкий издал и прокомментировал текст повести о Меркурии Смоленском.⁷ Работы, изданные в первые годы Советской власти, как бы подводили итог развития изучения литературы Древней Руси домарксистского периода. В 20-х годах появляются такие фундаментальные исследования, как труды М. Н. Сперанского и В. М. Истрина, в которых затрагиваются кардинальные вопросы происхождения, эволюции литературы X—XIII вв., ее связи с письменной культурой Византии, южных и западных славян. Несмотря на известные методологические ошибки и преувеличение влияния литературы соседних стран на памятники Древней Руси, они по своему конкретному материалу и исследованию внесли свой вклад в дальнейшее изучение письменной культуры нашей страны.

В. М. Истрин издал древнерусский перевод текста Хроники Георгия Амартола.⁸ Он сопоставил Хронику с другими памятниками, определил ее использование в «Повести временных лет», Елинском летописце, Александрии и Толковой Палее.⁹ Интересна работа М. Н. Сперанского «К истории взаимоотношений русской и югославянской литературы». Развивая традиционную для русской дареволюционной историографии историю контактов письменных культур, автор последовательно рассмотрел взаимопроникновение русских памятников в литературу балканских славян и югославянских памятников в древнерусскую. Одновременно автор пытался установить влияние и византийской литературы.¹⁰

В ряде обобщающих работ 20-х годов отразилась столь распространенная в те годы тенденция о зависимости или даже подражательности древнерусской литературы.¹¹ Несмотря на большое познавательное значение монографий М. Н. Сперанского и В. М. Истрина в области истории культурных контактов, в них мы находим, помимо старой буржуазной методологии, известное преувеличение влияния западной и византийской литературы на древнерусские памятники.¹² Подобную ошибку о византийском

⁷ Белецкий Л. Т. Литературная история Повести о Меркурии Смоленском. Исследования и тексты.— Сб. ОРЯС, 1922 (1923), т. XCIX, № 8.

⁸ Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянописском переводе, т. I. Пгр., 1920; т. II, 1922; т. III. Л., 1930.

⁹ Истрин В. М. Толковая Палея и Хроника Георгия Амартола.— ИОРЯС, 1925, т. XXIV.

¹⁰ Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и югославянской литературы.— ИОРЯС, 1921, т. XXVI (отд. оттиск).

¹¹ Об этом подробно см. во вступительной статье В. П. Адриановой. Перетц в кн.: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. М.—Л., 1961, с. 17, 18 и сл.

¹² Сперанский М. Н. История древней русской литературы. Киевский период. М., 1920; Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода. Пгр., 1922.

влиянии повторил П. Н. Сакулин, пытавшийся, правда, совместить это положение с попыткой определить отражение в древнерусской литературе «культурной жизни отдельных классов».¹³

Тезис о культурном влиянии Византии на литературу Древней Руси в некоторых работах, посвященных конкретным исследованиям, перерастал в отрицание оригинальности русских памятников, в вывод о заимствовании их стиля и сюжета. Достаточно сослаться на одну из работ этого периода, написанную А. С. Орловым. В своей монографии, вышедшей в 1923 г., он указывает, что тип повествования «Слова о полку Игореве» близок к византийскому.¹⁴ В. Н. Перетц, распространяя и обобщая подобную идею, переносит тезис о заимствовании уже на всю древнерусскую литературу.¹⁵

В 20-е годы появляется ряд статей и заметок, посвященных конкретному анализу «Слова о полку Игореве». Так, Н. В. Булычев рассмотрел термин «осмомыслъ», встречающийся в памятнике. Исследование этого термина привело автора к заключению, что творец «Слова» был хорошо знаком с христианско-аскетической литературой.¹⁶ К этому же периоду относится заметка В. Данилова об «открытии» памятника. Она рассказывает об условиях нахождения «Слова», об архимандрите Иоиле.¹⁷ Был прокомментирован и один из эпизодов памятника — сон Святослава,¹⁸ а также сделана попытка установить на основе летописей и «Слова о полку Игореве» основные вехи жизненного пути Бояна, «песнотворца старого времени».¹⁹ А. И. Соболевский подверг памятник сравнительному анализу, сопоставив его с другими произведениями Древней Руси: со «Словом о погибели Русской земли», с «Плачем великого князя Юрия Всеволодича». Им было также высказано предположение о существовании двух частей «Слова о полку Игореве», прокомментирован ряд терминов памятника, в том числе «босый» («бусый») волк.²⁰

30-е годы ознаменовались созданием двух центров, призванных изучать древнерусскую литературу. Ими становятся Инсти-

¹³ Сакулин П. Н. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Часть первая. Литературная старина. М., 1928.

¹⁴ Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М., 1923, с. 12.

¹⁵ Перетц В. Н. «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. — ИОРЯС, 1930, т. III, кн. 1, с. 291, 309.

¹⁶ Булычев Н. В. Что значит эпитет «осмомыслъ» в «Слове о полку Игореве». — РИЖ, 1922, кн. 8.

¹⁷ Данилов В. Архимандрит Иоиль. (К открытию «Слова о полку Игореве»). — Дела и дни, Пгр., 1922, кн. I.

¹⁸ Айналов Д. Сон Святослава в «Слове о полку Игореве». — ИОРЯС, 1928, т. I, кн. 1.

¹⁹ Шляков Н. Боян. — ИОРЯС, 1928, т. I, кн. 1.

²⁰ Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве». — ИОРЯС, 1929, т. II, кн. 1.

тут русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде и Институт мировой литературы им. А. М. Горького в Москве. Изучение древнерусской литературы с этого времени шло по определенным научным планам с привлечением наиболее квалифицированных специалистов страны. Возникает также проект создания особого журнала, цель которого заключается в публикации исследований только по истории древнерусской литературы. Попытка подобного издания, посвященного целиком истории русской литературы, была предпринята в 1932 г. в Ленинграде, в системе Академии наук. Здесь вышел первый том «Трудов Комиссии по древнерусской литературе». Он открывался статьей А. С. Орлова о книге. Рассматривая историю книги в классовом обществе, автор расценивает ее как орудие социальной борьбы, как «выражение классовой идеологии». Иллюстрируя свои положения, А. С. Орлов приводит примеры отношения к книге различных групп населения русского средневековья, в том числе и Древней Руси.²¹

Хотя издание «Трудов Комиссии» оборвалось на первом томе, оно послужило началом систематического издания другого журнального органа при Отделе древнерусской литературы Института русской литературы в Ленинграде. Начиная с 1934 г. стали выходить «Труды Отдела древнерусской литературы», в которых систематически помещались работы по истории крупнейшей отрасли славянской филологии. Статья М. А. Яковлева ставила теоретические проблемы литературоведения. Несмотря на несколько упрощенное понимание использования марксистско-ленинской методологии при анализе древнерусской литературы (в частности, классового подхода к памятникам), он довольно точно определил известную переоценку проблемы влияния литератур при сравнительном методе, еще господствовавшем в начале 30-х гг. в нашей литературе.²² Вслед за этой статьей в журнале была помещена статья В. Н. Перетца, в которой автор развивал тезис о том, «что сравнительный метод — не система философских понятий, идеологических или материалистических, а лишь рабочий прием для обнаружения культурных и литературных связей в словесном творчестве всех народов, приходивших в соприкосновение в исторической, а иногда доисторической жизни».²³

В последующих томах трудов были помещены работы, непосредственно относящиеся к отдельным памятникам древнерусской литературы. Статья М. П. Алексеева была посвящена сравнитель-

²¹ Орлов А. С. Книга — орудие социальной борьбы. Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932.

²² Яковлев М. А. Сравнительный метод в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма. — ТОДРЛ, 1934, т. I.

²³ Перетц В. Н. К вопросу о сравнительном методе в литературоведении. — ТОДРЛ, 1934, т. I, с. 338.

ному анализу «Поучения Владимира Мономаха» и «Faedar Larcwidas» («Отцовскому поучению») — англо-саксонскому памятнику. Автор пришел к выводу, что «дело идет не столько о заимствовании, сколько об аналогии», и далее подчеркнул «культурную близость столь, казалось бы, далеких друг от друга земель, как Англия и Русь в XI в.».²⁴ Статьи и заметки Д. В. Айналова были посвящены «Слову о полку Игореве». Автор комментирует отдельные фрагменты и выражения памятника.²⁵ В статье Н. Н. Зарубина рассматривается соотношение текстов Ипатьевской летописи и «Слова о полку Игореве». На основе анализа текста памятника и реального комментария Н. Н. Зарубин высказывает предположение, что автор «Слова» был родом из Галицкой Руси.²⁶ Очень интересна статья А. С. Орлова об одном из символов «Слова о полку Игореве» — «Дева-лебеде». Автор находит сопоставление этому образу в русском и восточном фольклоре.²⁷ И. П. Еремин в своей работе рассмотрел историю создания первых переводных повестей в древнерусской литературе, собранных в так называемом Египетском патерике.²⁸

В этот период появились и публикации памятников древнерусской литературы. В 1932 г. было издано «Слово Даниила Заточника». Публикация памятника, предпринятая Академией наук, вышла в свет с предисловием и комментарием Н. Н. Зарубина. Им же были приготовлены и тексты. Однако некоторые вопросы о соотношении «Слова» и «Моления Даниила», а также датировка памятников полностью Н. Н. Зарубиным не были разрешены.²⁹

К середине 30-х годов наметился качественно новый период изучения древнерусской литературы. Овладение марксистско-ленинской методологией, углубленное изучение социально-политических условий создания памятников, отказ от теории заимствования и признание самобытности и патриотизма древнерусской литературы — все это позволило советскому литературоведению поставить и разрешить принципиальные вопросы истории литературы Руси. В этой связи характерна статья А. С. Орлова, вы-

²⁴ Алексеев М. П. Англо-саксонская параллель к поучению Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, 1935, т. II.

²⁵ Айналов Д. В. 1) Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, 1935, т. II; 2) К истории древнерусской литературы. — Там же, 1936, т. III; 3) Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». — Там же, 1940, т. IV.

²⁶ Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? (Из комментария к «Слову о полку Игореве»). — ТОДРЛ, 1935, т. II.

²⁷ Орлов А. С. Дева-лебедь в «Слове о полку Игореве» (параллели к образу). — ТОДРЛ, 1936, т. III.

²⁸ Еремин И. П. К истории древнерусской переводной повести. — ТОДРЛ, 1936, т. III.

²⁹ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделки. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Ред. Н. К. Никольский. Л., 1932.

шедшая в 1937 г. Отметив, что дореволюционная историография, несмотря на накопление знаний, все же сделала сравнительно мало в конкретном изучении отдельных памятников Древней Руси, А. С. Орлов подчеркнул, что советская историография продолжала более углубленное и широкое изучение древнерусской литературы. Он писал, что «с началом строительства социалистической культуры большинство исследователей русской литературной древности проявили стремление овладеть марксистской методологией, как единственно научной». Указывая на необходимость дальнейшего изучения марксистского метода, А. С. Орлов остановился на некоторых ошибках в работе по изучению древнерусской литературы. Основной недостаток он видел в отсутствии обобщающего исследования по истории литературы Древней Руси.³⁰

Но этот недостаток был вскоре преодолен самим А. С. Орловым. В том же 1937 г. вышла из печати его работа, посвященная истории литературы Руси. Это была первая попытка обобщения исследований советского литературоведения. Хотя в предисловии указывается, что книга носит в известной степени учебный характер и является переработкой курса лекций, что отражается на построении монографии, труд А. С. Орлова перерос рамки учебника и явился обобщающим исследованием, в котором на основе марксистско-ленинской методологии рассмотрена литература Руси с IX по XVI в.³¹

А. С. Орлов рассматривает принцип отбора художественных произведений, определяя и характеризуя их типы и особенности. Он также рассматривает общее понятие художественности литературных памятников: «...элементом художественности в литературе являются, во-первых, эмоция (разр. авт., — Ю. Л.), действие чувства на чувство; во-вторых, произведение искусства показывает или доказывает не силлогизмами, не абстрактными рассуждениями, а образами; в-третьих, оно заключает в себе структурность, симметрию». Далее А. С. Орлов обобщает: «Итак, каждое художественное произведение структурно: его элементы — эмоция, образ и показ, а не доказание».³² Автор последовательно рассмотрел зарождение древнерусской литературы, остановился на классовых и социальных условиях ее возникновения, отметил появление переводной литературы на Руси и взаимоотношение ее с собственно национальной литературной традицией. Наиболее крупные памятники Древней Руси («Поучение Владимира Мономаха», летописи, «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила

³⁰ Орлов А. С. Двадцать лет советского литературоведения. (Юбилейная конференция Института литературы Академии наук СССР). — ВАН СССР, 1937, № 12, с. 94, 95.

³¹ Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937.—Последующие издания книги были осуществлены в 1939 и 1945 гг.

³² Там же, с. 14, 15.

Заточника») были рассмотрены в специальных главах. А. С. Орлов в своей монографии обобщил исследованный ранее материал и поставил ряд принципиальных вопросов о художественности всей древнерусской литературы, а не только ее отдельных памятников, отметил социальные условия возникновения тех или иных произведений.

В 1941 г. вышел в свет первый том академической десятитомной «Истории русской литературы». Он был создан коллективом сотрудников Пушкинского дома во главе с В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзием и А. С. Орловым.³³ Авторский коллектив тома подвел итоги работы советских историков литературы, ввел в оборот и обобщил всю совокупность исследований за последние десятилетия, отразил патриотизм и высокую художественность древнерусской литературы и в то же время определил дальнейшие задачи ее исследования. В. П. Адрианова-Перетц писала впоследствии: «...однако этот обзор еще не был „историей“ русской литературы феодального периода, а лишь хронологической канвой для нее. В процессе работы над обзором выяснилась необходимость пересмотреть самую периодизацию литературного процесса XI—XVII вв., которая полностью повторяла периодизацию исторического процесса. Определилась недостаточность исследования многих памятников со стороны их классовой сущности, что затрудняло раскрытие сложности и противоречивости движения литературы».³⁴

Отметим, что в этот период была представлена и первая попытка использовать литературу XI—XIII вв. в качестве предмета исторического источниковедения, то есть попытка рассмотреть ее в качестве исторического источника.³⁵ Эта интересная, но крайне сложная задача была поставлена и во многом разрешена М. Н. Тихомировым в его курсе лекций по источниковедению.

Большое патриотическое и гражданское звучание накануне тяжких испытаний нашего народа приобрел в 1938 г. юбилей «Слова о полку Игореве». Торжествам, которые отмечала вся страна, сопутствовали многочисленные популярные работы, неоднократные переиздания самого памятника. Историки и литераторы откликнулись на это событие изданием не только популярных работ, но и ряда научных исследований.³⁶ Помимо отмечен-

³³ История русской литературы, т. I. Литература XI—нач. XIII века. Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзий. М.—Л., 1941.

³⁴ См. вступительную статью В. П. Адриановой-Перетц в кн.: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв., с. 20.

³⁵ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР, т. I. М., 1940.

³⁶ Первостепенное значение имела публикация письма К. Маркса к Ф. Энгельсу от 5 марта 1856 г. о «Слове о полку Игореве». Этот документ был издан в 1931 г. вместе с другой перепиской классиков марксизма. Он много дал для постановки принципиальных вопросов об идеином содер-

ных выше работ Д. В. Айналова и Н. Н. Зарубина, появились статьи, опубликованные А. С. Орловым, Н. Державиным и М. Д. Приселковым.³⁷ Они были посвящены художественной особенности памятника, его идейной направленности, патриотизму. Были рассмотрены отдельные сюжеты, связанные с культурным наследием античности и ее освоением на Руси. М. Д. Приселков прокомментировал памятник на основе русских летописей и византийских источников.

Б. Д. Греков попытался воссоздать время и эпоху периода создания памятника.³⁸ В. В. Тонков и А. И. Никифоров поставили вопрос о соотношении фольклора и «Слова о полку Игореве».³⁹ Историческим параллелям «Слова» и «Песни о Роланде» посвящена статья В. Дынник.⁴⁰ Наконец, были опубликованы и первые советские библиографические издания, посвященные «Слову».⁴¹ Они были составлены сотрудниками Пушкинского дома и Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Тема гражданственности и патриотизма красной нитью проходила через все исследования периода Отечественной войны. Несмотря на огромные трудности, помимо многочисленных популярных работ, появились исследования, в которых на материалах «Слова о полку Игореве», «Жития Александра Невского» и других такие ученые, как А. С. Орлов, Б. Д. Греков, Д. С. Лихачев и многие другие, поднимали вопросы патриотизма, защиты русской земли. В этот период появились исследования о культуре Древней Руси, в которых, в частности, рассматривается литература, ее роль в отражении идеологических концепций русского общества.

жании памятника и условиях его создания. См.: Маркс К. Письмо к Ф. Энгельсу от 5 марта 1856 г.—Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. [Изд. 1-е]. М.—Л., 1931, т. XXII, с. 122—123 (см. также: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 16).

³⁷ Орлов А. С. 750-летие «Слова о полку Игореве». — ВАН СССР, 1938, № 5; Державин Н. Троян в «Слове о полку Игореве». — ВДИ, 1939, № 1; Приселков М. «Слово о полку Игореве» как исторический источник. — ИМ, 1938, кн. 6.

³⁸ Тонков В. А. Воинские повести XII—XIII вв. и фольклор. — Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, 1940, т. VII, вып. 2, отдел языка и литературы, с. 50—63; Никифоров А. И. Тезисы докторской диссертации «Слово о полку Игореве»—былина XII века. (26 мая 1941 г.). Тип. «Ленинские курсы при ЦК ВКП(б)». 1941. 4 с.

³⁹ Дынник В. «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде». — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования под ред. Н. К. Гудзия. М.—Л., 1941.

⁴⁰ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Составила В. П. Адрианова-Перетц. Под ред. А. С. Орлова. М.—Л., 1940; «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. Составители О. В. Данилова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко. Под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1940.

Конец 40-х—50-е годы ознаменовались интенсивным изучением отдельных памятников древнерусской литературы, раскрытием их идейного содержания, классовой и политической направленности. Одновременно исследователи стремились показать национальное своеобразие литературных памятников. На первом месте по степени изученности стоит «Слово о полку Игореве». Ему посвящено огромное число работ. Были рассмотрены взаимоотношение «Слова» и «Задонщины», художественные образы памятника, его выражения, термины и, наконец, его текстологические и палеографические особенности. Идейное содержание «Слова», его первоначальный облик и связь с фольклором также явились темой для многочисленных исследований.⁴² Памятнику было посвящено специальное исследование, выпущенное Отделом древнерусской литературы Пушкинского дома.⁴³ Наконец, «Слово» было издано с переводом и комментарием в академической серии «Литературные памятники».⁴⁴ В ряде обобщающих работ по истории Руси и древнерусской культуре памятник также нашел свое место при рассмотрении основных вопросов становления и развития духовной культуры.⁴⁵ Определенную роль в деле укрепления методологических основ исследований сыграла дискуссия конца 40-х—начала 50-х гг. о социальной функции древнерусской литературы. Она помогла преодолеть рецидивы «внеклассового»,

⁴² Малов Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — ИАН СССР, отделение литературы и языка, 1946, т. V, вып. 2; Адрианова-Перетц В. П. 1) Задонщина (К вопросу о реконструкции авторского текста). — Там же, 1947, т. VI, вып. 2; 2) Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, 1947, т. V; 3) Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). — Там же, 1948, т. VI; 4) Древнерусская литература и фольклор. — Там же, 1949, т. VII, с. 5—16; 5) «Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия. — ИАН СССР, отделение литературы и языка, 1950, т. IX, вып. 6; Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, 1947, т. V; Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве». — Там же; Гордеевский В. А. Что такое «босый волк». (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — ИАН СССР, отделение литературы и языка, 1947, т. VI, вып. 4; Гудзий Н. К. О составе «Золотого слова» Святослава в «Слове о полку Игореве». — Вестник МГУ, 1947, № 2; Ржига В. Ф. 1) Восток в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947; 2) Из очерков по «Слову о полку Игореве». — Доклады и сообщения филол. ф-та МГУ, 1947, вып. 3; Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» в советском литературоведении. — ТОДРЛ, 1948, т. VI; Будовниц И. У. Идейное содержание «Слова о полку Игореве». — ИАН СССР, серия истории и философии, 1950, т. VII, № 2, и др.

⁴³ Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

⁴⁴ Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

⁴⁵ История культуры Древней Руси. Домонгольский период, т. II. М.—Л., 1951, с. 163—215, 510—530. — Авторы разделов Д. С. Лихачев, Н. Н. Воронин, М. А. Тиханова. См. также: Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. I. Феодальная раздробленность. М., 1953, с. 214—223, 424—462. — Авторы разделов Б. Д. Греков и Д. С. Лихачев.

формально-текстологического анализа письменных памятников Древней Руси.^{45а}

Новый этап изучения древнерусской литературы наступил со второй половины 50-х годов. Для него характерно более углубленное изучение конкретных памятников, их жанровых и стилистических особенностей, определение места древнерусской литературы в общей системе домонгольской культуры Руси.

Из обобщающих работ этого периода необходимо отметить труды Д. С. Лихачева, поставившего перед собой интереснейшую, но чрезвычайно трудную цель — сопоставить стилистические системы изображения людей в древнерусской литературе и в древнерусской живописи. Автор раскрыл проблему характера в литературе XI—XIII вв., определил художественные стили этой эпохи.⁴⁶ В 1958 г. вышел первый том трехтомной «Истории русской литературы». В отличие от многотомной «Истории» это издание ставило целью в основном углубить рассмотрение процесса взаимосвязи и взаимозависимости литературного творчества с «общей картиной исторического движения всей литературы».⁴⁷ Рассматривая появление литературы на общем фоне становления национальной культуры, автор этого раздела Д. С. Лихачев отмечает ее тесную связь с повседневной действительностью. Он приходит к выводу, что древнерусская литература разнообразна по жанрам, проникнута патриотизмом и глубоко прогрессивна.⁴⁸ Основные черты ее развития Д. С. Лихачев видит в начальный период — в XI—первой четверти XII в. Указанный период характеризуется подъемом русской литературы. Основой для этого процесса является «быстрый рост производительных сил в стране и острая потребность в утверждении и распространении новых идей, теснейшие связи на этой основе русской литературы с русской действительностью».⁴⁹ В XI—первой четверти XII в. литература Древней Руси развивает собственные жанры и литературный язык. Последующий период развития древнерусской литературы датируется временем феодальной раздробленности, второй четвертью XII—первой четвертью XIII в. Для этого этапа характерно развитие литературы в ряде феодальных центров. Причем она, по мнению Д. С. Лихачева, «перестает быть только

^{45а} Еремин И. П. «Повесть временных лет». Проблема ее историко-литературного изучения. Л., 1947; Пашута В. Т. [Рецензия]. — ВИ, 1948, № 6; Черепин Л. В. 1) [Рецензия]. — Советская книга, 1948, № 3; 2) Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, 1948, № 25; Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ. М.—Л., 1949, т. VII; Пашута В. Т. За марксистско-ленинскую историю литературы. — ВИ, 1950, № 3; Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952.

⁴⁶ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958.

⁴⁷ История русской литературы. Т. I. Литература X—XVIII вв. М.—Л., 1958, с. 6.

⁴⁸ Там же, с. 52.

⁴⁹ Там же, с. 86.

киевской и повгородской — она общерусская». Литературные памятники осознаются древнерусскими читателями не как областные, местные, а как общерусские, представляющие интерес для всех земель огромного государства. В то же время литература становится все более тесно связанной с русской действительностью, она не может не отразить определенные исторические тенденции периода феодальной раздробленности, ибо на нее влияют «повседневные нужды политической жизни».⁵⁰

Общие вопросы историографии и источниковедения, связанные с литературными памятниками Древней Руси, были затронуты в обобщающих трудах Л. В. Черепнина и М. Н. Тихомирова.⁵¹

В то же время рассматривались и отдельные памятники. Причем необходимо отметить их всестороннее комплексное исследование.⁵²

Вышел в свет и ряд справочников, посвященных как общей библиографии по истории изучения древнерусской литературы, так и библиографии отдельных ее памятников.⁵³

В 60-е годы продолжается интенсивное изучение «Слова о полку Игореве» и создается ряд исследований в связи с гипотезой французского слависта проф. А. Мазона.⁵⁴ Последний предположил, что памятник возник в XVIII в. как подражание, стилизация под древность. Образцом для создания подобного литературного произведения была «Задонщина». Разбору анализа и критике этой гипотезы было посвящено особое издание — сборник «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII века». В сборнике была помещена статья Д. С. Лихачева, в которой рассмотрены история изучения памятника, историография вопроса и отношение историков к подлинности «Слова». Гипотеза А. Мазона проанализирована в статье Н. К. Гудзия. В. П. Адрианова-Перетц рассмотрела текстологические параллели между «Словом» и «Задонщиной». В ряде других исследований разбирались грам-

⁵⁰ Там же, с. 133.

⁵¹ Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. М., 1957; Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962.

⁵² Скрипиль М. О. Слово Даниила Заточника. — ТОДРЛ, 1955, т. XI; Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — Там же, 1958, т. XV; Воропин Н. Н. Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. — Там же, 1957, т. XIII; Мещерский Н. А. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.

⁵³ Дробленкова Н. Ф. Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII веков. 1917—1957. М.—Л., 1961; Головченко Ф. М. Слово о полку Игореве. Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955.

⁵⁴ Гудзий Н. К. 1) Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследованиях проф. А. Мазона. — Учен. зап. МГУ, вып. 110. Труды кафедры русской литературы, 1946, кн. 1; 2) Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве». — ИАН СССР, отделение литературы и языка, 1950, т. IX, вып. 6.

матические и лексические особенности памятника, а также его место в древней русской литературе.⁵⁵

Весной 1964 г. в Отделении истории АН СССР состоялось обсуждение некоторых вопросов, относящихся к проблемам времени создания и авторства «Слова о полку Игореве». На обсуждении выступил А. А. Зимин, который развел свою теорию происхождения этого замечательного памятника. Докладчик полагал, что «Слово» было создано в XVIII в. архимандритом Иоилем Быковским. На создание памятника повлиял другой замечательный памятник древнерусской литературы — «Задонщина». Историческими источниками «Слова» были летописи — Ипатьевская и отчасти Кенигсбергская. Идейное содержание памятника заключалось в призывае к обороне южных земель от внешних врагов. Свои выводы А. А. Зимин обосновывал текстологическим анализом памятников и рядом частных наблюдений над художественными образами, терминами и понятиями. В развернувшейся дискуссии выступили ведущие ученые нашей страны — историки, литературоведы, лингвисты, археологи. Ряд специалистов, С. Н. Азбелев, Я. С. Лурье, В. Б. Виллинбахов, А. И. Клибанов, А. Т. Nikolaeva, В. Б. Кобрин, А. Л. Монгайт, В. Л. Янин, поддержали мнение А. А. Зимина по тем или иным вопросам. Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, В. П. Адрианова-Перетц, Ф. П. Филин, О. В. Творогов, Л. А. Дмитриев, В. Д. Кузьмина и другие не согласились с доказательствами А. А. Зимина и выдвинули аргументы в пользу древнейшего происхождения памятника.⁵⁶

Дискуссия показала, что, несмотря на большие успехи, достигнутые в изучении памятника, «Слово о полку Игореве» требует дополнительного исследования, более тщательного текстологического и источниковедческого анализа, дополнительного изучения его формы и художественных особенностей. В то же время столь представительная дискуссия объективно способствовала дальнейшему изучению памятника и в известной степени возросшему интересу общественности к древнерусской литературе.

Уже в 1966 г. появляется обстоятельное исследование Пушкинского дома, посвященное датировке «Слова». В сборнике стоялся широкий круг вопросов изучения «Слова» и прежде всего его взаимодействия с «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище».⁵⁷

---

⁵⁵ «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962.

⁵⁶ Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». — ВИ, 1964, № 9. — Информационная статья о ходе дискуссии помещена без подписи.

⁵⁷ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966.

В конце 60-х—начале 70-х годов вопросы о датировке «Слова», о его месте в древнерусской литературе неоднократно поднимались в советских исследованиях. В этой связи необходимо отметить цикл статей А. А. Зимина в периодической печати, посвященных источникам памятника, его текстологическому анализу,⁵⁸ и некоторые исследования других авторов.⁵⁹ Были изданы первые выпуски Словаря «Слова о полку Игореве».⁶⁰ Наконец, были опубликованы два обширных труда Б. А. Рыбакова, посвященных памятнику. В них автор исследует время и эпоху создания памятника, политическое положение Руси и межкняжеские отношения. На основе анализа ряда русских летописей, «Слова», «Истории» В. Н. Татищева и других источников Б. А. Рыбаков определяет автора памятника — Петра Бориславича, летописца второй половины XII в.⁶¹

В 1976 г. труды Б. А. Рыбакова, посвященные истории и культуре Древней Руси, были удостоены Ленинской премии.⁶²

В последние годы, помимо работ, посвященных «Слову»,⁶³ наши литературоведы занимались и другими проблемами древнерусской литературы. Расширился круг исследований оригинальных и переводных памятников.⁶⁴ Появились работы, разрешавшие

⁵⁸ Зимин А. А. 1) Две редакции Задонщины. — Труды МГИАЦ, 1966, т. 24, вып. 2; 2) К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Исторический сборник. Чебоксары, 1966, вып. 31; 3) Приписка к псковскому апостолу 1307 г. и «Слово о полку Игореве». — РЛ, 1966, № 2; 4) Когда было написано «Слово»? — ВЛ, 1967, № 3; 5) Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». — ИСССР, 1968, № 6.

⁵⁹ Прийма Ф. И. О гипотезе А. А. Зимина. — РЛ, 1966, № 2; Гумилев Л. Н. Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве». — Доклады отделения этнографии ВГО, 1966, вып. 2; Котляр М. Ф. 1) Чи міг Роман Мстиславович ходити на половці раніше 1187 року? — УіЖ, 1965, № 1; 2) Загадка Святослава Всеволодовича Київського. — Там же, 1967, № 6; Кузьмин А. Г. 1) Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» (по поводу статьи А. А. Зимина). — ВИ, 1968, № 6; 2) «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли. — Там же, 1969, № 5.

⁶⁰ Словарь-справочник. Слово о полку Игореве. Составила В. Л. Виноградова. Вып. 1—4. М.—Л., 1965—1973.

⁶¹ Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

⁶² Рыбаков Б. А. 1) Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963; 2) Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964; 3) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 4) Прикладное искусство Древней Руси. М., 1971; 5) Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; 6) Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974.

⁶³ См., например: Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве». — ВИ, 1964, № 8; Дмитриев Л. А. Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, 1964, т. XX; Соловьев А. В. 1) Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — Там же; 2) «Комони ржуть за Сулою». — Там же, 1968, т. XXIII; Сазонова Л. И. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева. — Там же, 1970, т. XXV.

⁶⁴ Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, 1961, т. VIII; Еремин И. П. 1) К характеристике Нестора как писателя. — Там же; 2) Литература Древней Руси. М.—Л., 1966; Колобанов В. А. Обличение княжеских междуусобий в поучениях Серапиона

общие теоретические проблемы литературы и культуры. Таковы труды Д. С. Лихачева о поэтике литературы Древней Руси;⁶⁵ перу того же автора принадлежит ценный труд по текстологии, первое обобщающее исследование в Советском Союзе, раскрывающее методику изучения древнерусских памятников.⁶⁶ Наконец, вышли в свет работы, посвященные таким актуальным проблемам, как отражение древнерусской литературы в русской культуре XVIII—XX вв., взаимодействие литературы и общественной мысли в Древней Руси, древнерусской литературы и изобразительного искусства, связи древнерусской и славянских литератур.⁶⁷ Были созданы работы, в которых рассматриваются теоретические вопросы древнерусского литературоведения и намечены пути дальнейшего изучения древнерусской литературы.⁶⁸

Подводя итоги краткого историографического обзора по истории древнерусской литературы за период 1917—1970 гг., необходимо отметить следующее. Видимо, весь период можно разбить на три этапа. На первом этапе — с 1917 г. до середины 30-х годов — еще господствует старая методика изучения древнерусской литературы, во многом связанная с теорией заимствования художественных сюжетов и приемов на Руси, с теорией, которой было свойственно декларировать гипертрофированное влияние Византии и Запада на русскую литературу. На втором этапе — с середины 30-х до середины 50-х годов — наши литературоведы овладевают марксистско-ленинской методологией, анализируют на

Владимирского. — ТОДРЛ, 1961, т. VIII; Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962; Мещерский Н. А. Проблема изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, 1964, т. XX; Адрианова-Перетц В. П. Афоризмы Изборника Святослава и русские пословицы. — Там же, 1970, т. XXV; Рыбаков Б. А. Даниил Заточник и владимирское летописание XII в. — АЕ (за 1970 г.). М., 1971; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.

⁶⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.

⁶⁶ Лихачев Д. С. Текстология. М.—Л., 1962.

⁶⁷ Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур. — ТОДРЛ, 1963, т. XIX; Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. — Там же, 1966, т. XXII; Литературные связи древних славян. — Там же, 1968, т. XXIII; Литература и общественная мысль Древней Руси. — Там же, 1969, т. XXIV; Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. — Там же, 1971, т. XXVI; Лихачева В. Д. и Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971.

⁶⁸ Лихачев Д. С. 1) Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРЛ, 1961, т. XVII; 2) Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы. — Там же; 3) К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв. — Там же, 1964, т. XX; 4) Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е. Л., 1971; 5) Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973; Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси. — ТОДРЛ, 1964, т. XX; Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения агиографического стиля Древней Руси. — Там же; Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970.

ее основе памятники древнерусской литературы и создают обобщающие работы. И, наконец, на третьем этапе — с середины 50-х годов по настоящее время — происходит углубленное изучение произведений древнерусской литературы, создание теоретических литературоведческих работ и, как отмечал Д. С. Лихачев, привлечение к изучению литературы специалистов смежных гуманитарных областей (историков, археологов, искусствоведов и др.).⁶⁹

---

⁶⁹ Лихачев Д. С. О планировании изучения древней русской литературы. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 11.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

Вопрос о возникновении и существовании письменности у славян поднимался советской историографией неоднократно. Но решался он однозначно.

В 20—30-е годы возникновение письменности односторонне связывалось с греческим влиянием. Предполагалось, что древнерусская письменность являлась результатом интенсивного влияния Византии. Общественное развитие славян, социальные, общественно-политические процессы в расчет не принимались, в лучшем случае они просто декларировались. Так, например, В. М. Истриин писал: «Древнерусская письменность не возникла постепенно из основ, заложенных в самой русской народности, а явилась вдруг, будучи занесена от родственного народа».¹

Одновременно шло накопление конкретного материала по истории русской письменности. Был опубликован ряд материалов, посвященных известиям о славянских письменах, в частности «Житие Мефодия» и «Моравско-Паннонское житие Кирилла».² В последнем сообщается, что Кирилл в 860 г. в Крыму нашел Евангелие и Псалтырь, написанные по-русски, что в дальнейшем, безусловно, облегчило его труд переведения греческих книг на славянский. Известный арабист И. Ю. Крачковский опубликовал рассказ Ибн Фадлана, свидетельствующий о существовании письменности у руссов.

Известную роль для доказательства существования русской письменности сыграли и русские источники. Включенные в летописи договоры с греками (911 и 941 гг.) послужили материалом исследований для советских лингвистов, которые пришли к выводу, что упомянутые памятники международного права были написаны по-гречески, а затем переведены на русский. Причем перевод был синхронен подлиннику. Таким образом, в X в. существовала русская письменность.³

¹ Истриин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домонгольского периода. Изд., 1922, с. 65.

² Лавров П. А. Материалы по возникновению древнейшей славянской письменности. — Труды славянской комиссии. Л., 1930, т. I, с. 12, 37 и сл.

³ Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками. — В кн.: Язык и мышление, вып. V—VII. Л., 1936, с. 403.

Разрабатывался в этот период вопрос и о кириллическом и глаголическом алфавитах славянской письменности. Е. Ф. Карский полагал, что вначале возникло кириллическое письмо, источником которого явился греческий устав XII—XIII вв. Он также придерживался концепции, что глаголический алфавит возник позднее кириллицы.⁴ Противоположной точки зрения придерживался В. Н. Щепкин, который вслед за известным славянским ученым П. Шафариком считал, что глаголица была создана Кириллом, а кириллическое письмо возникло как подражание и развитие греческого лингвистического устава.⁵

Значительный интерес представляет гипотеза о влиянии на кириллицу и глаголицу дохристианской письменности памятников, расположенных на территории СССР. Речь идет о знаках Причерноморья. Квалифицируя их как сарматские, И. И. Мещанинов предполагал, что они оказали определенное влияние на становление глаголического письма.⁶

В 40—50-е годы советская историография продолжала уделять внимание происхождению славянской азбуки. Появились обобщающие работы по этому вопросу.⁷ Привлечение богатого археологического материала, накопленного к этому времени, позволило исследователям попытаться квалифицировать и расшифровать ряд знаков на монетах, торговых пломбах и пряслицах.⁸

В ряде работ советских ученых и прежде всего П. Я. Черных было высказано мнение, что глаголическая письменность возникла на основе «черт и рез». Именно такой азбукой пользовались создатели Евангелия и Псалтыри, которые были найдены в Херсонесе Константином. При создании кириллицы Константин заимствовал из греческого алфавита буквы, которые означали звуки, тождественные для славян и греков. Глаголица в свою очередь дала графический материал для создания букв, обозначающих звуки, встречающиеся только в славянском языке.

⁴ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 162, 363, 364.

⁵ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 22—30.— Первое издание этой книги под названием «Учебник русской палеографии» вышло в 1918 г.

⁶ Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1933, с. 83.

⁷ Эпстейн Е. М. О времени происхождения русской письменности. — Учен. зап. ЛГУ, серия ист. наук, 1947, вып. 15.

⁸ Там же; Арциховский А. В. Введение в археологию. М., 1947. — К сожалению, эта попытка привела в дальнейшем к известному упрощению решения проблемы. Так, Н. Энголоватов увидел в черточках и точках, расположенных на диске монеты, протоглаголические буквы (Литературная газета, 28 августа 1960 г.; Знание — сила, 1960, № 11). А И. А. Фигуровский открыл «ключ» для расшифровки непрочитанных надписей, обнаруженных на территории европейской части СССР (Фигуровский И. А. Выступление по докладу Э. Георгиева «Основные вопросы возникновения старославянской литературы и языка». — IV Международный съезд славистов (материалы дискуссии). М., 1962, с. 115—117).

Правда, эти буквы были Константином несколько переделаны и унифицированы в соответствии с греческим уставом VIII—IX вв.⁹

О происхождении русской письменности писал и Д. С. Лихачев. Рассматривая проблему, он высказал предположение, что еще до принятия христианства на Руси существовали две местные азбуки, «местные алфавиты» — глаголица и кириллица. Их одновременное возникновение объясняется слабыми межплеменными связями восточнославянских племен на территории юга и востока европейской равнинны.¹⁰

О тесной связи византийского письма с кириллицей писала и Е. Э. Гранстрем. Она полагала, что кириллица более древнего происхождения, чем глаголица.¹¹

Большой интерес вызвало открытие гнездовской надписи под Смоленском¹² и Добруженской надписи, датируемой 943 г., в Румынии.¹³ Они дали большой материал для определения времени возникновения славянской азбуки и ареала ее распространения. Появилась статья М. Н. Тихомирова, в которой были рассмотрены эти открытия славянской эпиграфики на Балканах и их соотношения с ранее известными памятниками.¹⁴

В конце 50-х годов появилась работа Н. А. Константинова, который предполагал, что праславянское население Приднепровья заимствовало через скифо-сарматское население кипрское слоговое письмо V—VI вв. до н. э. Это предположение базировалось на графическом сходстве между причерноморскими и кипрскими знаками, а также глаголическими буквами.¹⁵ Э. И. Соломоник высказала мнение, что причерноморские знаки являются графическими изображениями родовой, племенной, личной собственности, а также клеймами мастеров. Подобные изображения,

⁹ Черных П. Я. 1) К истории вопроса о русских письменах в Житии Константина Философа. — Учен. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та, 1947, вып. IX (XIX), история СССР; 2) Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950, с. 7—40; 3) Язык и письмо. — В кн.: История культуры Древней Руси, т. II. М.—Л., 1951.

¹⁰ Лихачев Д. С. 1) Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. — ВИ, 1951, № 12.

¹¹ Гранстрем Е. Э. О связи кириллического устава с византийским упциалом. — ВВ, 1950, т. III.

¹² Авдушин Д. А. и Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись. — ВАН СССР, 1950, № 4; Черных П. Я. К вопросу о Гнездовской надписи. — ИОЛЯ, 1950, т. IX, вып. 5; Корзухина Г. Ф. О гнездовской амфоре и ее надписи. Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 229, и др.; Львов А. С. Еще раз о древнейшей русской надписи. — ИОЛЯ, 1971, т. XXX, вып. 1.

¹³ Богдан и Д. Древнеславянские граффити, обнаруженные в Добрудже. Добруженская надпись 943 г. — В кн.: Романославика, т. I. Bucaresti, 1958; То же см. в кн.: IV Международный съезд славистов (материалы дискуссии), т. II. М., 1962, с. 139, 140.

¹⁴ Тихомиров М. Н. Начало славянской письменности в свете новейших открытий. — ВИ, 1959, № 4.

¹⁵ Константинов Н. А. Черноморские загадочные знаки и глаголица. — Учен. зап. ЛГУ, 1957, № 197, серия филол. наук, вып. 23, с. 110—146.

а также греческое письмо повлияли на складывание сарматской письменности, которая в свою очередь повлияла на глаголицу.¹⁶ Таким образом, Э. И. Соломоник повторила в своей основе гипотезу И. И. Мещанинова.

13 мая 1963 г. состоялась объединенная научная сессия отделений литературы и языка и исторических наук Академии наук СССР, посвященная 1100-летию славянской письменности. Открыл сессию акад. В. В. Виноградов, отметивший в своем вступительном слове величайшее событие — возникновение славянской письменности. Н. К. Гудзий высоко оценил роль кирилло-мефодиевской письменности в развитии русской литературы, проследил историю изучения источников, повествующих о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия. М. Н. Тихомиров в докладе «Начало славянской письменности и Древняя Русь» подчеркнул, что новейшие разыскания в области истории и археологии позволяют подтвердить гипотезу о существовании дохристианской славянской письменности. Это, безусловно, способствовало деятельности Кирилла и Мефодия. Он также подчеркнул, что изучение древнерусских памятников позволяет утверждать о распространении письменности в различных кругах общества, а не только среди духовенства и феодалов. Среди докладов, прочитанных на юбилейной сессии, значительный интерес представлял доклад Л. П. Жуковской, посвященный реконструкции первой славянской книги, переведенной Кириллом и Мефодием.¹⁷

В 60-х годах появились работы В. А. Истриной. В этих исследованиях были проанализированы основные гипотезы возникновения славянского (русского) письма. Сам В. А. Истрин полагал, что протоглаголические и протокириллические алфавиты появились в результате социально-общественного развития славянских племен и тесного общения с Византией. Кирилл заимствовал протокирилицу и сблизил ее с греческим богослужебным письмом. Постепенно эта азбука вытеснила все другие славянские разновидности письма. Глаголица просуществовала еще некоторое время, эволюционировав как тайнопись.¹⁸

Противоположной точки зрения придерживается Л. П. Жуковская. В вопросе первичности славянских азбук она отдает приоритет глаголице «для письма и обозначения чисел».¹⁹

Продолжались исследования и частных вопросов происхождения русской письменности. Так, Т. А. Иванова, рассматривая

¹⁶ Соломоник Э. И. Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья. (К вопросу о древнерусских надписях). — Вестник ЛГУ, 1963, № 14.

¹⁷ К 1100-летию славянской письменности. — ВАН СССР, 1963, № 8, с. 125, 126.

¹⁸ Истрин В. А. 1) О возникновении славяно-русского письма. — ВИМК, 1960, № 6, с. 81; 2) 1100-летие славянской азбуки. М., 1963.

¹⁹ Жуковская Л. П. К истории буквенной цифри и алфавитов у славян. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 42, 43.

«Паннонское житие Кирилла», предположила, что известие о «русских письменах» ошибочно и возникло в результате дефекта текста. Она также вновь поставила вопрос, на основе какой письменности были составлены корсуньские Псалтырь и Евангелие.²⁰

Киевский археолог С. А. Высоцкий, исследовавший граффити на стенах Софийского собора, обнаружил «особую» азбуку.²¹ Он предположил, что в XI в. была сделана попытка при помощи греческой азбуки передать славянскую речь. Эта гипотеза вызвала критику Т. А. Ивановой, которая поставила под сомнение существование подобной азбуки.²²

Вопросу числовой системы, применявшейся в кириллице, посвящена работа Р. А. Симонова.²³

Наконец, была предпринята попытка издания предварительного сводного списка памятников русской и славянской письменности XI—XV вв., хранящихся в СССР.²⁴

Таким образом, в советской историографии был поднят и разрешен большой круг вопросов, связанных с возникновением славянской письменности.

---

²⁰ Иванова Т. А. Еще раз о «русских письменах». — СС, 1969, № 4, с. 72—75.

²¹ Высоцкий С. А. Древнерусская азбука из Софии Киевской. — СА, 1970, № 4, с. 128—140.

²² Иванова Т. А. Об азбуке на стене Софийского собора в Киеве. — ВЯ, 1972, № 3.

²³ Симонов Р. А. О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964.

²⁴ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»). Составитель Н. Б. Шеламанова. — АЕ (за 1965 г.). М., 1966; Жуковская Л. П. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. — СС, 1969, № 1.

НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ

Одной из важнейших проблем истории культуры Киевской Руси является вопрос о степени распространения письменности. Было ли умение писать и читать монополией лишь правящих верхов и духовенства или грамотность распространялась также среди широких слоев населения? Найдки в 40—70-х годах берестяных грамот, многочисленных граффити светского и духовного содержания на стенах зданий, надписей на орудиях труда и ремесленных изделиях, принадлежностей для письма могут считаться бесспорным доказательством того, что письменность была распространена среди городского и сельского населения Киевской Руси в гораздо большей степени, чем это предполагалось ранее.¹ Найдки своеобразных учебников, алфавитов, ученических работ свидетельствуют о распространении письменности в широких народных массах и об обучении детей чтению и письму. Однако и ранее известные материалы позволили сделать вывод о существовании на Руси во времена Владимира и Ярослава «высших» школ, где обучались дети «нарочитой чады», и «низших», предназначенных для детей старост и попов. В «высшей» школе, как полагает Н. С. Чаев, преподавались также «философия, ритория и грамматика» и сообщались некоторые сведения по истории, географии, естествознанию.²

Наряду с правильными утверждениями, согласно которым образованность в Киевской Руси была широко распространена и вышла за пределы княжеского двора и монастырей, что ставило Русь в один ряд с передовыми странами Европы,³ высказывались и диаметрально противоположные, ошибочные, как было доказано дальнейшим ходом развития науки, мнения.

¹ Гуревич Ф. Д. Грамотность горожан древнерусского Понеманья. — КСИА, 1973, вып. 135; Рождественская Т. В. Значение граффити XI—XIV вв. для изучения истории русского языка старшего периода. — ВЯ, 1972, № 3, и др.; ср.: Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XVI вв. М.—Л., 1952; Тихомиров М. Н. Городская письменность в Древней Руси XI—XIII веков. — ТОДРЛ, 1953, т. IX.

² История культуры Древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, с. 220—226.

³ Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1949, с. 8—11.

Обобщающих трудов, посвященных развитию научных знаний на Руси, очень мало. К ним относится монография Т. Райнова и соответствующие разделы в «Очерках истории СССР. IX—XIII вв.»⁴ (Б. Д. Греков, А. Н. Насонов), «Истории культуры Древней Руси»⁵ (Н. С. Чаев), «Истории СССР с древнейших времен и до наших дней»⁶ (Б. А. Рыбаков).

Т. Райнов стремился охватить все отрасли научных знаний. Он пришел к выводу, что христианство приобщило Русь к византийской, а через нее к античной культуре. Познание природы в те времена было тесно связано с богословско-мистическим восприятием мира, но в христианскую литературу проникали и элементы научных познаний, унаследованные от античности. Т. Райнов полагает, что во времена Киевской Руси имело место натурализующее, т. е. стихийно-материалистическое, отношение к природе (знание ландшафта, рек и морей, растительного и животного мира, стихийных и небесных явлений, эпидемий и т. п.). По его мнению, в «XI—XIII вв. мы имеем зародыши настоящей науки, т. е. элементы объективно истинного знания о материальной действительности в духе стихийного материализма».⁷ Но эти знания, почерпнутые из различных переводных источников, развивались параллельно познаниям, приобретенным эмпирическим путем, в результате практики, не сливаясь с ними. Существовали практическая наука ремесленников, земледельцев — наука «пизов» и Шестоднев, Толковая Палея и др. — наука «верхов». Первая была полезна, вторая — бесполезна.

Т. Райнов особенно выделяет Кирика, диакона и доместика Новгородского Антониева монастыря. Это был умный, образованный человек. Занимаясь астрономией и календарем, он не облекал их в богословско-символическую оболочку. Он знал природно-астрономические условия, циклы, солнечный и лунный календарь, арифметику (действия, прогрессии, дроби). В. П. Зубов указывает на то, что Кирик умел вычислять подвижные христианские праздники, знал лунный год, возраст луны, «солнечный круг» (28-летний цикл), «лунный круг», «индикты», «августовские календари». Познания его довольно обширны, но приемы вычисления не всегда ясны.⁸

Для оригинальной письменности киевских времен, летописей, характерно «обмирщение», стремление к реализму.

Н. С. Чаев подчеркивает, что сведения по всем отраслям знаний, как и везде в Византии и в Европе, облекались в религиозную оболочку. «Книжные» люди Киевской Руси были

⁴ Райнов Т. Наука в России XI—XVII веков. М.—Л., 1940; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953.

⁵ История культуры Древней Руси, т. II. М.—Л., 1951.

⁶ История СССР с древнейших времен и до наших дней, т. I. М., 1966.

⁷ Райнов Т. Наука в России XI—XVII веков, с. 22.

⁸ Зубов В. П. Кирик Новгородец и древнерусское деление часа. — В кн.: Историко-математические исследования, выш. 6. М., 1953.

знакомы с сочинениями Иоанна Дамаскина, где излагались грамматика, диалектика, представленная на основе различных философских систем, прежде всего Аристотеля, со сборниками, известными под названием «Пчела», где содержались отрывки и изречения Платона, Плутарха, Эсхила, Демокрита, Диогена, Софокла, Геродота, Фукида, Пифагора, Демосфена, Сократа, Ликурга, Эпикура, Аристотеля и других, касавшиеся главным образом моральных сюжетов.

Сведения об устройстве вселенной и космогонические представления черпались из Шестоднева, Козьмы Индикоплова, Епифания Кипрского. Иоанна Дамаскина и апокрифических произведений с их геоцентризмом. В целом все эти сведения были чрезвычайно далеки от действительности, но в них вкраплены элементы подлинного знания. Заслуживают внимания работы, посвященные отдельным отраслям знаний в Киевской Руси. Во просам медицины посвятили свои труды Н. А. Богоявленский, П. Е. Заблудовский, М. П. Мультановский, В. Д. Отамановский. Н. А. Богоявленский придает большое значение апокрифам, которые он считает ценнейшим источником для изучения медицины, заключающим в себе много верных наблюдений и советов, описаний болезней и их лечения и т. п.

Киевская Русь знала в отрывках медицинские сочинения античных авторов.⁹ М. П. Мультановский указывает на сравнительно высокий уровень медицинских знаний в Киевской Руси. Об этом, по его мнению, говорят известия «Русской Правды» о «лечице» (что указывает на врачебную практику), а также свидетельства «Устава» Владимира о церковных судах, «Изборника» Святослава и др. На Руси были распространены врачебная практика и «зелейничество», т. е. народная фармакология. Он подчеркивает распространение на Руси больниц и бесплатного врачевания.¹⁰ М. П. Мультановский пишет: «В Киевской Руси XI—XIII веков видны зародыши настоящей науки, т. е. элементы объективного истинного знания о материальной действительности в духе стихийного материализма».¹¹

Совершенно иначе подходит к вопросу о медицине в Киевской Руси В. Д. Отамановский. Он указывает на то, что древнерусская народная медицина носила эмпирический характер. Известны были лекарственные растения, «мовницы», бани, массаж, кровопускания, хирургия. Значение народной медицины огромно. Ее носителями были волхвы, ведуны, знахари. Церковь боролась с народной медициной, широко распространенной и популярной. Ее стихийный материализм подрывал учение церкви о том, что болезнь ниспослана богом за грехи. «Устав» Владимира о цер-

⁹ Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1966.

¹⁰ См. также: Заблудовский П. Е. История отечественной медицины, ч. I. М., 1966.

¹¹ Мультановский М. П. История медицины. М., 1941, с. 99—100.

ковных судах, как и «Устав» Ярослава, запретил «ведовство» и «зеленичество», объявив их тягчайшим преступлением, а лекарства — отравой. Церковная медицина — лжемедицина. На смену «лечу» «Русской Правды» пришли Пантелеимон Целитель и «чудесные исцеления». В. Д. Отамановский доказывает, что никаких монастырских больниц не было, а были богадельни, где призревали калек, хроников, убогих, нищих. Не было ни больниц, ни бесплатного лечения. Только в XII—XIII вв. светская власть смягчила наказания за применение народной медицины, а в монастырях появились больницы. В. Д. Отамановский подчеркивает, что церковная медицина Киевской Руси была классовой и что она сыграла отрицательную роль. По его мнению, в те времена существовало три медицины: 1) древняя языческая народная медицина, 2) городская народная эмпирическая медицина, 3) поздняя монастырская медицина. Из них городская ремесленная медицина, основанная на наблюдении, опыте, практических, эмпирических знаниях, чуждая мистицизму, добилась наибольших успехов и представляла собой прогрессивное стихийно-материалистическое направление в медицине.¹²

Ряд исследований посвящен математике и астрономии в Киевской Руси.

Б. А. Рыбаков указал на то, что так называемые «аввилоны» представляли собой своеобразные чертежи, состоящие из квадратов и прямоугольников, в которых были закодированы данные о строительной механике и сопротивлении материалов.¹³ Р. А. Симонов, М. П. Сотникова, Н. В. Горбунов, Н. Н. Дормашева в своих исследованиях подчеркивают, что в Древней Руси люди производили сложные вычисления, но, как производили счет, остается неизвестным, так как записывался только итог. Возможно, что существовали абаки или аналогичные приспособления для счета. Знали дроби, записывая их словами, прогрессии, большие отвлеченные числа, хотя распространены были главным образом небольшие натуральные числа. Записывали меры длины, объема, денежную систему.¹⁴

Летописи свидетельствуют о том, что русские люди внимательно следили за небесными явлениями, и хотя они трактовались как божественные знамения, описание их часто бывало реалистическим, а термины брались из разговорной речи.¹⁵

¹² Отамановский В. Д. Борьба медицины с религией в Древней Руси. М., 1965.

¹³ Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих. — СА, 1957, № 1.

¹⁴ Симонов Р. А. О методологии изучения математики Древней Руси. — СА, 1970, № 3; Сотникова М. П. Из истории древнерусской практической арифметики XII—XIV вв. — СГЭ, 1962, т. XXIII; Горбунов В. В., Дормашева Н. Н. Новгородские берестяные грамоты и история арифметики. — Математика в школе, 1964, № 5.

¹⁵ Кузаков В. К. Астрономические данные в русских летописях. — В кн.: История и методология естественных наук, вып. IV. М., 1966.

Н. А. Фигуровский обратил внимание на познания русских людей времен Киевской Руси в области химии. Литературные памятники той поры сохранили не только рецепты и описания отдельных химических операций, но и обширный круг специальных химических терминов, определяющих собой круг веществ и предметов ремесленного обихода, технологических операций и приемов обработки. Он приходит к выводу, что «наши далекие предки в XI—XII вв. были хорошо знакомы с господствующими в науке того времени представлениями» и «единственным отличием древнерусских натурфилософских и химических представлений от западноевропейских было полное отсутствие у нас алхимического учения о превращении металла и о философском камне». ¹⁶

Некоторые работы посвящены таким отраслям деятельности, которые стоят на грани между научными знаниями и ремеслом. К таким исследованиям относятся работы В. В. Данилевского о русской технике и В. В. Щавинского о химии красок, чернил и «книжном художестве». ¹⁷

Географические познания Киевской Руси были очень обширными. Л. С. Берг, Б. А. Рыбаков, Н. С. Чаев, М. С. Боднарский и др. подчеркивают, что все эти знания были добыты двояким путем: в результате непосредственных открытий, совершенных русскими людьми, особенно на севере Восточной Европы, и знакомства с географическими сочинениями той поры. Географические познания «Повести временных лет», Новгородской I летописи, Ипатьевской летописи охватывают огромную территорию от Гибралтарского пролива («Гадира») и Британии («Вретании», Ирландию и Шотландию не знали) до севера Восточной Европы, Урала и севера Западной Сибири («Югра», «Лукоморье», «Железные ворота») и от Баренцева и Белого морей до Индийского океана и Южно-Китайского моря. На Руси знали все Средиземноморье, Северную Африку, Малую Азию, Аравию, Персию, Среднюю Азию, Индию, Юго-Восточную Азию. «Хожения», в частности игумена Даниила, встретившего в Иерусалиме русских людей, рассказы «отроков», ходивших в дальние земли, Гюряты Роговича, Павла Ладожского расширяли географические представления русских людей. Частей света не знали, но знали страны света.

Из сочинений «книжные люди» киевской поры были знакомы с хроникой Георгия Амартола, хронографом Иоанна Малалы, Палеей, Паннонским житием Кирилла и Мефодия, «Космографией» Космы Индикоплова, «Александрией».

Этнографические знания также были весьма обширны и охватывали ту же территорию. При этом исследователи отмечают,

¹⁶ Фигуровский Н. А. Химия в Древней Руси.— В кн.: Вопросы истории отечественной науки. М.—Л., 1949, с. 241—243.

¹⁷ Данилевский В. В. Русская техника. Л., 1947; Щавинский В. А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси.— ИГАИМК, 1935, вып. 115.

что на Руси хорошо знали этнический состав населения прибрежной полосы Западной Европы, что же касается ее внутренних областей, то они были плохо известны. Этническая карта Восточной Европы в русских летописях и прежде всего в «Повести временных лет» предстает во всем своем многообразии. В Киевской Руси хорошо знали о тех племенах, которые рано или поздно вошли в ее состав, и о своих соседях — финно-угорских, балтийских и тюркских племенах.¹⁸

Как подчеркивают советские исследователи, огромный интерес к прошлому русского народа обусловил широкое распространение письменных источников, посвященных истории Руси. К ним следует отнести не только летописи, но и другие произведения. Историческим знаниям в Киевской Руси посвятили свои труды Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин, Д. С. Лихачев, Н. Л. Рубинштейн, В. Е. Иллерицкий.¹⁹

Летописи и прежде всего «Повесть временных лет» являются историческими произведениями, истоки которых восходят к устному народному творчеству. «Повесть» преследует определенную цель — выяснить «начало Руси». Она пронизана идеей единства Руси и русского народа, идеей единства славянства и преисполнена чувства патриотизма. Источники ее многообразны. «Повесть» не чуждо представление о причинно-следственной связи. Она носит классовый характер, в центре внимания летописцев — князья, бояре, духовенство, а классовая борьба представляется как «казнь божия». Хотя церковные элементы в ней сильны, она не является памятником церковной литературы. «Повесть» использует различные, в первую очередь письменные, источники и критически относится к ним (рассказ о Киеве, о крещении Владимира). В ней немало исторических преданий, рассказов современников и очевидцев, их наблюдений и т. п. На эту сторону древнейшего летописания особое внимание обратил Б. А. Рыбаков. Иную оценку дал летописям Н. Л. Рубинштейн. Он считает, что летописи не являются историографическими трудами, так как в них факты нанизываются механически, причинно-следственная

¹⁸ Берг Л. С. Ранние географические исследования в России. — В кн.: Вопросы истории отечественной науки. М.—Л., 1949; Боднарский М. С. Очерки истории русского землеведения, т. I. М., 1947; История культуры Древней Руси, т. II, с. 232—233; Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949; — Карта границ географических знаний домонгольской Руси составлена Б. А. Рыбаковым. См.: История культуры Древней Руси, т. II, с. 233; Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

¹⁹ Греков Б. Д. Первый труд по истории России. — ИЖ, 1943, № 11—12; Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. — ВИ, 1960, № 5; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. М., 1957; Лихачев Д. С. О летописном периоде русской историографии. — ВИ, 1948, № 9; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1971; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941; Рыбаков Б. А. 1) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; 2) Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.

связь отсутствует и остается лишь «голая хронологическая последовательность».²⁰ Позднее он сделал исключение для «Повести временных лет», которая дает «целостное представление о жизни русского народа».²¹ Особняком стоит оценка, данная «Повести временных лет» И. П. Ереминым. По его мнению, летописец близок к пушкинскому Пимену и его рукой отнюдь не управляли «мирские страсти» и «политические интересы». Он просто чаивен и правдив и, не «мудрствуя лукаво», описывает то, что знает. Его мораль оторвана от политики.²²

«Повесть» не является единственным древним историческим произведением. К таковым следует отнести «Жития» Ольги, Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, «Слово о законе и благодати» Илариона, «Память и похвалу Иакова Мниха». Позднее появляются так называемые «воинские повести» (о Лиепецкой битве, битве на Калке). На Руси распространились переводные исторические произведения: «Александрия», «Троянская история», «Девгениево деяние», труды Иосифа Флавия, Иоанна Малалы, Георгия Амартола.²³

Советские философы усматривали какие-то зачатки философских рассуждений в произведениях митрополита Илариона, Клиmenta Смолятича, Даниила Заточника. «Философская мудрость пользовалась большим уважением в обществе... Общественная идеология Киевской Руси мало чем отличалась от идеологических движений на Западе», но русская мысль «долго не могла вырваться из оков византийского православного богословия».²⁴

Несомненным достижением советских исследователей является доказательство распространения письменности в широких слоях населения Киевской Руси, обучения его грамоте и началам арифметики. Можно считать установленным, что в области распространения научных знаний Киевская Русь стояла на одном уровне с другими странами Европы, так же, как и они, платя щедрую дань схоластике и богословию.

Вместе с тем следует отметить отсутствие сводного монографического исследования, дающего возможность создать цельное и четкое представление о просвещении и образовании в Киевской Руси, об уровне элементов научных знаний.

²⁰ Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 20.

²¹ Рубинштейн Н. Л. Летописный период русской истории. — Учен. зап. МГУ, 1946, вып. 93.

²² Еремин И. П. Повесть временных лет. Л., 1947.

²³ Рубинштейн Н. Л. 1) Русская историография. М., 1941; 2) Исторические знания феодальной Руси, I, II. М., 1945; Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1955; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971.

²⁴ Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970, с. 53—57.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В изучении истории Киевской Руси советские исследователи достигли значительных успехов. Это объясняется тем, что методологической основой советской исторической науки является марксизм-ленинизм, теория исторического материализма. Наряду с письменными источниками, относящимися к Киевской Руси, число которых возросло (берестяные грамоты, надписи, граффити, восточные источники), исследователи привлекают материалы и выводы сопредельных наук, что значительно расширяет круг и характер используемых источников.

Такого рода комплексное изучение проблемы отличает советскую историографию Киевской Руси от дореволюционной и способствует ее достижениям.

Советская историческая наука утвердила феодальную природу Киевской Руси, дала четкую характеристику феодальных отношений господства и подчинения, зависимости и эксплуатации, четкие определения различных социальных категорий Киевской Руси.

Достижением советской историографии является не только установление того факта, что в Древнерусском государстве господствовали социально-экономические отношения, характерные для феодальной формации, но и постановка проблемы основных закономерностей перехода восточных славян и большого числа неславянских народов и племен от бесклассовой формации родоплеменного общества к феодальным отношениям, причем, как отмечают советские исследователи, этот переход совершился, минуя рабовладельческую формацию.¹

Многие конкретные вопросы генезиса феодализма в Древней Руси являются спорными, однако ясное определение основных этапов общественного развития позволяет плодотворно вести дискуссию о периодизации развития феодальных отношений, роли различных общественных укладов, взаимодействии базиса и надстройки в процессе становления феодализма.

Советские исследователи установили ту непреложную истину, что все социальные явления в Киевской Руси следует рассматри-

¹ Черепинин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 142.

вать не статически, а в динамике. Одни формы социальных отношений разлагались и отмирали, а внутри общества Киевской Руси зарождались новые общественные отношения, которые становились ведущими и определяли собой общественный строй. Первобытнообщинные отношения сменились феодальными, при этом немаловажную роль играло рабство, существовавшее с феодальными отношениями, но отнюдь не определявшее собой общественный строй Киевской Руси. Советские исследователи убедительно доказали, что возникновение феодальных отношений у восточных славян и образование Древнерусского государства явились результатом имманентного развития и окончательно отвергли теории о культуртрегерской миссии скандинавов и о создании ими государства восточных славян.

Наличие различных точек зрения на датировку периода распада первобытнообщинных отношений и генезис феодализма — одни исследователи относят эти процессы к середине I тыс. н. э., а другие — к VIII—IX вв. — не колеблет основной вывод советской исторической науки о путях генезиса феодализма и феодальной природе Киевской Руси.

Анализ внешнеполитических связей Киевской Руси с Византией, европейскими и восточными странами, дипломатии и войн, торговых и культурных сношений дал возможность советским исследователям подтвердить и укрепить взгляд К. Маркса на Киевскую Русь как на аналог государства Карла Великого, на ее место во всемирной истории, в развитии мировой культуры.²

Учитывая сложный этнический состав Древнерусского государства и значительные по своему воздействию внешнеполитические условия, можно утверждать, что определение синтезных явлений в этническом развитии древнерусской народности и в общественно-политическом строе Киевской Руси значительно обогатило возможности исторического анализа общественных отношений. Советская историческая наука пришла к выводу о том, что начало государственности ряда народов Восточной Европы восходит к Древнерусскому государству.

Одним из важнейших достижений советских исследователей является разработка проблемы формирования древнерусской народности — этнического образования восточных славян, сложившегося в период возникновения и развития у них феодализма. В процессе складывания древнерусской народности приняли участие племена балтийских, финно-угорских и тюркских языков. Древнерусская народность явилась общим предком русского, украинского и белорусского народов.

Немало потрудились советские ученые над вопросом о происхождении терминов «русы», «русские», «Русь», «росы», «Россия». Они показали ошибочность представления о скандинавском про-

² Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 75—77.

исхождении этих терминов и предложили другие решения этого вопроса.

Работы советских исследователей раскрыли большое значение Киевской Руси в историческом развитии нашей страны. Это был важный период социально-экономического и общественного развития и этнической консолидации народов Восточной Европы, входивших в пределы Киевской Руси.

Исследования советских историков показали, что Киевская Русь была великой державой раннего средневековья. Она не только оказывала большое влияние на политическую жизнь Центральной, Северной и Восточной Европы и на соседние азиатские страны, но и имела важнейшее значение в раннесредневековой системе торговли Европы и Азии. Применение сравнительно-исторического анализа в определении типологии общественного развития феодальных государств открывает значительные возможности в решении этой проблемы (работы Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, А. П. Новосельцева). Подобный анализ позволяет установить основные закономерности в генезисе феодализма, общие и особенные черты раннефеодальных и развитых феодальных отношений в Древней Руси и других регионах Европы и Азии.

Советская историография Киевской Руси прошла большой и сложный путь. Как уже указывалось, основным ее достижением явился марксистско-ленинский формационный анализ общественных отношений, который позволил на значительно более высоком научном уровне обобщить накопленные исследователями факты и определить место киевского периода в истории развития феодальных отношений в России, а говоря шире, в истории СССР в целом, как одного из этапов, который вел к сложению развитых феодальных отношений, а затем и к формированию капиталистического строя, который был уничтожен Великой Октябрьской социалистической революцией.

Советские историки-марксисты имеют большие заслуги не только в творческом применении марксистско-ленинской методологии в изучении исторических фактов. Они обобщили эти факты и создали марксистскую концепцию развития общественных отношений в Древней Руси. Советские историки (В. Т. Пашуто, И. П. Шаскольский, В. П. Шушарин) активно выступали против работ зарубежных фальсификаторов истории Древнерусского государства, показывая как несостоятельность общих исторических конструкций, призывающих значение Руси в историческом процессе (что приобретало часто политическое антисоветское направление), так и ошибочность интерпретаций отдельных исторических фактов. Такое активное отношение советских историков к изучаемым проблемам является гарантией глубокого и научно обоснованного исследования далекого прошлого нашей Родины.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абу-Хамид ал-Гарнати, испано-арабский купец и путешественник 83
 Авдусин Д. А. 253
 Адельгейда Всеволодовна см. Евпраксия Всеволодовна
 Адрианова-Перетц В. П. 229, 237, 242—244, 246, 247, 249
 Азадовский М. К. 225, 226
 Азбелев С. Н. 247
 Айналов Д. В. 178, 238, 240, 243
 Александр Ярославич Невский, русский князь 182, 243
 Алексеев Л. В. 71, 76, 111, 112, 125, 150
 Алексеев М. П. 179, 239, 240
 Алексеева Т. И. 54
 Алексей I Комнин, византийский император 204
 Алешковский М. Х. 112, 150, 151
 Алеша (Александр) Попович, былинный персонаж 230
 Алин В. В. см. Карагалов В. В.
 Алихова А. Е. 52, 54
 Алпамыш, былинный персонаж 232
 Амбров А. К. 169, 170
 Андреев Н. П. 225—228
 Андрей Боголюбский, русский князь 149, 208
 Аничков Е. А. 167, 168
 Анна Ярославна, французская королева 186
 Антицик К. Я. 45
 Арбман Х. 162
 Аргунов П. А. 88
 Арзуманян А. 198
 Аристотель, древнегреческий философ 258
 Арне Т. 153, 156, 157, 160, 164
 Артамонов М. И. 19, 24, 26, 31, 33, 34, 56—59, 99, 133, 134, 159, 192—196
 Артамонова О. А. 56
 Арциховский А. В. 63, 98, 120, 121, 157, 159, 162, 247, 252
 Астахова А. М. 221, 222, 225—228, 233, 235
 Атрак (Отрак), былинный персонаж 221
 Багалей Д. И. 137
 Базилевич К. В. 102, 103, 135, 147, 149
 Баран В. Д. 32
 Бартольд В. В. 190, 191, 194
 Бауэр Н. П. (Bauer N.) 79—81
 Бахрушин С. В. 7, 64, 94—97, 99, 130, 132, 133, 140, 158, 159, 173, 174, 182, 205
 Белецкий В. Д. 56
 Белецкий Л. Т. 237
 Белопольский Б. 174
 Бенешевич В. Н. 236
 Берг Л. С. 260, 261
 Берков П. Н. 244
 Бернадский В. Н. 181
 Бертье-Делагард А. Л. 203
 Берштейн-Коган С. 161
 Богатырев П. Г. 234
 Богдан Д. 253
 Богомолов Б. 227
 Богоявленский Н. А. 258
 Богуславский С. А. 236
 Боднарский М. С. 260, 261
 Большаков А. М. 81
 Боняк, половецкий хан 215
 Борис, русский князь 236, 246, 262
 Борис Коломанович, венгерский королевич 178
 Боян, древнерусский певец-дружинник 238
 Браун Ф. А. 177
 Брим В. А. 45, 72, 155, 156, 179
 Брунов Н. И. 167
 Бубрих Д. В. 51
 Будовниц И. У. 108, 174, 201, 244
 Булатов М. 226
 Булычев Н. В. 238
 Бунакова О. В. 167
 Бутенко А. П. 37
 Быковский С. Н. 15, 81, 91

- Вайнштейн О. Л. 183, 200, 201
 Васильев А. А. 161, 201, 202
 Васильев Б. А. 54, 55
 Васильевский В. Г. 178, 200, 204
 Введенский Д. А. 150
 Веймарн Е. В. 195
 Велецкая Н. Н. 169
 Великанова М. С. 59
 Великая Богиня (Рожаница) 168
 Вернадский Г. 161, 162
 Веселовский Н. И. 203
 Вилинбахов В. Б. 47, 76, 233, 247
 Виноградов В. В. 254
 Виноградова В. Л. 248
 Витов М. В. 51
 Владимир Мономах, русский князь 4, 102, 114, 122, 135, 179, 212, 215, 240, 241
 Владимир Святославич, русский князь 97, 132, 166, 168, 172–174, 194, 197, 207, 224, 228, 236, 256, 261, 262
 Владимирский Г. 226
 Владимирский-Буданов М. Ф. 86, 142, 143
 Вознесенский С. В. 90, 94, 95
 Вольга, былинный персонаж 225, 233
 Вольтер, французский писатель 3
 Воронин Н. Н. 55, 96, 111, 120, 122, 150, 169, 208, 244, 246
 Восканин В. К. 198
 Всеволод Мстиславич, русский князь 124
 Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, русский князь 149
 Всеслав Брячиславич, русский князь 125
 Вуич Л. Г. 217
 Высоцкий С. А. 255

 Гадзяцкий С. С. 50, 51, 180, 181
 Гадло А. В. 57, 59, 197
 Галактионов А. А. 262
 Галкин В. А. 150
 Ганелин Р. Ш. 81
 Гантаев Н. М. 175, 176
 Гаральд, персонаж скандинавских саг 223
 Гедеонов С. А. 137
 Генрих I, французский король 186
 Георгиев Э. 252
 Георгий Амартол (Георгий Мних), византийский хронист 237, 260, 262
 Георгий Амастридский 204
 Георгий Маниак, византийский патрикий 209
 Георгий Мних см. Георгий Амартол
 Гераклитов А. А. 52

 Геродот, древнегреческий историк 64, 258
 Гертруда (Олисава), русская княгиня 186
 Гессен В. Ю. 69
 Гиппшус В. 167
 Глеб, русский князь 236, 246, 262
 Головченко Ф. М. 246
 Голубева Л. А. 49, 50
 Гольмстен В. В. 55
 Гончаров В. К. 220
 Горбунов Н. В. 259
 Гордлевский В. А. 213, 244
 Горемыкина В. И. 116, 117
 Горнунг Б. В. 27, 28
 Городцов В. А. 167
 Горький А. М. 226, 230, 239
 Горюнова Е. И. 52, 53
 Готье Ю. В. 14, 17, 18, 26, 56, 63, 119, 152, 154, 155, 183, 191, 214
 Гранстрем Е. Э. 253
 Грацианский Н. П. 180
 Греков Б. Д. 7—9, 11, 21, 22, 26, 27, 36, 37, 63, 64, 69, 70, 90—96, 98—100; 102, 103, 105, 110, 112, 114, 115, 117, 119—121, 129—135, 142—147, 149, 150, 156, 158, 159, 160, 168, 174, 176, 182, 183, 194, 195, 200, 201, 208, 211, 212, 230, 243, 244, 257, 261
 Григорий VII, папа римский 178
 Гринблат М. Я. 46, 47
 Гродзилов Г. П. 49
 Грот К. Я. 177
 Грушевский М. С. 137, 177
 Гудзий Н. К. 242—244, 246, 254
 Гумилев Л. Н. 196, 197, 248
 Гуревич Ф. Д. 44, 45, 47, 76, 168, 256
 Гусаков А. Д. 79
 Гююта Рогович, новгородец 260

 Давидан О. И. 163, 165
 Даниил, игумен 262
 Даниил Заточник, древнерусский писатель 236, 240—242, 246, 249, 262
 Даниил Романович, русский князь 122, 149
 Данилевский В. В. 260
 Данилов В. 238
 Данилова Л. В. 104, 106, 108
 Данилова О. В. 243
 Даркевич В. П. 77, 169, 170
 Дедюхина В. С. 164
 Демокрит, древнегреческий философ 258
 Демосфен, древнегреческий оратор и политический деятель 258

- Демьян Бедный 9, 173, 226
 Державин Н. С. 21, 26, 36, 37, 243
 Десницкий С. Е. 3
 Джанполадян Р. М. 76
 Динцес Л. А. 167
 Диоген, древнегреческий философ 258
 Дмитриев Л. А. 247—249
 Довженок В. И. 40, 67, 109, 110, 220
 Доннерт Э. (Donnert E.) 187
 Дормашева Н. Н. 259
 Дорн Б. А. 190
 Дорошенко В. В. 44, 45
 Дробинский А. И. 186
 Дробленкова Н. Ф. 246
 Дубровский С. М. 90
 Дубынин А. Ф. 52, 54
 Дундулене П. В. (Dundulienė P.) 44
 Дынник В. 243
 Дьяконов М. А. 86, 142
 Дюка Степанович, былинный персонаж 223
- Е**
 Евпраксия (Адельгейда) Всеволоводовна, германская императрица 178
 Евфимия Владимировна, русская княгиня 478
 Епифаний Кипрский 258
 Еремян С. Т. 198
 Еремин И. П. 236, 240, 245, 246, 248, 262
 Ефименко П. П. 54, 56
- Ж**
 Жданов А. А. 8, 132
 Жиганов М. Ф. 54
 Жирмунский В. М. 232
 Жужунадзе О. Г. 125, 168, 198
 Жуковская Л. П. 254, 255
 Жучкевич В. А. 47
- З**
 Забелин И. Е. 21
 Заблудовский П. Е. 258
 Зализняк А. А. 171
 Зарубин Н. Н. 240, 243
 Зарубин П. А. 171
 Засурцев П. И. 71
 Захаренко А. Г. 121
 Заходер Б. Н. 197
 Зеленин Д. К. 42, 43, 52, 167
 Зимин А. А. 9, 103, 104, 113, 114, 116—118, 123, 126, 127, 205, 247, 248
 Зубов В. П. 257
 Зутис Я. Я. (Zutis I.) 44, 45, 47, 180, 181
 Зяблин Л. П. 214—216
- И**
 Иаков Мних см. Яков Мних
 Ибн-ал-Биби, сельджукский историк 211
 Ибн Мискавейх, арабский историк 190, 191
 Ибн Фадлан, арабский путешественник и писатель 251
 Иванов В. В. 171
 Иванов П. 194
 Иванова Т. А. 254, 255
 Игнатий, византийский патриарх 207
 Игорь, русский князь 125, 191, 192, 194, 205, 206
 Игорь Святославич, русский князь 212, 238—244, 248
 Изяслав Мстиславич, русский князь 125
 Изяслав Ярославич, русский князь 178, 186
 Иларийон, русский митрополит 236, 262
 Иллерицкий В. Е. 261
 Иловайский Д. И. 21
 Ильинский Г. А. 167
 Илья Муромец, былинный персонаж 223, 233
 Иоанн Дамаскин, византийский проповедник 258
 Иоанн Мавропод 208
 Иоанн Малала, сирийско-византийский хронист 260, 262
 Иоанн Скилица, византийский хронист 206, 208, 209
 Иоанн Цеци, византийский писатель 208
 Иоанн Цимисхий, византийский император 206
 Иоанникий, монах и зодчий 204
 Иоиль (Иол) Быковский, архимандрит 238, 247
 Иосиф Флавий, иудейский историк 236, 246, 262
 Истрин В. А. 174, 200, 205, 236, 237, 251, 254
- К**
 Кагаров Е. Г. 167
 Казакова Н. А. 188
 Казачкова Д. А. 125, 168
 Калнынь В. Е. 45, 185
 Каменецкая Р. В. 167
 Каменецева Е. И. 84
 Каминский В. 167
 Карамзин Н. М. 4, 177
 Каргалов (Алин) В. В. 218
 Каргер М. К. 9, 71, 121
 Карл Великий, французский король и император 4, 264
 Карский Е. Ф. 46, 252

- Карцев В. С. 185
 Карышковский П. О. 203, 206
 Кедрен Георгий, византийский хронист 209
 Кекавмен, византийский катахолон 208
 Келтуяла В. А. 225
 Кизилов Ю. А. 109, 111, 113, 115, 116
 Кий, легендарный основатель Киева 261
 Кипарский В. 160
 Кирик, новгородский иеромонах 257
 Кирилл, епископ Туровский, древнерусский писатель 236, 246
 Кирилл, создатель славянской письменности 251, 252, 254, 260
 Киров С. М. 8, 132
 Кирпичников А. Н. (Kirpičnikov A.) 164, 165, 216
 Кирьянов А. В. 67
 Киселев С. В. 120
 Клабуновский И. Г. 244
 Клейн Л. С. 162
 Клибапов А. И. 247
 Климент Смолятич, митрополит, древнерусский писатель 262
 Ключевский В. О. 72, 87—89, 129, 134, 142—144
 Кобрин В. Б. 247
 Кобычев В. П. 34
 Ковалевский А. 167
 Ковалевский С. Д. 161
 Ковалев С. И. 92
 Козаченко А. И. 40, 174
 Козьма Индикоплов, византийский географ 258, 260
 Коковцов П. К. 191
 Колобанов В. А. 248
 Колчин Б. А. 71
 Колычева Е. И. 115
 Кондаков Н. П. 178
 Конкин В. Н. 216
 Константин, создатель «кириллицы» 252, 253
 Константин Багрянородный, византийский император 162
 Константин IX Мономах, византийский император 209
 Константинов Н. А. 253, 256
 Кончак, половецкий хан 215, 221
 Корзухина Г. Ф. 163, 253
 Королюк В. Д. 35, 59, 140, 141, 186—188, 209
 Косвен М. О. 43, 115
 Косминский Е. А. 182
 Кострома, славянское божество 170
 Котляр Н. Ф. 84, 198, 248
 Кочкурина С. И. 49, 163
 Крастынь Я. П. 185
 Крачковский И. Ю. 251
 Крестинин В. В. 3
 Кривополенова М. Д. 227
 Кропоткин В. В. 77, 82, 203
 Курдеван, былинный персонаж 221
 Кудрявцев И. А. 261
 Кудряшов К. В. 213, 214
 Кузя А. В. 67
 Кузаков В. К. 259
 Кузнецов 99
 Кузьмин А. Г. 248
 Кузьмина В. Д. 244, 247, 249
 Кулишер И. М. 62, 68, 72, 86, 212
 Куник А. А. 190
 Кулапо, славянское божество 166, 170
 Курбатов Г. Л. 205
 Күфтин Б. А. 53
 Кухарева Л. С. 216
 Кухаренко Ю. В. 31, 32, 195
 Кучкин В. А. 151
 Лавров Н. Ф. 168
 Лавров П. А. 251
 Ламберт Херсфельдский, немецкий хронист 178
 Латышев В. В. 203
 Лебедев В. И. 133, 159
 Лебедев Г. С. 162
 Лебедева Н. И. 54
 Лев Диакон, византийский хронист 203, 206
 Левашева В. П. 66, 71, 164
 Левинсон-Нечаева М. Н. 71
 Левченко М. В. 160, 161, 175, 200, 204, 204—208
 Лейбович Е. С. 92, 93
 Лель, славянское божество 170
 Ленин В. И. 3—7, 9, 36, 115, 116, 243
 Леонтий, епископ Ростовский 208
 Лешков В. 87
 Ликург, легендарный спартанский законодатель 258
 Лимонов Ю. А. 75, 188
 Линевский А. М. 49—51
 Линниченко И. А. 177
 Липец Р. С. 234
 Липшиц Е. Э. 204, 205
 Литаврин Г. Г. (Litavrin G. G.) 202, 204—206, 208, 209, 220
 Лихачев Д. С. (Likhachev D. S.) 150, 165, 168, 229, 230, 234, 243—250, 253, 261
 Лихачева В. Д. 249
 Лобашев М. Е. 66
 Ловмянский Г. 154, 186
 Лука Хризоверг, византийский патриарх 208

- Лурье Я. С. 247, 249
 Лъвов А. С. 253
 Любимов В. П. 102
 Любомиров П. Г. 72, 73
 Ляпушкин И. И. 19, 33, 34, 56—58,
     67, 71, 72, 108, 192—196
 Лященко А. И. 223, 236
 Лященко П. И. 62, 69, 72, 79,
     212
- Мавродин В. В. 19, 21, 24—26, 28, 33,
     37, 38, 64, 65, 67, 81, 91, 100, 101,
     107, 109—112, 116, 117, 120, 122,
     123, 130, 133—137, 139—141, 145,
     147, 149, 150, 159, 160, 165, 168,
     169, 174, 183, 188, 192—195, 200,
     208, 212, 261
- Магнер Г. 186
 Мазон А. 246
 Макарова Т. И. 216
 Максимейко Н. А. 87, 88
 Малевская М. В. 76
 Малеин А. И. 223
 Малинина М. Д. 54
 Малов Е. 244
 Малышев В. И. 233
 Малым В. А. 66, 71, 164
 Манандян А. Я. 198
 Мануил Стравороман, византийский
     хронист 204, 208
- Маркелов М. Т. 42, 43
 Маркс К. (Марх К.) 3—7, 36, 100,
     105, 173, 242, 264
- Марр Н. Я. 9, 14—18, 21, 24—26, 33,
     35, 36, 87, 167, 192
- Мартынов М. Н. 91, 121
 Махно Е. В. 32
 Мацулевич Л. А. 48
 Мачинский Д. А. 31
 Медведев А. Ф. 83
 Медынцева Г. Г. 32
 Мезенцева Г. Г. 32
 Мелетинский Е. М. 232
 Меликсот-Бек Л. М. 198
 Меркурий Смоленский 237
 Мерперт Н. Я. 195
 Месхия Ш. А. 198
 Мефодий, создатель славянской
     письменности 251, 254, 260
- Мец Н. Д. 214
 Мещанинов И. И. 15, 252, 254
 Мещерский Н. А. 236, 246, 249
 Миклухо-Маклай Н. Н. 167
 Микула Селянинович, былинный
     персонаж 224, 225
- Миллер Вс. Ф. 222—224, 228
 Миллер И. 103
 Мирончиков Л. Т. 470
 Митропольская Н. 233
- Михаил Козарин, былинный персо-
     наж 233
 Михаил Пселл, византийский хро-
     нист 209
- Михайлов А. 236
 Мишулин А. В. 21, 105
 Мокошь, славянское божество 468
 Монгайт А. Л. 45, 48, 54, 55, 57, 71,
     75, 76, 82, 83, 150, 247
- Моора А. Х. (Moora A.) 44, 49
 Моора Х. Н. (Moora H.) 44, 45, 48,
     49
- Морозов А. А. 227
 Москаленко А. Н. 58
 Мохов Н. А. 59
 Мрочек-Дроздовский П. 86
 Мстислав Владимирович, русский
     князь 124, 228
- Мигуревич Э. С. 45, 77
 Мультановский М. П. 258
- Наджиб Хамадани, восточный гео-
     граф 83
- Назаренко В. А. 162, 163
 Насонов А. Н. 39, 86, 137—139, 148,
     191, 192, 194, 257
- Неклюдов В. М. 80
 Нестор, русский летописец 248
 Нечаев А. 226
 Никандров П. Ф. 262
 Никитин А. В. 49
 Никитина Н. А. 167
 Никифоров А. И. 226, 228, 243
 Николаева А. Т. 247
 Никольский В. 87
 Никольский Н. К. 240
 Никольский Н. М. 166, 172, 174
 Никон, древнерусский церковно-по-
     литический деятель, писатель,
     историк 204
- Новицкий Г. А. 135
 Новосельцев А. П. 41, 60, 77, 108,
     109, 117, 126, 139, 145, 146, 149,
     175, 199, 219, 263, 265
- Обнорский С. П. 205, 251
 Оганесян Л. А. 198
 Олег (Хальга), русский князь 134,
     153, 191
- Олег Святославич, русский князь
     204
- Ольга, русская княгиня 96, 185, 207
     262
- Орешников А. В. 80
 Орлов А. С. 182, 238—243, 256
 Острогорский Г. А. 202
 Отамановский В. Д. 258, 259
 Отрак см. Атрак

- Павел, ладожский посадник, 260
 Павлов-Сильванский Н. П. 3, 6, 85,
   89
 Павлушкина М. П. 186
 Падалка Л. В. 134
 Панеях В. М. 81
 Панкратова А. М. 133, 135
 Пантелеимон Целитель 259
 Пархоменко В. А. 7, 19, 36, 102, 119,
   128, 129, 132, 133, 154, 158, 173,
   191, 192, 211, 213, 243
 Паскудж 169
 Пашкевич Г. 162, 164
 Пашуто В. Т. 41, 44, 48, 60, 77, 103,
   104, 108, 111, 115, 122, 126, 135,
   139, 140, 145, 146, 148–150, 164,
   165, 181, 182, 184, 186–188, 199,
   209, 219, 245, 265
 Перетц В. Н. 238, 239
 Перун, славянское божество 168–
   170
 Петр Бориславич, русский летопи-
   сец 248
 Петров В. П. 33, 167
 Пимен, русский летописец, 262
 Пименов В. В. 49–51
 Пифагор, древнегреческий матема-
   тик и философ 258
 Ппчата В. И. 16, 46, 135, 159, 186
 Платон, древнегреческий философ
   258
 Платонов С. Ф. 17, 128, 154
 Плетнева С. А. 56–58, 196, 203,
   214–218
 Плисецкий М. М. 234
 Плутарх, древнегреческий писатель
   258
 Поболь Л. Д. 31
 Подвигина Н. Л. 124
 Позднеев А. В. 234
 Покровский В. С. 140
 Покровский М. Н. 8, 9, 16, 42–44,
   61–63, 68, 72, 85, 86, 119, 129, 130,
   142, 146, 153, 166, 172, 173, 210,
   211, 222, 225
 Покровский С. А. 102, 116, 134, 135,
   161
 Половой Н. Я. 197, 206
 Полосин И. И. 88
 Пономарев А. И. 213
 Пономарев Н. В. 212
 Поплавская Е. Д. 243
 Попов А. И. 134, 213, 218
 Поршинев Б. Ф. 111
 Потин В. М. 77, 83
 Пресняков А. Е. 8, 14, 79, 128, 132,
   142, 146, 152, 154, 156, 173
 Прийма Ф. И. 248
 Приселков М. Д. 102, 137, 173, 174,
   191, 201, 243
 Пропп В. Я. 170, 221, 231–234
 Путилов Б. Н. 221, 231–234
 Пушкин А. С. 3
 Пушкина Т. А. 164
 Пьянков А. П. 46, 103, 104, 110, 115
 Рабинович М. Г. 74, 111, 112, 234
 Равдоникас В. И. (Raudonikas W.)
   18, 49, 50, 98, 105, 157, 163
 Райнов Т. 257
 Рамм Б. Я. 185
 Рапов О. М. 109, 110, 115, 116
 Ращепорт П. А. 56, 111, 219
 Рауль III, граф де Крепи и де Ва-
   луа 186
 Рафалович И. А. 59
 Редедя, косожский князь 228
 Рейхардт В. 94
 Ржига В. Ф. 223, 224, 244
 Рихтер Е. В. 49
 Робинсон А. Н. 233
 Рогнеда, полоцкая книжница 228
 Род, бог 168
 Рождественская С. Б. 105
 Рождественская Т. В. 256
 Рождественский С. В. 72
 Рожков Н. А. 16, 36, 62, 68, 72, 86,
   130, 142, 153, 166, 167, 172,
   211
 Розанов С. П. 178
 Розен В. Р. 190
 Рознер И. Г. 161
 Розов Н. Н. 248
 Роланд, персонаж французского эпо-
   са 243
 Роман Мстиславич, русский князь
   149, 247
 Романов Б. А. 9, 81, 87, 100–102
 Романова Е. Д. 113
 Романченко И. С. 243
 Ростовцев М. И. 14
 Рубинштейн Н. Л. 72, 87–89, 114,
   115, 132, 133, 146, 261, 262
 Рузанов А. 185
 Русанова И. П. 32, 35
 Рыбаков Б. А. 9, 11, 21–23, 26, 27,
   30, 31, 38, 39, 56, 66, 70, 71, 73, 74,
   105–107, 110, 125, 137–139, 141,
   145, 148–150, 163, 168, 169, 193–
   195, 200, 208, 212–214, 220, 221,
   234, 247–249, 257, 259–261
 Рыдзевская Е. А. (Rydzevskaja E.)
   157, 179
 Рыков П. С. 54
 Рюрик, основатель династии Рюри-
   ковичей 97, 130, 153, 154

- Рюриковичи, династия русских князей 4, 97, 132, 140, 158, 173
 Рязанов Д. Б. 7
- С**авельев П. С. 55
 Савченко В. И. 45
 Сазонова Л. И. 248
 Сакулин П. Н. 225, 238
 Софроненко К. А. 104
 Сахаров А. М. 111
 Свердлов М. Б. 83, 113, 186, 188
 Святловский В. В. 79
 Святополк Изяславич, русский князь 124
 Святослав Всеволодович, русский князь 248
 Святослав Игоревич, русский князь 56, 57, 192—194, 196, 197, 206, 238, 244
 Серов В. В. 31, 32, 35, 45—47, 49, 168
 Селиванов Ф. М. 233
 Семенов Ю. И. 114
 Серапион, владимирский епископ 248
 Сергеевич В. И. 5, 86, 142
 Сергиевский М. В. 59
 Сибильев Н. В. 212
 Сидельников А. Д. 175
 Симаргл, славянское божество 168, 169
 Симонов Р. А. 255, 259
 Скафтымов А. 223
 Скворцов П. Н. 6
 Скржинская Е. Ч. 203, 204
 Скрипиль М. О. 246
 Скурль, былинный персонаж 221
 Сладкевич Н. Г. 5
 Смиленко А. Т. 32
 Смирнов А. П. 52—55, 76, 195
 Смирнов В. Д. 203
 Смирнов И. И. 9, 92—94, 97, 99, 110, 113, 120, 124, 135
 Смирнов П. П. 99, 100, 123, 154, 155
 Смирнов Ю. И. 233
 Смишко М. Ю. 32
 Смолицкий В. Г. 233
 Соболевский А. И. 16, 47, 238
 Созин И. В. 105, 217, 218
 Соколов Б. М. 223—225
 Соколов Ю. М. 224, 226, 228
 Сократ, древнегреческий философ 258
 Соловей Будимирович, былинный персонаж 223, 234
 Соловьев А. В. 248
 Соловьев С. М. 86, 177
 Соловьева Г. Ф. 46, 139
 Соломоник Э. И. 253, 254
 Сотникова М. П. 259
- Софокл, древнегреческий драматург 258
 Софроненко К. А. 136, 150
 Спасский И. Г. 83, 84
 Сперанский М. Н. 237
 Спицын А. А. 17, 22, 26, 49, 56, 128, 214
 Сталин И. В. 8, 23, 132, 136
 Станкевич Я. В. 49
 Стародубец П. А. 185
 Стендер-Петерсон А. 162
 Степанов П. Д. 52, 54
 Стефан Сурожский 204
 Стржелецкий С. У. 195
 Строков А. А. 124
 Струмилин С. Г. 66
 Струминский В. Я. 256
 Сугра, половецкий хан 221
 Сухан, былинный персонаж 233
 Сымонович Э. А. 32
 Сыромятников Б. И. 102
 Сэнмурв 169
- Тайдышко А. 174
 Талис Д. Л. 202, 203
 Тамара, грузинская царица 198
 Тараканова С. А. 45, 49, 111
 Тарле Е. В. 182
 Тарновский К. Н. 105
 Тароева Р. Ф. 51
 Татищев В. Н. 248
 Творогов О. В. 247, 249
 Телегин Д. Я. 58
 Тереножкин А. И. 31
 Терентьева Л. Н. 45
 Тиандер К. Ф. 177
 Тивериадский Л. С. 134, 159
 Титова З. Д. 167
 Тиханова М. А. 19, 31, 244
 Тихомиров М. Н. 9, 11, 40, 71, 74, 103, 104, 111, 123, 135, 137, 145, 159—162, 169, 181, 200, 206, 208, 242, 246, 253, 254, 256, 261
 Ткаченко М. 121
 Токарев С. А. 170, 261
 Толкачев А. И. 162
 Толочко П. П. 127, 149
 Толстов С. П. 42, 43, 161, 194
 Томсен В. 152—154, 156, 157
 Тонков В. В. 243
 Топоров В. Н. 27, 46, 171
 Тор, скандинавское божество 170
 Трахтенберг И. А. 79
 Тревер К. В. 169
 Третьяков П. Н. 19—21, 24, 26, 28—31, 33, 41, 46, 47, 56, 63, 65, 105, 106, 125, 139, 169
 Троцкий И. М. 92, 150
 Троян 243

- Трубачев О. Н. 27, 46
 Труммал В. К. (Trummal V.) 48,
     184
 Тугарин Змеевич, былинный персо-
     наж 221
 Тугоркан, половецкий хан 215, 221
 Тухтина Н. В. 49
- У**дальцов А. Д. 25, 26, 38
 Удальцова З. В. 200—203, 207, 209
 Уко, финское божество 170
 Усачев Н. Н. 77
 Успенская А. В. 71
 Успенский Ф. И. 200, 206
 Устюгов Н. В. 84
 Ухов П. Д. 234
- Ф**альк К. О. 162
 Фасмер М. 157
 Фасмер Р. Р. 81
 Федор Продром 208
 Федоров Г. Б. 58, 59
 Федоров-Давыдов Г. А. 214, 216
 Федорова-Давыдова Э. А. 216
 Феодосий 262
 Фехнер М. В. 75, 77, 164
 Фигуровский И. А. 252, 260
 Филин Ф. П. 27, 213, 247
 Фотий, византийский патриарх 207
 Фрейденберг М. М. 415
 Фрейман Н. 167
 Френ Х. М. 190
 Фроянов И. Я. 109—116, 118, 126,
     188
 Фукидид, древнегреческий историк
     258
- Х**алпахчян О. Х. 198
 Хальга см. Олег
 Хвойка В. В. 17, 18, 20, 21, 33
 Хорс, славянское божество 168
 Хромов П. А. 79
- Ц**алкин В. И. 66
 Цапенко И. П. 233
 Цвибак М. М. 93, 94
 Цинцадзе И. 198
 Цинцадзе Я. З. 198
 Циркин А. В. 54
 Цитович П. 87
- Ч**аев Н. С. 256, 257, 260
 Чебоксаров Н. Н. 45
 Чеботаренко Г. Ф. 59
 Чедвик 161
- Черепинин Л. В. 9, 40, 41, 78, 81, 103,
     109, 110, 112, 113, 116—118, 122,
     126, 135, 145—148, 217, 245, 246,
     261, 263, 265
 Чернов С. Н. 87, 92
 Черных П. Я. 252, 253
 Чернышев Н. А. 77
 Чичеров В. И. 170, 227, 233, 234
 Чурила Пленкович, былинный пер-
     сонаж 224
- Ш**айтан М. Э. 177, 178
 Шамбинаго С. К. 243
 Шангин М. А. 205
 Шапиро А. Л. 109, 110
 Шарапова З. М. 218
 Шарк — великан, былинный персо-
     наж 221
 Шаруань, половецкий хан 215, 221
 Шаскольский И. П. 50, 51, 140, 161,
     162, 165, 181, 182, 265
 Шафарик П. 252
 Шахматов А. А. 13, 14, 16—18, 22,
     36, 128, 153, 154, 173, 205, 236
 Шекера И. М. 187, 199, 218
 Шеламанова М. Б. 255
 Шестаков А. В. 99, 133, 135, 159
 Ширина Д. А. 98
 Ширинский С. С. 139, 140
 Шлоссер 4
 Шляков Н. 238
 Шмидхельм М. Х. 48
 Шмит Ф. И. 201, 203
 Шойкевич Б. А. 167
 Шрамко Б. А. 58
 Шталь И. В. 115
 Шушарин В. П. 161, 162, 186, 265
- Щ**авинский В. В. 260
 Щадов Я. Н. 108, 109, 116, 146, 175,
     176
 Щепкин В. Н. 252
- Э**кблом Р. 157
 Энгельс Ф. 3—7, 36, 100, 105, 110—
     112, 173, 242
 Энговатов Н. Б. 47, 233, 252
 Эпикур, древнегреческий философ
     258
 Эпштейн Е. М. 252
 Эсхил, древнегреческий драматург
     258
- Ю**дин Ю. И. 233
 Юра Р. О. 220
 Юрий Андреевич Боголюбский, рус-
     ский князь 198

- Юрий Всеvolодович, русский князь 238
Юшков С. В. 8, 9, 11, 64, 70, 86—88, 96—99, 103, 112, 123, 130, 133—136, 140, 143—145, 147, 159, 160, 176, 200
- Якобсон А. Л. 57, 195, 202, 203
Яков (Иаков) Мних, русский книжник 262
Яковлев А. И. 102
Яковлев М. А. 239
Якубинский Л. П. 92
Якубовский А. Ю. 190, 191, 211
Янин В. Л. 78, 80—82, 84, 109, 112, 124, 150, 151, 186, 205, 206, 208, 247
Янковский М. 174
Янсон А. Я. 45
Ярило, славянское божество 166, 170
- Ярополк Изяславич, русский князь 178, 186
Ярослав Мудрый, русский князь 4, 97, 135, 179, 256, 259
Яцкевич А. Е. 185
Япунский В. К. 111
- Arne T. 156
Donnert E. 187
Jeanits L. 45
Kirpičnikov A. 164
Leids T. 185
Likhačev D. S. 165
Litavrin G. G. 204
Marx K. 264
Pelše R. 45
Raudonikas W. 157
Rydzevskaja E. 179
Zutis I. 185

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник.
БСЭ — Большая Советская энциклопедия.
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР.
ВВ — Византийский временник.
ВГО — Всесоюзное географическое общество.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
ВИЖ — Военно-исторический журнал.
ВИМК — Вестник истории мировой культуры.
ВЛ — Вопросы литературы.
ВООН — Вестник отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР.
ВЭ — Вопросы экономики.
ВЯ — Вопросы языкознания.
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина.
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии.
ИАН — Известия Академии наук СССР.
ИВ АН СССР — Институт востоковедения Академии наук СССР.
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества.
ИВУЗ — Известия высших учебных заведений.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИЖ — Исторический журнал.
ИЗ — Исторические записки.
ИИЯЛ Молд. — Институт истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР.
ИМ — Историк-марксист.
НОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
ПОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
ПРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ПРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
ИСССР — История СССР.
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.

- КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
- КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР.
- КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР.
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
- КСНИИ и МА — Краткие сообщения Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета.
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии Академии наук СССР.
- ЛОИИ АН СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.
- ЛОИКФУН — Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народов.
- МАУ — Материалі з атропології України.
- МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт.
- МГПИ — Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина.
- МГУ — Московский государственный университет.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- НДВШ — Научные доклады высшей школы.
- НЗ АН УССР — Наукові записки Академии наук УССР.
- НИС — Новгородский исторический сборник.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
- ПИ — Проблемы источниковедения.
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
- ПИМК — Проблемы истории материальной культуры.
- ПИШ — Преподавание истории в школе.
- ПКС — Пермский краеведческий сборник.
- ПРП — Памятники русского права.
- РАЖ — Русский антропологический журнал.
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- РИЖ — Русский исторический журнал.
- РЛ — Русская литература.
- СА — Советская археология.
- САИ — Свод археологических источников.
- Сб. КГМ — Сборник Калужского государственного музея.
- Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности.
- СВ — Советское востоковедение.
- СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
- Ск. сб. — Скандинавский сборник.
- СС — Советское славяноведение.
- СЭ — Советская этнография.
- ТИВ АН СССР — Труды Института востоковедения Академии наук СССР.

- ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом).
- ТОИРК — Труды Общества исследования Рязанского края.
- ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
- Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея.
- Тр. ГЦМН — Труды Государственного центрального музея народоведения.
- Тр. Морд. НИИЯЛИЭ — Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.
- УІЖ — Український історичний журнал.
- ЯС — Яфетический сборник.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение (В. В. Мавродин, М. Б. Свердлов)	3
Формирование древнерусской народности	13
Этногенез восточных славян (А. В. Гадло)	13
Древнерусская народность (И. Я. Фроянов)	36
Восточные славяне, Русь и неславянские племена Восточной Европы (А. В. Гадло)	43
Социально-экономический строй Киевской Руси	61
Экономическое развитие Киевской Руси (сельское хозяйство, промышленность, ремесло и торговля) (В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов)	61
Деньги и денежное обращение (М. Б. Свердлов)	78
Общественный строй Киевской Руси (В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов)	85
Классовая борьба (В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов)	119
Образование и развитие Древнерусского государства	128
Образование Древнерусского государства (И. П. Шаскольский)	128
Развитие древнерусской государственности в XI—первой половине XIII в. (И. П. Шаскольский)	142
Норманская проблема в советской историографии (И. П. Шаскольский)	152
Язычество в Древней Руси (Л. А. Коча)	166
Христианство и церковь (Л. А. Коча)	172
Международные связи Киевской Руси	177
Русь и европейские государства (М. Б. Свердлов)	177
Русь и восточные государства (М. Б. Свердлов)	190
Русь и Византия (Е. Э. Липшиц)	200
Русь и кочевники (Р. М. Мавродина)	210

Фольклор, письменность и научные знания в Киевской Руси	222
Былины (<i>В. Н. Путилов</i>)	222
Древнерусская литература (<i>Ю. А. Лимонов</i>)	236
Происхождение письменности (<i>Ю. А. Лимонов</i>)	251
Научные знания (<i>В. В. Мавродин</i>)	256
Заключение (<i>В. В. Мавродин, М. Б. Свердлов</i>)	263
Указатель имен	266
Список сокращений	275

**СОВЕТСКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
КИЕВСКОЙ
РУСИ**

---

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства Г. А. Альбова
Художник М. И. Разулович
Технический редактор М. Э. Карайтис
Корректоры Ж. Д. Андронова, Н. П. Кизим

ИБ № 8586

Сдано в набор 14.12.77. Подписано к печати 31.10.78. М-31912.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура
обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 17 $\frac{1}{2}$ =17.50 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 20.08. Тираж 3450. Изд. № 6764. Тип. зак. № 1013.
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая тип. издательства
«Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

